

Lewis W. Spitz
Stanford University

The Renaissance
and Reformation
Movements

Revised Edition

Volume II
The Reformation

CPH.
SAINT LOUIS

Льюис В. Спиз

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ДВИЖЕНИЕ РЕФОРМАЦИИ

Том II

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ

<http://www.LHF.ru>

The translation and publishing of this book has been made by Lutheran Heritage Foundation.

Translator: *Ivan Borjagin*

Editor: *Alexey Komarov*. Theological editor: *Mast. of Theol., Rev. Alexander Bite*

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior written permission of the Lutheran Heritage Foundation.

The Lutheran Heritage Foundation of Education and Culture

P.O. Box 11, Moscow, 127521

Перевод на русский язык и публикация данной книги выполнены Фондом «Лютеранское Наследие».

Переводчик: *Иван Борягин*

Редактор русского текста: *Алексей Комаров*

Теол. редактор: *магистр богословия, пастор Александр Бите*

Все права на русский перевод принадлежат фонду «Лютеранское Наследие». Ни одна часть этой книги не может перепечатываться, копироваться, храниться или передаваться механическими, электронными, фотографическими, магнитными или любыми другими способами без предварительного письменного разрешения Фонда.

Просветительский Фонд «Лютеранское Культурное Наследие»

127521, Москва, а/я 11

Льюис В. Спиц, «История Реформации» (*на русском языке*). Все права сохранены © 2002, Фонд «Лютеранское Наследие», P.O. Box 46, Sterling Heights, MI 48311.

Originally published in the U.S.A. under the title *Renaissance And the Reformation Movement, v.2, The Reformation*. Copyright © 1996, Concordia Publishing House, 3558 S. Jefferson, St. Louis, Missouri 63118

<http://www.LHF.ru>

Посвящается

Дейvidу М. Поттеру

Содержание

Почему произошла Реформация?	9
Почему Реформация началась в Германии?	16
Лютер, человек из народа	19
ГЛАВА 13	
Евангельский прорыв Лютера	21
Религиозная реформа Лютера	22
Общественные беспорядки и бунты	27
Реформация на Аугсбургском рейхстаге 1530 года	29
ГЛАВА 14	
Кризис империи	35
Войны между Габсбургами и Валуа	37
Наступление оттоманских турок	41
Распространение лютеранства	42
Распространение лютеранства	45
ГЛАВА 15	
Цвингли и радикалы	52
Реформатор Цвингли	52
Полемика о Св. Причастии	56
Цвингли и гражданская война	58
Радикалы Реформации	59
ГЛАВА 16	
Кальвин и кальвинизм	68
Кальвин — человек и проповедник	68
Кальвиновская Женева	74
Кальвинизм в Европе	78
ГЛАВА 17	
Реформация в Англии и Шотландии	84
Правление кардинала Уолси	84
Народный протест и ереси	86
Гуманисты эразмиты и первые протестанты	87
Кромвель и реформаторский парламент	90
Возникновение Англиканской церкви	93
Реформация времен Эдуарда	94
Реакция времен Марии	95
Реформация в Шотландии	97
ГЛАВА 18	
Католическая Реформация	99
Папы эпохи Реформации	99
Католическое духовное обновление	100
Контрреформация	103
Тридентский собор	107
Реформа после Тридентского собора	111
ГЛАВА 19	
Гражданская война во Франции и Испанское владычество	113
Религиозные войны во Франции	113
Развитие французской политической мысли	117
Испанское владычество	118
ГЛАВА 20	
Англия при Елизавете	128
Политика Елизаветы	128
Королева Шотландии Мария Стюарт	132
Отношения Англии с Францией и Испанией	133
Английская экспансия	135
Экономика	138
Кончина Елизаветы	139
ГЛАВА 21	
Влияние Возрождения и Реформации на общественную и культурную жизнь	141
Государство, Церковь и политическая теория	141
Протестантизм и капитализм	146
Наследие гуманизма	147

Эпоха Реформации

«Мы на заре новой эпохи!» — воскликнул Лютер более пророчески, чем сам представлял. Последствия движения Реформации зашли в Европе гораздо дальше предположений и чаяний Лютера. «Редко когда люди берутся за дело, будучи водимы мудростью и осторожностью, — сказал он, — но водимые невежеством — берутся за что угодно». Человек, занятый творческим делом, редко бывает способен предвидеть, куда именно приведут его действия, как они отразятся на нем самом и других. Лютер об этом знал и был готов доверить результаты Богу. «Бог вел меня, как лошадь с шорами на глазах, чтобы я не видел своих противников», — признал он. Будучи выдающейся исторической фигурой, Лютер оказал большое влияние на события начального периода современной истории. Но даже если Лютер первоначально действительно являлся главной движущей силой, то силы, вскоре приведшие в движение всю Европу, превосходили способности одного человека.

По крайней мере формально, Европа вошла в шестнадцатый век, объединенная Католической церковью. Из Реформации она вышла уже с обилием различных евангелических общин и протестантских союзов, составлявших конкуренцию старой церкви и друг другу в вопросах веры и приверженности людей. Внешне Европа по-прежнему представляла собой христианский мир, общность верующих со схожими целями, вытекающими из схожей веры, но к концу этого периода открыто проявились самостоятельные интересы новых монархий и властей, выразившиеся во взрывной колониальной экспансии из устоявшихся границ чуть ли не во все части света. К началу столетия Европа имела жизнеспособную, но географически ограниченную капиталистическую экономику с развитой аграрной основой — к концу этой эпохи капитализм широко распространился, и торговцы путешествовали по всему миру. Европа подошла к эпохе Реформации, все еще продолжая сохранять некоторую однородность церковной культуры и сияние вершин живописи и литературы итальянского Возрождения, а в ее конце стремительно продвигалась к новым основам светской культуры и современной науки. Даже если теперь уже немодно характеризовать Реформацию подобно историку девятнадцатого века Джеймсу Фруду «как петли, на которых вращается вся современная история», все же следует признать ее огромное значение в формировании современной Европы. «Я вижу некоторую роковую перемену в жизни человечества», — писал тогда Эразм. Но эта, как он с опасением полагал, роковая перемена скорее обернулась потрясающей новой жизнеспособностью и энергией, переместившей европейскую культуру в новый географический и интеллектуальный мир.

Подобное Реформации крупное историческое событие трудно описать детально, и ни один его анализ не может быть полным или окончательным. В своей изумительной работе *Культура Возрождения в Италии* великий историк Яков Буркхард честно смирился перед почти полной невозможностью такой попытки:

«Серьезные события, подобные Реформации, в деталях своего возникновения и развития не доступны для философского анализа; однако можно ясно определить их общее значение. Движения человеческого духа, его внезапные вспышки, взлеты и падения навсегда останутся для нашего взора загадкой в силу того, что мы способны познать лишь ту или иную из движущих им сил, но не все их целиком».

Принадлежа к области произвольного толкования, история всегда трудна для описания и трактовки, — это процесс, касающийся тончайших внутренних духовных проблем человека и требующий особой чувствительности и верного баланса между объективностью и субъективностью.

Задача понимания данного периода еще больше усложнена отцами древней Церкви, установившими общепринятые клише и полуистины, которые вначале следует устранить. Философы восемнадцатого века не поняли истинного значения Реформации. Например Вольтер хвалил Лютера только за противостояние Римской Католической церкви и рассматривал Реформацию как стычку между монахами на окраине Саксонии, приведшую тридцать народов к нищете. Монтескье ценил Реформацию за сопутствовавшие ей культурные явления. Многие историки девятнадцатого века — как либералы, так и консерваторы — рассматривали ее в качестве колыбели идей, которым они симпатизировали. Потому французский государственный деятель и историк Франсуа Гизо назвал Реформацию реализацией стремления человеческого разума к свободе и «великой попыткой раскрепостить человеческую мысль». Немецкий поэт Генрих Гейне утверждал, что когда Лютер выступил против папы, Робеспьер обезглавил короля, а Иммануил удалил [из своей философии] Бога, — все это было единым бунтом против одного и того же тирана под разными именами. Прусский историк Генрих Трейчке провозгласил в 1883 году, что Лютер сбросил оковы «этого коронованного священника папы» и стал основателем современного светского государства. А известный мыслитель девятнадцатого века Бертран Рассел, достаточно долго проживший и в двадцатом столетии, однажды сказал, что Реформация принесла людям религиозную свободу, однако им еще предстоит завоевать себе политическую и экономическую независимость.

Но если спросить самих реформаторов, откуда у их деяний столь монументальный характер, они ответили бы, что их служение заключалось в восстановлении христианских истин, которые либо были забыты, либо сохранялись Церковью лишь отчасти, — владычества и благодати Божией, роли Иисуса Христа как Искупителя падшего человечества, силы веры, значения Слова, христианской свободы — и в обучении этим чистым истинам в противовес ложным традициям и заблуждениям

папства. Хотя Реформация породила также социальные, политические и экономические перемены, самих реформаторов интересовали в основном теологические и религиозные сферы. «Общие вопросы — не мое дело», — говорил Лютер. По этой причине полное изучение Реформации должно серьезно касаться религиозных вопросов. «Глубочайшая историческая проблема возникает из конфликта между верой и неверием», — писал Гёте.

В первые годы Реформации многие гуманисты рассматривали ее как религиозное выражение общего культурного Возрождения. Гуманист-эразмит Иоганн фон Боцгейм, каноник из Констанцы, хвалил Лютера как человека, который «наконец принялся за теологию, тогда как все остальные дисциплины уже обновлены». В Аугсбурге другой эразмит, Бернар Адельманн сравнивал понятия *doctus* и *luterus* — образованный человек и лютеранин. «Альтер эго» Эразма, молодой гуманист Беатий Ренаний, отреагировал на Реформацию возгласом: «Я вижу возрождающимся весь мир!» Да и сам Лютер видел сходство между обновлением образования во времена Ренессанса и служением Иоанна Крестителя как предвестника чистого Евангелия. «Зачем Бог допустил повсеместное изучение языков, — писал он, — не было понятно никому до тех пор, пока не проявилась причина — Евангелие, которое Он затем явил».

Много общего связывает Реформацию с Возрождением: возвращение к чистоте первоисточников, противостояние схоластической философии, критика формализма в религиозной жизни, стремление к реформированию образования и религии. Гуманисты видели свои идеалы в классических посланиях золотого века, реформаторы — в ранней Церкви и Писании. Фрэнсис Бэкон признавал возвращение к первоисточнику характерной чертой Реформации, и в своей работе «*О достоинстве и приумножении наук*» (1-я часть замысла Бэкона «Великое восстановление наук») он писал:

«Мартин Лютер, (несомненно) руководимый Провидением, когда он обнаружил по здравому рассуждению, в какое положение попал, выступая против римского папы и вредных церковных традиций, и оказавшись в одиночестве, без какой-либо поддержки современников, был вынужден пробудить древность и призвать в союзники былые времена, дабы противостоять современности, так что древние авторы — как богодухновенные, так и мирские — долгое время покоившиеся в библиотеках, стали широко читаться и обсуждаться».

Гуманисты сделали первый вклад в возрождение как классической, так и христианской античности. Новые филологические и лингвистические изыскания, открытие и редактирование писаний отцов Церкви, а также новые пересмотренные издания Писания на языках оригинала, новое понимание исторической удаленности от более чистой минувшей эпохи, — все это реформаторы унаследовали от Возрождения.

Реформаторы разделяли с гуманистами низкую оценку недавно минувших веков. Если Петрарка и гуманисты развили представление о том, что темные века отделяют их от древности, то реформаторы смотрели на три предыдущих века как на время упадка в Церкви, период иерархической коррупции, извращений, невежества и безразличия среди священников и монахов низшего уровня, а также колоссальных предрассудков и ложного представления о «спасении по делам праведности» среди мирян. Особые упреки с их стороны высказывались в адрес средневековой схоластической философии. Наряду с гуманистами, они критиковали средневековую латынь схоластов и предпочтение ими риторики диалектике в качестве метода определения и выражения истины. По этой причине молодой соратник Лютера Филипп Меланхтон описал средневековое образование как варварскую совокупность двух зол: невежественная, но многословная философия и идолопоклонство. Английский реформатор Джон Болл, широко известный за свой язвительный талант как «желчный Болл», заявил, что даже описание этого убогого, темного и низкого литературного стиля достаточно, чтобы вызвать тошноту у благородных и мыслящих людей. Лютер выступал против схоластической логики, как непригодной для религиозного учения. Возражения реформаторов против схоластического учения распространялись намного далее критики лексики и диалектики, достигая неприятия религиозных предположений схоластической теологии как учений, которые они считали полупелагианскими, настаивающими на обретении спасения самим человеком, а не на его абсолютной зависимости от Божией благодати и милости. Реформаторские выступления против учения и практики Церкви оказались намного радикальнее и продуктивнее, чем усилия религиозно-философии Возрождения. В 1520 году Реформация принялась за истребление гуманизма в духовной сфере.

Насколько революционной была Реформация? Эдуард Гиббон в конце второго тома своего монументального труда «*История упадка и разрушения Римской империи*» констатирует: «При непредвзятом рассмотрении мы скорее удивимся робости наших первых реформаторов, чем оскорбимся их свободой». Лютер признавал, что как ему самому, так и другим трудно преодолеть инерцию и взяться за критику устоявшихся обычаев. «Как справедливо говорят, что трудно избавиться от привычного и “привычка — вторая натура”», — отмечал он. Более того, авторитетные реформаторы видели свою задачу в восстановлении славной древней веры, а не в нововведениях. Меланхтон полагал даже, что умеренные реформы предотвратят возможные гораздо более серьезные беспорядки. Движение, не ставившее революционных целей, тем не менее имело позднее весьма революционные последствия. Революции не создаются, революции допускаются. Polemica подтолкнула Лютера более радикальным позициям, чем он изначально предполагал. Большая часть Европы была готова к тем историческим переменам, которые реализовали реформаторы. Леопольд фон Ранке, великий основоположник современной критической историографии, описал Реформацию как глубочайшую духовную революцию, которую человечество когда-либо претерпевало за столь короткий период времени. Поразительно, что Реформация имела скромные цели и радикальные последствия.

Реформация была первым значительным историческим событием после изобретения Гутенберга, а печатный станок стал главным орудием обращения к массам. Печатное слово оказало воздействие на два сословия: на образованных и на простых людей. Многие издатели, такие как Иоганн Фробен, Иоганн Амербах и Алдий Манутий, являлись гуманистами-интеллектуалами интеллектуалами и покровителями образования; они сделали доступными для желающих огромное число классических и средневековых текстов, труды отцов Церкви, особенно душепопечительного характера, а главное — Библию. С 1457 по 1500 годы было выпущено более сотни изданий Писания. После первых тиражей цена одной Библии уменьшилась по сравнению с прежней в двадцать раз. Подсчитано, что к 1500 году было опубликовано около сорока тысяч трудов, это в целом составило десять миллионов ценнейших экземпляров. Конечно же, это привело к широкому распространению знания, при этом не менее важно было увеличение точности ссылок и общей согласованности, основанной на филологических изысканиях. При том что книгопечатание открыло новый этап развития западной цивилизации, который Освальд Шпенглер назвал «культурой книги и чтения», и, очевидно, чрезмерно вознесло авторитет написанного слова, что имело специфические последствия в позднем Протестантизме, — на первых порах оно способствовало мощному влиянию реформаторов на народные массы посредством идей, приходивших от образованных классов через буклеты и листовки и распространявшихся среди народа.

С 1500 года до начала Реформации, немецкие книгопечатники выпускали в среднем по 40 изданий в год, но с началом Реформации это число подскочило до пятисот наименований в год. Беатий Ренаний писал Цвингли, что книги Лютера не столько покупались, сколько вырывались из рук книготорговцев. Девяносто пять тезисов Лютера были напечатаны и распространены во все концы Европы за две недели с момента их появления. Лютер рассматривал печатный станок как важнейший дар Божий для распространения Евангелия. В своей «Книге мучеников» английский протестант Джон Фокс прославлял изобретение книгопечатания как «изумительное деяние премудрости Божией», посредством которого «благочестивые умы» побуждались благодатью Божией к «истинному пониманию, свету познания и суда, при помощи которых свет изобличает тьму и обнаруживает невежество, отделяет истину от заблуждения, веру от предрассудка». Протестанты и их противники поспешили воспользоваться этим революционным средством.

Почему произошла Реформация?

Почему Реформация началась в Германии? Более того, почему она вообще началась?

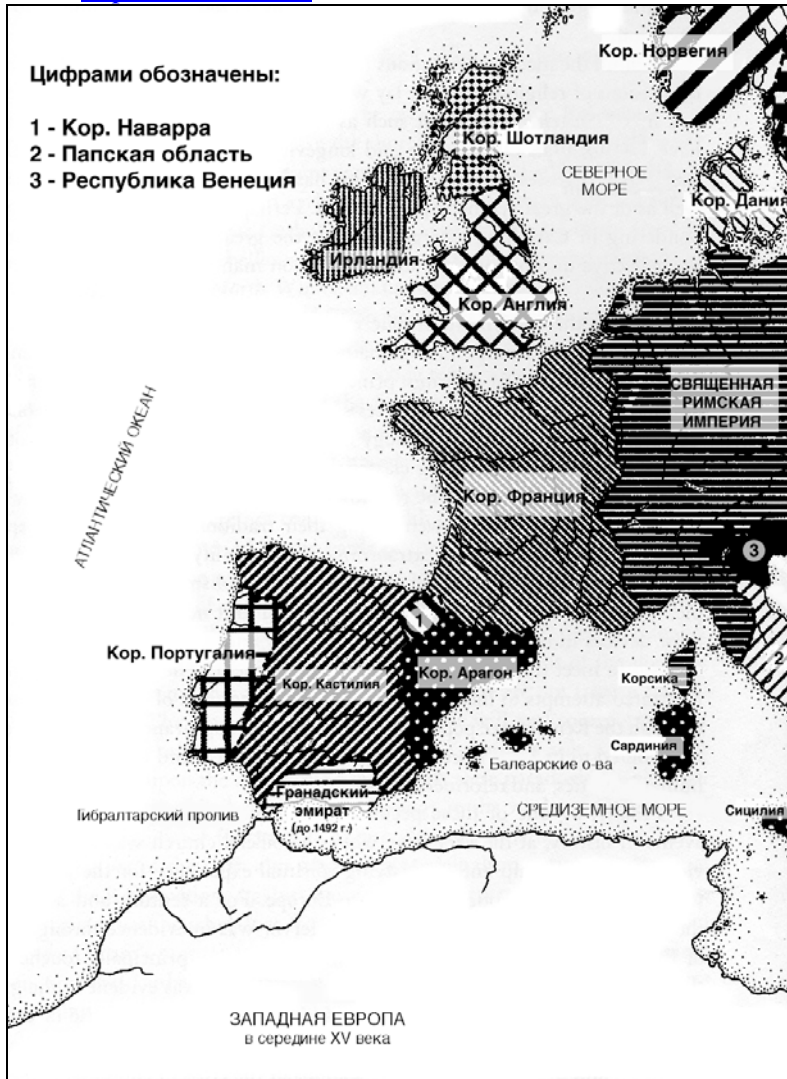
Простейшее принципиальное объяснение возникновения Реформации состоит в том, что она произошла как реакция на извращения в церковной жизни. Церковные структуры были сплошь коррумпированы, вызывая гнев и сопротивление здравомыслящих людей. Католическая сторона, отвечая на этот простой аргумент, широко использованный ранними гуманистами и протестантскими историографами, утверждает, будто Лютер выступил как нечестивый и дерзкий, либо заблудший сын матери-Церкви, — и это это служит примером тому, что философ Альфред Норт Уайтхэд описал как «подмену понятий». В действительности объяснение такого рода не лишено справедливости, поскольку в Церкви имели место великие и мерзкие извращения, а Лютер и другие реформаторы стремились внести изменения, при этом сохраняя свою церковную принадлежность.

Второе объяснение представляет собою вариацию первого и заключается в том, что Реформация стала результатом доктринальных отклонений. Утверждается, что накануне Реформации Церковь пребывала в теологической неопределенности. Учение не имело определенности и точности, допуская многие теологические положения, в сущности уже не являвшиеся католическими по причине несоответствия римскому уставу и литургии. Эта неопределенность усиливалась в схоластической теологии противостоянием двух *viae* (путей), т.е. философии последователей-номиналистов Уильяма Оккама, известной как *via moderna* (современный путь), и концепции умеренных реалистов, сторонников Фомы Аквинского, известной как *via antiqua* (древний путь). Считается, что оккамисты развили свою номиналистическую эпистемологию до скептической крайности, почти до состояния учения о двойственной истине, т.е. о существовании теологических предметов, которые недействительны в философии и наоборот. Они настолько акцентировали Божию волю и власть, что представляли Бога необузданным и безответственным. При этом роль человека в обретении спасения и акцент на авторитете Церкви были парадоксально вознесены на новые высоты. Лютер изучал теологию *via moderna* по трудам Габриеля Биля (умер в 1495 г.), последнего значительного оккамиста. Оппозиция Иоганна Экка и прочих менее значительных теологов, также научных номиналистами, вела к доктринальным отклонениям в Реформации. Аргументом против такого негативного взгляда на схоластику может послужить тот факт, что схоласты от Роберта Голькота (Holcot) (умер в 1349 г.) до Габриеля Биля не доводили утверждения Оккама до скептической крайности или принципиальных доктринальных отклонений, и что Лютер критиковал склонность обоих *viae* подчеркивать усилия человека в деле его спасения, в противовес полному упованию на Божию благодать. Благодаря расколу и широким дебатам, в общественном сознании уже не столь непоколебимо было верховенство папы и его епископов. Но существеннее всех разногласий, по-прежнему сохранявшихся в рамках дозволенного в церкви, фактически было появление способствовавших расколу ересей Катаров, Вальденсов, Виклифистов, Гуситов, огромного множества других сект и мистических культов, существовавших вплоть до первых десятилетий Реформации и позднее.

За противоречиями в теологии Средневековья и прорывом Реформации в новое измерение религиозной мысли стоят некоторые особенности общественного сознания. Учения, подобные великой «Сумме» Св. Фомы, вероятно имеют определенные ограничения в масштабах и сроках жизни. При достижении этих пределов пылкий разум устремляется дальше. Это справедливо в отношении всех догматических концепций и великих синтетических философий. Также, возможно, заслуживает некоторого внимания предположение Карла Густава Юнга о том, что великие структурные эталоны в общественном под- сознании со временем утрачивают свое влияние на человека и заменяются иными.

<http://www.LHF.ru>

Другое, более прозаическое объяснение возникновения Реформации связано с ее социальными корнями. К 1500 году в Европе было около 65—80 миллионов жителей и, очевидно, шестьдесят или более королей, князей, архиепископов и других высших правителей. Новые социальные факторы, — такие как параллельно возникшие буржуазные классы, новые технологии в книгопечатании, добыче руды, кораблестроении, других отраслях, вместе с поддерживающим их рабочим классом, дальнейший рост городов — изменяли реальные векторы власти и зависимости. Некоторые классы, например

мелкое дворянство, теряя свой традиционный статус и устранились, за исключением относительно небольшого числа людей с высокой приспособляемостью. Церковь, слишком хорошо адаптировавшаяся к феодализму — некоторые епископы, например, немногим превосходили феодалов, — столкнулась с необходимостью овладения новыми капиталистическими навыками ради поддержания своей иерархии и бюрократии, развившихся из потребности в церковном управлении. Отчаянные и безуспешные попытки пап — начиная от Авиньонского пленения, вплоть до Возрождения — увеличить свой доход придавали церкви вид жадного хищника, что влекло за собой потерю престижа и нравственного авторитета, вызывало гнев моралистов, гуманистических критиков и реформаторов.

В итоге одним из специфических процессов, предшествовавших историческим катаклизмам в период, когда официальная церковь оказалась наименее способна обеспечить нравственное руководство и удовлетворять духовные запросы людей, стал в Европе новый всплеск религиозного энтузиазма. На протяжении полутора веков до Реформации рост религиозной активности наблюдался в большей части Европы, включая Италию. Столь возросшая религиозность, преимущественно вызванная ужасами черной смерти¹ и страхом перед турками², проявилась в увеличившейся численности святынь и пилигримов, появлении новых молитв и возросшем потреблении свечей, новой популярности четок, пропагандируемых доминиканцем Алэном де ля Рошем (Alain de la Roche) (умер в 1475 г.) и появлении в церквях множества крестов.

Усилилось почитание святых, и каждая ремесленная и торговая гильдия приняла покровительство своего святого. Св. Георгий и Св. Мартин были популярны среди солдат, Св. Дорофея у садовников, Св. Варвара (которая была заточена в башню) у пушкарей, а Св. Варфоломей со шкурой в руке — у мясников. В Германии на протяжении пятнадцатого века именами святых были вытеснены все древненемецкие имена, кроме наиболее популярных. В этом и в начале следующего века культ Св. Анны, матери Марии, приобрел широкую популярность. В конце четырнадцатого века и в пятнадцатом сильно возросло почитание Марии. Были установлены новые мессы в память каждого эпизода из ее жизни, благочестия и семи скорбей. Францисканцы при поддержке многих гуманистов и противостоянии доминиканцев распространяли учение о непорочном зачатии Марии, — идею, столетия спустя ставшую католической догмой. Множество новых церквей были названы в ее честь, особенно в новых землях к северо-востоку от Германии, к востоку от Любека.

В целях накопления и распределения благих дел, на пожертвованные средства организовывались братства. В шестнадцатом веке монастырь Св. Урсулы в Кёльне накопил духовное состояние из 6000 месс, 3000 псалмов, 20 000 гимнов *Te Deum* и 100 000 четок. Нелепые коллекции реликвий в различных частях Европы свидетельствуют как о легковерии и предрассудках людей, так и о коммерческой выгоде подобных достопримечательностей. Вот две такие сокровищницы, которые имели непосредственное отношение к подготовке условий для Реформации: коллекция Фридриха Мудрого в Саксонии, содержащая среди пяти тысяч реликвий такие драгоценности как солону их Вифлеемского хлеба, уникальный фрагмент деревянного креста, палец Св. Анны, а также коллекция кафедрального капитула в Нойоне, Пикардия (где Жан Кальвин провел свое детство), который гордился фрагментом тернового венца и локоном волос Иоанна Крестителя. Пилигримы посещали святыни Кэнтербери в Англии и Компостела³ в Испании, пользовались популярностью и более новые святыни, — например в Регенсбурге и Альт-Еттингге, что в Баварии, привлекали огромные толпы, среди которых были хромые и больные, искавшие исцеления.

Развивалась торговля индульгенциями, организованная якобы ради строительства церквей и подготовки крестовых походов против турок, но чаще способствовавшая погашению долгов высшего духовенства или папы. Сам факт торговли индульгенциями в таких объемах свидетельствовал о том, насколько благочестие смешалось с предрассудками, и послужил поводом для взрыва. В пятнадцатом и шестнадцатом веках было возведено множество новых церквей — сначала в стиле поздней готики, а позднее в духе Возрождения. Успех таких известных проповедников как Иоанн Капистрано (умер в 1456 г.) и Иоганн Гейлер фон Кайзерсберг (Kaisersberg) (умер в 1510 г.), увлекавших за собою десятки тысяч человек, свидетельствовал о чрезвычайно напряженной духовной атмосфере. Такая реакция народа говорила о стремлении к чистой проповеди и более внятному учению.

Ирония и одновременно опасность данной ситуации заключалась в том, что в этот период возросшего религиозного энтузиазма Церковь не смогла предложить настоящих лидеров или какое-то конструктивное применение для этой новой силы, а напротив, сама стала объектом критики и даже насмешек. По наблюдению Декана Инге, для религии нет ничего опаснее преуспевания. На Никейском соборе в 325 году испанским епископам был сделан выговор за слишком мирской образ жизни и излишнюю заботу о материальном. В период расцвета Средневековья великий папа Иннокентий III призвал Четвертый Ватиканский Собор (1215 г.) произвести реформы. *Ecclesia semper reformanda* (Церковь должна постоянно меняться) — утверждение, применимое к человеческим организациям самого широкого спектра. В пятнадцатом веке часто был слышен сформулированный Вильямом Дюренским (William of Durand) призыв к «реформации в верхах и в приходах». Повсюду заметны были признаки недовольства и неприязни.

В период своего внешнего расцвета Церковь наиболее остро нуждалась в средствах для финансирования многочисленной бюрократии, сложных юридических структур, амбициозных строителей и дел. Считается, что Церковь завладела третью всей недвижимости в Европе посредством официальной аферы, названной «отчуждением в пользу Церкви» и прово-

¹ Очевидно, имеется в виду чума. — Прим. ред.

² АВСТРО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ 16—18 вв. — главным образом за северную часть Балканского п-ова и территорию Венгерского королевства. Начались осадой турками Вены (1529). Общим итогом австро-турецких войн 1540—47, 1551—62, 1566—68, 1660—64 был раздел земель Венгерского королевства. Война 1683—99 окончилась поражением Османской империи, нанесенным антитурецкой коалицией (Австрия, Польша, Венеция, с 1686 и Россия), и ее крупными территориальными потерями в Европе (см. Карловицкий конгресс 1698—99). — Прим. ред.

³ По церковному преданию, здесь был погребен апостол Иаков. — Прим. ред.

димой во имя Божие, в то время как имуществом распоряжались служители Церкви. Широко известно, что две пятых доходов Германии утекало через церковные каналы в Рим. Великая изобретательность проявлялась в изыскании новых источников церковного дохода. Согласно каноническому постановлению, принятому в тринадцатом веке, если лицо, занимавшее церковный пост, умирало в Риме, его имущество и доходы переходили в ведение непосредственно папы (а не епископа, которому этот пост был подчинен). Резервирование или авансирование назначения на вакантную должность, а также взыскание *анната*, т.е. должностного дохода за первый год, увеличивало вероятность *симонии*, т.е. покупки церковных должностей. Очевидно также распространялась практика назначения родственников на церковные посты. При папе Льве X (1513—1521) количество приобретаемых церковных постов достигло наибольшего числа. Он применил фамильный талант Медичи для введения новых должностей ради финансовой выгоды. Был популярен акrostих *Radix Omnium Malorum Avaritia* (сребролюбие есть корень всех зол) = ROMA. Конрад Петингер, аугсбургский городской секретарь, побывавший в Риме при папе Иннокентии VIII, описал в 1491 году шокирующую продажность христианской столицы:

«Я понял, что здесь продажны все с верху до низу. Высоко почитаются интриганство, лицемерие и лесть, религия извращена, пошлость и грубость на каждом шагу, праведность спит. Каждый раз глядя на разрушенные памятники древности, я сожалею о том, что этим великим городом правят чужеземцы, которые под видом благочестия вершат насилие и неслыханный произвол, ожидая за это похвалы вместо заслуженного осуждения. Когда я им возражаю, мне отвечают, что так предопределено судьбой!»⁴

Богатство чинов высшего духовенства резко контрастировало с положением большинства священников, особенно сельских, получавших жалкое содержание. Доходы от большинства приходов были столь малы, что священники либо сохраняли за собой по нескольку таких приходов, что являлось нарушением закона, либо влачили нищенское существование, уподобляясь монахам. Приписанные к монастырям приходские викарии имели невероятно малые доходы. Более половины викариев в Шотландии были нищими. Во Фландрии священникам платили так мало, что многим из них приходилось подрабатывать. Епископ Клермонский докладывал Трентскому Собору в 1546 году о том, что из восьмисот подотчетных ему приходов только шестьдесят имели постоянных приходских священников, а в остальных служили викарии, доход которых составлял всего десять-двенадцать гульденов в год.

Образование большинства священников было минимальным. Многие из них в качестве учеников поместных священников частично изучали латынь, основы катехизиса и литургического служения. Лишь немногим посчастливилось посещать до своего рукоположения кафедральную или монастырскую школу. Очень мало священников изучало теологию в университетах, хотя во второй половине пятнадцатого века их число возросло. В конце пятнадцатого столетия Феликс Фабер при написании своей *Ульмской Хроники* преувеличил, хотя и не очень сильно, что из тысячи священнослужителей едва ли одному доводилось видеть своими глазами университетский городок, а на обладателя богословской степени главели как на чудотученого. Конечно же, этот выпад не вполне справедлив, ибо к концу Средневековья большинство поместных священников обычно проходило обучение в поместных школах, справлявшихся со своей задачей, хотя выпускать знатоков они конечно не могли. В некоторых землях епископы требовали от кандидатов в священники пройти обучение в земельных школах по подготовке профессионального духовенства. Социальное положение священников было ужасающе низким. Таким состоянием дел объясняется не только безнравственность духовенства накануне Реформации, но и тот факт, что в евангельское движение вошли тысячи церковных служителей.

Одним из наиболее губительных для духовной жизни Церкви нарушений было отсутствие действующего духовенства. Практика сохранения за собой нескольких приходов и должностей была распространена отчасти по причине денежных проблем, а отчасти из-за роскошного образа жизни высшего духовенства, многие представители которого в действительности были феодалами, обладавшими светской властью. Кардинал Уольси, сын мясника, дослужившийся до канцлера Генриха VIII, кроме того был архиепископом Йоркским, епископом Дюргамским и Винчестерским, представителем иноземных епископов Ворсестера, Сэлисбери и Лландаффа, а также аббатом Сент-Албанским. Будучи еще мальчиком, его внебрачный сын являлся архиепископом Уэльса, архидиаконом Йорка и Ричмонда, имея к тому же две должности пастора, шесть приходов и одну должность канцлера. Даже врач-гуманист Генриха VIII Томас Линакр был каноником трех соборов, пастором четырех приходов, а до рукоположения в священнослужители — регентом Йоркского собора. Государство употребляло церковный доход на политические и личные цели монарха, а Церковь, будучи хранительницей общественной морали, страдала от позора в ситуациях не всегда непосредственно церковного происхождения. Во Франции известен случай с Антуаном Дюпра, дипломатом, который, будучи пожалован титулом архиепископа Сенского, впервые оказался в тамошнем соборе лишь по случаю собственных похорон. В Италии кардинал Ипполито д'Эсте, являясь архиепископом Миланским на протяжении тридцати лет, так ни разу и не посетил этот важный центр. В Германии наиболее наглядным примером совмещения многих должностей был случай Альберта Бранденбургского, которого не удовлетворяла должность только архиепископа Магденбургского и епископа Гальберштадтского, к сему он приобрел себе еще и сан архиепископа Майнцского, ибо эта должность делала его одновременно избирателем императора и секретарем Священной Римской Империи. По словам проповедника Иоганна Гей-

⁴ Письмо к Валентину Эберу, 5 августа 1491 г. в *Konrad Peutingers Briefwechsel*, изд. Эрик Кёнинг (Мюнхен, 1923 г.), стр. 9.

лера фон Кайзерсберга, священники стали ловцами приходов, а не душ. Высшие церковные посты сулили большую выгоду, потому к ним стремилась аристократия. Многие предприимчивые молодые люди приобретали ученые степени в области духовного и светского права, готовясь к любой карьере. Социальные требования некоторых кафедральных каноников были столь жесткими, что по замечанию Эразма, сам Христос не смог бы стать членом канонического совета в Страсбурге.

В общем отношении к духовенству существовало поразительное разделение. Поздний схоласт Габриель Биль ставил священников выше Ангелов, потому что они отправляли Таинства при священнодействиях и могли позволить или помешать Богу воплотиться, на что Ангелы не были способны. Отец германских гуманистов Рудольф Агрикола в своем *Увещевании низшему духовенству* возносил хвалу великолепию, святости и славе священничества. Однако те же самые десятилетия характеризовались явным ростом безнравственности среди духовенства и повсеместным нарушением безбрачия. Отчеты визитаций шестнадцатого века свидетельствуют, что четверть духовенства в Голландии и треть всех католических священников в районе нижнего Рейна имели сожительниц. В сельских областях женщина считалась естественной и необходимой помощницей служащему священнику. Реформаторски настроенный епископ Констанции постановил, что дети священников не могут прислуживать при алтаре и прогуливаться со своими отцами. Епископ Христоф фон Стадион составил детальный отчет о падении нравов среди духовенства. Архиепископ Альбрехт Бранденбургский содержал публичный дом в Галле, пока его не разрушили протестанты. В 1539 году Лютер был вынужден обличать его в доставке любовницы в архиепископский дворец в ящике для реликвий. В общественном мнении утвердилось, что коррупция распространяется из Рима, развращая простых и бедных людей по всем сторонам Альп. «Чем ближе к Риму, тем хуже христиане», — гласила поговорка. Автор *Корабля дураков* Себастьян Брант, гуманист эпохи зрелого Средневековья, выразил это широко распространенное мнение в своем пророческом стихотворении:

Кажется мне и боюсь я,
Что кораблю Святого Петра
Тонуть уж приспела пора.

Средневековые религиозные основы добродетели, самоотречения и духовной ценности аскетической жизни оставались официальными идеалами общества вплоть до шестнадцатого века. Согласно этим представлениям, профессиональное духовенство (жившее в соответствии с *regula* или правилами монастырского устава) обладало подлинным благочестием, будучи связано тремя обетами: бедности, целомудрия и послушания. «Стать священником — высокая честь, — писал Тритемий, аббат Спотгеймский, — но стать монахом из любви к Богу — означает достичь большего совершенства». Однако тот же самый Тритемий, так высоко ценивший монашество, критиковал гордыню, властолюбие и коррумпированность орденов и их учреждений. Он критиковал аббатов, правивших обширными монастырскими владениями, как феодалы:

«Осмелимся ли поверить, дорогие братья, что Св. Бенедикт имел столь дорогих лошадей и мулов, каких мы ныне видим в аббатских владениях? Конечно же нет! И разве мы не читали про Св. Мартина, который ездил на простом ослике, используя в качестве вожжей веревку, а не на таком гордом скакуне, как главы наших орденов сегодня, повсюду мчащиеся на своих благородных лошадях, держа в руках уздечки, украшенные серебром и золотом! О суета сует, что же означает эта гордость?»⁵

Проповедники, подобные Иоганну Гейлеру фон Кайзербергу, критиковали плотской образ жизни и бездуховность монахов. «Монастырь состоит не из стен! — восклицал фон Кайзерберг. — Он должен находиться в сердце». Народный юмор часто обращался к теме монастырского разврата. «Мечтает о монастыре, потому что ищет любовника», — так звучала обычная шутка.

В особенности гуманисты нападали на нищенствующих монахов за их тиранию, которой боялся сам папа по причине их скрытности. За попрошайничество и разврат в народном искусстве их изображали в виде лис и волков с колпаками на головах. Споры об Иоганне Рейхлине ясно определили проблему в понимании гуманистов. Они видели в кельнских доминиканцах вероломных реакционеров, стремившихся убить Рейхлина, который достиг столь многого в изучении иврита и в своизысканиях. Явное отсутствие энтузиазма подточило основание аскетической системы Средневековья, это было вызвано разложением в самих монашеских орденах и уклонением от аскетического идеала как формы высочайшей добродетели и святости.

Однако репутация монашеских орденов, благодаря преувеличениям гуманистов, протестантов и позднее либеральных историков, была значительно хуже их реального состояния. В действительности ордены постоянно прилагали усилия в направлении фундаментальных реформ. Соблюдение внутренних правил у картезианцев было близко к идеальному. Бенедиктинцам принадлежал такой центр реформ как Мельк на Дунае. Доминиканцы начали свои реформаторские усилия в Италии при Каетане, генерале ордена. Во Франции среди францисканцев началось движение *обсервантов (строгих)*, и в 1517 году папа Лев X разрешил создание двух независимых орденов: *обсервантов*, исповедовавших жесткое соблюдение правил Св.

⁵ Цитата из *Deutschland vor der Reformation: Eine Zeitenwende*, Вилли Андреас, 5-ое издание (Штуттгарт, 1948 г.), стр. 126.

Франциска, и конвентуалов, следовавших переработанным правилам. Августинские отшельники организовали сеть общин *обсервантов*, основанных саксонцем Адreasом Пролесом, а после его смерти в 1503 году возглавленных Иоганном Штаупицем, духовником Лютера. Именно августинцами-*обсервантами* в 1510 году Лютер был послан в Рим в связи с дискуссией, возникшей в ордене. Простонародный орден *братьев (и сестер) общей жизни*, основанный Жераром Гроотом (умер в 1384 г.), образовал на протяжении пятнадцатого века множество общин по всей Северной Европе, от Утрехта и Девентера, до Рейна. Этот орден, имевший тесную связь с более мистическими августинцами, проявлял потрясающую активность, открывая прославившиеся средние школы, в которых преподавались «истинные» классики, содержа общежития для бедных студентов и обучая огромное число позднее прославившихся молодых людей, среди них Десидерий Эразм⁶ и, очевидно, Мартин Лютер. Эти школы были весьма эффективны и обладали столь превосходной репутацией, что даже после церковного раскола Лютер и Меланхтон настаивали на их сохранении. Им даже позволялось действовать на таких протестантских территориях как Бранденбург. Недавние исследования показали, что нравы в английских монастырях были не столь испорчены, как считалось ранее, после их закрытия королем Генрихом VIII. То же справедливо в отношении монастырей на континенте. Тем не менее, факты свидетельствуют о том, что в Северной Европе монастырская система преимущественно исчерпала себя как активная религиозная сила. Когда началась Реформация, во многих городах, как это было в Нюрнберге и Аугсбурге, матери, ранее со слезами отдававшие своих незамужних дочерей в монастыри, нападали на те же заведения, чтобы вызволить их обратно. Едва ли случаен тот факт, что тысячи евангельских проповедников и учителей вышли из монастырей. Лютер был лишь первым из многих.

Церковь упустила последнюю серьезную возможность глубоких реформ, которые бы отвечали требованиям исправления и обновления, когда на первом заседании Пятого Римского собора (1512—1517) генерал августинского ордена Эгидио да Витербо, выдающийся платоник, призвал ко внутренним духовным реформам, которые бы отразились во внешних исправлениях. Его подход был близок по духу программе христиан-гуманистов, но Собор не смог принять это и другие требования реформ. Собор состоял в основном из итальянских прелатов, и потому был несколько лишен экуменического настроения, несмотря даже на присутствие епископа из Нового Света, из Санто Доминго. Собор провозгласил вечный мир между христианскими князьями и призвал к финансовому участию всех королевств и государств в походе против турок, даже разрешив в некоторых землях взимание налогов с духовенства. Но реакция последовала скептическая, примером чему стали венецианцы, заявившие, что папа Лев X употребит деньги на финансирование своей войны против Урбино, где он надеялся захватить территории для клана Медичи. На заключительном заседании, которое по иронии судьбы состоялось в год начала Реформации, Собор вновь утвердил буллу *Unam Sanctam* (1302 г.), в которой папа Бонифаций VIII заявил о своих претензиях на полноту духовной власти, а также провозгласил о реальности, хотя и косвенности своей власти над всеми правителями. Очевидно, что Церковь нуждалась в серьезном исправлении.

После всплеска Реформации честный голландский папа Адриан VI поручил Кьерегато, своему послу на Нюрнбергском сейме в 1522 и 1523 годах, публично провозгласить, что

«Бог попустил произойти этому несчастью в Своей Церкви по вине людей, а особенно грехов священников и прелатов. В Святом Писании открыто сказано, что корень зол народа в греховности религиозных вождей. Нам всем слишком хорошо известно, что даже вокруг святого престола многие годы происходили вещи, достойные порицания — извращения в духовных вопросах, нарушения заповедей, все шло к худшему! Потому нам не стоит удивляться, что болезнь перекинулась с главы на члены, с пап на подчиненных».

Если неудовлетворительные решения Пятого Римского собора и его неспособность осуществить даже их были слишком неуместными и запоздалыми, то открытое признание папы Адриана было слишком серьезным и запоздалым, поскольку к 1523 году протестанты с легкостью использовали его слова для доказательства справедливости своих выступлений против Рима. Церковь вступила в Реформацию с ослабленным духовным авторитетом.

Почему Реформация началась в Германии?

Леопольд фон Ранке сформулировал постулат, гласящий, что церковная и политическая история неразрывно связаны между собою. В отношении Реформации этот трюизм даже более очевиден, чем обычно, потому что политические обстоятельства Германии во многих ключевых аспектах отличались от обстоятельств других территорий. Особые условия в Германии создали предпосылки, благоприятствовавшие успеху реформаторского движения. Естественно этими предпосылками не объясняются ни возникновение самой Реформации, ни ее религиозная сущность и теологическое содержание.

Священная Римская империя еще не достигла того упадка, к которому она пришла в семнадцатом веке, когда политический идеолог Самуэль Пуфендорф назвал ее призраком, но ее претензии на лидерство уже не имели под собой основания, а ее приверженцы вряд ли были способны к эффективным действиям. Само название Священная Римская империя стало ши-

⁶ Desiderius Erasmus — литературный псевдоним Эразма Роттердамского (настоящее имя — Гергард Прает). — *Прим. ред.*

⁷ Карл Мирбт, *Quellen zur Geschichte des Papsttums un des r?mischen Katholizismus*, 4-ое изд. (Тюбинген, 1924 г.), стр. 261.

роко употребляться только в двенадцатом веке, а тот факт, что юрисдикция Империи на самом деле ограничена германскими землями, был признан только тогда ключевая фраза «германской нации» вошла в полуофициальное название во времена правления Императора Максимилиана I (1493—1519). Различные попытки реформировать Империю конституционным путем, например реформы ее секретаря архиепископа Бертольда фон Геннеберга, который надеялся превратить ее в конце пятнадцатого века в более эффективную политическую силу, терпели неудачу из-за личных интересов князей и бремени мертвых традиций. Фон Геннеберг ратовал за выборную исполнительную власть, эффективный высший императорский суд, общий императорский налог, способствовавшие централизации власти. Но князья не желали жертвовать даже частью своего суверенитета, и ни Максимилиану I, ни Карлу V не удалось провести через Рейхстаг хоть какие-то реформы. В 1519 году Майнцский курфюрст⁸ отозвался об Империи, как о пышной аристократии, а о Рейхстаге, как о реально независимом органе.

Можно в определенной степени верно предположить, что последняя реальная возможность объединения Германии под эффективным императорским правлением была упущена во время возникшего в конце одиннадцатого—начале двенадцатого веков противостояния, когда в борьбе за «надлежащий мировой порядок» папа Григорий VII освободил своих феодальных вассалов от клятвы верности императору и предоставил князьям возможность реальной автономии. Как политическая сила, Империя пала задолго до Реформации. Лишено основания старое расхожее мнение, будто Лютеру удалось то, чего не сделал папа Иннокентий III и император Фридрих II — разделить Священную Римскую Империю и Римскую католическую церковь. Наиболее верным будет утверждение, что Реформация ускорила и без того далеко зашедший процесс распада. К концу семнадцатого века стал до конца понятен причудливый вопрос Гёте в *Фаусте*: «Всея Римскою империей Священной мы долго устоим ли во вселенной?» Печальный конец настал в августе 1806 года, когда маленький корсиканский капрал решил ее участь, выступив в качестве императора Франции Наполеона.

На протяжении пятнадцатого и шестнадцатого веков Священная Римская империя германской нации двигалась в направлении, прямо противоположном западноевропейским процессам. В то время как Англия, Франция и Испания развивались в направлении национальной консолидации под сильной династической монархией, Империя переживала укрепление удельных княжеств, социальный хаос отмирающего феодализма и дальнейшее ослабление позиций императора. Общее положение династии Габсбургов не позволяло им концентрировать свои усилия на Священной Римской империи как таковой. Карл V стал испанским Карлосом I, но его родным языком оставался французский, будучи частью его бургундского наследия и воспитания. В результате его избрания императором в 1519 году, обеспеченного займами в доме банкиров Фуггеров⁹ и подтасовкой голосов, ему досталось децентрализованное государство, в котором ни один из официальных рычагов власти не мог реально способствовать централизации. В вопросах доходов и военной силы он целиком зависел от своих фамильных земель. *Рейхстаг*, или Сейм, состоял из трех обычных сословий, в котором однако доминировало дворянство с уступающим ему по влиянию высшим духовенством и князьями-епископами с большими поместными владениями, тремя архиепископами — Майнцским, Трирским и Кёльнским. Города же практически не имели власти. В таких делах как война против турок император зависел от добровольных единовременных взносов, которые редко обращались из слов в деньги, когда наступал установленный срок.

Имперские города обладали такими же правами, что и удельные княжества. В ходе переписи 1521 года было зарегистрировано восемьдесят пять городов, шестьдесят пять из которых напрямую подчинялись императору. Управляемые городскими советами и мэрами, реально контролировавшими торговлю при незначительном влиянии со стороны малых гильдий, города имели значительную степень свободы и независимости. На протяжении пятнадцатого—начала шестнадцатого веков они весьма процветали, в особенности города, расположенные в южной части Германии и по берегам Рейна. В Аугсбурге, Нюрнберге, Констанце, Фрайберге, Страсбурге, Майнце и Эрфурте бурлила торговая жизнь. Это были настоящие ульи, куда, по наблюдению гуманиста Конрада Целтуса, германские купцы возвращались из Италии и с севера, чтобы копить свой мед. Но города не были объединены для защиты общих интересов и, вне зависимости от степени своего богатства, не обладали большой совместной политической силой.

В то время как возрастала роль князей и городов, рыцарство теряло свою военную ценность и приходило в упадок как пережиток феодализма. Часть дворянства адаптировалась в новом обществе, но многие промышляли разбоем, совершая набеги на купцов, города и монастыри, пока артиллерийский огонь не разносил их замки в щепки, либо их вешали или заточили в городские темницы. В одной из своих пьес Гёте увековечил такого барона-разбойника Гёца фон Берлихингена, человека с железной рукой, который наводил ужас на князей-епископов и купцов, пока не был схвачен как зачинщик бунта. Таких как он было множество. К этому бесполезному классу также принадлежал гуманист Ульрих фон Гуттен. Скорее всего резкость его выпадов против церковных устоев объясняется именно социальной принадлежностью.

Значительные территории Империи, особенно центральные и северные земли, оставались по экономической структуре и менталитету аграрными и феодальными. Крестьяне там имели меньше личной свободы, чем во многих регионах Франции и Англии, но все же теперь они пользовались большей независимостью, чем в прежние столетия. На их плечах по-прежнему лежали традиционные бремена: годовой налог, десятина, налог на смерть, ограничения на охоту и рыбную ловлю, ограниче-

⁸ Альберт Бранденбургский. — *Теол. ред.*

⁹ Династия немецких банкиров, преобладавших в Европейской экономике в XIV—XV вв., имели большое влияние на политическую жизнь всей Европы. — *Теол. ред.*

ния на личные передвижения. Однако натуральные поборы все чаще сменялись денежными выплатами, и все больше крестьян превращалось из крепостных в арендаторов. Их имущественное положение было незавидным по сравнению с горожанами, но в целом они жили намного лучше, чем прежде. Парадоксально, что именно благополучие и увеличение личной свободы делали сохранявшиеся ограничения невыносимыми для них. Наибольшее недовольство проявляли крестьяне юго-восточных земель Рейна, положение которых было наилучшим в Империи. Именно в этих областях наиболее сильные позиции имел грозный *Бундишух*, тайное революционное общество крестьян. Растущие социальные трения превращали Империю в трутницу, готовую вспыхнуть от революционной искры.

По иронии судьбы, наибольшее недовольство различных социальных групп было направлено против Церкви. Князья, нуждавшиеся в больших доходах для содержания современного оружия, наемных войск, управленческого аппарата и роскошных нарядов, засматривались на имущество и доходы Церкви и завидовали переправляемому в Италию богатству. Города стремились лишиться власти соседних феодалов, которыми часто были князья-епископы, являвшиеся в равной степени как феодалами, так и служителями церкви. Наряду с князьями, городские советы оспаривали юридические привилегии и свободы духовенства, которое подчинялось только церковной власти и могло разъезжать со своими саквояжами по всей Империи, вплоть до самого Рима. Рыцари держали зло на князей-епископов и засилье иноземцев. Ульрих фон Гуттен спрашивал: «Почему германское золото должно тратиться на строительство церквей в Риме, когда столько немецких церквей нуждается в ремонте?» Крестьяне ненавидели щегольские шелковые наряды прелатов. Действуя на церковных землях, аббаты и епископы становились ненавистными угнетателями, и церковь воспринималась как феодальный эксплуататор.

В Германии Римская церковь была гораздо меньше ограничена, чем в соседней Франции. Прагматическая санкция, принятая в 1438 году французским королем Карлом VII, наделила Галликанскую церковь многими привилегиями, среди которых было ограничение судебных обращений в Рим, уменьшение папского контроля над доходами и замена добровольных пожертвований официальными налогами. В 1516 году король Франциск I подписал с папой Львом X Болонский конкордат¹⁰, сохранивший за французским королем право производить в своих землях назначения на вакансии епископов и аббатов, а папе предоставил право получать *аннаты* с доходов за первый год от этих должностей. Император не имел таких привилегий. Он не был в состоянии действовать подобно французскому королю, не говоря уже об английском Генрихе VIII, неограниченно властвовавшем на своем острове.

С другой стороны, за полтора столетия до Реформации новые силы в лице Империи, князей и городов устанавливали контроль над поместными церквями. Стремясь укрепить свою власть над землями, князья ввели, где это было возможно, новую редакцию римского права, устанавливавшую абсолютную власть государя, узаконенную еще при Юстиниане. Следует отметить возможность применения элементов римского права для обоснования ограничения власти князей, что и имело место в юридических трактатах шестнадцатого века. Но официально эти фрагменты употреблялись для укрепления власти князей. Канцлеры и секретари-гуманисты применяли римское право для укрепления прав князей за счет традиционных прав местных сословий, в противовес слабо разработанным сборникам основных законов, таким как *Саксеншигел*, или саксонское народное право. Задолго до Реформации некоторые юристы региональных судов решили, что государь, подобно *Pontifex maximus*¹¹ древнего Рима, должен заниматься и религиозными вопросами. Таким образом древнегерманский *Эйгенкирхе*¹², подтвержденный и развитый законодательством Возрождения, сформировался в систему контроля князей над церквями на их территориях. Власть князей в церковной сфере была наиболее сильна в больших государствах: в Австрии, Баварии, Бранденбурге. В герцогской Саксонии оба архиепископа получали свои места от герцога Георга и платили ему вассальную подать. Когда лютеранство грозило проникнуть в герцогскую Саксонию, один из юристов Георга Мельхиор фон Аусса первым сформулировал принцип, сыгравший важную роль в последующие столетия: *Cuius regio, eius religio* — правитель устанавливает религию. В крошечных Юлихе и Клеве, герцоги как епископы имели право визитаций. В курфюршестве Саксония курфюрст Фридрих Мудрый производил церковные и университетские назначения. Хотя он редко видел Лютера, но, будучи достойным германским правителем, не потерпел гонений на своего профессора со стороны Рима на Вормском рейхстаге в 1521 году.

В имперских городах развивалась сходная модель светского контроля. Городские советы один за другим захватывали иерархическую прерогативу, покуда не получили полный контроль над церквями. Советы взяли на себя благотворительность, попечение о больных, приюты для престарелых, управление церквями и монастырями, регулирование этических вопросов, пресечение святотатств, злоупотреблений, религиозных извращений и суеверий. Образование также стало заботой светского правительства. Еще до Реформации города и князья основали в Германии от восемнадцати до двадцати университетов, включая Эрфуртский университет, основанный городом, и Виттенбергский университет, основанный Фридрихом Мудрым. Политический развал Империи вкупе с имущественным состоянием церкви сделали возможной Реформацию в германских землях.

Светский контроль открыл двери дальнейшим церковным извращениям, что, по иронии судьбы, резко усилило в эти десятилетия враждебность по отношению к Римской католической церкви. Эразм писал о ненависти германского народа к Риму, усиливавшейся культурным национализмом германских гуманистов. В заседаниях имперского Рейхстага звучали жа-

¹⁰ Подписанный в 1516 году Болонский конкордат с папой Львом X превратил короля в фактического хозяина Галликанской церкви. — *Прим. ред.*

¹¹ *Pontifex maximus* — великий понтифик, верховный жрец в античном Риме. — *Прим. ред.*

¹² Система патронажа феодалов над поместными церквями. — *Теол. ред.*

лобы на эксплуатацию, несправедливые суды, безнравственность и другие нарушения. С 1415 по 1521 годы на заседаниях Рейхстага высказывалось недовольство германской нации Римской церковью. Протест становился громче и резче. Когда на Нюрнбергском сейме в 1522 году посол папы Кьерегато спросил, по какой причине к Лютеру не был применен Вормский эдикт 1521 года, ему ответили, указав на сотни жалоб в адрес церкви, по которым так ничего и не было предпринято. Годами спустя кардинал Контарини был вынужден указать папе Павлу III, что даже если бы все протестантские богословы, включая самого Лютера, примирились с церковью, то ситуация несколько не изменилась бы, а противостояние усиливалось бы дальше.

Однако успех Реформации не был прямым и естественным следствием религиозной ситуации в германских землях начала шестнадцатого века. Скорее наоборот, Реформация явила поразительный парадокс — религиозный энтузиазм и богобоязненность в народе наиболее усилились, когда наступило полное разочарование в римской курии и возмущение против извращений разгорелось наиболее яростно. Философы и историки заметили этот феномен и отнесли его исключительно на счет некоторых национальных особенностей самих германцев. Немецкий философ Гегель приписал Реформацию «древней, вечно сохраняемой сущности германского народа». Швейцарский протестантский историк Мерль д'Аубинье писал об «исключительном характере германцев, который не был сломлен лжецивилизацией и потому имел особую предрасположенность к религиозным реформам».

Конечно же, не древнегерманский дух стал причиной религиозной активности. Жизнь большинства людей была тяжелой. В результате плохого питания, частых эпидемий и феодальных войн продолжительность жизни немногим превышала сорок лет, и большинство мужчин этого возраста называло себя стариками. Более того, германцы жили прямо на пути ужасных турок, продвигавшихся вверх по Дунаю. Преобладала подавленность, очевидно лучше всего показанная на гравюре Альбрехта Дюрера с четырьмя всадниками Апокалипсиса или на его изображении рыцаря в доспехах в сопровождении смерти и дьявола. Наиболее поразительной чертой германского народа в годы, предшествовавшие Реформации, была глубокая богобоязненность, забота о жизни вечной и ревностная преданность Церкви как хранительнице духовных сокровищ. Ереси действительно угасали и активизировалась церковная жизнь — от строительства новых часовен до издания большого количества религиозной литературы. Через распространение буклетов и трактатов новое дыхание обрел мистицизм. Драгоценность личной веры отражена Дюрером в *Пьете*, изображении Марии с безжизненным телом ее распятого Сына на коленях, ставшей одним из важнейших вкладов немцев в искусство позднего Средневековья. Сохранялась твердая приверженность исконному учению о спасении, и подлинная забота о восстановлении церкви в первоначальной чистоте была очевидна повсюду — как среди гуманистов, так и среди известных проповедников. Изенхеймский алтарь Матиса Грюневальда с изображением крестных страданий Христа является типичным выражением веры германцев в распятого Искупителя. В религиозной жизни Средневековья Германия была в некотором роде уникальна среди прочих крупных европейских стран.

Священнослужители как в Германии, так и в Италии не сумели отреагировать на возрождение веры. Они не только отставали от светских гуманистов в культурном отношении и по количеству людей, приверженных вере и благочестию, но продолжали использовать Церковь ради материальной наживы и достижения политических целей. Они применяли анафему и отлучение для давления на должников и достижения политических уступок, не осознавая греховности своих действий. Враждебность к Римской церкви, хлынувшая потоком, когда Мартин Лютер открыл ей шлюзы, в значительной степени сравнима с горечью разочарованного влюбленного.

Лютер, человек из народа

Мало кто сумел потрясти мир так, как это удалось Мартину Лютеру, вождю Реформации. В своем лице он соединил обе главные реформаторские тенденции, имевшие место в Германии: требование внешних реформ, которые покончили бы с нарушениями, и стремление к истинному духовному обновлению.

Будучи исключительно популярным в народе оратором и писателем, он стал выразителем его разочарования, нравственного возмущения и прямодушного недовольства римской курией, начиная с папы и заканчивая алчным духовенством и невежественным монашеством. Людей увлекали мощные выпады против жадных «тиранов». Его выступления гремели с революционной мощью, как и эти строки из его письма «Ко христианскому дворянству немецкой нации» 1520 года:

«Как дошли мы, немцы, до того, что вынуждены терпеть от папы этот разбой и разграбление нашего добра? Французское королевство оградило себя от этого. Почему же мы, немцы, позволяем себя так дурачить и дразнить?.. И мы еще удивляемся, что князья, дворянство, города, богоугодные заведения, страна и люди разоряются. Ведь нам скорее нужно изумляться тому, что у нас еще есть пропитание!»¹³

Народ не мог противиться голосу, столь созвучному его мыслям. Альфонсо Вальдес, секретарь императора Карла, до-

¹³ Мартин Лютер. Избранные произведения. С.-Пб. 1994. С. 68. — Прим. ред.

кладывал, что большинство жителей Германии было озлоблено на папу римского. По его наблюдениям, народ не придавал большого значения эдиктам императора, при этом книги Лютера безнаказанно продавались на каждом углу, на каждом базаре.

Но еще важнее критических выступлений был евангельский порыв самого Лютера. Этот гений глубочайшей веры и богословской мудрости проник в сущность Евангелия глубже, чем, вероятно, кто-либо со времен Апостола Павла. Он как пророк достигал людских сердец, тосковавших по чистоте и духовному обновлению. Великий художник Альбрехт Дюрер писал Георгу Спалатину в январе-феврале 1520 года: «Если Бог поможет мне увидеть доктора Мартина Лютера, я с усердием примусь за его портрет и запечатлею его на века как христианина, который освободил меня от великой суеты!»¹⁴ А простой сапожник и нюрнбергский *мейстерзингер* Ганс Сакс обрел вдохновение и надежду благодаря Лютеру — «виттенбергскому соловью». Реформация была в пути, и никто не мог знать, куда она приведет западного человека.

¹⁴ Эрвин Пановский, *Жизнь и искусство Альбрехта Дюрера* (Принстон, 1955), стр. 198.

Евангельский прорыв Лютера

18 апреля 1521 года около шести часов вечера императорский гонец ввел бледного и внутренне трепетавшего монаха августинца в наполненный людьми и освещенный факелами епископский зал, что по соседству с куполом построенного в романском стиле Вормского собора. Там Мартин Лютер предстал перед императором Карлом V, князьями и участниками сейма, кардиналами и сильными мира сего, чтобы дать отчет о чуждой им вере. Это судебное разбирательство едва ли претендовало на справедливость, и потому он должен был публично отречься или, по выражению Лютера, «отпеться», т.е. пропеть новую песнь. За день до того Лютера спросили, признает ли он себя автором разложенных перед ним книг и желает ли он отречься, опровергнув сказанное в них. Ко всеобщему изумлению, Лютер попросил двадцать четыре часа на обдумывание своего ответа. И вот время истекло. Снаружи гудела огромная толпа, а все собравшиеся внутри в напряжении ожидали его решения. Чистым звучным голосом десять минут говорил он по-немецки и по-латыни, признавая свои книги и заявляя о своей преданности Слову Божию. Когда представитель императора затем потребовал простого ответа, подтверждающего либо его отречение, либо упорство, Лютер сказал:

«Поскольку Ваше Императорское Величество и Ваши Княжеские Милости хотели услышать прямой ответ, то я дам его, не боясь и не огрызаясь. Если меня не переубедят посредством свидетельств Писания или посредством ясных доводов разума — ибо я не верю ни папе, ни Соборам, ведь известно, что они не раз заблуждались и противоречили самим себе, — то останусь я в подчинении у приводимых мною слов Писания, а душа моя останется в плену у Слова Божия. Я не могу и не хочу ни от чего откаться, потому что действовать вразрез с совестью небезопасно и неблагочестиво. Да поможет мне Господь. Аминь».

Это простое заявление изменило состояние христианского мира и ход человеческой истории. Католический историк лорд Эжтон писал: «В Вормсе Лютер стал наиболее существенным и важным фактом нашей истории... Мы вынуждены признать тот факт, что, при всем своем рвении ко власти, он сделал для коренного изменения хода современной истории больше, чем любой другой отдельный человек». ¹⁵ Двадцатидесятилетнего Карла V не убедил этот саксонский монах. «Он не сделает из меня еретика!» — заявил он.

Лютер покинул зал под одобрительный ропот германских солдат и крики испанских кавалеров: «В огонь!» По свидетельству некоторых очевидцев, Лютер выходил из зала с поднятой над головой рукою, подобно победителю в состязании, и кричал: «Я сделал это!» Однако то, что он считал концом, было лишь началом.

Друзья убедили Лютера скрыться, памятуя об участии Яна Гуса в Констанце. 26 апреля он покинул Вормс через боковые ворота и был захвачен и спрятан рыцарями саксонского курфюрста Фридриха в Вартбургском замке. Император Карл повелел папскому легату Иерониму Алеандеру подготовить против Лютера, как упорного раскольника и явного еретика, знаменитый Вормский эдикт. Он был одобрен небольшой группой делегатов после официального роспуска сейма и подписан Карлом 26 мая — в дополнение к отлучению от церкви, анафеме и другим мерам со стороны светской власти, — и поставил Лютера вне закона, так что при желании его можно было арестовать. Но возможно ли было исполнить этот указ?

Путешествие Лютера из Виттенберга в Вормс превратилось в триумфальное шествие. Он оставил дом 2 апреля, а при въезде в Эрфурт его приветствовал старый друг Крот Рубиан, ректор университета, с большой делегацией профессоров и студентов, которые чествовали его как праведного судью, явившегося исправлять язвы общества. Несколько раз его уговаривали не ехать в Вормс. Народ показывал ему транспаранты с отрезвляющим напоминанием — портретом Савонаролы. В последнюю минуту сам курфюрст Фридрих убеждал его через канцлера Спалатина не ехать в Вормс, потому что он уже был приговорен. Но Лютер заявил, что поедет туда, даже если там бесов столько же, сколько черепицы на городских крышах. Процессия состояла из простой повозки с Лютером и несколькими спутниками, представителя императора Каспара Штурма в парадной форме и вооруженного отряда. Тысячи людей собрались, чтобы приветствовать того, кто стал их национальным героем. В отчетах, посланных Алеандером в Рим, приведено свидетельство, что три четверти простых людей поддерживали Лютера. Путешествие Лютера в Вормс было напряженным и опасным, но путь Лютера в Виттенберг, начатый им в юности, был еще труднее.

¹⁵ Лорд Эжтон, *Лекции о современной истории* (Лондон, 1906 г.). С. 101, 105.

Предки Лютера жили в Мёре, небольшой деревушке на западе Тюрингии, население которой состояло из пятидесяти семей. Несколькими столетиями раньше предки Мартина переехали в эту часть Саксонии из западной Германии и стали свободными крестьянами. Его прадеду Генриху принадлежал обширный участок земли с небольшим поместьем. Семья жила в хороших условиях, но по саксонскому обычаю землю унаследовал младший сын, а старший Ганс должен был пробиваться в жизни самостоятельно. Он переехал в Эйслебен, где 10 ноября 1483 года родился его второй сын Мартин. Ганс стал рудокопом и поднялся сначала до мастера, а потом до арендатора. В 1491 году, когда Мартину исполнилось всего восемь, Ганс занял денег и стал совладельцем медной шахты. Два десятилетия спустя он был совладельцем уже шести шахт и двух плавильных компаний. Он хорошо заботился о своей семье, в которой было восемь детей, и отправил Мартина в университет для получения высшего образования.

До четырнадцати лет Мартин посещал школу в Мансфельде, затем был послан на год в магдебургскую среднюю школу. С 1498 года он стал учеником аналогичной школы в Эйзенахе, где на протяжении трех лет учился у известного грамматика Требониуса. В 1501 году он поступил в Эрфуртский Университет и осенью 1502 года получил степень бакалавра, став тридцатым в классе из пятидесяти двух человек. 7 января 1505 года он вторым в классе из семнадцати студентов получил степень магистра. В качестве выпускного подарка отец послал ему дорогой *Corpus iuris*, так как он готовился к карьере юриста, — надежному пути к богатству и общественному признанию. 20 мая 1505 года Лютер поступил на юридический факультет. 16 июля у него состоялся прощальный ужин в компании университетских друзей. На следующий день он им заявил: «Сегодня вы видите меня в последний раз». Лютер продал все свои книги, оставив лишь по тому Вергилия и Плавта, и поступил в августинский монастырь. Почему он решился на такой шаг?

Лютер был типичным носителем средневековой богобоязненности, внушаемой страхом. В его доме поддерживалась суровая дисциплина, впрочем это было обычным явлением, а религиозное обучение в школах вовсе не выглядело радостным. Уверенность в спасении можно было получить только приняв начальный дар благодати, отречьшись от мирских искушений, преодолев плотские желания и нападки дьявола, проявив максимальное усердие в соблюдении Божиих заповедей и предписаний Церкви и достигнув совершенной святости. Идеалом совершенной жизни был отшельнический и монашеский аскетизм, размышления и религиозные дела вдали от мира. Потому Лютер избрал общину *строгих* августинцев. Находясь там, он был примерным монахом, который, стремясь к уверенности в любви и прощении Господа, превосходил других братьев молитвою, постом и трудами.

Несомненно, за много месяцев до этого поступка произошли некоторые события, ускорившие принятие такого решения. Возвращаясь в Эрфурт после посещения семьи на Пасху, он случайно поранил артерию на ноге и едва не истек кровью до смерти. В Эрфурте случилась эпидемия, унесшая одного из однокашников Лютера. Непосредственно перед поступлением в монастырь Лютер еще раз побывал дома и попал в грозу. Когда молния повалила соседнее дерево, он поклялся Св. Анне, что станет монахом, если та сохранит ему жизнь. Но основной причиной стала длительная духовная борьба за определенность и твердость веры. «Монахом делают сомнения», — гласила старая средневековая поговорка. В сентябре 1506 года его приняли в орден и поселили в неотапливаемой келье двух с лишним метров ширины, неполных трех метров длины и окном с видом на место его предполагаемого будущего — могилы на монастырском кладбище.

В 1507 году Лютер по распоряжению генерального викария ордена был рукоположен в священники и 2 мая отслужил свою первую мессу, с трепетом держа в руках святые дары. Его отец приехал с двумя каретами друзей и провизии на традиционный обед и пожертвовал монастырю крупную сумму денег. Но в конце обеда, на правах хозяина, Ганс окончил свою речь упреком: «Но разве ты не читал: “Почитай отца твоего и мать твою?”». Лютер позднее указывал, что это выражение родительского неодобрения породило в нем первые сомнения относительно избранного им пути.

В своих теологических изысканиях Лютер был склонен отстаивать главные религиозные постулаты, на которых была основана монашеская жизнь. Схоластическая теология преподавалась в Эрфурте согласно *via moderna*, или номиналистической системе. Хотя Лютер не изучал трудов самого Уильяма Оккама, он интенсивно штудировал одного из поздних теологов-оккамистов Габриеля Билля, особенно его толкование мессы. Биль и оккамисты с одной стороны подчеркивали могущество и верховенство воли Божией, а с другой — усилия самого человека в обретении спасения. Они указывали на ограниченность человеческого разума в исследовании великой тайны Божества и настаивали на авторитете Церкви в догматических вопросах. Бог не удерживает своей благодати от каждого, кто максимально использует заложенное в нем¹⁶. На таких условиях человек обретает награду, а начальный дар благодати наделяет его способностью вести святую жизнь. Святая жизнь и добрые дела являются

¹⁶ Лат. — «facientibus quod in se est, Deus non denegat gratiam».

достаточным условием для дарования человеку спасения. Видя, как Лютер безуспешно пытался обрести душевный покой посредством усерднейших монашеских дел и самоистязаний, его исповедник Иоганн фон Штаупиц убеждал его в тщетности попыток достижения совершенной Божией любви такими методами, уговаривая предать себя благодати и прощающей любви Божией.

Штаупиц увидел в Лютере молодого человека с блестящим интеллектом и религиозным рвением и порекомендовал его курфюрсту Фридриху для основанного в 1502 году нового Виттенбергского университета. Лютер прибыл туда в 1508 году как преподаватель философии и читал лекции по Аристотелевской этике. В 1509 году он получил степень бакалавра богословия и стал читать лекции по *Сентенциям*, схоластической догматике Петра Ломбардского. Затем он возвратился в Эрфурт и преподавал там с 1509 по 1511 год, а потом был вновь направлен в Виттенберг, где и оставался до конца своей жизни. Путешествие в Рим зимою 1510—1511 годов в качестве представителя *строгих* августинцев не произвело на него особого впечатления. Папа Юлиан II находился вдали от Рима, в одном из своих военных походов. Лютер посетил церкви и взмолился на коленях по преторианской лестнице Пилата, чтобы получить индульгенцию для своего деда, но, согласно рассказу его сына много лет спустя, услышав на полпути голос: «Праведный верою жив будет», — встал и сошел вниз, что, конечно же, является вымыслом. Лютер покинул Рим таким же, как и был — убежденным папистом и послушным сыном Церкви.

В Виттенберге Лютер получил руководящие посты в ордене и университете. 19 октября 1512 года он получил докторскую степень и через несколько дней занял кафедру библеистики, дав обет всеми силами отстаивать и излагать Слово Божие. Вначале он читал лекции о Псалтири, а позднее, в 1515—1516 годах — о Послании Ап. Павла к Римлянам. В ходе экзегетических исследований с ним, очевидно, произошел евангельский прорыв. Он осознал всеобщность благодати Божией и полную достаточность Христова деяния. Поворотным пунктом стало изучение Рим. 1:17: «В нем открывается праведность Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет». Этот фрагмент он понял в свете Рим. 3:24: «Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе». До того Лютер понимал «праведность Божию» как активную, воздающую, наказующую, неотвратимую праведность, которая требует от человека соблюдения всего Закона Божия. Теперь же он осознал «праведность Божию» (*justitia*) как пассивно вменяемую праведность, которую Бог дает человеку даром через Христа. «Я размышлял днями и ночами, — рассказывал он многие годы спустя, — пока не понял связь между Божией справедливостью и утверждением: “праведный верою жив будет”. Тогда я осознал, что Божия справедливость и есть та праведность, которою по своей благодати и исключительной милости Бог оправдывает нас через веру. Я пережил мгновенное возрождение и вошел в широко распахнутые врата рая!» Лютер вышел из этого великого борения с закаленной верой и истинной любовью к Богу. Это учение о спасении только по благодати Божией, принимаемом верою и не зависящем от человеческих заслуг, стало критерием, который он применил ко всей религиозной практике и официальным учениям современной ему церкви, найдя их неполноценными. Он приобрел, по выражению лорда Эктона, «рычаг необычайной силы, которым перевернул мир». В своих экзегетических лекциях о Послании к Галатам в 1516 и 1517 году и о Послании к Евреям в 1517 и 1518 году он преподавал теологию с новой ясностью и стал привлекать внимание студентов и коллег.

Его «теология креста и страданий» представляла собою не столько новую богословскую концепцию, сколько новый богословский образ мышления. В трактате *De servo arbitrio* (*О рабстве воли*) Лютер высмеял самого себя как провинциала, хотя, будучи обучен самому детальному катехизическому толкованию, на самом деле понимал глубочайшие теологические тонкости. Лютер был великим исследователем: не в смысле упражнения в исследовании ради исследования, но в смысле максимального применения своих дарований, тщательного изучения источников, применения новых гуманистических методов, практической филологии и владения языками — родным немецким, а также латынью, греческим и внушительным объемом еврейского. Руководимый удивительной тягой к конкретике, он рассматривал теологические вопросы напрямую, минуя абстрактные теоретические спекуляции. В нем, в его утверждении о необходимости внутреннего соответствия веры с жизнью, было нечто мистическое, однако сам он весьма критически относился к рассуждениям мистиков о божественной искре в человеке и об его способности подняться по небесной лестнице к единству с Богом. Многие он заимствовал из доктрин схоластической теологии, но выступал против утверждения схоластов о способности человека исполнить Закон Божий и даже против учения Фомы Аквинского о «вере, сформированной любовью», противопоставляя ей «веру, побуждающую к любви». В своем внимании к языкам и критическом подходе он многое заимствовал от Возрождения. Например в комментариях к Римлянам он на полпути переключился на текст Нового Завета в издании Эразма (1516 г.). Но при этом Лютер уловил в религиозной мысли гуманистов чрезмерный антропоцентризм и стоический морализм. Основами своей теологии он был обязан Августину и, конечно же, Павлу, но принимал их идеи творчески.

Лютеру было присуще скорее иудейское, чем эллинистическое отношение к Богу, усиленное годами экзегетического изучения Ветхого Завета. Он был уверен, что метафизические рассуждения о Боге ведут лишь к формальному Его познанию, например, к законническому пониманию Бога. Такое мнение о Боге представляет Его нежи-

вым, пугалом для робких сердец. С Богом можно общаться, но познать Его невозможно. Божья воля является единственной свободной волей, которая самостоятельно правит всем без внешнего побуждения, логики или внешних законов. В 1520 году Лютер говорил о Боге, как об активной силе и вечном Творце. Бога отличают воля и действенность, Он познается по Его деяниям. В *Комментариях к Бытию* Лютер писал: «Бог — это неограниченная Личность». Всомогущество Божие не в том, что Он способен сделать все, что ни пожелает, а в том, что Он уже делает все то, что желает. Его сила проявляется непосредственно и реально присутствует во всем сущем. Мир является тем, чем является, согласно предначертанию воли Божией. Бог пожелал явить Себя в историческом Христе, который показан в Писании. Бог есть как сокровенный, так и явленный в истории всемогущий Господь. Его замыслы непознаваемы. Среди неверующих мира сего Он пребывает в молчании. Во Христе Бог становится явленным Господом, открываясь полным благодати и любви. Бог действует чаще сокровенным образом и посредством парадоксов, являя великие истины в уничиженном виде. Это можно сравнить с человеком, который приближается к нам в сгущающихся сумерках, останавливается и говорит с нами. В Своем Слове Он открывается как сияющий Бог любви, Который сожалеет о грехе и преодолевает его, ненавидит смерть и торжествует над нею, Своею благодатью отпавших людей преображает в уповающих и верующих. Он является прощающим Богом, благодатным и милостивым к людям.

Человек нуждается в Божией благодати, потому что без Божия прощения человек остается в состоянии греха. Лютер расширил представление о грехе, выйдя за пределы определения греха как нарушения конкретных Божиих заповедей. Грех — это внутреннее состояние плотского человека, пребывающего в неверии до тех пор, пока он не подвергнется воздействию Святого Духа, призывающего его к вере через Евангелие. Посему грех не является плотскими делами, враждебными по отношению к более тонкой духовной субстанции. Лютер рассматривал человека целиком, в единстве, а не разделенного дихотомичностью тела и души или трихотомичностью тела, души и духа. Он писал: «В своей простоте я не разделяю тело, душу и дух, а представляю Богу человека целиком». Человек целиком плотян, пока он живет без Бога, т.е. во вражде с Ним, — и духовен, когда любит Бога и доверяет Ему. Закон — это слово Суда Божия над человеком. Бог дал человеку заповеди, которые тот не исполняет, такие как: «Будьте совершенны»; «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим»; «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Евангелие — это Слово Божие в человеке, Христос в сердце человека, предлагающий прощение всем, кто его примет. В таком контексте благодать — это не духовная сила, переданная человеку, а благоволение, конкретное деяние, в котором Бог прощает конкретного человека в определенный момент времени. Вера в Бога — есть «жизнь сердечная», пробуждающая от равнодушия и побуждающая к изменению. Вера активна в любви и порождает добрые дела. Прощенный человек, оправданный в глазах Божиих, совершает добрые дела. На этой земле человек достигает совершенства только в уповании, а не явно.

В теологии Лютера поражают некоторые экзистенциальные мотивы. При том что он формально сохранял приверженность онтологии, его недоверие по отношению к метафизическим абстракциям и внимание к живости и непосредственности религиозного переживания свидетельствуют о новом прорыве в его учении. Он подчеркивал, что для веры самыми важными словами являются личные местоимения — «я», «ты» (мой брат), «он». Спасение зависит не от принадлежности к Церкви или интеллектуального согласия с ее учением, но приходит через открытую веру во Христа. «Каждый должен веровать сам за себя — так же, как умирает каждый только сам за себя», — писал он. Выбор «или-или» составляет суть теологии Лютера, что сближает ее с современной диалектической теологией и экзистенциализмом. Наконец, он смело принимал суровые жизненные реалии: безнравственность, непостоянство, иррациональность и саму смерть. Последовательное и рациональное латинское «следовательно» (*ergo*) схоластической теологии он заменил на парадоксальное немецкое «однако» (*dennoch*), ибо только вопреки всему человек может с помощью Святого Духа сказать: «*Credo*» — «Верую». Однажды Лютер сказал: «Царство Божие — это город, со всех сторон осаждаемый смертью. Каждый занимает на стене свое место обороны и не может занять место другого, но *ничто не препятствует нам обращаться друг ко другу с ободрением*». Евангельская проповедь Лютера оказала потрясающее воздействие на поколение, искавшее основы для веры. Он стал теологическим Коперником, на основании хринологии доказавшим, что наш мир вращается вокруг Сына Божия.

Пожар вспыхнул из-за относительно небольшого вопроса: нападок Лютера на извращения при продаже индульгенций и оспаривания их правомочности. Практика выдачи индульгенций претерпела значительные изменения со времен ранней Церкви, когда община выдавала разрешение (*indulgentia*) на смягчение или замену епитимьи, наложенной на кающегося грешника, как свидетельство его раскаяния. Власть налагать частную епитимью вместо общины со временем взяли на себя священники, епископы и папы. Церковь присвоила себе власть налагать временное наказание за грех после прощения вины на основании искреннего покаяния и обращения ко Христу, Марии и святым. В 1457 году папа Каликст III постановил, что индульгенции способны облегчить страдания душ в чистилище. Папская булла *Salvator noster* от 1476 года распространила уменьшение времени наказания в чистилище на мертвых наравне с живыми. При введении индульгенций папы осторожно разделили вину и вре-

менное наказание, утверждая, что основанием для получения индульгенции должно быть сокрушенное сердце и устное исповедание. Однако на практике эти требования истолковывались лицемерно, и зачастую продажа индульгенций превращалась в обычную розничную торговлю.

По иронии судьбы, один из крупнейших памятников христианства, собор Св. Петра в Риме, стал поводом и памятником раскола Церкви. Папа Юлий II издал в 1507 году полные индульгенции в целях сбора средств на строительство этого собора. В 1513 году папа Лев X возобновил эти индульгенции и сделал архиепископа Альбрехта Бранденбургского посредником в продаже архиепископства Магдебургского и Майнцского, обещая ему большие комиссионные в размере половины от всей выручки, чтобы возратить Фуггерам долг суммой в 29.000 гульденов. Эти деньги были выплачены Фуггерами папе в качестве предоплаты Альберта за назначение его на должность архиепископа, когда он еще не достиг установленного возраста (на тот момент ему было двадцать три), платы за назначение его на несколько других должностей одновременно, выплаты аннатов и стоимости самого архиепископства. Самым успешным продавцом индульгенций был толстый доминиканец по имени Иоганн Тецель. Когда в 1517 году Тецель достиг границы Саксонского курфюршества и многие члены Виттенбергской общины толпились в очереди за индульгенциями, Лютер убеждал епископов вмешаться. Когда они ничего не предприняли, он подготовил Девяносто пять тезисов об индульгенциях и послал копии епископу Бранденбургскому и, по своей наивности, архиепископу Альбрехту Бранденбургскому. Как рассказывал много лет спустя Меланхтон, он вывесил тезисы в день всех Святых на северной двери замковой церкви, вызывая любого входящего на академический диспут. Лютер писал: «Наш Господь и Наставник Иисус Христос, говоря: “Покайтесь...” [Мф. 4:17], заповедывал чтобы покаянием в действительности была вся жизнь верующих. Это слово [«покайтесь»] не может быть понято как относящееся лишь к таинству покаяния — т.е. к исповеди и к отпущению грехов, — совершаемому священнослужителем». Вызванная этим поступком буря больше всего удивила самого Лютера, потому что в считанные недели его тезисы разнеслись в самые отдаленные уголки Европы. Лютер помешал торговле индульгенциями и нечаянно начал Реформацию.

В действие пришла церковная машина, начиная с Тецеля, который угрожал сжечь еретика на костре в течение трех недель. Доминиканские братья Тецеля проповедовали в церквях, что Лютер будет скоро сожжен. 3 февраля 1518 года доминиканцы из Германии официально донесли на него папе. В июле 1518 года доминиканец, магистр святого дворца (и теологический эксперт курии) Сильвестер Приэриас подготовил письмо, вызывающее Лютера в Рим. 25 августа 1518 года глава Августинского ордена в Германии получил распоряжение арестовать и заключить Лютера под стражу. Под давлением со стороны императора Максимилиана папа Лев X, первым желанием которого было отнестись к тезисам, как к безответственной выходке какого-то пьяного немца, который со временем протрезвится, уполномочил Каэтана, посланника папы на Аугсбургском сейме, арестовать Лютера. Он потребовал от Фридриха Мудрого сдать этого «сына нечестия» Каэтану, но Лютер, как житель Саксонии, обратился к Фридриху с просьбой о защите. Поскольку в то время папа Лев предпочитал Фридриха Карлу в качестве кандидата в императоры после смерти стареющего Максимилиана, он согласился просто на встречу Каэтана с Лютером в Аугсбурге, которая состоялась с 12 по 14 октября, но не поколебала Лютера. В декабре папский рыцарь Мильтиц прибыл с Золотой розой для Фридриха и буллой против Лютера. Золотая роза была предметом зависти и наградой, которую папа благословлял в Ленте в четвертое воскресенье и награждал ею только раз в году одного из христианских королей или князей. Но ухищрение папы не сработало. В ходе диспутов с профессором Ингольштадтского университета Иоганном Экком в Лейпциге, состоявшихся с 27 июня по 15 июля 1519 года, Лютер напомнил своим слушателям, что папы и соборы часто ошибались и противоречили друг другу. Готовясь к дискуссии, он усердно изучал каноническое право, церковную историю и отцов Церкви, еще больше утвердившись в том, что Церковь далеко отошла от своего раннего учения.

Теперь талант публициста в Лютере мог проявиться во всей полноте. Уже 14 февраля 1519 года базельский издатель Иоганн Фробен писал Лютеру:

«Мы отослали шестьсот экземпляров опубликованного мною сборника Ваших работ во Францию и Испанию. Они продаются в Париже, их читают и ценят в Сорбонне. Книготорговец Клавий из Павии взял внушительное количество для продажи в итальянских городах. Я выслал книги также в Англию и Брабант¹⁷, и на моем складе осталось только десять экземпляров. Никогда прежде мне так не везло с книгоиздательством. Чем большего человек достиг, тем больше он думает о Вас!»¹⁸

Лютер оказался плодовитым автором: между 1516 и 1546 годами он написал более четырехсот трудов,

¹⁷ БРАБАНТ (Brabant), средневековое герцогство, затем (с кон. 15 в.) одна из 17-ти провинций Нидерландов исторических. В последующем частично вошла в состав Нидерландов (пров. Сев. Брабант), частично Бельгии (пров. Брабант, с 1830). — *Прим. ред.*

¹⁸ Фробен к Лютеру, 14 февраля 1519 г., в *D. Martin Luthers Werke: Briefwechsel* (Веймар, 1930 г.), том 1, стр. 332.

в среднем — по одному менее чем за месяц. Карл и Алеандер не могли поверить, что Лютер самостоятельно написал все книги, выложенные перед ними на столе в Вормсе.

В творческом порыве, который не имел аналогов, Лютер написал в 1520 году три своих знаменитых труда. «Я рожаю, как только зачал!» — восклицал он. В его деятельности был момент, когда сразу три издательства занимались его трудами. Он отослал издателю первые страницы своего письма *Ко христианскому дворянству германской нации*, еще дописывая последние страницы. В нем он призвал императора и князей, как облеченных властью христиан, реформировать Церковь, поскольку духовенство оказалось неспособным к тому. Письмо, названное «сердечным воплем народа» и «звуком боевого горна», стало первым изданием Лютера после того, как он убедился в том, что римские бреши не подлежат ремонту. Он атаковал «три стены Рима», т.е. утверждения, что Рим не подвластен юрисдикции светской власти, что только папа компетентен толковать Писание, и что никто кроме папы не может созвать Собор. В труде *О вавилонском пленении Церкви* он обрушился на извращения в области Таинств, посредством которых, по его убеждению, «римская тирания» осуществляла свой контроль над всеми христианами. Он оспорил существование семи Таинств, признав учрежденными Христом только Крещение, Евхаристию и Исповедь, уделяя при этом большее внимание Вечере Господней. Первым пленением он назвал лишение мирян причастной чаши, вторым — учение о пресуществлении и третьим — понимание мессы как жертвы Богу, а не духовного приобщения ко Господу. Третий знаменитый трактат 1520 года *Свобода христианина* был по своей сути более назидательным и, согласно его собственному определению, описывал «всю христианскую жизнь в краткой форме». В нем Лютер описал освобождающее действие веры во Христа, веры, освобождающей человека от духовного рабства и побуждающей его к жизни любви и служения ближним. К этому примирительному по тону трактату прилагалось адресованное папе Льву X открытое письмо с уверениями в том, что целью Лютера была критика не самого Льва, а развращенности и лжеучений, окружающих папство.

Но Лев уже не был способен успокоиться, поскольку к тому времени дело зашло слишком далеко. 15 июня 1520 года Лев X опубликовал буллу *Exsurge domine*, в которой перечислялась сорок одна «ересь» из работ Лютера и давалось ему шестьдесят дней на то, чтобы, отрекшись, потребовать сожжения своих книг. Осенью папский легат Иероним Алеандер и Иоганн Экк инсценировали сожжение книг Лютера. В отместку 10 декабря 1520 года профессора и студенты Виттенбергского университета собрались за городскими воротами, чтобы устроить костер и сжечь некоторые схоластические труды и книги по каноническому праву. Дрожащий от нахлынувших чувств Лютер сделал шаг из толпы и кинул в пламя папскую буллу, тихо проговорив: «За то что ты ругаешься над истиной Божией, пусть сегодня Господь уничтожит тебя в этом огне». Лютер публично окончательно порвал с Римом. 3 января 1521 года папа издал буллу об отлучении *Decet romanum pontificem*, объявив Лютера еретиком вне закона. Теперь дело было за Карлом V, ставшим в 1519 году императором. Он должен был привести отлучение в действие посредством императорского указа, который означал для еретика смерть. 6 марта 1521 года Лютер был призван предстать перед императором и собранием рейхстага Священной Римской империи в Вормсе. Лютер приехал в Вормс и отстаивал там свою позицию.

На обратном пути из Вормса в Виттенберг Лютер заехал в Мёре, чтобы навестить свою бабушку и проповедовать там в церкви. Вечером 4 мая близ Альтенштейна отряд вооруженных всадников устроил засаду. Спутники Лютера убежали в заросли, а когда они вернулись, Лютера уже не было. Всадники полночи везли его окольными путями, к утру доставив в Вартбургский замок, неподалеку от Айзенаха. Курфюрст Фридрих приказал своим людям не говорить Лютеру, куда его привезли, чтобы перед рейхстагом он мог честно заявить, что не знал о своем местонахождении. Только капитану отряда и нескольким солдатам была известна личность пленника. Лютер скрывался в Вартбурге под именем рыцаря Георга, носил рыцарскую цепь и украшения, отпустил длинную бороду, волосы и посылал письма с такими загадочными адресами, как «Птичья область», «Воздушный край» и «Остров Патмос». Широко распространились слухи, будто Алеандер приказал его убить, будто его нашли мертвым в серебряной шахте, будто он сбежал к Сикингену. Но кое-кто подозревал курфюрста Фридриха в покровительстве ему.

Устраненный с общественной арены, Лютер не находил покоя на протяжении десяти месяцев своего пребывания в Вартбурге. После выпавших ему испытаний он страдал от сильнейшего нервного истощения и приступов несварения желудка. Там он написал несколько трактатов, из которых наиболее важным был посвященный его отцу труд *О монашеских обетах*. В нем Лютер утверждал, что безбрачие и монашеский аскетизм противоречат Писанию и менее полезны Богу и человеку, чем плодотворная жизнь в миру. Но величайшим достижением его вынужденного «безделья» был мастерский перевод Септуагинты (греческого перевода Ветхого Завета) на немецкий язык, которым он занимался с декабря по конец февраля 1522 года. Позже он и его университетский «синедрион» перевели Ветхий Завет с еврейского, полностью завершив работу в 1534 году. Это был лингвистический триумф, сильно повлиявший на религиозную жизнь, способствовавший формированию и развитию немецкого литературного языка и подтолкнувший к переводу Библии на другие языки, включая английский.

Тем временем дела в Виттенберге приобретали радикальный оборот. Монах августинец Габриель Цвиллинг (Gabriel Zwilling) и профессор университета Адreas Карлштадт выступили с резкой критикой мессы, безбрачия и изваяний, отстаивая Причастие в двух материальных элементах (когда верующие вкушают и хлеб, и вино). Карлштадт женился на дочери бедного дворянина, и многие монахи последовали его примеру, также взяв себе жен. Цвиллинг возглавил иконоборческое движение, выступая против алтарей, церковных изваяний и картин. 21 декабря в Виттенберг прибыли «пророки» из Цвиккау (Zwickau): неграмотный портной Николас Шторх (Nicholas Storch), бывший виттенбергский студент Марк Штубнер (Mark Stübner) и третий незнакомец. Эти харизматические спиритуалисты были последователями Томаса Мюнцера и претендовали на личные откровения, отвергали внешние Таинства и власть во всех ее формах, а также проповедовали коммунизм в отношении собственности и жен. Филипп Меланхтон, который на время отсутствия Лютера перенял руководство в Виттенберге, первоначально был к ним расположен доброжелательно, хотя и сдержанно. Лютер же отреагировал замечанием, что любое личное откровение недействительно, если не согласуется с Писанием, и съязвил: «Они проглотили Святого Духа с перьями и всеми потрохами».

1 февраля 1522 года в городе начались сильные беспорядки, и городской совет, не сумев с ними совладать, попросил Лютера вернуться. Лютер вернулся 6 марта и выступил с шестью проповедями на тему умеренности, необходимости любви в обращении с ближними и воздержания от того, что является соблазном для немощных, еще не обращенных братьев, поскольку к Виттенбергу приковано внимание всего мира. Страсти утихли, и начались постепенные перемены: отмена частной мессы, превращение публичной мессы в реформированную литургию, а осенью 1523 года была введена исправленная литургия под редакцией самого Лютера.

Беспорядки заразительны, и поскольку взаимная вражда была специфической болезнью рыцарского сословия, нетрудно было предвидеть Рыцарскую войну 1522—1523 годов. После того как рыцарство утратило свое социальное значение, этому бесполезному сословию оставалось три способа существования. Рыцари могли заняться сельским хозяйством или управлением поместий, как это практиковалось к востоку от Эльбы; они могли приспособиться к современной политической ситуации и пойти на службу к могущественным князьям в качестве чиновников, либо опуститься до промысла разбоем и грабежом. Маленький человек с большими идеями по имени Франц фон Зиккинген (Franz von Sickingen) избрал третий путь. При рождении сына в Эбернбургской (Ebernburg) крепости в 1481 году его отец прочел в гороскопе, что сын достигнет значительной власти, но кончит плохо. Франц был талантлив и скопил значительное богатство на разработке рудников в своих землях и грабеже купеческих обозов. Однажды он даже ссудил императору сумму в 50.000 гульденов. Франц поступил на службу к французскому королю, совершая с тысячей вооруженных людей карательные и грабительские рейды до самой Лотарингии и объявив войну городу Вормс. Однако сердцем он был на стороне германской империи и поддерживал Карла V, хотя разочаровался, когда Карлу не удалось привести Германию к новым завоеваниям. Пропагандист рыцарского дела Ульрих фон Гуттен писал: «Франц является человеком, которого у Германии уже давно не было!»¹⁹ Зиккинген укрепил Эбернбург тридцатью шестью пушками, в числе которых было орудие весом в три с половиной тонны под названием Соловей.

27 августа 1522 года Франц объявил войну полуфеодалному архиепископу Трирскому. Эта война получила в истории ошибочное название Рыцарский бунт. Зиккинген объявил, что освободит людей от ига священников и доставит им евангельскую свободу. Лютеранство действительно глубоко проникло в рыцарское сословие, но мотивы Франца были столь же запутанны, как и его идеология, поскольку при отчуждении владений архиепископа он надеялся захватить земли для себя. Он напал на город 7 сентября, но после восьмидневной осады потерпел поражение. Затем трое князей объединили свои силы и 30 апреля 1523 года осадили Зиккингена в крепости Ландштул (Landstuhl). Франц был смертельно ранен снарядом и убит бревном, упавшим при разрушении артиллерийским огнем каменных стен. Позже Швабский союз южно-германских князей и городов выступил с войском под предводительством Георга Трухсесца фон Вальдбурга (Georg Truchsesz von Waldburg), который атаковал крепости Швабских и Франконийских рыцарей и за полтора месяца разрушил тридцать два замка.

Ульрих фон Гуттен первоначально принял дело Лютера за обычную грызню между монахами и усмехнулся: «Пожирай и будь пожран сам!» Но вскоре решил стать союзником Лютера против Рима, впрочем не слишком интересуясь его теологией. Обращаясь к Лютеру как к «своему дорогому брату», он писал ему: «Мне сказали, что тебя отлучили от церкви. Как ты велик, о Лютер, как ты велик, если это правда!» Он был готов выступить против «тирании священников» посредством пера и оружия. Начиная с 1520 года памфлеты с критикой римской иерархии текли из-под его пера непрерывным потоком. В своих *Febris* и *Inspicientes* он обрушивался на следователя и

¹⁹ Уильям Хичкок, Причины рыцарских мятежей 1522—1523 годов (Беркли и Лос-Анджелес, 1958), стр. 24. (William R. Hitchcock, The background of the Knights' Revolt, 1522—1523.)

судью Лютера кардинала Каэтана. Комментируя *Буллу Льва X против заблуждений Мартина Лютера*, он нападал на папу как на антихриста. В его брошюре *Булла* обсуждались такие темы как булла Льва Великого, свобода Германии, Гуттен, Франц и другие германцы. В своих *Monitor I* и *Praedones* (Разбойники) он отождествлял христианскую свободу со свободой от Рима. Он перешел с латыни на простонародный язык и достигал масс при помощи огромного количества брошюр, написанных по-немецки. Но Лютер не мог согласиться с призывом Гуттена к оружию ради защиты Евангелия и отказался от его предложения укрыться под защитой Зиккингена. 16 января 1521 года Лютер писал своему другу Спалатину:

«Ты видишь, чего хочет Гуттен. Но я не желаю сражаться за Евангелие посредством насилия и убийств, о чем я ему много писал. Мир был сотворен силою Слова, Церковь была рождена силою Слова, и тем же Словом она будет восстановлена».

Гуттен был слишком болен, чтобы участвовать в походах Зиккингена и бежал в Швейцарию, но Эразм не предоставил ему убежища в Базеле. Наконец Цвингли дружелюбно принял его в Цюрихе, в окрестностях которого он умер в августе 1523 года еще молодым человеком.

Едва завершилась Рыцарская война, как начались еще более серьезные волнения, — череда крестьянских бунтов, терзавших южную и центральную Германию с мая 1524 по июль 1526 года. Астрологи предсказывали на 1524 и 1525 годы наводнение и страшные события. Половину Германии терзали банды бунтующих крестьян, численность которых в некоторых областях достигала двенадцати тысяч человек. На юге восстание проникло в Австрию, достигнув Зальцбурга и Штирии (Styria), крупных беспорядков избежала только Бавария. Увлеченные революционным духом, понимая христианскую свободу Лютера как социальную свободу и будучи подстрекаемы бродячими «пророками», крестьяне восставали под предводительством неспособных к военному делу людей против своих церковных и гражданских феодальных господ. Восстания имели спонтанный локальный характер и были лишены какого-либо общего руководства.

В Черном лесу поднял и возглавил крестьян солдат-агитатор по имени Ганс Мюллер фон Булгенбах (Hans Müller von Bulgenbach), к которому присоединился анабаптистский проповедник Балтасар Губмайер (Balthasar Hubmaier). В Швабии дубильщик из города Мемминген Себастьян Лоцер составил знаменитые Двенадцать тезисов, дающих ясное представление о том, чего именно требовали крестьяне, поскольку требовали они отнюдь не абстрактной свободы. Они желали восстановления общинных земель, отмены феодального суда и налога на наследство, упразднения «малой» десятины в виде скота, права избирать собственных пасторов, восстановления узурпированных дворянством прав на охоту, рыболовство и использование леса, замораживания растущих цен на аренду и услуги и восстановления в судопроизводстве старых добрых законов вместо римских. Требования были достаточно умеренными, но каждый новый бунт сопровождался обычными для беспорядков крайностями: пожарами, мародерством, линчеваниями, убийствами, а в Вейнсберге (Weinsberg) перебили всех защитников замка после их капитуляции. Граф Гельфенштейн (of Helfenstein) был насквозь проткнут копьем на глазах жены и ребенка. Швабский союз выступил против них под предводительством ветерана Рыцарской войны Георга Трухцесца фон Вальдбурга, который перебил и пленил тысячи при Лейпгейме (Leipheim), что к востоку от Ульма. Он встретился с большим крестьянским войском в Вейнгартене (Weingarten) и убедил их подписать договор, после чего они рассеялись и утратили способность к дальнейшим переговорам. Во Франконии крестьяне, возглавляемые трактирщиком, наняли рыцаря Гёца фон Берлихингена (Goetz von Berlichingen) для походов на Бамберг и Майнц. Им даже удалось заставить архиепископа Майнцкого принять требования Двенадцати тезисов.

В Тюрингии крестьяне восстали и разграбили Эрфурт. Только в центральной Германии восставшими было разрушено более сорока монастырей и замков. Наибольшие бесчинства совершались крестьянами под предводительством фанатичного спиритуалиста Томаса Мюнцера, избравшего своим центром Мюльхаузен. Это же восстание и подавили наиболее жестоким образом. Мюнцер был скорее апокалиптическим религиозным экстремистом, чем социальным революционером. Он проповедовал скорое пришествие Царства Божия, в котором все будут равны и собственность станет общей. Он подстрекал народ убивать правителей и разрушать их замки. Свою Лигу избранных он призывал к истреблению необращенных. «Не внимайте стонам нечестивых! Вперед, пока горит огонь! Да не высохнет кровь на ваших мечах!» — поучал он в 1524 году. На своем знамени он изобразил радугу как напоминание о завете Бога с человеком. Возбужденные крестьяне шли в бой с пением: «Приди, Дух Святой, Господь и Бог!» 15 мая 1525 года их атаковали герцог Георг Саксонский и граф Филипп Эйзенах (of Eisenach). В одной из ужаснейших боен той войны княжеские войска перебили несколько тысяч крестьян и сотни взяли в плен, позволив бежать лишь некоторым. Так, на эсхатологической ноте Армагеддона окончился один из наиболее кровавых и драматических эпизодов крестьянских волнений.

Эти крестьянские восстания по своей схеме совпадали с бунтами позднего Средневековья. Они прокатились волной по Фландрии, Франции, Англии и Богемии, а в Германии перед крупнейшим восстанием 1525 года их случилось, по меньшей мере, двенадцать. Подобно ситуации четырнадцатого века, положение крестьян стало

лучше, чем ранее. Улучшение породило мечтания о еще больших благах и ненависть к князьям, городам и епископам, постоянно обогащающим и укрепляющим свою власть. Сокрушительное поражение рыцарей в юго-восточной Германии, этих бандитов, устрашавших и эксплуатировавших крестьян на протяжении веков, освободило крестьянство от одного вида врагов, хотя остатки рыцарства, включая брата Гуттена и сына Зиккингена, в составе армии теперь сражались против них. Наибольшей плотностью населения отличался горный юго-запад Швабии, который на протяжении столетий был источником германской эмиграции. Там и возникло единственное хорошо организованное крестьянское движение под предводительством талантливого Йосса Фритца (Joss Fritz), названное в честь крестьянской обуви *Бундиух*. Фриц был способным пропагандистом, а не военным тактиком, но впрочем, всегда избегал плена. Провозглашение Лютером евангельской свободы привело к революционному смешению экономических и религиозных идей. В ночь между его появлениями перед Вормским рейхстагом на стенах появился знак *Бундиух*. Лютер с самого начала выступал против применения силы и насилия для защиты человека или его теологических воззрений. Он выступал против тирании светских и церковных правителей, но предупреждал против народного террора. Однажды он похвалился: «Если бы я хотел беды, то мог бы погрузить Германию в великое кровопролитие. Да, в Вормсе я мог бы начать такую заварушку, что даже император был бы в опасности. Но чем бы это было? Игрою в революцию. Я не предпринял ничего. Я все оставил Слову!» Еще скрываясь в Вартбургском замке, он ощущал опасную напряженность обстановки и написал *Открытое увещевание ко всем христианам воздерживаться от смуты и мятежа*.

Его отношение к вооруженному восстанию было широко известно, о чем свидетельствует знаменитый трактат 1521 года швейцарского гуманиста Вадяна (Vadian) под названием *Карштханс* (Ганс Мотыжник; французских крестьян высокомерно называли Жаками, а германских — Гансами). В этом трактате Меркурий, францисканский монах Мюрнер и Карштханс обсуждают Лейпцигскую дискуссию. Мюрнер покидает сцену, когда объявляется о появлении Лютера. Лютер жалуется на гонения, а Карштханс обещает крестьянам защиту. Но Лютер осуждает «войну и убийства» и удаляется. Лютер так и не отказался от своего убеждения, что только законная власть имеет право использовать меч. Через месяц после возникновения крестьянского движения он написал *Увещевание к миролюбию в ответ на Двенадцать тезисов швабских крестьян (An Exhortation to Peace in Reply to the Twelve Articles of the Swabian Peasants)* (апрель 1525 года), в котором, обращаясь к обеим сторонам, он смело критикует князей и епископов, тирании которых обещает печальный конец Слово Божие и вся история, и предупреждает крестьян о том, что Слово Божие и весь опыт говорит об еще худших последствиях бунта и анархии, цитируя предостережение Христа: «Все, взявшие меч, мечом погибнут». Рискуя собственной жизнью, Лютер лично посетил эпицентр вражды в Тюрингии, чтобы выступить в роли посредника между крестьянами и курфюрстом Фридрихом, который был готов к уступкам, но его проповедь оказалась тщетна. Услышав возмутительные и очевидно преувеличенные известия о грабежах и убийствах, совершаемых толпой, и наблюдая, как крестьяне следуют за Мюнцером в бой, он написал свой жесткий памфлет *Против грабящих и убивающих крестьянских банд (Against Robbing and Murderous Peasant Bands)* (май 1525 года), в котором убеждал, что крестьяне должны быть остановлены и подавлены. По прошествии кризиса он писал письма и памфлеты, призывавшие к милосердию и умеренности в отношении крестьян и выражавшие сожаление о грубости его прежних выражений.

Крестьянские восстания едва ли могли рассчитывать на успешный исход по причине случайности своего характера, недостаточной организованности, слабости военного руководства и скоротечности. Реальное положение крестьян мало изменилось. Наложённые на них штрафы были постепенно снижены или вовсе не взысканы. Даже разоружение крестьян не везде производилось. Большинство дворян понимали, что уступки крестьянам им самим принесут экономическую выгоду. Крестьяне приняли евангелическую веру Лютера только после поражения восстаний, когда евангелические проповедники смогли занять кафедры в деревенских приходах и начали постепенно евангелизировать деревенский люд. По всей видимости, они осознавали неизменность позиции Лютера, и немногие обвиняли его в предательстве дела, за которое он, в действительности, никогда не выступал. После 1525 года Реформация продолжала с прежней скоростью распространяться в новых областях Германии как спонтанное народное движение. С другой стороны, подавление еще одного крупного общественного класса, игравшего роль политического противовеса, послужило быстрому укреплению княжеского абсолютизма. Было принято считать, что крестьянские восстания встревожили правителей, которые были поражены влиянием лютеранства на широкие массы и решили вернуться в католицизм. Однако несостоятельность этого мнения очевидна, поскольку евангелическая церковь продолжала распространяться в новых землях и странах.

Реформация на Аугсбургском рейхстаге 1530 года

Редко когда в истории возникало такое взаимопонимание и взаимодействие между университетом и широкими народными массами, как между молодым и сильным Виттенбергским университетом и германцами. Сердцем Реформации был образовательный центр, а ее вождь — профессор теологии, вышедший из народа. «Миром

должны править учителя, мудрецы и писатели», — возвышенно заявил Лютер в одной из своих *Застольных бесед*: «Если Бог в Своем гневе убрал бы из этого мира всех образованных людей, то люди стали бы животными и дикими зверьми. Тогда не было бы ни мудрости, ни религии, ни закона, но царили бы лишь грабеж, воровство, убийство, блуд и всякого рода зло!» Лютер был профессором до мозга кости, дважды в неделю читая лекции студентам теологии, прибывшим со всех уголков Германии для обучения или переучивания. Один из них оставил нам следующее описание профессора-экзегета Лютера:

«Это был человек среднего роста, обладавший голосом, который сочетал резкость и мягкость: мягкая интонация и резкое произношение слогов, слов и предложений. [Типичный саксонец!] Он говорил не слишком быстро и не слишком медленно, но равномерно, без пауз и очень ясно, в таком естественном порядке, что каждая новая часть лекции гармонично вытекала из предыдущей. Он излагал каждую часть, используя не словесные хитросплетения, а отдельные слова слагал в предложения так, чтобы излагаемый материал возникал и проистекал из самого текста... Таким образом, он извлекал тему из пособия, которое сам подготовил, чтобы материал лекции, выводы, отступления, мораль и антитеза были всегда под рукою. Благодаря этому лекции всегда были свободны от всего второстепенного и постороннего. И еще, о самом духе этого человека: даже когда в аудитории присутствовали его злейшие враги, то на основании услышанного они признавали, что наблюдали не человека, но духа, поскольку невозможно преподавать столь изумительные вещи самому, но только под влиянием некоего доброго или злого духа».²⁰

Лютер был польщен и несколько удивлен, что не только студенты, но и весь мир прислушивается к его словам. Гуманист Иреник (Irenicus) писал в 1518 году: «Мы хотели бы назвать Лютера вождем всех германцев из уважения к превосходной эрудиции, которой обладает этот выдающийся человек».

Лютер произвел реформу гуманитарной программы университета, отдавая предпочтение гуманитарным дисциплинам, языкам, риторике и истории вместо традиционной диалектики и схоластических рассуждений. Кроме того, он реформировал теологическую программу, оспорив изречение Фомы Аквинского, что без Аристотеля невозможно стать теологом. В 1517 году он писал в письме Матфею Лангу: «К нашей теологии и Св. Августина приходит успех... Аристотель мало-помалу уступает». Студентов и молодых преподавателей университета будоражили его идеи образовательной реформы и евангелической теологии, в то время как большинство его старших коллег выступали и против первого, и против второго. Реформация была молодежным движением, поскольку в возрасте тридцати четырех Лютер имел последователей в Виттенберге, других университетах и среди гуманистов в лице молодых людей тридцати лет и младше. И наоборот, абсолютному большинству его оппонентов, кроме доктора Экка, было за пятьдесят. Весьма радикальный трактат *О вавилонском пленении Церкви* оттолкнул некоторых пожилых и привлек молодых гуманистов. Многие студенты обменяли свое юридическое призвание на теологию, в новое служение устремился целый поток молодых монахов и священников. Лютер активно участвовал в организации церковной жизни всякий раз, когда местные власти обращались к нему с просьбой о помощи. Он рекомендовал студентов в пасторат и школы, вел обширнейшую переписку, общий объем которой составил более четырех тысяч писем.

Молодой соратник Лютера и внучатый племянник Рейхлина Филипп Меланхтон (1497—1560) уже пользовался славой развитого молодого гуманиста, когда в 1518 году появился в Виттенберге как профессор классической литературы. Его вводная лекция «Об улучшении образования молодежи» призывала к восстановлению источников классической литературы, древних языков и христианского благочестия. Меланхтон обладал стройным телосложением и был человеком книжного, профессорского склада. Урбан Балдуин заметил в своем письме, адресованном другу: «Я видел Меланхтона танцующим с женою декана, и это было замечательное зрелище!» Меланхтон читал лекции по греческой, латинской классике и Писанию. Однажды он прочел лекцию аудитории численностью более девятистот студентов. Лютер, будучи старше его на четырнадцать лет, считал его величайшим теологом всех времен и заявил, что его *Locī* или *Основы* христианского учения должны почитаться после Библии. Он обладал ясным систематическим мышлением и являлся основным автором Аугсбургского вероисповедания и многих других трудов, посвященных систематике, риторике и исповеданию. После смерти Лютера он стал общепризнанным главой движения, действуя в примирительном гуманистическом духе и добиваясь уступок, содействующих единству Церкви.

Разрыв между Лютером и Эразмом в 1524—1525 году был особенно болезненным для Меланхтона, столь страстно восхищавшегося королем гуманистов и поддерживавшего с ним переписку даже после серьезной ссоры. Старшие гуманисты вначале отнеслись к Лютеру благосклонно, воспринимая его как критика и обновителя теологии, согласного с их программой. Рейхлин восклицал: «Слава Богу, что теперь у монахов есть еще кто-то, который задаст им больше работы, чем я». В 1519 году Георг Спалатин писал Мутиану (Mutian):

²⁰ Цитата из Э. Гордона Руппа, *Путь Лютера к Вормскому рейхстагу* (Нью-Йорк, 1964), стр. 44. (E. Gordon Rupp, *Luther's Progress to the Diet of Worms*.)

«Я писал тебе о вашем августинце, докторе Мартине Лютере, к которому, как мне известно, ты слишком расположен, чтобы желать ему зла. Это такой христианин, который действительно скорее пострадает от людей, чем отречется от Христа, Его истин и учения. Слава Богу, что вместе с подлинным и святым богословием оживают самые благородные дисциплины. Можно надеяться, что вскоре будут совершенно очищены все изящные искусства и наука».²¹

Лютер осознавал совершенно ясно, что гуманитарные знания лишены искупительной силы, хотя и являются цветом человеческого творчества и культуры. Он писал: «Человеческая мудрость и свободные искусства истинно являются благородными дарами Божиими... Однако они никогда не объяснят нам подробно, что есть грех и праведность в глазах Божиих, как мы можем освободиться от своих грехов, стать благочестивыми и праведными перед Богом и перейти от смерти к жизни». Лютер ощущал ослабление религиозной активности среди гуманистов уже в марте 1517 года, когда писал: «Гуманисты находят больше пользы в Эразме, чем в божественном». Эразм признавал собственную слабость, объясняя, что Бог не всем дал силу стать мучениками, но также добавлял, что христианство имеет много мучеников и мало мыслителей. Более того, они обладали разными темпераментами. Цвингли проницательно сравнил Лютера с молодым героем Аяксом, а Эразма с хитрым Одиссеем. Поэт Эобан Гесс (Eobanus Hessus) заметил, что Эразм обозначил, что следовало сделать, а Лютер взял нож и отсек больное.

Когда они сошлись в схватке, это была борьба гигантов. Лютер поздравил Эразма с тем, что тот избежал второстепенных вопросов и целится прямо в сердце. Эразм желал уклониться бы от спора, как во время полемики с Рейхлином, и попал под перекрестный огонь. Когда же наконец его вынудили писать против Лютера, он утверждал, что человек отчасти свободен в своей воле, и сознательные поступки нравственного характера ценны для Бога, заповеди добродетели были бы лишены смысла, если бы человек не мог поступать так, как требует Бог. Для Эразма путь в Божие присутствие сочетал благодать и добродетель, посредством которой человек может взобраться «вверх от плоти к духу, от видимого к невидимому, от буквы к тайне, от разумного к понятному, от сложного к простому, как по ступеням лестницы Иакова» (*Enchiridion*). Эразм сделал несколько опасных допущений, заявив, например, что остался бы скептиком, если Церковь не утвердила некоторые положения веры догматами. На это Лютер ответил в своем *De servo arbitrio* («О рабстве воли»): «Святой Дух — не скептик!» Лютер следовал Павлу, подчеркивая Божию инициативу в спасении человека. Божия благодать — это благоволение, в котором всегда присутствует Сам Податель благодати. Благодать является Божественным деянием полного, свободного и окончательного прощения, оправдывающим человека, а не всего лишь некой духовной субстанцией, соприкасающейся и соединяющейся с естественной свободной волей человека. Человек не может уверовать во Христа при помощи своего разума или силы. Таким образом, полемика заключалась не в обсуждении свободы воли и детерминизма в земной жизни человека. Подобно Эразму, Лютер верил, что человеческий разум является величайшим Божиим творением, и человек достаточно свободен решать земные вещи. Однако он не верил, что человек может исполнить Божий Закон без помощи извне и возлюбить Бога превыше всего на свете и ближнего своего как самого себя, несмотря на то, что Бог это заповедал. Он не верил, что человек может придти к вере во Христа, не будучи просвещенным Святым Духом, что принципиально противоречит разуму. В духовных вопросах свободой обладает только воля возрожденного человека. Это великое разногласие обозначило разделение между старыми гуманистами и реформаторами. С того момента Лютер публично игнорировал Эразма, хотя продолжал читать его работы. По иронии, многие католические современники Эразма считали, что он отстаивает свои собственные позиции, а не учение Церкви. Его старый друг Алендер однажды прокомментировал, что Эразм принес Церкви больше вреда, чем Лютер вообще был способен.

Лютер имел такое лидирующее положение в своем поколении, какое было у немногих кроме него, но при этом он отличался непритворной естественностью. Он был прям, искренен и открыто для всех выражал свои глубочайшие чувства.

Лютер женился в тот же год, когда написал *О рабстве воли* (1525). Для самого Лютера женитьба оказалась неожиданностью. Он долго отвергал мысль о браке, хотя другим активно рекомендовал его как прекрасное состояние. Лютер опасался, что противники могли оклеветать его реформаторские мотивы, если он женится. 6 августа 1521 года он писал Спалатину: «Они никогда не заставят меня жениться». В 1524 году он держался прежнего мнения, хотя несколько его духовных соратников женились. Сам он жил в Виттенбергском Черном монастыре вместе с единственным уцелевшим монахом, настоятелем, — в подлинно холостяцкой манере: постель менялась не чаще чем раз в два года, отсутствие режима, плохое питание. К весне 1525 года его мнение стало меняться. Затем его друг Венцеслас Линк (Wenceslas Linck) получил от него письмо: «Неожиданно, среди занятий совершенно другими делами, Господь вверг меня в брак». Возможно, это произошло неожиданно, но очевидно, что «другие дела» не вытеснили эту мысль из его разума полностью, потому что другому своему другу он писал: «Если смогу себе позволить, то возьму Кати в жены, чтобы досадить дьяволу перед своей смертью. Я верю, что им не удастся

²¹ Спалатин Мутиану, 17 мая 1519 года, цитата из Ирггарда Гёсс (Irmgard Höss), *Георг Спалатин, 1484—1545: Ein Leben in der Zeit des Humanismus und der Reformation* (Веймар, 1956), стр. 79-80.

лишить меня радости и отваги!» Катарина фон Бор была одной из девяти монашек, бежавших из Мариентронского (of Marienthron) монастыря под влиянием трудов Лютера и прибывших в Виттенберг в поисках убежища. Она обладала живым характером и в некоторой степени аристократическими манерами. Свадьба состоялась вечером 13 июня 1525 года в Черном монастыре. Невесте двадцать шесть, а жениху сорок два года. Много лет спустя Лютер пошутил в одной из *Застольных бесед*: «Слава Богу, что со мной обошлось благополучно, ведь у меня благочестивая, верная жена, с которой мужчина может безопасно успокоить свое сердце».

Мартин и Кати Лютер родили шестерых детей за два десятилетия своей супружеской жизни, и Лютер провел много счастливых часов в семейном кругу. Он любил музыку, играл на лютне и флейте, руководил распеванием песен фламандских и германских авторов, а иногда и своих собственных. Лютер составил книгу для семейного назидания (*Hauspostille*), а также *Малый катехизис* и *Большой катехизис* (1529) для наставления детей и церковного применения, писал гимны для общецерковного поклонения. Наиболее известной стала «песня марш» Реформации — «Опора наша — вечный Бог». Дом был всегда полон бедных студентов, друзей и посетителей со всех уголков Европы, и потому только мудрое хозяйствование Кати хранило семью от разорения. Лютер также познал и отцовское горе при смерти ребенка. Его дочь Елизавета умерла младенцем, а когда на отцовских руках отошла тринадцатилетняя Магдалена, он отвернулся в сторону, чтобы скрыть слезы, и сказал: «Живем или умираем, — всегда Господни». Его вера прошла проверку испытаниями.

Древние спартанцы говорили о Филиппе Македонском после падения Фив: «Разрушить город он способен, но построить новый — уже выше его сил». Строительство реформированной церкви по принципам евангелического церковного порядка поглощало много сил Лютера в последние десятилетия его жизни. Он составил новый порядок служения на немецком языке (1526) для церкви в Виттенберге, сохранивший традиционное участие хора в поклонении. Центральное место в богослужении уделялось проповеди на родном языке с последующим Причастием в обоих видах. Крещение сохранялось как еще одно Таинство Христово, посредством которого младенцы возрождаются и прививаются к Церкви. Ради восстановления новозаветного образца церковной жизни Лютер применял в разумных пределах идею священства всех верующих. Членам церкви было предоставлено производить суд в вопросах учения, призывать пасторов и учителей, распоряжаться деньгами, заботиться о нуждающихся и отправлять «служение ключей», т.е. увещевание и отлучение. Община назначала пастора и доверяла ему право проповедовать и преподавать Таинства.

Практически этот идеал удалось реализовать лишь отчасти, поскольку традиционный контроль над материальным имуществом и внешними делами церкви со стороны князей и городских советов настолько глубоко укоренился, что во многих землях Лютер был вынужден зависеть от них в вопросах организации и церковного руководства. Однако он не мирился с подобной практикой и обращался к ним как к «христианам, наделенным властью» и «временным епископам», пока не были готовы образованные люди, перенявшие контроль и руководство в качестве евангелических епископов, свободных от светского контроля. В Саксонии курфюрст Фридрих назначил контрольную комиссию в составе двух советников курфюрста и двух теологов — Лютера и Юстуса Йонаса для надзора за духовным состоянием приходов. Монастырские владения и пожертвования на мессы были употреблены на образование и благотворительность. В следующем году Меланхтон составил для курфюрста *Наставление для пасторских визитаций*, которое содержало тезисы евангельского учения и предназначалось для надзора суперинтендента за духовенством в четырех отдельных районах, требуя от пасторов и мирян лучшего образования. В предисловии к этому *Наставлению* Лютер вновь подчеркнул, что «Его Курфюршеской Милости» надлежит действовать «в христианской любви, потому он не несет на себе ответственность мирского феодала, но поступает так ради Бога и для пользы Евангелия, а также во благо и процветание бедных христиан». По его словам, визитации призваны послужить великой нужде церкви, должны совершаться из братской христианской любви и являются временным явлением до улучшения ситуации или возникновения более совершенной системы. Лютер мужественно выступал за сохранение разделения между духовной и светской властями. Он оказался перед выбором между двумя моделями церкви: небольшой группы исповедующих верующих — и национальной церкви, включающей всех членов общества, даже формальных христиан. В 1539 году курфюрст Фридрих Мудрый учредил консисторию, или мирской суд для разбора дел, касающихся морального состояния духовенства. Пока был жив Лютер, духовные вопросы по-прежнему регулярно направлялись на его суд, но после его смерти в территориальном управлении все большую роль играла консистория, состоявшая из четырех членов.

На протяжении десятилетия после Вормского рейхстага лютеранство набирало силу, охватывая новые города и земли. В 1526 году император Карл решил привести Вормский эдикт в действие, однако не смог присутствовать на рейхстаге в Шпейере в том же году. Евангелическим провинциям удалось при поддержке некоторых католических князей отложить решение до созыва через полтора года общенационального, или экуменического совета, который возьмет на себя разрешение вопроса. До этого времени каждой области надлежало поступать согласно собственному пониманию долга перед Богом и императором. Императору воспрепятствовала свободно выступить против Лютера его постоянная занятость войнами против Франции, папы и турок. Но когда в 1529 году в Шпейе-

ре он потребовал аннулирования решения 1526 года, оставлявшего лютеранский вопрос в ведении земель, то евангелические земли Курфюршество Саксония, Бранденбург, Гессен, Ангальт и четырнадцать свободных императорских городов во главе со Страсбургом стали «протестующими землями», откуда и произошло название «протестант».

Император решил присутствовать на следующем рейхстаге 1530 года в Аугсбурге. Лютер не мог на нем присутствовать по причине отлучения, и даже Нюрнберг не осмелился предоставить ему убежище. По этой причине он остановился в крепости Кобург, ближайшем к Аугсбургу замке в Курфюршеской Саксонии, с нетерпением ожидая известий с рейхстага о том, будет ли приведен в исполнение эдикт против него. На стене своей комнаты, расположенной высоко над крепостным валом, он написал для собственного утешения слова псалмопевца: «Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни!» Постоянным потоком от него шли письма к Меланхтону и евангелическим братьям, призывавшие стоять твердо и мужественно. Меланхтон желал воздержаться от любых действий, чтобы не провоцировать развитие раскола и с радостью бы ограничил протестантские утверждения до критики нарушений, но оппоненты Лютера вынудили его сформулировать тезисы евангелического учения. 25 июня 1530 года его Аугсбургское исповедание было зачитано рейхстагу и императору, став классическим лютеранским Вероисповеданием. Речь шла не об основании новой церкви, но лишь о попытке реформировать Церковь Христову повсюду. Прочтя слова Меланхтона, Лютер восторженно сказал: «Я не умею ходить так мягко и тихо». По-прежнему надеясь на единство, Меланхтон опустил в Исповедании такие спорные вопросы как почитание святых, существование чистилища [, торговля индульгенциями], пресуществление и священство всех верующих. Лютер разделял чувства Меланхтона, но уже не верил в возможность единства, пока папа стоит во главе иерархии. Император и католическое большинство отвергли Вероисповедание и даже не приняли во внимание подготовленную Меланхтоном *Апологию* Аугсбургского вероисповедания. 2 октября 1530 года, за два дня до отъезда из Кобурга, Лютер произнес в часовне свою прощальную проповедь о событиях в Аугсбурге:

«Если они решат обойтись с нами милостиво, то поступят во имя Господне. Если нет, то пусть поступают, как хотят, — заботит ли это нас? Небеса превосходят землю, и невозможно, чтобы земля правила небом. Если они что замышляют, то должны прежде спросить нашего Господа и Бога, угодны ли ему эти намерения. Если Ему они не угодны, то пусть совещаются и решат, как им поступать. Написано: «Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им».

В Вормсе Лютер стоял один; в Аугсбурге его представляло евангелическое сообщество, а Вероисповедание было подписано наиболее влиятельными и могущественными князьями Империи.

Последние годы Лютера отмечены кипучей деятельностью и великими трудами. Он продолжал читать лекции, начал в 1535 году свои последние обширные Комментарии на Бытие, служил деканом теологического факультета, совершал визитации церквей и подготовил для собрания в Шмалькальдене союза протестантских князей в 1537 году Шмалькальденские артикулы, свое богословское завещание. На той встрече у него случился приступ каменной болезни в почках и желчном пузыре, и он вернулся в Виттенберг очень больным человеком. Тем не менее, у него оставалось еще девять лет жизни, значительную часть которых он посвятил написанию почти 165 трактатов и до десяти писем в день. Он экзаменовал кандидатов на докторскую степень и устраивал для преуспевших кандидатов «докторские пиры» с пивом и олениной. Больной и постоянно озабоченный военной опасностью, он стал вспыльчив и даже груб, не только в делах, но и в личной жизни. В ответ на упреки Кати: «Дорогой муж, ты слишком груб», он отвечал: «Они научили меня быть грубым».

Его жизнь прервалась там же, где и началась — в городе Эйсleben. Будучи деятельным до последней минуты, он отправился туда в середине зимы для разрешения судебного спора между графами Мансфельдами. По прибытии с ним случился сердечный приступ, но он оправился и на протяжении трех недель руководил переговорами. 17 февраля дело было разрешено, но Лютер был изможден и пережил череду новых приступов. Когда один из друзей спросил его у смертного ложа: «Дорогой отец, исповедуешь ли ты Христа, Сына Божия, нашим Спасителем и Искупителем?» — он отчетливо ответил: «Да!». Так 18 февраля 1546 года около половины третьего утра отошел в вечность человек, о котором было написано больше, чем о ком-либо другом, кроме Иисуса. Был ли он сам вершителем событий, или просто человеком, прожившим насыщенную событиями жизнь? Его собственные последние слова, записанные на клочке бумаги за два дня до смерти свидетельствуют о его уважении к величию и одновременно ограниченности человеческого бытия:

«Никто не сможет понять *Bucolica* и *Georgica* Вергилия, если не был пастухом или крестьянином на протяжении пяти лет. Я утверждаю, что никто не поймет писем Цицерона, если не занимался важными государственными делами на протяжении двадцати лет. Пусть никто не думает, что глубоко вкусил Святого Писания, если не руководил праведно церквями на протяжении ста лет. По этой причине, впечатляет пример (1) Иоанна Крестителя, (2) Христа, (3) Апостолов. Не пытайтесь объять эту божественную Энеиду, а смиренно поклонись ее следам.

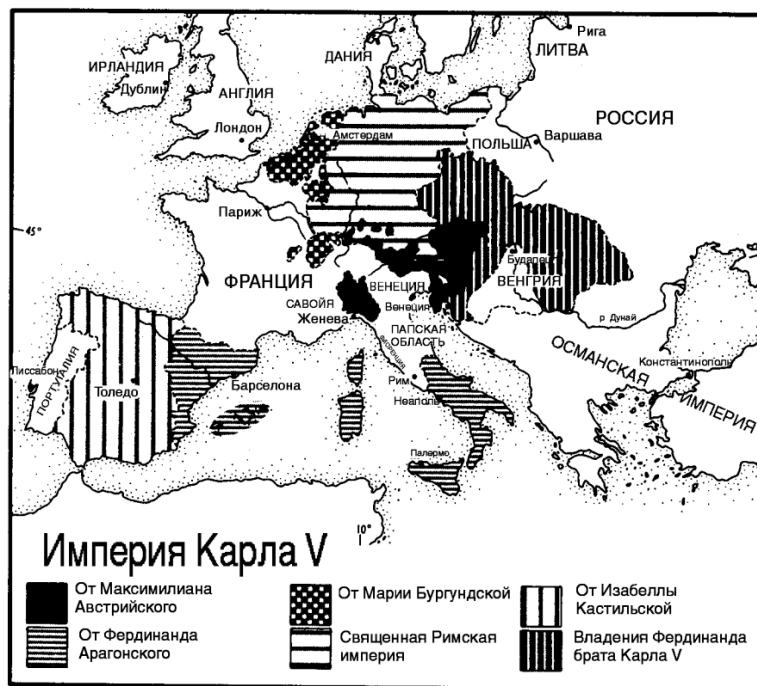
Возможно, Лютер имел собственные интересные представления о чудесных людях и великих исторических героях, но себя он видел как смиренное орудие в руках Божиих, а не как просто сплавляемое бревно, выброшенное на песок времени безразличными волнами истории.

²² Генрих Борнкамм (Heinrich Bornkamm), *Мысленный мир Лютера (Luther's World of Thought)*, пер. Мартина Г. Бертрама (Martin H. Bertram) (Сент-Льюис, 1958). Эта ссылка на *Аэнейд (Aeneid)* является цитатой из римского поэта Статия (Statius) (умер прибл. в 96 г. н.э.), *Thebaid*, XII, с. 816, цитата отсюда же, №4.

Кризис империи

Молодой император Карл V, восшедший на престол во время Вормского сейма 1521 года, был во всех отношениях исключительным человеком. Являясь потомком многих древних родов, он унаследовал от своих габсбургских предков Голландию, Люксембург, Бургундию, Эльзас, Кастилию, Арагон, Неаполь, Сицилию, Австрию и испанские владения в Новом Свете. Эти владения были обширнее земель любого другого правителя того времени, они в два раза превосходили территорию Франции. В его жилах текла королевская кровь древних христианских династий, большей частью испанских, а также бургундских, французских и германских.

Молодой человек, которого Лютер назвал «наимилостивейшим господином и императором», был обладателем светло-коричневых волос, длинного, скорее узкого меланхолического лица, пристальных глаз и выступающей габсбургской челюсти. Ночью 17 апреля на стенах Вормса непонятным образом появилась надпись: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок». ²³ Перед Карлом стоял Лютер, скромный августинец, который благодаря одной лишь духовной силе вырвался из монастыря на историческую арену. По странной иронии, высвобожденные им силы настолько способствовали истощению императора, что последние свои годы тот провел в уединенном замке рядом с монастырем. Умер он братом-мирянином. Правление Карла V было трудным, но ни в коем случае не бессмысленным, потому что унаследованные им принципы власти, поведения и идеологии он сумел облечь в новые универсальные формы, которые определяют как бытие, так и мышление человечества и по сей день.

Родившийся в Генте 14 февраля 1500 года от Филиппа Справедливого, — сына императора Максимилиана и Марии Бургундской, — и Иоанны, позднее прозванной «безумной», — дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, — Карл вырос в Голландии, впитав фламандскую набожность и идеалы бургундских рыцарей, и эти две черты характера на протяжении всей его жизни оставались главными. Еще во младенчестве родители Карла уехали в Испанию, оставив его на попечение Маргариты Йоркской, вдовы герцога Карла Бесстрашного Бургундского, который был убит в Нанси в 1477 году. В 1507 году Маргарита Австрийская переехала в Мехелен ²⁴ и приняла на себя роль опекунши и няньки Карла. С раннего детства ему было свойственно глубокое понимание призвания, достоинства и верховности королевской власти как божественного института. Это понимание никогда не покидало его. Одним из его наставников был Адриан Утрехтский, благочестивый человек, позднее ставший папой ²⁵. В отрочестве его мысли были нацелены на освобождение Бургундии от французов. Со сменой советников и избранием в 1519 году главою Священной Римской империи его внимание переключилось на Италию. Действуя после 1521 года в основном из Испании, он вновь заявил о древних претензиях Империи на земли

²³ Еккл. 10:17. — Прим. ред.

²⁴ МЕХЕЛЕН (Малин) (флам. Mechelen, франц. Malines), город в Бельгии, на р. Диль. — Прим. ред.

²⁵ АДРИАН VI. — Прим. ред.

Милана, Тосканы и Неаполя и принял на себя императорские обязанности по защите Италии от Франции и влиянию на папу. Установив новую связь Мадрид—Рим, он возродил идею европейского единства.

Карл был полностью привержен династическому порядку как средству достижения господства в Европе и установления мировой империи. Утверждение позиций Габсбургов посредством заключения браков или войн было религиозной обязанностью, исполнявшейся из почтения к предкам и заботы о потомках. Он был верен идеалам Средневековья, согласно которым папа — единственный и верховный духовный глава, а император — высшая в христианском мире светская власть. Он глубоко переживал предательство папы и союз христианского короля Франции с турками. Его целями в Новом Свете были распространение Христианства среди язычников и приобретение сокровищ Мексики и Перу для финансирования предприятий на континенте. Его идея всемирной династической империи подняла мышление и устремления феодалов и городских властей на новый уровень. Крупные сеньоры-феодалы перенесли свое внимание с мелочной конкуренции на вопросы имперской политики, основанной на более высоких принципах.

Более сорока лет Карл вел одну войну за другой и один за другим заключал договоры то ради достижения своих целей, то ради возмещения убытков. Его военные походы зачастую напоминали похождения Дон Кихота, задуманные и осуществленные как некая феодальная шахматная партия или турнир. Обладая легким, но атлетическим телосложением, прекрасно вооруженный и восседающий на белом коне, он руководил многими битвами. Он рассылал десятки тысяч государственных писем, часто написанных собственной рукой, многие из них сохранились и доныне как свидетельства его государственного энтузиазма и преданности долгу. Королям грядущих веков он оставил пример просвещеннейшего монарха, однако его собственный проект Карлландии провалился. Его сила стала его же слабостью, потому что обширные пространства его владений были естественно открыты и уязвимы. Окруженная Франция имела преимущество централизованности и отлаженности коммуникаций. Земли Империи на востоке были крайне удалены от центра власти в Испании и лежали прямо на пути у турок. Наиболее губительными для Священной Римской империи, входившей в период глубокого кризиса, оказались неопределенность обязанностей Карла и перемещение центра власти на запад.

Выборы императора в 1519 году имели огромное значение для князей, жителей империи и всей Европы. Еще до смерти Максимилиана, произошедшей 12 января 1519 года, в политике начались предвыборные маневры. 1 января 1515 года на престол Франции вступил двадцатиоднолетний Франциск I. Это был красивый, гордый, весьма тщеславный и расточительный король эпохи Возрождения, щедро содержавший при своем великолепном дворе гуманистов, художников и привлекательных женщин. «Двор без прекрасных женщин, — говорил король, — подобен весне без роз». Его сказочный замок Шамбор до сих пор остается одной из архитектурных жемчужин в ожерелье Луарской долины, и олени все так же бродят по охотничьим угодьям Булонского леса. Будучи человеком отважным, он увлекался военными походами. Склонность к бравате была более чем чертой его характера, что видно из его слов, обращенных к венецианцам: «Я либо приду и буду торжествовать, либо умру». После победы 1515 года в Мариньяно над швейцарской армией он приобрел совершенно незаслуженную славу военачальника, поскольку был слабым стратегом и импульсивным полевым командиром. В соответствии с Брюссельским договором (1516 г.) Франциску достался Милан, а Испания получила контроль над Италией. Теперь Франциск I опасался, что его интересы в Северной Италии окажутся под угрозой, если Карлос I Испанский будет избран императором. Он полагал, что его собственное избрание императором воспрепятствует утверждению Габсбургов, и в 1517 году принялся за подготовку голосов среди курфюрстов²⁶. Месяцы перед избранием нового императора были полны путаницы. Архиепископ Ричард Трирский заявил о своей преданности Франциску, Фридрих Мудрый следовал собственному независимому курсу, а остальные пять курфюрстов получили от обеих сторон фантастические суммы. Габсбурги были вынуждены занять деньги для взятки у германских банкиров. Находясь под влиянием Медичи и испытывая страх перед испанцами, папа Лев X был расположен ко французскому королю. Франциск пообещал Иоахиму I Бранденбургскому, что сделает его своим наместником над всей Германией. Лев и Франциск предпочитали Карлу любого другого германского князя, но единственным вероятным кандидатом был покровитель Лютера Фридрих Мудрый. Фридрих же понимал, что финансовых и человеческих ресурсов его семьи и курфюршества Саксония не хватит для поддержания мира в империи. Агенты доложили папе Льву о подозрениях, что курфюрсты взяли французское золото, но не выберут французского короля. Затем прямо перед самыми выборами Фридрих активно выступил за Карлоса I Испанского, и 28 июня 1519 года курфюрсты избрали его тайным голосованием. Победил внук популярного Максимилиана. К великой радости всех германцев, над галльским петухом воспарил габсбургский орел. 22 октября 1520 года Карл на красивом жеребце въехал в Ахен²⁷ для коронации.

²⁶ КУРФЮРСТЫ (нем. Kurfürsten, букв. князья-избиратели), в «Священной Римской империи» князья (духовные и светские), за которыми с 13 в. было закреплено право избрания императора. Юридически коллегия курфюрстов была оформлена Золотой буллой 1356. — *Прим. ред.*

²⁷ АХЕН (Aachen), город в Германии, земля Сев. Рейн-Вестфалия. Известен с 1 в. как римское поселение Акве-Грани у целебных источников. В кон. 8—нач. 9 вв. главная резиденция Карла Великого. — *Прим. ред.*

Германцы еще не могли предвидеть, сколь негативно скажется на Империи международная политика Карла. Но со временем им стало ясно, что Карл перемещает центр своей власти из Германии и Бургундии на запад. Он всегда ставил Испанию на первое место и отдавал предпочтение испанской ветви своей династии, которой было суждено существовать еще полтора столетия. В возрасте пятнадцати лет он достиг кратковременного единства с Иберией²⁸ посредством брака с Изабеллой Португальской. Контроль над дунайскими землями Габсбургов он передал своей младшей фамильной ветви. Ему удалось умело соединить владения Габсбургов и Ягеллонов²⁹, устроив брак своего младшего брата Фердинанда с Анной, сестрой короля Венгрии и Богемии Лайоша II, и своей сестры Марии с самим Лайошем. Фердинанда он сделал наместником над Австрией и прилегающими землями: Тиролем, Форарльбергом и Вюртембергом, а также передал ему Эльзас, Фюрт и Хаген на условии, что после смерти Фердинанда они возвратятся в бургундское наследство.

Переместив центр власти в Испанию, Карл перенес сферу своих интересов в Западное Средиземноморье, что вовлекло его в драматические морские битвы с тунисскими пиратами. Связав Голландию с Испанией, он таким образом отрезал ее от более естественного единства с Империей. Карл подавлял северо-германские города Ганзы³⁰, чем ускорил их упадок. Он противостоял датскому Кристиану II³¹, мужу своей несчастной сестры Изабеллы, и свел на нет его усилия по строительству сильного государства на севере. Отгородив Францию от Италии, он направил ее экспансию на Лотарингию и Империю — к замешательству, а временами ужасу рейнских земель Германии. Своим относительным невниманием к Империи он позволил протестантским князьям на севере и католическим князьям на юге укрепить их территориальную автономию и индивидуальные интересы. После Вормского сейма 1521 года Карл отправился в Голландию, а затем поспешил в Испанию и больше не возвращался в империю на протяжении долгих восьми лет. Перед ним стояли три серьезные проблемы: войны с Францией, вторжение оттоманских турок и экзамен на твердость с лютеранами.

Войны между Габсбургами и Валуа

Карл V обрел пожизненного врага в лице короля Франции Франциска I. Императору приходилось играть двойственную политическую роль, поскольку он стремился ко всемирному господству, которое бы стало гарантом единства и безопасности христианского мира от всех врагов, и одновременно ковал династическую цепь габсбургских государств, задуманную, чтобы задушить Францию. На карту было поставлено многое, ведь трофеем победителя в этой борьбе был контроль над Средиземноморьем, Атлантикой и Новым Светом. Итальянские города и небольшие государства стали просто пешками в этой шахматной партии королей. Новые сверхгосударства поглощали множество малых держав.

В лице Франциска Ангулемского³², второй ветви орлеанского дома³³, император нашел достойного соперника, импульсивного, колоритного, целеустремленного авантюриста, который правил страной с большим рвением. Когда Франциск узнал о том, что Луи XII остается бездетным, он созвал своих друзей и отметил этот факт, устроив турнир, а когда король умер, Франциск унаследовал его трон. Его мать Луиза Савойская внушала сыну высокое мнение о себе как о короле. Однажды она сказала: «Я пошла пешком к Богородице в Фонтене, чтобы представить ей того, кого любила более себя самой — моего сына, славного и победоносного государя, победителя Швейцарцев». Растущее во Франции чувство общности и национального самосознания сыграло в его пользу. Употребляя всю доставшуюся ему власть, он получал мощную поддержку в народе. Император Максимилиан как-то отметил, что Франциск был истинным королем, потому что покорность ему никто не воспринимал как обязанность. Король Испании был королем народа, потому что народ хотя и высказывал несогласие, но сохранял покорность. Однако король Франции походил на царя зверей, поскольку никто не осмеливался даже помыслить отказать ему в подчинении. Когда венецианский посол процитировал Франциску I слова Максимилиана, тот громко рассмеялся, поскольку счел их справедливыми. Он правил с определенным чувством ответственности и с энтузиазмом трудился на государственном поприще, каждое утро встречаясь со своим *conseil des affaires* у себя в спаль-

²⁸ ИБЕРИЯ (Iberia; от наименования иберов), древнее название Испании. — Прим. ред.

²⁹ ЯГЕЛЛОНЫ (Jagiellonowie), королевская династия в Польше в 1386—1572, Великом княжестве Литовском в 1377—1401, 1440—1572, Венгрии в 1440—44, 1490—1526, Чехии в 1471—1526. Основатель: Ягайло. — Прим. ред.

³⁰ ГАНЗА (нем. Hanse), торговый и политический союз северо-немецких городов в 14 (окончательное оформление) 16 вв. (формально до 1669) во главе с Любеком. Ганзе, осуществлявшей посредническую торговлю между Зап., Сев. и Вост. Европой, принадлежала торговая гегемония в Сев. Европе. В Ганзу входило до 100 городов, в т. ч. Ревель (Таллинн), Дерпт (Тарту), Рига и др. С кон. 15 в. начался упадок Ганзы. — Прим. ред.

³¹ КРИСТИАН II (Christian) (1481—1559), король Дании и Норвегии в 1513—23, Швеции в 1520—23; из Ольденбургской династии. В последний раз в 1520 восстановил датско-шведскую унию, расправившись с ее противниками (см. Стокгольмская кровавая баня). Свергнут датскими дворянами. — Прим.

³² Впоследствии король Франциск I.

³³ ОРЛЕАНСКИЙ ДОМ, младшие ветви королевских династий Валуа и Бурбонов. Наиболее известные представители: французские короли Людовик XII (правил в 1498—1515) и Луи Филипп (правил в 1830—48). — Прим. ред.

не вскоре после пробуждения. Он отчаянно стремился утвердить свой род на престоле и впал в отчаяние, когда его старший сын внезапно умер во время оккупации императорскими войсками Прованса. Но у него были другие наследники, включая второго сына Генриха³⁴, обрученного с Екатериной де Медичи³⁵ и продолжившего род Валуа.

Как только выборы императора в 1519 году завершились в пользу Габсбургов, Карл и Франциск дипломатично раскланялись, а затем разошлись для дуэли продолжительностью в четыре войны, тянувшиеся четыре десятилетия. В августе 1521 года представители императора, Франциска I, папы и Генриха VIII³⁶ собрались в Кале³⁷. Формально — для заключения соглашения о мире, а в действительности — чтобы привлечь Англию на одну из сторон. Испанским дипломатам удалось отеснить Франциска I и уговорить Генриха VIII подписать договор о взаимопомощи с обещанием возвратить территории древнего Анжу³⁸, тогда как Карл заберет все восточные и южные территории Франции, некогда принадлежавшие Империи, а также наваррский север Пиренеев. Папа Лев X заключил союз с Карлом V, чтобы направить его против лютеран. Лев даже издал буллу, наделявшую Генриха VIII правом освобождать подданных Франции от клятвы верности Франциску. Франциск достаточно спровоцировал Карла, помогая восставшим в Кастилии, пытаясь отделить от Испании Наваррское королевство и ободряя Роберта фон дер Марка напасть на Империю с запада. Услыхав об этом нападении, Карл воскликнул: «Слава Богу! Не я сам начинаю эту войну. Бог дает мне возможность защищаться!»

Георг фон Фрундсберг, Франц фон Сиккенген и императорская армия вторглись во Францию под командованием графа Нассозского, но были остановлены французами с потерей лишь нескольких фортов. Италии предстояло стать главным театром действий. 9 ноября 1521 года войска императора при сопротивлении французских, швейцарских и венецианских войск захватили Милан. Затем Георг фон Фрундсберг ввел двенадцать свежих дивизий для поддержки императорского генерала Пескара (Pescara), и 20 мая 1522 года они вместе взяли Геную. В следующем году коннетабль Франции Шарль Бурбон выступил против Франциска I, которого считал угрозой для своих земель и интересов. В июле 1524 года он вторгся в южную Францию и при содействии императорских войск осадил Марсель. Теперь Франциск I максимально напряг свои силы, чтобы вернуть Милан. Французы имели хорошие укрепления близ Павии, но их пылкий король проиграл сражение, покинув свои защищенные позиции. Он сказал: «Сегодня я назову себя герцогом Миланским!» В одной безумной битве под Павией он поставил на карту все и проиграл. Германские войска молились до тех пор, пока противник не приблизился, а затем они вскочили на ноги с криками: «Вперед! Настало время! Во имя Божие!» Испанские арбалеты оказались грозным оружием, и рукопашный бой бушевал полтора часа. Потери французов превысили десять тысяч человек. Сам Франциск I был окружен и пленен.

Битва произошла 24 февраля 1525 года, и на закате дня посол императора аббат Найерский отправил известие Карлу в Испанию: «Сегодня праздник Св. Апостола Матфея, в который, говорят, двадцать пять лет назад родились Вы, Ваше Величество. Двадцать пять тысяч благодарений и прославлений Богу за его благодать! С этого дня Вы, Ваше Величество, сможете устанавливать свои законы христианам и туркам!»

Пленение Франциска I и его заключение в Мадриде весьма болезненно отразилось на Франции. В оставшихся без вождя войсках наблюдалось брожение. Дворянство разорялось, а города стали провозглашать свою независимость. Сам Франциск занялся позерством, заявив, что долг и честь привели его в плен, но его сердце осталось свободно. Потом он заболел и на какое-то время пал духом. Общественное мнение Франции обвиняло в поражении скорее королеву-мать Луизу и канцлера Дюпра, чем самого короля. В широко распространившейся в марте 1525 года по церквям Франции листовке было сказано: «Известно ли вам, кто виновен во всем этом зле? Мадам Гордыня и ее канцлер. Их упорство и жажда мести завели короля и его королевство в беду, и будет еще хуже, если канцлер не подвергнется наказанию!»

Карл был удивлен пленением своего соперника и совершенно не готов к такому повороту событий. Генрих VIII уговаривал его отпустить Франциска целым и невредимым, но его совет не учитывал пылкой преданности французов своему молодому королю и ужасных последствий, которые бы вызвал подобный шаг. Церковники убеждали императора немедленно и без условий освободить Франциска, проявив великодушие, которое побудило

³⁴ ГЕНРИХ II (Henri) (1519—59), французский король с 1547, из династии Валуа. Учредил в 1547 «Огненную палату». Войска Генриха II заняли в 1552 епископства Мец, Туль, Верден (в «Священной Римской империи»). В 1559 подписал Като-Камбрезийский мир, завершивший Итальянские войны 1494—1559. — *Прим. ред.*

³⁵ ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ (Catherine de Medicis) (1519—89), французская королева с 1547, жена Генриха II. В значительной мере определяла государственную политику в период правления сыновей: Франциска II (1559—60), Карла IX (1560—74), Генриха III (1574—89). Одна из организаторов Варфоломеевской ночи.

³⁶ ГЕНРИХ VIII (1491—1547), английский король с 1509, из династии Тюдоров. При Генрихе VIII проведена Реформация. В 1534 провозглашен главой англиканской церкви. В 1536 и 1539 проведена секуляризация монастырских земель. Издал ряд законов против экспроприированных крестьян. — *Прим. ред.*

³⁷ КАЛЕ (Calais), город во Франции, порт у пролива Па-де-Кале. В сер. 14—сер. 16 вв. городом владели англичане. — *Прим. ред.*

³⁸ АНЖУ (Anjou), историческая область во Франции. Включает департаменты Мен и Луара и частично Эндр и Луара, Майен, Сарта. Главный город Анже. — *Прим. ред.*

бы к вечной признательности и дружбе, но такое милостивое решение не принимало во внимание Макиавеллевские склонности самого Франциска. Карл избрал среднее — отпустить Франциска на определенных условиях. Никто не мог обвинить его в сходстве с Ганнибалом, который умел завоевать, но не умел использовать победу. Мадридское соглашение (14 января 1526 года) было жестким, но разумным решением. По нему Франциск отказывался от притязаний на бургундские, голландские и итальянские территории. Шарлю Бурбону возвращались его земли. Франциск должен был жениться на сестре Карла Элеоноре и отослать своих двух старших сыновей в Мадрид в качестве гарантии выполнения соглашения. Договор был подписан надлежащим образом, но вскоре распался. Брак нимало не содействовал установлению мира между свойственниками, поскольку Франциск не позволил Элеоноре влиять на свою политику. Она чувствовала себя неловко при французском дворе и не смогла родить ребенка. Легко понять, что Франциск воспользовался первой же возможностью для расторжения договора на том основании, что подписал его по принуждению.

Теперь, из страха перед его укреплением, европейские силы обратились против Карла. 22 мая 1526 года они объединились в Коньякскую лигу, состоявшую из представителя дома Медичи папы Клементя VII, Флоренции, Венеции, Миланского герцога Сфорца³⁹ и Франциска I, и выступили против Карла. Позднее им помогал Генрих VIII, который сформулировал политику Англии как противодействие доминирующей силе ради поддержания равновесия власти на континенте. Более того, он уже разочаровался в своей первой жене Екатерине⁴⁰, тётке Карла. Карл был разгневан предательством папы Климента VII⁴¹. Он направил ему письмо, вопрошая, как служитель Христа на земле может оправдать пролитие даже одной капли крови ради мирского богатства. Папа вредил христианскому миру, потому что в качестве императора Карл уже не мог защищать христианский мир от турок и подавлять еретиков. Если папа продолжит действовать как сеятель раздора, а не отец, как разбойник, а не пастырь, то император угрожал обратиться к Собору. Менее чем через год император отомстил.

В ноябре 1526 года армия из пятнадцати тысяч германских солдат под командованием участника старых кампаний Георга фон Фрундсберга переправилась через Альпы. В феврале 1527 года к ним присоединился Шарль Бурбон с пятью тысячами французских диссидентов и испанских солдат. Полководцы израсходовали все деньги, и Фрундсберг умер от инфаркта после стычки со своими восставшими войсками. Армия устремилась в направлении Рима, промышляя грабежом и разбоем. 6 мая они атаковали стены вечного города. Бурбон был убит пулей, когда взбирался по осадной лестнице. К полуночи войска овладели городом и принялись грабить Рим, — это по сей день живо в памяти итальянцев как одно из ужаснейших событий в истории их столицы. Климент VII укрылся в замке Сант Анджело, пока на улицах внизу пьяные солдаты маршировали перед своим сотоварищем в папской тиаре, благословлявшим их бокалом вина. Они кричали, что теперь сделают папой Лютера! Но император Карл позволил папе сохранить политическую власть в обмен на обещание содействовать миру и созвать Собор.

Франциск вновь воспрянул духом и был готов ко второй попытке реализации своих амбиций. Он организовал линию обороны из двойного ряда крепостей, применив против артиллерийского огня последние итальянские фортификационные достижения, и организовал систему провинциальной милиции. В августе 1527 года он заключил мир с Генрихом VIII, который к тому времени был влюблен в Анну Болейн⁴² и враждебен к Карлу V. Обезопасив тыл, он начал свою следующую итальянскую кампанию и вторую войну с Габсбургами. В результате длительного бездействия императорскую армию постигла судьба многих войск, ранее вторгавшихся в Италию, — разложение и падение боевого духа. Французы вновь взяли Геную и, при содействии генуэзского флота под командованием Андреа Дориа⁴³, начали осаду Неаполя с суши и с моря. Но вскоре французов поразила эпидемия, а Андреа Дориа, из-за отношения французов к Генуе, перешел на сторону императора, после чего армия императора оккупировала Ломбардию и освободила Неаполь.

В Барселонском договоре (29 июня 1529 года) папа Климент подтвердил притязания Империи на Неаполь и гарантировал свободное передвижение императорских войск через папские земли в обмен на обещание императора бороться с лютеранами. Подписанием 5 августа 1529 года мира в Камбре, — «Дамского мира», как он был назван из-за того, что переговоры начали королева-мать Луиза и тетя Карла Маргарита Австрийская, — вторая

³⁹ СФОРЦА (Sforza), династия миланских герцогов в 1450—1535 (с перерывом в нач. 16 в.). Главный представитель Франческо Сфорца. — *Прим. ред.*

⁴⁰ ЕКАТЕРИНА АРАГОНСКАЯ (Catherine of Aragon) (1485—1536), первая жена английского короля Генриха VIII (с 1509). Его развод с Екатериной Арагонской (официально в 1533) и женитьба на Анне Болейн послужили поводом для разрыва с папой римским и начала Реформации в Англии. — *Прим. ред.*

⁴¹ КЛИМЕНТ VII (Clemens) (в миру Джулио де Медичи, Giulio de Medici) (1478—1534), папа римский с 1523. Архиепископ Флоренции и кардинал (1513). После ряда колебаний перешел на сторону Франциска I Французского в его борьбе с императором Карлом V, что привело к разграблению Рима императорскими войсками в 1527. Отказался расторгнуть брак Генриха VIII Английского с Екатериной Арагонской, что явилось поводом к Реформации в Английской церкви и отделению ее от Рима. Покровительствовал Рафаэлю, Микеланджело, Челлини. — *Прим. ред.*

⁴² БОЛЕЙН (Boleyn) Анна (ок. 1507—36), вторая жена английского короля Генриха VIII. Развод Генриха с Екатериной Арагонской и женитьба на Болейн (1533), не признанные папским двором, послужили поводом для разрыва с папой и проведения Реформации в Англии. Казнена по обвинению в супружеской неверности. — *Прим. ред.*

⁴³ ДОРИА (Dogia) Андреа (1466—1560), генуэзский адмирал. Отстаивая независимость Генуи, из тактических соображений служил в ходе Итальянских войн сначала (1522—25, 1527—28) французскому королю Франциску I, затем, изменив ориентацию, императору «Священной Римской империи» Карлу V. С 1528 фактически правитель Генуэзской республики. В 1547 подавил заговор Фиски.

война была официально завершена. Условия Камбрезийского мира в основном совпадали с условиями Мадридского договора и включали в себя отказ Карла от попыток вернуть Бургундию, а также отказ Франциска от своего господства над Фландрией и Артуа и его обещание больше не вторгаться в Италию и Империю. Папа Климент VII видел «великую пользу» договора в возвращении сыновей Франциска за огромный выкуп золотом, потому что теперь император сможет свободно уехать в Германию, дабы лично противостоять туркам и лютеранам. 25 февраля 1530 года в Болонье он торжественно короновал императора Карла, что стало последним в истории случаем коронации императора папой.

Несмотря на очевидность того, что Франциск подписал договор по свободной воле, он вновь заявил, будто сделал это под давлением и предпринял действия по возобновлению противостояния. Брак в 1533 году его второго сына, будущего Генриха II с племянницей папы Екатериной де Медичи укрепил отношения короля и папы. Заметный резонанс вызвал подарок Франциска папе в честь столь торжественного случая: рог единорога, который, находясь на обеденном столе, обнаруживал наличие любого яда в пище или напитках появлением холодного конденсата. На протяжении всех этих лет Карл безуспешно пытался найти основу для соглашения с Франциском. Но злобные события уже приближались — альянс христианнейшего короля Франции с неверными турками против католического императора.

Еще будучи пленником в Мадриде, Франциск ухитрился связаться с султаном Сулейманом I⁴⁴, очевидно уговаривая его вторгнуться в Венгрию, что тот и сделал в следующем году. В 1535 году в Турцию был направлен официальный французский посол. В том же году Франциск объяснил этот факт послу Венеции: «Не могу отрицать свою надежду, что турки проявят могущество на море. Меня вовсе не радуют их успехи, ибо они — неверные, а мы — христиане, но они держат императора в напряжении, что увеличивает безопасность других правителей». В феврале 1536 года, к величайшему ужасу христианского мира, он вступил с турками в официальный союз. На следующий месяц Франциск неожиданно захватил Савойю и двинулся в Италию, тогда как турки атаковали владения Габсбургов вдоль Дуная и Венеции на море. Французы имели успех в Голландии, тогда как императорские войска захватили Пьемонт и Прованс. В страхе перед турками 18 июня 1538 года папа Павел III с облегчением помирил двух христианских монархов.

Четвертая и последняя попытка Франциска сломить власть Габсбургов чуть не завершилась бедствием для его собственного королевства. Он возобновил союз с султаном Сулейманом, который начал новое вторжение в Венгрию. Объединенный франко-турецкий флот господствовал на Средиземном море, тревожа все прибрежные города, за исключением французских. Летом 1542 года войска Франциска одновременно напали на Испанию и Люксембург. Карл вновь заключил союз с Генрихом VIII против Франции, после чего нанес мощный ответный удар. Он послал свои силы вниз по Рейну с целью разбить союзника французов, восставшего протестантского князя Вильяма Клевского. Затем в июне 1544 года императорская армия численностью 35 000 человек вторглась вглубь Франции, приблизившись 8 сентября к Парижу на пятьдесят миль. В тот момент близкий к истощению Карл, боясь изменившейся ситуации, выступил с условиями мира. Карл вновь применил свой династический принцип и предложил, что если третий сын короля женится на дочери императора, то в качестве приданого он ей даст Голландию или Милан. Так завершилась последняя, четвертая война между Габсбургами и Валуа.

Обе стороны, бессмысленно потратив множество сил, крови и денег, были близки к разорению и краху. 31 марта 1547 года Франциск I умер, и его преемником стал Генрих II⁴⁵. В 1556 году Карл V отрекся от престола, и задача установления более прочного мира с Францией легла на плечи его преемников. Като-Камбрезийский мир (1—3 апреля 1559 года), заключенный ровно через сорок лет после избрания Карла императором и менее чем через год после его смерти, зафиксировал отношения между Францией и Империей в лице Испании на грядущие десятилетия. Согласно его условиям, Франция вновь отказалась от своих притязаний на Италию (за исключением пяти крепостей) и отдала Савойю и Пьемонт, но сохранила доход от таких важных епископств на востоке как Мец, Туль и Верден. Италия подверглась новому разделу, при котором Ломбардия отошла к Савойе, юг и восток к Фарнезу и Гонзагасу, а Сиена к Медичи. Причина долговечности этого мира заключалась скорее в превосходстве Испании во второй половине шестнадцатого века, чем в порядочности заключивших договор сторон. Занятые гражданской войной и внутренними проблемами, французы еще на протяжении долгого времени не были способны бросить вызов Габсбургам.

⁴⁴ СУЛЕЙМАН I КАНУНИ (Suleyman I Kanuni) (в европейской литературе Сулейман Великолепный) (1495—1566), турецкий султан в 1520—66. При нем Османская империя достигла высшего политического могущества. Завоевал часть Венгерского королевства, Закавказья, Месопотамию, Аравию, территории Триполи и Алжира. — *Прим. ред.*

⁴⁵ ГЕНРИХ II (Henri) (1519—59), французский король с 1547, из династии Валуа. Учредил в 1547 «Огненную палату». Войска Генриха II заняли в 1552 епископства Мец, Туль, Верден (в «Священной Римской империи»). В 1559 подписал Като-Камбрезийский мир, завершивший Итальянские войны 1494—1559. — *Прим. перев.*

Для благополучия Германской империи действительно необходимо было иное географическое положение. Находясь в центре беспокойного континента, без естественных оградительных барьеров, она постоянно подвергалась давлению осторожных и хорошо подготовленных противников на западе и жестоких агрессоров на востоке. Карл V оказался между двумя фронтами с противниками в равной мере серьезными, — как на востоке, так и на западе. Сулейман Великолепный (1520—1566), единственный сын султана Селима I, унаследовал золотой трон в тот же год, когда Карл V был коронован как император, и стал его пожизненным противником. Широко было распространено мнение, будто Сулейман обладал спокойным нравом и не слишком разбирался в государственных делах. Однако приняв власть, он оказался правителем, не имевшим себе равных: законодатель, администратор, архитектор, покровитель искусств и полководец потрясающей энергии и отваги. Он остался в истории и вошел в легенды благодаря своей властности, удивительному благородству лица и уникальному сочетанию мудрости с жестокостью.

Когда король Франциск I объявил войну в апреле 1521 года, Сулейман I увидел для себя возможность воплотить в жизнь амбиции Мехмеда II и Баязида I, предшественника Селима, который несколько раз осаждал Белград, безуспешно стараясь получить доступ в венгерскую равнину. Огромная армия, состоявшая из янычар⁴⁶, обычных войск, осадных орудий и возглавляемая самим султаном с его личными дивизиями покинула Стамбул, двинувшись вверх по Дунаю. Легкая кавалерия обрушилась на села и отрезала Белград с запада и севера. Атака с массированным обстрелом загнала в крепость гарнизон защитников, а оттоманский флот контролировал реку. Сербские и венгерские защитники повздорили из-за тактических вопросов, и 29 августа форт сдался. Сулейман закрепил эту победу в следующем году успешным нападением на остров Родос. Рыцари-иоанниты⁴⁷ на Родосе не получили поддержки с запада, поскольку датский папа Адриан VI вероятно не осознавал стратегического значения Родоса в Восточном Средиземноморье. Они сражались до изнеможения, а затем сдались на условии, что им будет разрешено отступить на запад. Теперь Средиземное море было открыто для турецких галер.

Персы на время отвлекли их внимание, но в апреле 1526 года армия Сулеймана выступила вновь, чтобы на сей раз разбить Венгрию. 29 августа 1526 года на Мохачской равнине король Венгрии Лайош II повел своих бесстрашных, но малочисленных мадьяр против оттоманских войск. Дунай тек на восток, и лесистые холмы на западе и востоке скрывали оттоманскую армию от обозрения. Венгерская тяжелая кавалерия ударила в центральный фланг турок и отбросила их назад. Но в критический момент оттоманские войска выступили из леса на западе и ударили по правому флангу венгров. Губительный огонь оттоманской артиллерии поразил тысячи и обратил венгров в бегство. Недобитые турками венгры потонули в дунайских болотах, в том числе и король Лайош II. Пока благородные мадьяры умирали в тот судьбоносный день под Мохачем, правитель Трансильвании стоял со своей огромной армией в стороне. Его наградой стало назначение королем Венгрии под протекцией Сулеймана. Эти притязания конечно же были оспорены Фердинандом⁴⁸, младшим братом Карла V, которого император наградил дунайскими землями Габсбургов.

Бунт в Турции отвлек внимание Сулеймана, но в 1529 году он был готов отхватить еще один ломоть Европы. Заняв Буду и получив контроль над большей частью Венгрии, Сулейман положил глаз на Вену. Время и расстояние теперь были его величайшими врагами, потому что период походов продолжался лишь с апреля по конец октября, а дальность доставки продовольствия и корреспонденции усложняла передвижение. Его войска покинули Стамбул 10 мая, а 21 сентября у Вены появились первые турки. За неделю 20 000 защитников города были окружены войском, насчитывавшим более 200 000 солдат. Турки подкопали и заминировали стены. 9 октября они взорвали протяженный участок стены и кинулись в пролом. Защитники преградили им путь пушками, ружьями и копьями, отразив натиск нападавших. Через два дня турки взорвали еще один участок стены, но испано-германские войска отбили их в рукопашной схватке. Турки атаковали еще три раза, но восточные ятаганы не смогли прорубиться сквозь имперские щиты и тяжелые обоюдоострые мечи. 12 октября пал третий участок стены, и два дня спустя турки совершили последний приступ, понеся тяжелые потери от артиллерийского огня прямой наводкой. Сулейман решил удалиться, потому что граф Фридрих Палатинский, полевой маршал Империи, собрал в Линце вспомогательные силы, австрийцы копили войска в Моравии, пришел в движение швабский со-

⁴⁶ ЯНЫЧАРЫ (тур. *yeniceri*, букв. новое войско), турецкая регулярная пехота, создана в 14 в. Первоначально комплектовалась из пленных юношей, позже путем насильственного набора мальчиков из христианского населения Османской империи. Ликвидирована в 1826 Махмудом II. — *Прим. ред.*

⁴⁷ ИОАННИТЫ (госпитальеры, Мальтийский орден, Родосские рыцари), духовно-рыцарский орден св. Иоанна (Александрийского, впоследствии Иоанна Крестителя) при госпитале в Иерусалиме. Основан около 1070 как братство, обслуживающее паломников и немощных (отсюда название госпитальеры). В 1291, с потерей христианских владений в Палестине, иоанниты переселяются на Кипр, в 1310 они отвоевали у Византии Родос, но под натиском турок в 1522 покинули его, а в 1530 получили в лен от германского императора Карла V Мальту, которой владели вплоть до 1798. Кроме островных государств, иоанниты владели также двумя независимыми территориями в Германии: Хайтерсхаймом и Зонненбургом. — *Прим. ред.*

⁴⁸ ФЕРДИНАНД I (Ferdinand) (1503—64), император «Священной Римской империи» с 1556, австрийский эрцгерцог; первый король в Чехии и Венгрии из династии Габсбургов (с 1526). Брат Карла V. — *Прим. ред.*

юз⁴⁹, а ночи становились длиннее и холоднее. Сулейман отступил через снега в Белград, и Вена была спасена. Кресту, а не полумесяцу суждено было сиять на высокой башне собора Св. Стефана.

Летом 1532 года Сулейман вернулся в Венгрию с огромной армией, готовой к очередной попытке захватить Вену. Но на этот раз император и его брат Фердинанд были подготовлены лучше. Папа послал сто тысяч золотых гульденов на поддержание венгро-итальянских войск. К концу сентября император имел восьмидесятитысячную армию. Туркам не удалось захватить небольшой форт Гюнс в шестидесяти милях от Вены. В лесах под Венной они потеряли около пятнадцати тысяч человек и повернули на юг, в направлении Граца. Необходимо было последнее усилие, чтобы выдворить турок из Венгрии, но Карл уже покинул Вену для переговоров с папой, а протестантские князья Германии не были заинтересованы в освобождении Венгрии, которую Фердинанд вновь сделает католической. Таким образом, возможность была потеряна.

Борьба на море разворачивалась не менее драматично. В 1532 году императорский флот под командованием адмирала Андреа Дориа одержал победу над оттоманским флотом в Восточном Средиземноморье. В 1535 году Карл напал на город Тунис и захватил его. Летом 1536 года Карл планировал атаковать турецкую крепость в Алжире и овладеть всем Тунисом. Он даже задумал великую морскую экспедицию из Неаполя против самого Стамбула, но возобладало благоразумие. В октябре 1541 года флот Карла напал на Алжир, но из-за бури только часть десанта успела достичь берега, многие корабли затонули, и флот был вынужден вернуться. Оттоманский флот безопасно перезимовал во французском порту Тулон, вызвав негодование христианского мира. Удар на море суждено было нанести не Карлу, а его незаконнорожденному сыну Дону Хуану Австрийскому в битве при Лепанто в 1571 году⁵⁰. Однако в 1574 году оттоманские турки захватили Тунис и утвердили свою власть над южным берегом того, что Карл надеялся назвать Испанским морем.

Распространение лютеранства

«Неверные турки», постоянно беспокоившие Карла и Фердинанда и периодически вынуждавшие их защищаться, совершенно непреднамеренно дали возможность евангельскому движению оправиться от гонений со стороны империи, что было необходимо для дальнейшего его развития. 1526 год, в который турки одержали большую победу под Мохачем, был годом, когда Карл пошел на уступки во время сейма в Шпейере, на некоторое время гарантировав лютеранству безопасность посредством введения принципа примирительного разрешения разногласий. Подозрительное отношение папы к Карлу и его враждебность к сейму, а также дела Габсбургов с французами в Италии и страх перед турками в Венгрии дали лютеранству драгоценное время для консолидации и распространения. Озабоченность императора лютеранским движением и стремление с ним покончить стали очевидны на сейме 1529 года в Шпейере и проявились с запозданием в год, когда Сулейман осадил Вену — после того, как опасность полностью миновала. Объявленная Фердинандом и католическими князьями на сейме 1530 года в Аугсбурге расправа над еретиками не была осуществлена по причине распространившихся слухов о крупном вторжении турок в 1532 году. Религиозное перемирие, одобренное рейхстагом в том же году, отложило решение религиозного вопроса до созыва церковного Собора и запретило ведение процессов против лютеран в высшем императорском суде. Протестанты ответили поддержкой военных усилий против турок. В эти годы лютеране набрали такую силу, что даже поражение Шмалькальденского союза в войне 1546 года не было для них фатальным, а в 1555 году в Аугсбурге они добились официального признания своего существования как церковного сообщества. Евангельские верующие рассматривали свое спасение как деяние Божие и сравнивали Сулеймана с персидским царем Киром⁵¹, которого Бог использовал для освобождения Израиля, хотя тот и не веровал в Него.

Евангельское движение распространялось в Империи многими каналами и невидимыми путями. От крестьянина до князя лютеране свидетельствовали о своей обновленной вере. Идеи распространялись из уст в уста, через брошюры и книги. Простое обозначение на политической карте распространения лютеранства или перечисление городов и земель по датам их обращения не может полностью отразить борьбу в человеческом сознании, стычки и крики, мученичества, гонения и жертвы.

Распространение Реформации в городах и землях происходило по общей схеме. На местах обычно преобладало критическое и враждебное отношение к Римской церкви, епископам и местному клиру. Кроме того, на местах зачастую уже существовали активные реформаторские группы, которые затем преобразовывались в люте-

⁴⁹ ШВАБСКИЙ СОЮЗ, союз рыцарей имперских городов, а затем и князей Юго-Зап. Германии. Основан в 1488 в г. Эслинген (Швабия). Стал орудием князей. Его войска участвовали в Крестьянской войне 1524—26. Существовал до кон. 1533—нач. 1534. — *Прим. ред.*

⁵⁰ ЛЕПАНТО (Lepanto), прежнее название г. Нафпактос (Греция); около Лепанто у входа в зал. Патраикос 7 октября 1571 испано-венецианский флот разгромил турецкий флот; последний крупный бой гребных флотов. — *Прим. ред.*

⁵¹ См. 1 Езд. 1—2 и далее. — *Прим. ред.*

ранские общины. Так произошло, например, в Нюрнберге, где последователи Иоганна Штаупица, духовника Лютера, приняли лютеровское учение, — а также в Аугсбурге и других городах. Городской совет или князь либо приглашал сам, либо терпел евангельских проповедников, подготавливавших народ к радикальным переменам, происходившим как следствие. Так, совет Нюрнберга и городской секретарь Лазарь Шпенглер трудились над евангельской реформой вместе с проповедником Венцеслом Линком (Wenceslas Linck). Проповедник Иоганн фон Цвик (Johannes von Zwick) сыграл важную роль в обращении Констанца, хотя войска Габсбургов вскоре захватили город и силой реставрировали католицизм. Перечень городов, ставших лютеранскими, включал в себя на юге Эслинген, Рейтлинген, Мемминген, Линдау, Аугсбург, Нюрнберг и Регенсбург, а на севере — Магдебург, Эрфурт, Хальберштадт, Данциг и Бремен.

Страсбург стал ключевым для Реформации городом благодаря своему важному положению на торговом перекрестке Рейна и своей традиционно умеренной теологии, средней между лютеранством и реформатством в Швейцарии. В Страсбургском соборе известный проповедник Гейлер фон Кайзерсберг (Geiler von Kaisersberg) выступал на злобу дня и призывал к реформе. В Страсбурге существовало общество гуманистов-реформаторов, которым руководил ревностный моралист Яков Вимпфелинг (Jacob Wimpfeling). Талантливый политический деятель, городской секретарь Яков Штурм (Jacob Sturm) стал лютеранином. Книгоиздатели большими тиражами публиковали труды Лютера и Меланхтона. Первым Страсбургским лидером Реформации стал Маттиас Зелль (Matthias Zell), священник и руководитель исправительного дома, проповедовавший в боковой капелле собора с 1521 года, со своей женой Екатериной, вышедшей за него в 1523 году. Будучи талантливым оратором, он критиковал извращения и проповедовал евангельскую весть перед огромными аудиториями. Он и Екатерина постоянно защищали и принимали таких сектантов как анабаптисты и были открыты к мистическим идеям о внутреннем свете таких религиозных мыслителей как Каспар Швенкфельд.

В 1523 году в город прибыл Мартин Буцер (1491—1551), незнакомец, который быстро принял на себя руководство движением. Еще мальчиком он стал доминиканцем, учился в Шлеттштадской латинской школе в Эльзасе и был знаком с эразмитом, молодым гуманистом Беатием Ренанием. В 1518 году он услышал и полностью принял то, как Лютер отстаивал свои теологические позиции перед августинцами в Гейдельберге. Он участвовал в Рыцарском восстании, будучи капелланом фон Зиккингена. В 1523 году городской совет Страсбурга узаконил евангельскую проповедь с кафедр городских церквей, а в следующем году, согласно новым постановлениям о церковном устройстве, евангельские проповедники реорганизовали приходы. Таким образом общественное сознание готовилось к новым отношениям гражданского права и учениям библейских реформаторов, а Буцер, при умелом содействии Вольфганга Капитона (1478—1541), бывшего гуманиста-эразмита, ставшего реформатором, работал над осуществлением модели христианского общества. Традиционно город был необычайно терпим и гостеприимен ко всякого рода протестантским беженцам. Эдикт от 27 июня 1527 года составили для защиты города от беспорядков со стороны фанатиков.

В 1530 году в Аугсбурге четыре южно-германских города: Страсбург, Констанц, Линдау и Мемминген — представили доктринальное исповедание *Confessio tetrapolitana*, написанное Буцером и Капитоном. В исповедании очевидны настроения швейцарских реформаторов, в том числе отказ следовать лютеранскому учению о реальном присутствии Тела и Крови Христа в Причастии и соответственно вольное отношение к этому вопросу, жесткая критика обрядов и акцент на превосходстве авторитета Писания над авторитетом Церкви. Однако в 1536 году Страсбургские реформаторы совершили поездку в Саксонию и заключили Виттенбергское соглашение по доктринальным вопросам, в том числе и о Вечере Господней, под которым подписались также Лютер и Меланхтон. В 1540 и 1541 годах вместе с Жаном Кальвином и Меланхтоном Буцер посещал дискуссии с католическими теологами в Вормсе и Регенсбурге, всегда стремясь к единству. Его настрой поддерживала вторая жена, благодетельная вдова Вибрандис, пережившая двоих мужей, а также реформаторы Эколампаций и Капитон. Когда после победы императорской армии в 1546 году город был вынужден принять интерим императора, Яков Штурм на коленях просил у Карла поблажки, а Буцер уехал из своего города в Англию Эдуарда VI и окончил свои дни кэмбриджским профессором богословия. Его страстная книга *De regno Christi* описывает идеальное общество, царство Христа на земле, над которым он так усердно трудился в Страсбурге.

В Страсбурге приняла ясные очертания новая форма протестантского образования. До того ученики поступали в университеты сразу после окончания соборных, монастырских или городских школ в возрасте всего двенадцати—пятнадцати лет. Под руководством Лютера и Меланхтона была учреждена средняя школа, или гимназия, сочетавшая подготовку к обучению в университете, изучение искусств, литературы и основ евангельской веры. Меланхтон лично активно участвовал в открытии такой школы в Нюрнберге. Памятник ему в натуральную величину до сих пор стоит перед парадным входом. Николай фон Амсдорф, помогавший Лютеру при переводе Ветхого Завета, способствовал открытию школы такого типа в Магдебурге, где был пастором и реформатором. В Страсбурге основателем и директором евангельской гуманистической школы стал Яков Штурм, опубликовавший в 1537 году свою брошюру *О правильном преподавании литературы в школах*, которая имела широкий успех.

Также были основаны новые лютеранские университеты в Марбурге, Кёнигсберге, Йене и других местах, имевшие евангельские теологические факультеты для обучения нового поколения протестантских служителей.

Лютеранство приобрело одну из первых своих обширных территорий, когда Альбрехт фон Гогенцоллерн, магистр Тевтонского ордена, по совету Лютера объявил свои владения в Восточной Пруссии светским герцогством под протекторатом польского короля. Его брак с дочерью короля Дании Фредерика I в значительной степени повлиял на распространение Реформации в этой стране. Третье десятилетие шестнадцатого века стало периодом перехода новых крупных земель на сторону лютеран. В Вюртемберге герцог Ульрих, изгнанный и смещенный Габсбургами в 1519 году, вернул себе власть при содействии Филиппа Гессенского и французов в 1534 году. Он обратил землю в протестантство при помощи Иоганна Бренца, разработавшего школьную программу и церковную реформу, включавшую в себя новую литургию. В тот же год Померания перешла в лютеранство и приняла в 1535 году евангельское церковное уложение, подготовленное Иоганном Бугенгагеном. Курфюрст Иоахим II (1535—1571) реформировал Бранденбург в 1539 году, хотя был настолько консервативен, что до 1543 года сохранил нетронутым епископат. Но вероятно наибольшей радостью для виттенбергских реформаторов было обращение в лютеранство герцогства Саксония в 1539 году. В тот год умер непримиримый враг Лютера герцог Георг, и его преемник герцог Генрих (1539—1541) вскоре принял Реформацию. Можно представить удовлетворение Лютера от прочтения праздничной проповеди в том же зале в Лейпциге, где за двадцать лет до того он дискутировал с доктором Экком.

Еще одним достойным внимания завоеванием внутри империи лютеранство обязано обращению Брунсвика-Вольфенбюттеля (Brunswick-Wolfenbüttel) и части Палатината. Северо-западная часть империи вскоре стала очень близка к обращению в протестантство, когда архиепископ Кёльнский, Германн фон Вид (Hermann von Wied), вызвал Буцера и Меланхтона реформировать архидиаконию, но был смещен, и протестантский герцог Вильям Клевский под военным давлением Карла восстановил на своих землях католицизм. В этой части Германии процесс был обращен вспять, и территория в дальнейшем осталась католической.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ В СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Реформация вышла за пределы империи и достигла скандинавских стран уже в двадцатых и тридцатых годах шестнадцатого века. На севере Реформация навязывалась сверху при незначительной спонтанной поддержке со стороны народа. Датский король Кристиан II (1513—1523), казнивший в один день восемьдесят своих шведских противников, попытался ввести Реформацию в Дании, надеясь присоединить Швецию для создания сильного единого государства, но оппозиция датского духовенства, дворянства и довольно сильной шведской аристократии вынудили короля бежать в 1523 году. В изгнании он посетил Виттенберг и подарил жене Лютера Катарине красивое кольцо, которым она всегда дорожила как памятью о добром поступке неистового и безрассудного человека. Его преемник Фредерик I (1523—1533) был весьма расположен к Реформации и всегда помнил пример своего удачливого зятя герцога Альбрехта Прусского, но был связан обещанием консервативному дворянству не предпринимать шагов против старой Церкви. В собственных герцогских землях, Шлезвиге и Гольштейне, он разрешил евангельскую проповедь и назначил судебным капелланом евангельского проповедника Ханса Таусена, обучавшегося в Виттенберге. В 1527 году он убедил сейм в Оденсе проявить терпимость к лютеранам в ожидании созыва Собора. В 1529 году Кристиан Петерсен опубликовал датский перевод Нового Завета, оказавший сильное влияние на формирование современного датского языка. Полномасштабная Реформация не была возможна до 1536 года, когда следующий король Кристиан III (1534—1559) ввел положение о новой евангельской церкви, составленное странствующим приверженцем протестантизма, лютеранским «доктором Поммером», померанским и виттенбергским проповедником Иоганном Бугенгагеном. Семь епископов стали суперинтендентами, хотя титул епископа был позднее восстановлен в новом значении. Король стал главою церкви, являясь архиепископом, а через некоторое время было официально принято Аугсбургское вероисповедание.

Успех Кристиана III в реформировании Дании совпал с его политическими и военными победами над Норвегией. Из-за того что норвежцы поддержали датских диссидентов в гражданской войне между двумя Кристианами, теперь он вынудил их отказаться от независимости и принять лютеранство как официальное исповедание. С Исландией, тогда норвежской провинцией, произошло то же.

По стечению обстоятельств, между 1521 и 1523 годом лютеранство переплелось с национальным движением шведов за независимость от Дании. Новый король Густав Ваза (1523—1560) возглавил движение сопротивления датчанам и 7 июня 1523 года был коронован шведским парламентом. Сам он благоволил к лютеранству и, кроме того, верил, что введение лютеранства укрепит движение за независимость. В 1527 году в Вестеросе он вынудил парламент принять решение о переходе церковного имущества к королю и разрешить евангельскую проповедь. Ему весьма содействовала пропаганда лютеранских идей двумя братьями Олафом и Ларсом Петри (Olaf and Lars Petri), учившимися в Виттенберге, и Ларсом Андерсоном (Lars Andersson). Они выпустили шведский перевод Библии, сделанный на основе немецкой Библии Лютера, и руководили образовательной реформой в стране.

Шведская Реформация была очень консервативна, сохранив епископство и претензию на апостольскую преемственность вкупе со многими католическими традициями, обрядами и церемониями, такими как почитание святых, молитвы за умерших и экзорцизм. Потребовалось еще одно поколение, прежде чем лютеранство распространилось по всей стране. Обращенной и сохранившей лютеранство Швеции было суждено сыграть великую политическую роль в следующем веке.

Будучи частью Швеции, Финляндия последовала за нею. Великий финский реформатор Микаэль Агрикола (1508—1557) учился и преподавал в Виттенберге. Он перевел на финский язык Новый Завет, Псалтирь и некоторых пророков, таким образом содействовал развитию финского литературного языка.

Главным центром лютеранства в Прибалтике стал город Рига. Германские купцы-лютеране в Прибалтике были активнейшими миссионерами нового движения. Уже в 1523 году в Риге ощущалось сильное евангельское влияние, а в 1539 избрали евангельского архиепископа. Ливония и Эстония последовали примеру Риги. В 1561 году магистр Ливонских меченосцев в Курляндии обратился в лютеранство и объявил свои земли светским герцогством под протекцией короля Польши.

Распространение лютеранства

«Неверные турки», постоянно беспокоившие Карла и Фердинанда и периодически вынуждавшие их защищаться, совершенно непреднамеренно дали возможность евангельскому движению оправиться от гонений со стороны империи, что было необходимо для дальнейшего его развития. 1526 год, в который турки одержали большую победу под Мохачем, был годом, когда Карл пошел на уступки во время сейма в Шпейере, на некоторое время гарантировав лютеранству безопасность посредством введения принципа примирительного разрешения разногласий. Подозрительное отношение папы к Карлу и его враждебность к сейму, а также дела Габсбургов с французами в Италии и страх перед турками в Венгрии дали лютеранству драгоценное время для консолидации и распространения. Озабоченность императора лютеранским движением и стремление с ним покончить стали очевидны на сейме 1529 года в Шпейере и проявились с запозданием в год, когда Сулейман осадил Вену — после того, как опасность полностью миновала. Объявленная Фердинандом и католическими князьями на сейме 1530 года в Аугсбурге расправа над еретиками не была осуществлена по причине распространившихся слухов о крупном вторжении турок 1532 года. Религиозное перемирие, одобренное рейхстагом в том же году, отложило решение религиозного вопроса до созыва церковного Собора и запретило ведение процессов против лютеран в высшем императорском суде. Протестанты ответили поддержкой военных усилий против турок. В эти годы лютеране набрали такую силу, что даже поражение Шмалькальденского союза в войне 1546 года не было для них фатальным, а в 1555 году в Аугсбурге они добились официального признания своего существования как церковного сообщества. Евангельские верующие рассматривали свое спасение как деяние Божие и сравнивали Сулеймана с персидским царем Киром⁵², которого Бог использовал для освобождения Израиля, хотя тот и не веровал в Него.

Евангельское движение распространялось в Империи многими каналами и невидимыми путями. От крестьянина до князя лютеране свидетельствовали о своей обновленной вере. Идеи распространялись из уст в уста, через брошюры и книги. Простое обозначение на политической карте распространения лютеранства или перечисление городов и земель по датам их обращения не может полностью отразить борьбу в человеческом сознании, стычки и крики, мученичества, гонения и жертвы.

Распространение Реформации в городах и землях происходило по общей схеме. На местах обычно преобладало критическое и враждебное отношение к Римской церкви, епископам и местному клиру. Кроме того, на местах зачастую уже существовали активные реформаторские группы, которые затем преобразовывались в лютеранские общины. Так произошло, например, в Нюрнберге, где последователи Иоганна Штаупица, духовника Лютера, приняли лютеровское учение, — а также в Аугсбурге и других городах. Городской совет или князь либо приглашал сам, либо терпел евангельских проповедников, подготавливавших народ к радикальным переменам, происходившим как следствие. Так совет Нюрнберга и городской секретарь Лазарь Шпенглер трудились над евангельской реформой вместе с проповедником Венцеслом Линком (Wenceslas Linck). Проповедник Иоганн фон Цвик (Johannes von Zwick) сыграл важную роль в обращении Констанца, хотя войска Габсбургов вскоре захватили город и силой реставрировали католицизм. Перечень городов, ставших лютеранскими, включал в себя на юге Эслинген, Рейтлинген, Мемминген, Линдау, Аугсбург, Нюрнберг и Регенсбург, а на севере — Магдебург, Эрфурт, Хальберштадт, Данциг и Бремен.

Страсбург стал ключевым для Реформации городом благодаря своему важному положению на торговом перекрестке Рейна и своей традиционно умеренной теологии, средней между лютеранством и реформатством в Швейцарии. В Страсбургском соборе известный проповедник Гейлер фон Кайзерсберг (Geiler von Kaisersberg)

⁵² См. 1 Езд. 1—2 и далее. — *Прим. ред.*

выступал на злобу дня и призывал к реформе. В Страсбурге существовало общество гуманистов-реформаторов, которым руководил ревностный моралист Яков Вимпфелинг (Jacob Wimpfeling). Талантливый политический деятель, городской секретарь Яков Штурм (Jacob Sturm) стал лютеранином. Книгоиздатели большими тиражами публиковали труды Лютера и Меланхтона. Первым Страсбургским лидером Реформации стал Маттиас Зелль (Matthias Zell), священник и руководитель исправительного дома, проповедовавший в боковой капелле собора с 1521 года, со своей женой Екатериной, вышедшей за него в 1523 году. Будучи талантливым оратором, он критиковал извращения и проповедовал евангельскую весть перед огромными аудиториями. Он и Екатерина постоянно защищали и принимали таких сектантов как анабаптисты и были открыты к мистическим идеям о внутреннем свете таких религиозных мыслителей как Каспар Швенкфельд.

В 1523 году в город прибыл Мартин Буцер (1491—1551), незнакомец, который быстро принял на себя руководство движением. Еще мальчиком он стал доминиканцем, учился в Шлеттштадской латинской школе в Эльзасе и был знаком с эразмитом, молодым гуманистом Беатием Ренанием. В 1518 году он услышал и полностью принял то, как Лютер отстаивал свои теологические позиции перед августинцами в Гейдельберге. Он участвовал в Рыцарском восстании, будучи капелланом фон Зиккингена. В 1523 году городской совет Страсбурга узаконил евангельскую проповедь с кафедр городских церквей, а в следующем году, согласно новым постановлениям о церковном устройстве, евангельские проповедники реорганизовали приходы. Таким образом общественное сознание готовилось к новым отношениям гражданского права и учениям библейских реформаторов, а Буцер, при умелом содействии Вольфганга Капитона (1478—1541), бывшего гуманиста-эразмита, ставшего реформатором, работал над осуществлением модели христианского общества. Традиционно город был необычайно терпим и гостеприимен ко всякого рода протестантским беженцам. Эдикт от 27 июня 1527 года составили для защиты города от беспорядков со стороны фанатиков.

В 1530 году в Аугсбурге четыре южно-германских города: Страсбург, Констанц, Линдау и Мемминген представили доктринальное исповедание *Confessio tetrapolitana*, написанное Буцером и Капитоном. В исповедании очевидны настроения швейцарских реформаторов, в том числе отказ следовать лютеранскому учению о реальном присутствии Тела и Крови Христа в Причастии и соответственно вольное отношение к этому вопросу, жесткая критика обрядов и акцент на превосходстве авторитета Писания над авторитетом Церкви. Однако в 1536 году Страсбургские реформаторы совершили поездку в Саксонию и заключили Виттенбергское соглашение по доктринальным вопросам, в том числе и о Вечере Господней, под которым подписались также Лютер и Меланхтон. В 1540 и 1541 годах вместе с Жаном Кальвином и Меланхтоном Буцер посещал дискуссии с католическими теологами в Вормсе и Регенсбурге, всегда стремясь к единству. Его настрой поддерживала вторая жена, благодетельная вдова Вибрандис, пережившая двоих мужей, а также реформаторы Эколампаций и Капитон. Когда после победы императорской армии в 1546 году город был вынужден принять интерим императора, Яков Штурм на коленях просил у Карла поблажки, а Буцер уехал из своего города в Англию Эдуарда VI и окончил свои дни кэмбриджским профессором богословия. Его страстная книга *De regno Christi* описывает идеальное общество, царство Христа на земле, над которым он так усердно трудился в Страсбурге.

В Страсбурге приняла ясные очертания новая форма протестантского образования. До того ученики поступали в университеты сразу после окончания соборных, монастырских или городских школ в возрасте всего двенадцати—пятнадцати лет. Под руководством Лютера и Меланхтона была учреждена средняя школа, или гимназия, сочетавшая подготовку к обучению в университете, изучение искусств, литературы и основ евангельской веры. Меланхтон лично активно участвовал в открытии такой школы в Нюрнберге. Памятник ему в натуральную величину до сих пор стоит перед парадным входом. Николай фон Амсдорф, помогавший Лютеру при переводе Ветхого Завета, способствовал открытию школы такого типа в Магдебурге, где был пастором и реформатором. В Страсбурге основателем и директором евангельской гуманистической школы стал Яков Штурм, опубликовавший в 1537 году свою брошюру *О правильном преподавании литературы в школах*, которая имела широкий успех. Также были основаны новые лютеранские университеты в Марбурге, Кёнигсберге, Йене и других местах, имевшие евангельские теологические факультеты для обучения нового поколения протестантских служителей.

Лютеранство приобрело одну из первых своих обширных территорий, когда Альбрехт фон Гогенцоллерн⁵³, магистр Тевтонского ордена, по совету Лютера объявил свои владения в Восточной Пруссии светским герцогством под протекторатом польского короля. Его брак с дочерью короля Дании Фредерика I в значительной степени повлиял на распространение Реформации в этой стране. Третье десятилетие шестнадцатого века стало периодом перехода новых крупных земель на сторону лютеран. В Вюртемберге герцог Ульрих, изгнанный и смещенный Габсбургами в 1519 году, вернул себе власть при содействии Филиппа Гессенского и французов в 1534 году. Он обратил землю в протестантство при помощи Иоганна Бренца, разработавшего школьную программу и церковную реформу, включавшую в себя новую литургию. В тот же год Померания перешла в лютеранство и приня-

⁵³ В 1525 магистр Альбрехт Бранденбургский, перейдя в протестантизм, по совету Мартина Лютера секуляризовал земли Тевтонского ордена в Пруссии, превратив их в светское герцогство. — Прим. ред.

ла в 1535 году евангельское церковное уложение, подготовленное Иоганном Бугенгагеном. Курфюрст Иоахим II (1535—1571) реформировал Бранденбург в 1539 году, хотя был настолько консервативен, что до 1543 года сохранил нетронутым епископат. Но вероятно наибольшей радостью для виттенбергских реформаторов было обращение в лютеранство герцогства Саксония в 1539 году. В тот год умер непримиримый враг Лютера герцог Георг, и его преемник герцог Генрих (1539—1541) вскоре принял Реформацию. Можно представить удовлетворение Лютера от прочтения праздничной проповеди в том же зале в Лейпциге, где за двадцать лет до того он дискутировал с доктором Экком.

Еще одним достойным внимания завоеванием внутри империи лютеранство обязано обращению Брунсвика-Вольфенбюттеля (Brunswick-Wolfenbüttel) и части Палатината. Северо-западная часть империи вскоре стала очень близка к обращению в протестантство, когда архиепископ Кёльнский, Германн фон Вид (Hermann von Wied), вызвал Буцера и Меланхтона реформировать архидиаconiю, но был смещен, и протестантский герцог Вильям Клевский под военным давлением Карла восстановил на своих землях католицизм. В этой части Германии процесс был обращен вспять, и территория в дальнейшем осталась католической.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ В СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Реформация вышла за пределы империи и достигла скандинавских стран уже в двадцатых и тридцатых годах шестнадцатого века. На севере Реформация навязывалась сверху при незначительной спонтанной поддержке со стороны народа. Датский король Кристиан II (1513—1523), казнивший в один день восемьдесят своих шведских противников, попытался ввести Реформацию в Дании, надеясь присоединить Швецию для создания сильного единого государства, но оппозиция датского духовенства, дворянства и довольно сильной шведской аристократии вынудили короля бежать в 1523 году. В изгнании он посетил Виттенберг и подарил жене Лютера Катарине красивое кольцо, которым она всегда дорожила как памятью о добром поступке неистового и безрассудного человека. Его преемник Фредерик I (1523—1533) был весьма расположен к Реформации и всегда помнил пример своего удачливого зятя герцога Альбрехта Прусского, но был связан обещанием консервативному дворянству не предпринимать шагов против старой церкви. В собственных герцогских землях, Шлезвиге и Гольштейне, он разрешил евангельскую проповедь и назначил судебным капелланом евангельского проповедника Ханса Таусена, обучавшегося в Виттенберге. В 1527 году он убедил сейм в Оденсе проявить терпимость к лютеранам в ожидании созыва Собора. В 1529 году Кристиан Петерсен опубликовал датский перевод Нового Завета, оказавший сильное влияние на формирование современного датского языка. Полномасштабная Реформация не была возможна до 1536 года, когда следующий король Кристиан III (1534—1559) ввел положение о новой евангельской церкви, составленное странствующим приверженцем протестантизма, лютеранским «доктором Поммером», померанским и виттенбергским проповедником Иоганном Бугенгагеном. Семь епископов стали суперинтендентами, хотя титул епископа был позднее восстановлен в новом значении. Король стал главою церкви, являясь архиепископом, а через некоторое время было официально принято Аугсбургское вероисповедание.

Успех Кристиана III в реформировании Дании совпал с его политическими и военными победами над Норвегией. Из-за того что норвежцы поддержали датских диссидентов в гражданской войне между двумя Кристианами, теперь он вынудил их отказаться от независимости и принять лютеранство как официальное исповедание. С Исландией, тогда норвежской провинцией, произошло то же.

По стечению обстоятельств, между 1521 и 1523 годом лютеранство переплелось с национальным движением шведов за независимость от Дании. Новый король Густав Ваза (1523—1560) возглавил движение сопротивления датчанам и 7 июня 1523 года был коронован шведским парламентом. Сам он благоволил к лютеранству и, кроме того, верил, что введение лютеранства укрепит движение за независимость. В 1527 году в Вестеросе он вынудил парламент принять решение о переходе церковного имущества к королю и разрешить евангельскую проповедь. Ему весьма содействовала пропаганда лютеранских идей двумя братьями Олафом и Ларсом Петри (Olaf and Lars Petri), учившимися в Виттенберге, и Ларсом Андерсоном (Lars Andersson). Они выпустили шведский перевод Библии, сделанный на основе немецкой Библии Лютера, и руководили образовательной реформой в стране. Шведская Реформация была очень консервативна, сохранив епископство и претензию на апостольскую преемственность вкупе со многими католическими традициями, обрядами и церемониями, такими как почитание святых, молитвы за умерших и экзорцизм. Потребовалось еще одно поколение, прежде чем лютеранство распространилось по всей стране. Обращенной и сохранившей лютеранство Швеции было суждено сыграть великую политическую роль в следующем веке.

Будучи частью Швеции, Финляндия последовала за нею. Великий финский реформатор Микаэль Агрикола (1508—1557) учился и преподавал в Виттенберге. Он перевел на финский язык Новый Завет, Псалтирь и некоторых пророков, таким образом содействовав развитию финского литературного языка.

Главным центром лютеранства в Прибалтике стал город Рига. Германские купцы-лютеране в Прибалтике были активнейшими миссионерами нового движения. Уже в 1523 году в Риге ощущалось сильное евангельское

влиение, а в 1539 избрали евангельского архиепископа. Ливония и Эстония последовали примеру Риги. В 1561 году магистр меченосцев в Курляндии обратился в лютеранство и объявил свои земли светским герцогством под протекцией короля Польши.

Польша Ягеллонов простиралась от реки Висла на западе до Днепра на востоке, почти достигая Черного моря. Кроме поляков, эту разнородную в этническом и религиозном отношении страну также населяли римокатолические литовцы, греко-православные малороссы, а города западной Польши изобиловали торговыми поселениями немцев и евреев, игравших важную роль в экономической жизни страны. Реальная власть короля была незначительна, потому что магнаты⁵⁴ практически обладали автономией, а в 1505 году польский сейм принял закон, согласно которому рассмотрение нового дела этим органом было возможно только с согласия всех трех сословий, и еще один, запретивший королю содержание боеготовой армии. В силу глубокой децентрализованности страны, полное ее обращение по инициативе короля, согласно известной схеме, было невозможно. Не обладавший значительной властью король Сигизмунд II Август⁵⁵ (1548—1572) не мог справиться с поражением на всех фронтах, отступая перед Иоаном IV Московским, пасуя перед союзом Бранденбурга и Восточной Пруссии Гогенцоллернов, идя на все новые и новые уступки аристократии, особенно в Малой Польше⁵⁶, т.е. в юго-западных землях долины Вислы.

Именно в этой области Реформация укоренилась более всего. По имеющимся данным, там существовало 265 протестантских общин, что можно сравнить со 120 протестантскими общинами в Великой Польше⁵⁷ на северо-западе. В Западной Пруссии и «Великой Польше» лютеранские церкви и Богемские братья⁵⁸ составляли большинство, в то время как в Малой Польше развивалась церковь в духе Кальвина, от которой отпочковывались группы, оспаривавшие учение о Троице. Центр этого движения, прозванного социнианским⁵⁹ в честь основателей Лелио Социна и его племянника Фауста Социна (1539—1604), находился в Ракове, где располагалась их церковная школа, и где был напечатан их собственный катехизис, а также исповедание веры (Второй Раковский катехизис 1605 года). В 1638 году их школу разрушили, а в 1658 году их выдворили из Польши как «арианскую секту»⁶⁰. Многообразный протестантизм процветал в Польше лишь на протяжении шестидесяти лет. Со временем Римский Католицизм приобрел статус национальной религии, став важным объединительным фактором, отделявшим поляков от русского Православия на востоке, прусского Лютеранства на севере и востоке.

Идеи Лютера поначалу часто отождествлялись с идеями Яна Гуса⁶¹, богемского еретика, сожженного в Констанце. На дебатах в Лейпциге Лютер заявил, что не все осужденные Собором тезисы Гуса были ложными. В 1523 году Лютер даже посвятил книгу пражскому городскому совету, призывая его порвать с Римом. Логично было ожидать, что Лютеранство утвердится в Богемии. Но на деле оно распространилось только среди германцев на севере и в Моравии. Богемские братья, радикальные гуситы, одобрительно смотрели на Лютеранство, в то время как более консервативные утраквисты⁶², заключившие мир с Католической церковью, успешно препятствовали объединению различных направлений с новым протестантизмом. Конрад Кордат (Conrad Cordatus), студент Лютера, записавший его *Застольные речи*, донес евангельскую веру до словацких шахтеров, где Лютеранство выжило в последующие столетия.

⁵⁴ МАГНАТЫ (позднелат. *magnates* — знатные люди, предводители, от лат. *magnus* — большой, великий), крупные феодалы, родовитая и богатая знать. У них на службе находились более мелкие дворяне, шляхта. — *Прим. ред.*

⁵⁵ СИГИЗМУНД II Август (Sigismund II Augustus) (1520—72), король польский с 1548 (коронован в 1530), великий князь литовский с 1529, из династии Ягеллонов. Участник Ливонской войны 1558—83. При Сигизмунде II заключена Люблинская уния 1569. — *Прим. ред.*

⁵⁶ МАЛАЯ ПОЛЬША (Malopolska), историческая область Польши, в бассейне верхнего и среднего течения Вислы. Территория расселения вислян, с кон. 10 в. в Польском государстве. — *Прим. ред.*

⁵⁷ ВЕЛИКАЯ ПОЛЬША — историческая область Польши, расположенная в Великопольско-Куявской низменности (Nizina Wielkopolsko-Kujawska), главным образом в бассейне р. Варта. Самый древний город Познань. — *Прим. ред.*

⁵⁸ ЧЕШСКИЕ БРАТЯ (Богемские братья, Моравские братья, Община чешских братьев), религиозная секта в Чехии, основана в сер. 15 в. последователями П. Хельчицкого. Отрицали государство, сословное и имущественное неравенство, проповедовали отказ от насильственной борьбы. После поражения Чешского восстания 1618—20 разгромлены. — *Прим. ред.*

⁵⁹ СОЦИАНСТВО, или антиринитарное учение социан, — отрицало божественность Христа. Основатель социанства — Фауст Социн, развивший идеи своего дяди Лелио Социна. Церковная организация социан сильно напоминает кальвинистскую. — *Прим. ред.*

⁶⁰ АРИАНСТВО, течение в христианстве в 4—6 вв. Его зачинатель — священник Арий (ум. в 336) из г. Александрия. Ариане не принимали один из основных догматов официальной христианской церкви о единственности Бога Отца и Бога Сына (Христа); по учению Ария, Христос — как творение Бога Отца — существо, ниже Его стоящее. Арианство осуждено как ересь церковными соборами 325, 381. — *Прим. ред.*

⁶¹ ГУС (Hus) Ян (1371—1415), национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации. В 1402—03, 1409—10 ректор Пражского (Карлова) университета. Вдохновитель народного движения в Чехии против немецкого засилья и Католической церкви (порицал торговлю индульгенциями, требовал возвращения к принципам раннего христианства, уравнивания в правах мирян с духовенством). Осужден церковным собором в Констанце и сожжен. — *Прим. ред.*

⁶² Утраквисты — от лат. *utrque*; ЧАШНИКИ (каликстинцы, подобои), в Чехии в 1-й пол. 15 в. умеренное крыло гуситов, требовавшие причащения в обоих видах (Тела и Крови). Заключив в 1433 соглашение (Пражские компакты) с католическими силами, нанесли (1434) решающее поражение таборитам у Липан. — *Прим. ред.*

В условиях непримиримой враждебности и гонений со стороны Фердинанда⁶³ наиболее удивительно распространение протестантизма в придунайских землях Габсбургов. В Лютеранство обратились не только города верхней Венгрии, населенные большим числом немцев, но даже большинство мадьярских магнатов. Со временем к их числу примкнула семья Яна Заполя, прежнего короля под турецким игом. Наиболее влиятельным реформатором был Маттиас Девэ Биро (Mathias Devai Biro), виттенбергский студент и друг Меланхтона. В 1543 году он вернулся из своего швейцарского изгнания, чтобы повести протестантское движение в направлении Гельветического исповедания. В Австрии многие влиятельные дворяне-землевладельцы тоже стали лютеранами, но основные центры движения располагались в таких городах как Грац и Клагенфурт. На время показалось, что вся Австрия может перейти в протестантский лагерь, выскользнув из рук Габсбургов, но те вновь постепенно укрепляли хватку.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Лютер был бойцом, осознававшим неизбежность конфликта между старым и новым. Он предвидел наихудшее:

«Желание успокоить этот шум — есть не что иное, как противление Слову Божию и устранение его с пути. Куда бы ни приходило Слово Божие, оно приходит изменить и обновить мир... Вы не понимаете, что шум и опасности возрастают в мире вместе с истиною и деяниями Божиими. По этой причине вы страшитесь, что Небеса оглушат вас. А я, по благодати Божией, ясно различаю эти вещи, ибо предвижу другой, превосходящий нынешние крики шум, который поднимется в грядущих веках. По сравнению с тем ревом эти вопли не громче, чем легкое дуновение ветерка или тихое журчание ручья».⁶⁴

При этом Лютер непреклонно возражал против применения силы и пролития крови ради защиты вероучения или жизни. Однако годы спустя юристы убедили его в праве протестантских князей воевать ради самозащиты, когда император посылал против них войска, что значительно превышало его императорские полномочия. В любом случае, не Лютеру было принимать практические решения по организации защиты от Габсбургов и католических князей.

Не предвещающие добра действия начались уже в июле 1525 года, когда некоторые католические князья, среди которых стоит отметить герцога Георга Саксонского, Альберта Майнцского, Иоахима I Бранденбургского, Эриха и Генриха Брунсвикских (Erich and Henry of Brunswick), для искоренения евангельского учения образовали Дессаузский союз. Молодой евангельский правитель Филипп Гессенский вместе с курфюрстом Иоганном Фридрихом Саксонским и несколькими мелкими князьями ответили образованием Готасского (Gotha) союза, который еще назывался Торгауским союзом — по названию города, в котором в феврале 1526 этот союз был утвержден. В том же году Гессен и Саксония организовали поместные церкви с протестантским уставом. Напряжение возросло, когда в 1528 году Отто фон Пакку (Otto von Pock) из администрации герцога Георга Саксонского было доложено о существовании заключенного католическими князьями союза с целью уничтожения лютеран. Подозрительность и враждебность сохранились несмотря даже на то, что письмо с сообщением о существовании такого соглашения оказалось фальшивкой. В феврале 1531 года большое число протестантских князей создали Шмалькальденский союз, чтобы не допустить выполнение решения Аугсбургского сейма, приговорившего к уничтожению Лютера и евангельское движение. Был разработан юридический постулат, согласно которому власть удельных князей является прямым божественным установлением, а власть императора вторична, в силу того что он избран курфюрстами от имени князей. Последовало десятилетие относительного спокойствия и дальнейшего распространения лютеранства.

Протестантский лагерь подвергся чувствительному удару из-за скандала, вызванного двоеженством Филиппа Гессенского и его сепаратного договора с императором. По-видимому, жене Филиппа Кристине, дочери герцога Саксонского, не удалось удовлетворить темперамент князя. Роковой женщиной в этой драме стала Маргарет фон дер Цаал (Margaret von der Saal), придворная красавица, мать которой устроила дочери выгодный брак. В годы своей молодости Филипп был законченным блудником, но теперь протестантская мораль не позволяла ему столь свободно выходить за рамки закона, — по крайней мере, данного закона. Жена Филиппа дала согласие на второй брак, а Лютер, Меланхтон и Буцер⁶⁵ высказали свое духовное суждение, что двоеженство предпочтительнее развода, поскольку подтверждается практикой Ветхого Завета. При всей необычности такого ответа, он был

⁶³ ФЕРДИНАНД I (Ferdinand) (1503—64), император «Священной Римской империи» с 1556, австрийский эрцгерцог; первый король в Чехии и Венгрии из династии Габсбургов (с 1526). Брат Карла V. — *Прим. ред.*

⁶⁴ Цитата из Э. Гордона Руппа, *Праведность Божия* (Лондон, 1953 г.), стр. 273.

⁶⁵ БУЦЕР (Vucer или Butzer) Мартин (1491—1551), деятель протестантской Реформации, первоначально монах-доминиканец, затем соратник Лютера. С 1523 в Страсбурге, с 1549 в Англии, профессор в Кембридже. Оказал влияние на Кальвина (учение об евхаристии и предопределении).

аналогичен совету, данному папой Климентом VII⁶⁶ Генриху VIII⁶⁷ в качестве решения дилеммы⁶⁸. Лютер наивно верил в искренность и силу угрызений совести Филиппа и полагал, что его второй брак был меньшим из двух зол. После заключения второго брака в марте 1540 года поднялся большой шум. Филипп преступил законы империи, поставив свой титул и земли под угрозу. Осознав свою уязвимость, 13 июня 1541 года Филипп заключил сепаратный мирный договор с императором. Договор был подписан его зятем Морицем Саксонским, некоторое время спустя покинувшим Шмалькальденский союз, перейдя на сторону императора, что стало страшным ударом для протестантской обороны и равновесия сил в империи. Карл был готов атаковать своих врагов.

В 1545 году в Тренте был созван Собор. 18 февраля 1546 года умер Лютер. Казалось, все благоприятствовало окончательному решению проблемы с ересью в империи. Карл выступил со своей армией в 1546 году вместе с папой Павлом III⁶⁹, герцогом Фердинандом⁷⁰, герцогом Вильгельмом Баварским, Морицем Саксонским и несколькими мелкими евангелическими князьями в качестве союзников. За год он покорил Южную Германию и принудил южно-германские протестантские города к капитуляции. Затем он двинулся в Северную Германию и 24 апреля 1547 года при Мюльберге основательно разбил лютеранские силы, взяв в плен курфюрста Иоганна Фридриха Саксонского и эрцгерцога Филиппа Гессенского. При капитуляции Виттенберга 19 мая 1547 года к Морицу перешли от Иоганна Фридриха права курфюрста и многие территории, включая Виттенберг.

В июне 1548 года Карл изложил основные положения католического учения в документе, известном как Аугсбургский интерим, и попытался навязать его немцам. Меланхтон и католический епископ Пфлюг Наумбургский (Pflug of Naumburg) составили свой вариант изложения учений, известный как Лейпцигский интерим, который, как они надеялись, был более приемлем для лютеран, но встретил сильное сопротивление, потому что многие протестантские города и земли открыто отвергли такой вариант. В этой ситуации отличавшийся макиавеллевским характером Мориц увидел для себя выгодную возможность. Он искусно продвинулся на руководящее положение в Шмалькальденском союзе. Союз уже пожертвовал французскому королю Генриху II⁷¹ города Мец, Туль и Верден в обмен на помощь в сопротивлении императору. Император Карл подвергся военному поражению и позору, не сумев взять Мец. Неожиданно напав на Карла, курфюрст Мориц окружил императорские войска близ Рейтте⁷² и вынудил их сдаться. Под Инсбруком⁷³ он почти захватил в плен самого императора. Карл бежал на юг через перевал Бреннер, отступив к Лиенцу и Филлаху. Поражение вызвало у него шок, от которого он так и не оправился. В Пассауском соглашении августа 1552 года император вынужден был выдать Филиппа так же, как выдал Иоганна Фридриха, и позволить лютеранам проповедовать свое учение до следующего заседания рейхстага.

В 1555 году на Аугсбургском сейме полный провал попыток императора подавить Реформацию в империи был признан официально. Протестантские князья выдвинули на сейме целый ряд различных требований: от консервативной Саксонии, наиболее озабоченной обеспечением стабильного мира, до герцога Кристофа Вюрцбургского (Christoph of W.), добивавшегося уступок, которые бы гарантировали Реформации дальнейшие успехи. После утомительных переговоров, длившихся с февраля по сентябрь, были составлены условия Аугсбургского религиозного мира, заключение которого вызвало всеобщую радость. Лютеранским городам и землям гарантировалась безопасность, и все обязались хранить вечный и безусловный мир. Принцип *cujus regio, ejus religio*⁷⁴ теперь уравнивал лютеран с католиками, т.е. каждая земля получила право самостоятельно избирать себе официальную религию. Церковное имущество, находившееся в распоряжении протестантов до Пассауского соглашения, должно было остаться в их руках, но с этого момента любой обращавшийся в протестантизм католический епископ терял свой сан, земли и привилегии, что называлось *reservatio ecclesiastica*⁷⁵. Религиозный мир принес право, о котором еще при жизни ходатайствовал Лютер: христианам было разрешено свободно перемещаться из одной земли в другую, более отвечающую их религиозным убеждениям. С провозглашением мира, по всем лютеранским землям звонили колокола, — наконец было отвоено право мирного сосуществования. Со всеми его компромиссами и недостатками, Аугсбургский мир принес земле относительное спокойствие до тех пор, пока более чем полтора

⁶⁶ КЛИМЕНТ VII (Clemens) (в миру Джулио де Медичи, Giulio de Medici) (1478—1534), папа Римский с 1523. Архиепископ Флоренции и кардинал (1513). После ряда колебаний перешел на сторону Франциска I Французского в его борьбе с императором Карлом V, что привело к разграблению Рима императорскими войсками в 1527. Отказался расторгнуть брак Генриха VIII Английского с Екатериной Арагонской, что явилось поводом к Реформации в Английской церкви и отделению ее от Рима. Покровительствовал Рафаэлю, Микеланджело, Челлини. — Прим. ред.

⁶⁷ ГЕНРИХ VIII (1491—1547), английский король с 1509, из династии Тюдоров. При Генрихе VIII проведена Реформация. В 1534 провозглашен главой англиканской церкви. В 1536 и 1539 проведена секуляризация монастырских земель. Издал ряд законов против экспроприированных крестьян. — Прим. ред.

⁶⁸ Климент VII посоветовал Генриху VIII оставить все так, как оно было в тот момент. То есть, сохраняя прежнюю жену, содержать любовницу. Это, по словам папы, было меньшим грехом, чем развод и повторная женитьба. — Прим. ред.

⁶⁹ ПАВЕЛ III (Paulus) (в миру Александр Фарнезе, Alessandro Farnese) (1468—1549), папа Римский с 1534. Кардинал с 1493. Вел борьбу с Реформацией, утвердил орден иезуитов (1540), подготовил и созвал в 1545 Тридентский (Трентский) собор.

⁷⁰ Очевидно, ФЕРДИНАНД I (Ferdinand) (1503—64), император «Священной Римской империи» с 1556, австрийский эрцгерцог; первый король в Чехии и Венгрии из династии Габсбургов (с 1526). Брат Карла V. — Прим. ред.

⁷¹ ГЕНРИХ II (Henri) (1519—59), французский король с 1547, из династии Валуа. Учредил в 1547 «Огненную палату». Войска Генриха II заняли в 1552 епископства Мец, Туль, Верден (в «Священной Римской империи»). В 1559 подписал Като-Камбрезийский мир, завершивший Итальянские войны 1494—1559. — Прим. ред.

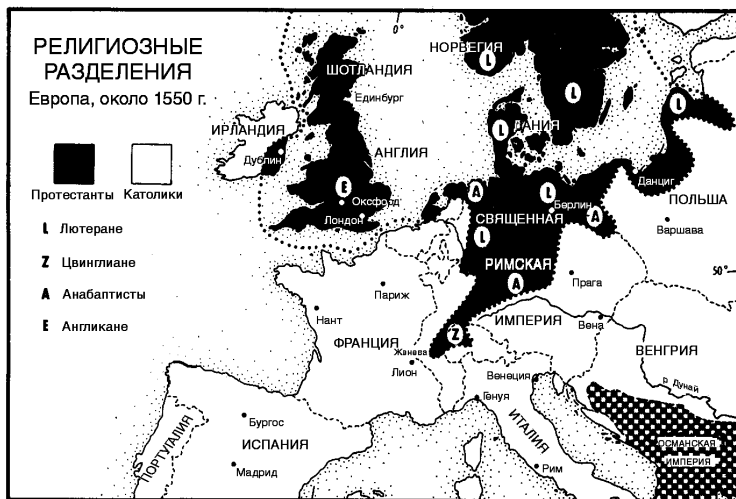
⁷² Рейтте — город в Тироле, Австрия. — Прим. ред.

⁷³ ИНСБРУК (Innsbruck), город в Австрии, административный центр земли Тироль, на р. Инн. — Прим. ред.

⁷⁴ Лат. — кто правит, тот определяет религию.

⁷⁵ Впрочем, эта оговорка не была утверждена официально. — Прим. ред.

столетия спустя не разразилась ужасная Тридцатилетняя война.

Император Карл основательно устал и пал духом. При драматических обстоятельствах в 1556 году он отрекся от всех титулов и, тщательно подготовив своему сыну Филиппу⁷⁶ преемственность на престолах Испании, Голландии и испанской Италии, а своему брату Фердинанду императорский трон, уединился в замке близ монастыря Сан Жеронимо де Юсте в Испании, чтобы подготовиться к отходу в мир иной. Там он и умер в сентябре 1558 года. Он вознес власть Габсбургов до наивысшей точки. Однако жизнь императора была трагична и печальна. Как в победах, так и в поражениях осознание временности этой земной жизни и надежда на лучшую грядущую жизнь сохранили его от высокомерия и глубокого отчаяния. Честный и целеустремленный, он был человеком потрясающего характера. Достаточно иронии в том, что его сравнивали с Лютером, который стремился реформировать старую церковь, а основал новую, и с Колумбом, который искал древний Восток, а открыл Новый Свет. В свою очередь Карл был предан идее обновления средневекового идеала всемирной монархии, а на самом деле позволил империи ослабнуть и заложил основы испанской империи, испанской гегемонии в Европе.

⁷⁶ ФИЛИПП II (Felipe) (1527—98), испанский король с 1556, из династии Габсбургов. Его политика способствовала укреплению испанского абсолютизма. Усилил гнет в Нидерландах. Поддерживал инквизицию. Вел войны с Англией и Францией. Присоединил к Испании в 1581 Португалию. — *Прим. ред.*

Цвингли и радикалы

Неприятельский солдат увидел изувеченное тело реформатора Ульриха Цвингли, лежавшее на поле битвы при Каппеле 11 октября 1531 года, и воскликнул: «Ты был гнусным еретиком, но чертовски хорошим швейцарцем!» И действительно, Цвингли был швейцарцем до мозга кости, и своим характером оказал большое влияние на национальный характер швейцарцев. Его программа реформ определила развитие швейцарской истории, и альпийское государство стало прообразом модели, в направлении которой предстояло развиваться разрозненной Европе.

Несмотря на то, что при Цвингли Швейцария номинально оставалась частью Священной Римской империи, она уже давно достигла вполне реальной политической независимости. Первоначальный союз 1291 года трех лесных кантонов Ури, Швица и Ундервальдена вырос в федерацию, состоявшую из тринадцати кантонов. Федерация была основана на соглашениях о совместной обороне и совместном парламенте, который собирался для обсуждения общих проблем, однако не имел значительной власти над фактически автономными кантонами. В Швейцарской войне 1499 года, или, как предпочитают ее именовать швейцарцы, Швабской войне габсбургский император Максимилиан I предпринял последнюю неудачную попытку силой вернуть швейцарцев под власть империи. Формально правление императора сохранялось до 1648 года, когда Вестфальским мирным договором независимость Швейцарии была признана официально. Склонность городов противиться феодальной власти епископов, обитавших за их пределами, развивалась еще до Реформации по мере того, как буржуазные городские советы приобретали все большую власть над поместными церквями кантонов. В таких уникальных условиях городов-республик развивалась под руководством Ульриха Цвингли германо-швейцарская Реформация.

Реформатор Цвингли

Своей выдающейся ролью Цвингли обязан не социальному положению, а врожденным способностям и блестящей образованности. Ульрих Цвингли (1484—1531) был «третьим мужем» Реформации (после Лютера и Кальвина), из просвещенного гуманиста став крупным церковным реформатором. Его отец, свободный крестьянин и старейшина деревни Вильдхаус в Тоггенбургской долине кантона Св. Галла, строил весьма честолюбивые планы в отношении своего сына и посылал его в лучшие из доступных школ. Восемью лет Ульрих поступил в школу города Везен, директором которой был его дядя, а в десять перевелся в Базель, где три года изучал латынь, диалектику и музыку у Грегора Бюнцли (Gregor Bynzli) в школе Св. Теодора. В тринадцать под влиянием Генриха Вёльфлина (Heinrich Wulflin), человека всерьез преданного идеалам гуманистического образования Возрождения и поселившего в своем ученике любовь к классике и уважение к музыке, он на два года переехал в школу города Берн (1496—1498). Бернские доминиканцы разглядели в Цвингли чрезвычайно одаренного юношу и угрожали его постричься в их монастырь, но едва он начал свой испытательный годовой срок, как семья принудила его оставить монастырь, вскоре после чего он был отправлен для обучения в Венский университет.

За время его двухлетнего там пребывания (1500—1502) Вена, управляемая Максимилианом, произвела ужасное впечатление на молодого швейцарского студента. Архивные документы свидетельствуют о том, что однажды он был исключен (его имя вычеркнуто и на полях написано *exclusus*), возможно, за выражение антигабсбургских настроений. Наибольшей активностью в университете тех лет отличался Конрад Целтис, немецкий архигуманист, который одновременно был преподавателем классической литературы, руководителем отделения поэзии и математики, а также директором гуманистического театра. Цвингли углублял познания в области классической литературы и развивал свой музыкальный талант, учась играть на многих инструментах: лютне, арфе, флейте, виоле, тростниковой флейте и рожке. Он стал близким другом Генриха Глареана, который позднее был признан ведущим в Швейцарии музыкантом-гуманистом. Но будучи хорошим швейцарцем, Цвингли вернулся в Базель, где в 1504 году получил степень бакалавра искусств, а в 1506 году — магистра искусств. В Базеле он попал под прямое влияние доктора Томаса Виттенбаха, реформаторски настроенного эразмита, предпочитавшего изучение Нового Завета отцам Церкви, враждебно настроенного к схоластике, монашеским обетам, индульгенциям и механическому применению Таинств. Цвингли преподавал классическую литературу в школе Св. Мартина и приобрел издание Пикко де ла Мирандола. В возрасте двадцати двух лет епископ Констанца рукоположил его в священники. Свою первую мессу он отслужил в Вильдхаусе, среди своего родного народа.

Десятилетие, проведенное в качестве приходского священника в Гларусе создало хорошую основу для его дальнейшей реформаторской деятельности. С самого начала он столкнулся со лживостью, присущей слишком многим церковным служителям. Когда в Гларусе его избрали священником вместо Генриха Гельди (Heinrich Gц

ldi), назначенного папой, Цвингли счел возможным подкупить Гельди сотнею гульденов. Во время своего служения в Гларусе он раздирался между двумя направлениями деятельности, исследованиями и пасторским попечением о прихожанах. Его библиотека объемом более 350 книг охватывала предметы от геометрии и географии до философии, теологии, филологии и классической литературы. Он тщательно изучил греческий и взялся за еврейский, широко употребляемый в трудах отцов. Вскоре друзья стали называть его «Цицероном нашего времени». Конечно же, его привлекал Эразм, отвечавший на восхищение холодными и высокомерными покровительственными письмами. Цвингли даже совершил поездку в Базель, чтобы лично встретиться с королем гуманистов. После издания в 1516 году Нового Завета в редакции Эразма, Цвингли заучил по своему экземпляру послания Павла на греческом. В то же время он исполнял пасторские обязанности, основал детскую школу и сам в ней преподавал.

В качестве капеллана Цвингли сопровождал швейцарские наемные войска в таких проигранных сражениях как битва при Новаре в 1513 году и битва при Мариньяно близ Милана в 1515 году. По описанию его биографа, Генриха Буллингера, на поле боя он проявлял достоинство и отвагу, но ясно осознавал зло наемной системы, которая не только обогащала, но развращала, калечила и уродовала молодых швейцарцев. Он выступал с политическими баснями, стихотворными аллегориями и проповедями против постыдной практики продажи своей крови за деньги. Враждебность по отношению к прибыльной торговле наемниками и к договору с Францией, закабалившему швейцарцев в обмен на финансовую помощь, обратили против него мощные профранцузские силы, и он покинул Гларус.

В 1516 году Цвингли пригласили в монастырскую церковь Эйнзидельна, где множество паломников привлекал собор Скорбящей Девы Марии. Но Цвингли вскоре начал критиковать выдачу полных индульгенций за паломничество в Эйнзидельн, а в августе 1518 года ему удалось остановить деятельность францисканского монаха Самсона, приехавшего торговать индульгенциями, подобно Тецелю в Саксонии. В октябре 1518 года открылась возможность занять более влиятельную кафедру в Цюрихе, но шансы Цвингли на эту должность уменьшали два фактора: слух о его поверхностности и несостоятельности как музыканта и сообщения о его порочном поведении. Цвингли открыто принял обвинения, написав письмо в защиту своего музыкального творчества и признав за собой вину недостойного поведения. Он, подобно многим другим, соблазнился молодой женщиной легкого поведения. В Цюрихе она ожидала ребенка, возможно от него. Он заявил, что не соблазнил девственницу или женщину высокого положения, иронично отметив, что ее отец был одним из тех влиятельных людей, которые могут безопасно дотронуться до бороды самого императора по причине своего ремесла цирюльника. 11 декабря 1518 года Цвингли был избран каноником в Цюрихе вместо швабского конкурента, имевшего наложницу, шесть детей и множество приходов. Именно в Цюрихском Великом соборе (Гроссмюнстере) Цвингли предстояло начать реформацию немецкой Швейцарии.

Цвингли обладал располагающим и добродушным характером, а также живым умом, приятным голосом и потрясающими ораторскими способностями, уже заслужив репутацию сильного проповедника. Он был весьма проницателен и имел прекрасную интуицию. Он тщательно подготавливал совет и общину к принятию любого важного решения. Во время празднования нового 1519 года, в день своего рождения он впервые проповедовал в Цюрихском соборе и объявил, что в следующее воскресенье будет толковать Евангелие от Марка согласно истине Божией, а не по человеческим измышлениям. Цвингли держал перед собой греческий оригинал и напрямую его цитировал. Впечатление было потрясающее. Находившийся в аудитории молодой гуманист Томас Платтер (Thomas Platter) написал, что услышав Слово Божие из первоисточника, он ощутил себя «поднятым в воздух за волосы». Рассмотрев жизнь Иисуса, Цвингли перешел к описанию ранней Церкви на основе Деяний Апостолов и посланий Павла. Изложение всего Нового Завета заняло у него шесть лет.

В первый год своей жизни в Цюрихе Цвингли подвергся смертельному испытанию. По Швейцарии прокатилась ужасная эпидемия бубонной чумы, которая в августе сразила Цвингли. Статистика свидетельствует о смерти трети населения. В те времена в случае эпидемии первыми умирали врачи, обнаружившие симптомы. На тот момент Цвингли находился в отъезде, принимая ванны в Бад-Пфэфере (Bad Pfefers), но сразу же вернулся, чтобы служить больным и умирающим. Смерть унесла его родного брата Андреаса, а в конце августа или сентября заболел и сам Цвингли. В ноябре в Констанце и Базеле ходили слухи о его смерти. Однако после долгой борьбы он выздоровел, хотя полностью восстановил силы только следующим летом. В благодарность он написал «Песнь чуме», или «Христианскую песнь, написанную Ульрихом Цвингли, когда на него обрушилось поветрие», и положил ее на музыку. Встреча со смертью настроила его на более серьезный лад и побудила к еще более осмысленному исследованию глубин христианского вероучения.

Официальный разрыв со старой церковью был спровоцирован совершенно явным извращением в церковном уложении — каноническим воздержанием от употребления мяса во время Великого поста. Цвингли с кафедры учил, что слово Божие ясно разрешает употребление любой пищи во всякое время, а папский запрет противо-

речит свободе, провозглашенной Евангелием. В пепельную среду⁷⁷ 1522 года уважаемые граждане, в том числе Цвингли и Леон Юд, приходской священник из Эйнзидельна, собрались в доме книгоиздателя Кристофера Фрошера (Christopher Froschauer). Они разрезали две копченые колбасы и все немного поели, за исключением Цвингли, воздержавшегося из опасения стать соблазном для прихожан, еще не готовых принять столь радикальный шаг. Городской совет незамедлительно отреагировал, арестовав и оштрафовав некоторых участников акции. В ответ менее чем через три недели Цвингли выступил с кафедры в защиту нарушивших пост, а в апреле опубликовал памфлет под названием «*О свободе выбора в пище*». В том же году он опубликовал ключевой реформатский труд *Archeteles* («Первоначала»), в котором ратовал за духовную свободу от епископского контроля. Он утверждал, что для разъяснения Слова Божия необходим только Святой Дух, — церковные, соборные и папские постановления неуместны и бесполезны. Памятуя о дискуссии Лютера в Лейпциге, Цвингли настаивал на обсуждении, при котором вопросы могли бы быть рассмотрены публично, и городской совет согласился. Диспут должен был состояться 29 января 1523 года.

На диспут в городском зале собралось более шестисот человек, друзей и недругов. Епископ Констанцкий был представлен прежним другом Цвингли Иоганном Фабером, ныне канцлером епархии. Цвингли сидел, раскрыв перед собой издания Библии на еврейском, греческом и латыни. В качестве предмета обсуждения он подготовил и опубликовал «*Шестьдесят семь тезисов*», в которых кратко отразил теологическую базу своих реформ. Первые шестнадцать тезисов представляли собой доктринальные утверждения, отражавшие суть Евангелия, самодостаточность учения и деяний Христа, открывшего людям волю Отца Небесного, Своей святой жертвой освободившего людей от смерти и примирившего их с Богом, и подлинную сущность Церкви как общения святых или собрания всех верующих во Христа. Остальные тезисы формулировали его возражения против узурпации папой высшей священнической власти, проведения мессы как жертвы, а не воспоминания, молитв святым, обязательных постов, паломничества, монашеских обетов, безбрачия духовенства, злоупотребления анафемой, бормотания молитв, торговли индульгенциями, учений об епитимьях, о чистилище, о священстве, о роли государства в религиозной жизни, а также против других учений и практик.

«Пусть никто не осмелится выступать здесь, прибегая к софистике и человеческой глупости, но приступает к Писанию, признавая только его суд (*foras cares!* Писание дышит духом Божиим), либо для того, чтобы обнаружить истину, либо чтобы сохранить истину, если, как я надеюсь, она уже обнаружена. Аминь».

Итак, да правит Бог».

Главным доводом Цвингли в последовавшей дискуссии был тот факт, что реформаторы занимались восстановлением церкви в ее древней чистоте — новатором была средневековая церковь, а не реформаторы.

Полемика закончилась громкой победой учения Цвингли и распоряжением городского совета всем священникам кантона держаться этого учения. Шесть месяцев спустя Фрошёр опубликовал *Толкования и обоснования выводов*, в которых противопоставил практику церкви установлениям Христовым и выразил свое несогласие с традиционными формами поклонения и литургической музыкой. В сентябре городской совет принял постановление, предусматривавшее изменение устава Великого собора (Гроссмюнстера), сокращение числа духовенства, ежедневное преподавание Писания, снижение платы за такие духовные услуги как Крещение и Причастие.

Памятуя об удачном исходе первого диспута и растущем напряжении в городе, Цвингли настоял на втором диспуте, посвященном вопросам о мессе и почитании образов. Вторая дискуссия, на которой присутствовало около восьмисот или девятисот священников и мирян, началась 26 октября 1523 года и продолжалась три дня. На этот раз оппозиция Цвингли и Леону Юду была более состоятельна; ее представлял Мартин Штейнли из Шаффхаузена (Martin Steinli of Schaffhausen). Совет проголосовал за сохранение мессы, запрещение в церкви образов, а также образование комиссии с участием Цвингли и Юда, призванной наставить народ в евангельском учении. Городской совет определенно двигался в сторону реформ, но предпочитал постепенные изменения.

В целях просвещения духовенства кантона Цвингли написал *Краткое введение в Христианство*, содержащее резкие нападки на поклонение образам. В идеях Цвингли было заметно влияние памфлета, написанного священником, получившим классическое гуманистическое образование в Базеле, Людвигом Гецером (Ludwig Haetzer) «*Суд Бога, Господа нашего, о том, как должно относиться ко всем идолам и образам в соответствии со Святым Писанием*». В понедельник 28 декабря состоялась третья, более ограниченная дискуссия с канониками, священством Цюриха и членами советов больших и малых городов, на которой обсуждались болезненные вопросы образов и мессы, но дальнейшие действия были отложены до следующего рассмотрения, намеченного на начало предстоявшего года.

⁷⁷ Великий Пост не имеет фиксированной даты начала — с Пепельной Среды и до Пасхи. — Прим. ред.

1524 и 1525 годы стали для реформаторов решающими в их стремлении разрешить три спорных вопроса: почитание образов, безбрачие священства и служение мессы. Четвертая дискуссия, состоявшаяся 19 и 20 января 1524 года, оказалась поворотной, поскольку интеллектуальная нищета защитников «старой веры», противостоявших сторонникам новой «истинной веры», дала реформаторам преимущество и открыла путь последующим официальным реформаторским указам совета. Дискуссию вели четырнадцать человек: шесть членов городского совета, пять кафедральных каноников и реформаторы Энгельхард (Engelhard), Юд и Цвингли. В защиту иконофилов выступил только Рудольф Хофманн (Rudolf Hofmann), сформулировав двадцать три тезиса, основанных почти целиком на небиблейских источниках: традициях, писаниях отцов Церкви, средневековой схоластике, канонах и постановлениях Соборов. Совет легко склонился в сторону иконоборческих устремлений Цвингли. После ряда промежуточных компромиссных указов, 15 июня совет вынес окончательное решение об очищении церквей от всех оставшихся образов. Теперь городской совет действовал решительно и назначил комиссию из двенадцати членов, по представителю от каждой гильдии, — для побелки стен и очищения храмов от «идолов». Эти мероприятия продолжались с 20 июня по 2 июля. Близорукий Цвингли не почитал изящные искусства так, как музыку, и потому мало сожалел об утрате средневековых произведений. Но, по-видимому, его личные пристрастия не оказали сильного влияния на программу реформации, которая также, за исключением псалмов, требовала упразднения хорового и общего пения, органной музыки и других практик, не имеющих обоснования в Писании. После нескольких лет молчания 9 декабря 1527 года были разобраны и уничтожены органы Великого собора. Цвингли рассматривал устранение образов и органов как победу духа над плотским и чувственным, придерживаясь вполне пуританских позиций. «В Цюрихе, — победоносно восклицал он, — у нас совершенно светлые церкви, стены восхитительно белые!»⁷⁸

В 1522 году Цвингли вместе с некоторыми другими священниками подал епископу Констанца прошение о разрешении на брак и, встретив резкий отказ, тайно женился на благочестивой вдове Анне Мейер. Два года спустя, 2 апреля 1524 года, когда стало очевидно, что симпатии общества в Цюрихе на его стороне, Цвингли извлек из этого максимальную выгоду, торжественно совершив свое бракосочетание в Великом соборе, и таким образом публично осуществив проповедь о важности брака для духовенства, а также о необоснованности и бесполезности католического celibата. Едва Цвингли совершил этот решительный шаг, как из сотен и даже тысяч монахов, священников и монашек едва ли можно было найти сохранивших целомудрие, и местный каноник выразил сожаление о таком количестве общественных нарушений, но признал все их справедливыми.

Третьим важным и сложным догматическим вопросом было католическое учение о мессе. В 1215 году Четвертый Римский Собор официально утвердил доктрину о пресуществлении, согласно которой хлеб и вино, применяемые в Причастии, полностью преобразуются в истинные Плоть и Кровь Христа, несмотря на такое «недопонимание», как сохранение прежнего внешнего вида. Само Причастие приобрело значение бескровной жертвы, посредством которой священник повторял первоначальную жертву Христа на Голгофе. В мессе мог участвовать любой верующий, священник за плату совершал также индивидуальную мессу, даже за те души, которые предположительно уже находились в чистилище. А в конце концов Причастие «одного элемента», когда причащающимся мирянам раздается только хлеб, в то время как священник пьет вино, стало повсеместной практикой. На основании Библии Цвингли оспорил все эти аспекты мессы, рассматривая их как отступление от установления Господня, записанного в Новом Завете. Он противопоставлял мессе реформаторское понимание Вечери Господней как воспоминания, или духовного общения со Христом, в котором хлеб и вино символизируют Плоть и Кровь Христа. Подобно Лютеру он оспаривал учение о пресуществлении на том основании, что противоречие между содержанием и формой есть вопрос метафизический, а не библейский. Он рассматривал превознесение даров и поклонение им во время процессий праздника Тела Христова как обожествление материального предмета. Он оспаривал понимание мессы как жертвы на том основании, что первоначальная жертва Христа действительна раз и навсегда, а также по причине магических злоупотреблений пресуществлением и жертвою со стороны священников. Он полагал, что индивидуальная месса без собрания верующих и личного участия причащающихся недействительна и ведет мирян к праведности дел и механическому отношению к Причастию.

Цвингли подробно изложил свои взгляды общине и городскому совету. Во время Страстной недели 1525 года, точнее 16 апреля, в Цюрихе впервые было торжественно совершено Причастие по новому порядку, с принятием в обоих видах, как вечера воспоминания и духовное общение с Господом. Вновь восторжествовало стремление Цвингли к духовному, а не материальному. Всего за месяц до того он опубликовал свою, посвященную королю Франции Франциску I, работу «*Об истинной и ложной религии*», в которой ясно изложил убеждение, что присутствие Господа во время обряда, задуманного как символическое воспоминание, принимается только верою.

Влияние эразмовского гуманизма на религиозную мысль Цвингли было особенно очевидно в первые годы

⁷⁸ См. Чарльз Гарсайд младший, *Цвингли и искусство* (Нью-Хэйвен, 1966), стр. 146-160.

цвинглианской реформации и осталось неотъемлемой частью его теологического направления. Цвингли столь сильно привлекло внимание гуманистов к познанию истины из первоисточников, что и его собственная теология основывалась на принципе приобретения познания Христа из «самых источников», т. е. самого Писания. Девиз эразмитов «евангельская простота» и несхоластическая природа откровения — одна из тем работ Цвингли. Приблизительно до 1522 года фразы, знакомые по Эразмовской «философии Христа», употребляемые им в *Enchiridion* и *Paraclesis*, часто встречаются в планах Цвингли по возрождению христианства. Сравнение гуманизма с христианством — также один из главных акцентов в работах Цвингли. Педагогические идеалы гуманистов отражены в его трактате «Обучение молодежи» (1523 г.).

Основу теологии молодого Цвингли составляла «философия Христа». Грех он понимал скорее как слепоту или слабость плоти, чем как принципиальное зло и естественное состояние человека. Христоцентричность была для него скорее принципом, чем жизненной реальностью, итогом его стремления к интеллектуальному просвещению, а не плодом духовной борьбы, побудившей его всецело предаться благодати Христовой. Учение Цвингли о двойственности предопределения Божия носило наиболее крайний среди крупных реформаторов характер. Он проповедовал, что при сотворении Бог не только предызбрал души ко спасению, но и предопределил души, которые низвергнет в ад. Однако работы Цвингли по данной теме создают впечатление, что он принял эту доктрину только на основании убеждения, будто так учил Павел, а не потому, что сам трепетал перед грозным промыслом Божиим. Даже его уверенность в том, что Бог спасет Гераклита, Платона, Аристотеля, Цицерона и других благочестивых язычников достаточно легковесна по сравнению с простым упованием Лютера на то, что Бог усмотрит возможность спасти Цицерона. Наиболее характерным эразмовским аспектом его мысли является постоянное противопоставление закона духа и закона буквы, или плоти. Недоверие к материальному является главной причиной его пуританского неприятия образов и церковного искусства, музыки и реального присутствия Тела и Крови Христа в Причастии. Пониманием духовной жизни как победы духа над плотью объясняется моралистический характер его «евангельского учения» в ранние годы. Однако учение Цвингли претерпело известные изменения, когда он глубже занялся теологическими вопросами Реформации и более тщательно погрузился в теологию Павла.

Полемика о Св. Причастии

Когда в октябре 1529 года в Марбурге Цвингли и Лютер наконец встретились лицом к лицу в великолепном замке эрцгерцога Филиппа Гессенского, возвышающемся над рекой Лан, Лютер подытожил их принципиальное разногласие словами, напрямую обращенными к Буцеру, но адресованными также Цвингли и остальным: «Мы от разного духа!» Встреча, устроенная эрцгерцогом ради объединения евангельского движения перед угрозой нападения католиков, способствовала лишь выявлению их разногласий и установлению определенного разделения между германским и швейцарским реформаторскими движениями.

В последующие годы Цвингли нравилось рассуждать о времени, проведенном в Эйнзидельне, как о периоде своего прорыва к подлинно евангельскому пониманию Писания. Об ограниченности его успехов можно судить по тому факту, что еще в 1517 году он лично участвовал в паломничестве, полагая его похвальным деянием. Все же Цвингли не полностью заблуждался, утверждая, что проповедовал реформаторское понимание Евангелия еще до того, как в Швейцарии стало вообще известно о Лютере. Однако его понимание Евангелия в ранние годы напоминало христоцентрическую этическую систему Эразма — «философию Христа». Только в Цюрихе, изучая послания Павла под воздействием трудов Лютера, он переключил свое внимание на «закон Христов», или высшее учение Христа, со временем начав ревностно проповедовать полный, свободный и окончательный Божий дар спасения во Иисусе Христе, даруемый человеку исключительно по Божией благодати. Очевидно, что таким пониманием Евангелия, или «Благой Вести», он был в значительной степени обязан Лютеру. Нет свидетельств о причастности Цвингли к первоначальному радостному возбуждению в 1517 году, вызванному появлением 95 тезисов Лютера, что весьма странно, ибо в Базеле и других южно-германских городах в кругах гуманистов очень радовались этому событию. Но очевидно, что к концу 1518 года Цвингли уже был знаком с трудами Лютера и упоминал о них в переписке, а значит, прилежно их изучал. Однако к 1523 году Цвингли настаивал на своей оригинальности, утверждая, будто проповедовал новое понимание Евангелия, еще прежде чем услышал о Лютере, и убеждал, будто мало читал Лютера, выражая недовольство, когда его называли лютеранином. По заверениям Цвингли, от Лютера он перенял только смелое следование тому, в истинность чего уверовал. Очевидно, что Цвингли не был расположен уступать виттенбергским реформаторам. Разделение их путей произошло из-за разногласий в понимании сути и роли Св. Причастия.

Цвингли верил, что Св. Причастие, или Вечеря Господня, является лишь символом, или печатью Божией благодати, уже дарованной причащающимся. Хлеб и вино лишь символизируют Плоть и Кровь Христа, реально пребывающего в Своем физическом Телe на Небесах, а не на земле. Верующий человек, принимая Св. Причастие

в воспоминание о последней вечере Господа со Своими учениками, обогащается от духовного общения со своим Господом. Цвингли заимствовал понимание Св. Причастия как трапезы воспоминания от датского гуманиста и юриста Корнелия Гоена (Cornelius Hoen), писавшего Цвингли в 1523 году из Гааги, что на самом деле слова установления: «Сие есть Тело Мое» — являются образным выражением, метафорой, а слово «есть» следует понимать как «символизирует». «Мы должны различать, — писал Гоен, — хлеб, который принимают наши уста, и Христа, Который принимается верою». Цвингли впечатлило толкование Гоена, и он назвал его «драгоценной жемчужиной», которая помогла ему обрести ясность в столь трудном вопросе. Это было рациональное решение, но согласовывалось ли оно с другими гранями библейского учения? Лютер получил от Гоена аналогичное послание и ответил, что по своей природе склонен к символическому толкованию, однако не может уклониться от конкретных слов Писания, ясно утверждающего: «Сие есть Тело Мое», — безо всякого намека на символизм.

Определение Св. Причастия в своем Большом катехизисе Лютер заимствовал у Св. Августина: «Когда Слово присовокупляется к какой-либо естественной [материальной] субстанции, она становится Таинством»⁷⁹. Лютер учил, что Св. Причастие, как и Евангелие, предлагает человеку дары Христовы и по своей сути является средством благодати, помогающим человеку утверждаться в вере. Христос истинно присутствует в Св. Причастии, и реальность Его присутствия подтверждается не только Его вездесущностью, ведь прославленный Христос не ограничен пространственными измерениями, но также силой обетования, провозглашенного Им при установлении Св. Причастия. Очевидно, что Лютер ощущал себя связанным словами Писания, не будучи однако буквоедом, ибо его формулировка также подразумевает общение свойств человеческой и Божественной природы Христа и содержит критику присущего учению Цвингли пренебрежения материальным.

Полемика о Св. Причастии вскоре стала достоянием общественности. Андреас Карлштадт, изгнанный виттенбергский профессор, отличавшийся пуританскими наклонностями, привез в Страсбург свое учение о Св. Причастии. Несмотря на то, что пребывание в городе ему было запрещено, некоторые теологи-реформаторы склонились к его невещественному толкованию и пришли к заключению, что реальное присутствие Христа в Св. Причастии невозможно по причине Его пребывания на Небесах. В полемику вступили Эколампадий из Базеля, Буцер из Страсбурга, гуманист Пиркхеймер из Нюрнберга и другие, пока наконец сами Цвингли и Лютер не были вовлечены в эти дебаты. В 1526 году Лютер опубликовал свою «*Проповедь против фанатиков о Св. Причастии Тела и Крови Христа*». В феврале 1527 года Цвингли раскритиковал его позиции в своем «*Дружеском экзегезисе*». В апреле Лютер ответил эмоциональным, но содержательным «*Против фанатиков, слова “сие есть Тело Мое” по-прежнему остаются в силе*». В июне Цвингли резко ответил в своем трактате «*О том, что слова “сие есть Тело Мое” по-прежнему хранят свой первоначальный смысл*». В марте 1528 года Лютер опубликовал свое «*О Причастии Христовом. Вероисповедание*», написанное в снисходительном тоне. Цвингли пришел в ярость и заявил, что не любит, когда с ним «обходятся как с ослом». 30 августа 1528 года он возмущенно писал Конраду Саму (Conrad Sam) в Ульм:

«Этот суетный человек Лютер продолжает убивать в своих книгах человеческую и Божию мудрость, хотя среди благочестивых было бы нетрудно восстановить мудрость. Но поскольку еретики, т. е. его последователи, вместе с нечестивыми столь оглохли ко всякой истине, что отказываются слушать, я уже давно сомневаюсь в этом великом труде, который, как мне известно, окажется тщетным... Пусть я умру, если он не превосходит Экка в нечистоте, Кохлая в бесстыдстве и всех остальных людей в их пороках!»

Несколькими годами ранее Лютер писал некому Грегору Казелю (Gregory Casel): «Одним словом, либо они, либо мы должны быть служителями сатаны! Здесь неуместны уступки или дипломатия». Однако в первые три дня октября 1529 года Лютер сидел вместе с Цвингли за массивным дубовым столом в Марбургском замке эрцгерцога, участвуя в переговорах, имевших целью разрешение этих серьезных разногласий ради евангельского единства. 1529 год был трудным для протестантов, которым предстояло выступить на Шпейерском сейме против решения императора отменить временные уступки, принятые Рейхстагом в 1526 году. Энергичный евангельский эрцгерцог Филипп Гессенский, в 1526 году ради демонстрации своей христианской свободы отобедавший в пятницу бифштексом, стремился объединить силы протестантов для совместной обороны. Лютер осудил политическую и потенциально военную мотивацию его устремлений к объединению, поскольку не мог согласиться с применением силы в вопросах веры. Однако, чтобы улажить Филиппа, он и Меланхтон отправились в Марбург вместе с Юстом Йонасом (Justus Jonas), Иоганном Бренцем (Johannes Brenz), Каспаром Круцигером (Caspar Cruciger), Андреем Озиандером и некоторыми другими теологами на встречу с Цвингли, Иоганном Эколампадием, Мартином

⁷⁹ И именно Слово Божие (говорю я вам) делает Таинство Таинством — так, что это не просто хлеб и вино, но является и называется Телом и Кровью Христовыми. Ибо сказано: *Accedat verbum ad elementum et fit sacramentum* — то есть: «Когда Слово присовокупляется к какой-либо естественной [материальной] субстанции, она становится Таинством». Это высказывание Св. Августина столь изящно и правильно, что едва ли он мог сказать что-то лучшее. (Книга согласия. Большой катехизис. Часть пятая, 10.) — Прим. ред.

Буцером и Каспаром Гедио (Caspar Hedio), швейцарскими и страсбургскими теологами. Они быстро достигли принципиального согласия по четырнадцати пунктам, касавшимся таких учений как Личность Христа, оправдание верою, Крещение и т.д.

Также имело место удивительное единогласие по большинству аспектов пятнадцатого пункта, касавшегося Св. Причастия. Они отвергли пресуществление и понимание мессы как жертвы, отдав предпочтение Св. Причастию в обоих видах. Лютер допустил существование также и символического значения Св. Причастия, предполагающего духовное ядение и питье, но когда он принялся настаивать на реальном присутствии Плоти и Крови Христа в Св. Причастии, Цвингли не смог согласиться. На этом этапе Меланхтон, видимо, выступал против уступок спиритуалистам, по-прежнему надеясь на воссоединение с католиками. После обсуждения Лютер составил положение о присутствии Тела Христова в Св. Причастии «существенно и вещественно», хотя и не «качественно, количественно или пространственно». Однако Цвингли отверг эту формулировку, настаивая на своих взглядах об исключительно духовной и символической сути Св. Причастия. Возможно, что наиболее сильный ущерб, нанесенный Эразмом протестантизму, заключался не в открытой критике Лютера в его *De libero arbitrio*, а в подспудном влиянии на Цвингли спиритуализма, сделавшего его восприимчивым к рационалистическим взглядам на Причастие гуманиста Гоена. Бренц и Буцер нашли формулировку Лютера удовлетворительной, и она легла в основу Вюртембергского соглашения 1534 года и Виттенбергского соглашения 1536 года, подписанных страсбургскими теологами, посетившими Виттенберг для совещания с Лютером. Дискуссия между Цвингли и Лютером в Марбурге не была идеальным образцом теологического диспута. В какой-то момент Цвингли обосновал свои утверждения, сославшись на слова Христа о хлебе жизни в 6-ой главе Евангелия от Иоанна. «Там содержится аргумент, который свернет тебе шею!» — воскликнул Цвингли. «Не забывай, однако, что находишься в Гессене, а не в Швейцарии. В Германии шеи сворачиваются не так легко», — ответил ему Лютер.

В этих словах очевидны искренность и серьезность. Никто не собирался поступаться своей совестью, даже ради политической выгоды или простого выживания. Цвингли заплатил собственной жизнью за провал в организации объединенного протестантского фронта и приобретения хороших союзников. Родной Саксонии Лютера предстояло подвергнуться разграблению, а Филиппу Гессенскому — попасть в плен к союзникам Габсбургов, католиков, оппонентов Цвингли.

Цвингли и гражданская война

Реформаторская деятельность Цвингли в Цюрихе стала катализатором швейцарского протестантского движения даже в тех кантонах, где уже прежде наметились перемены. Примером тому был город Берн, где служил учителем, а с 1519 года проповедником в соборе Бертольд Галлер (Berchthold Haller), находившийся под большим влиянием теологии Лютера. Однако официально город перешел в протестантский лагерь только в январе 1528 года, после открытой дискуссии, продолжавшейся девяносто дней, в которой Цвингли, Эколампадий, Капитон и Буцер представили учение Реформации.

Ключевую роль город Базель играл благодаря расположению на верхнем Рейне и будучи центром гуманизма и книгопечатания. Издатели Фробен и Амербах были ведущими книготорговцами. В городе оставило свой след примирительное движение, поскольку второй из крупных церковных Соборов состоялся близ Констанца (1414—1418), а долгое заседание раскольнического Третьего собора проходило в самом Базеле (1431—1449) и оставило там отпечатки примирительных и антипапистских настроений, а также преобладающее мнение о насущности реформ. На реформе настаивал Виттенбах (Wytttenbach), эразмит и гуманист профессор Цвингли, а присутствие там с 1521 года самого Эразма привлекло в город многих реформаторски настроенных людей христианско-гуманистического толка. До своего переезда в Страсбург местным лидером был Вольфганг Капитон. Но подлинным реформатором Базеля стал шваб, статуя которого по-прежнему стоит напротив собора — Иоганн Эколампадий (1482—1531), человек, на которого оказали воздействие и Виттенберг, и Цюрих. Будучи молодым гуманистом, он подавал надежды как студент классического отделения, но обратился к изучению Библии и стал реформатором-эразмитом, а затем, попав под влияние Меланхтона и Цвингли, эволюционировал в евангельского реформатора. Будучи пастором церкви Св. Мартина и профессором университета, он заложил фундамент для радикальной церковной реформы. В 1528 году он присутствовал на дебатах в Берне и возглавил общественное движение, вынудившее городской совет в феврале 1529 года порвать с клиром, открыв Базель для цвинглианской реформации. Являясь суперинтендентом, Эколампадий производил реформу церковью по всему кантону. Он был бы очень рад удержать в городе великого Эразма, но Эразм уже понял, что реформы приобретают радикальный раскольнический характер, и в 1528 году, сопровождаемый торжественной процессией, отбыл в Фрайбург, католическое владение Габсбургов.

В кантоне Св. Галла, на родине Цвингли, реформы возглавил Вадиян. Вадиян или Вадияний (латинизированная форма его германского имени Иоахим фон Ватт) был одним из наиболее привлекательных швейцарских

реформаторов. Еще молодым человеком, студентом, он являлся одновременно профессором кафедры классической литературы Венского университета. Изучая Писание, он вполне самостоятельно пришел к евангельским убеждениям. Вадиян стал мудрым и почитаемым реформатором кантона Св. Галла, где в его честь на рынке до сих пор возвышается статуя. Ему нравился Цвингли, хотя сам он был более умерен и менее агрессивен. Преемник Цвингли в Гларусе Валентин Чуди также трудился над реформой, — цвинглианской по духу, однако имевшей более открытый и терпимый к католическим убеждениям характер. Кроме того, Цвинглианство распространилось в Шафхаузене, Констанце, Меммингене и других южно-германских городах, достигнув вниз по Рейну Голландии и Фрисландии. Оно также отразилось на английской Реформации, повлияв на пуританское движение.

В отличие от Эразма, Цвингли был ревностным патриотом, желавшим видеть всю Швейцарию свободной от папского ига. Однако лесные кантоны остались верны католической церкви. Ури, Швиц и Унтервальден завидовали растущему превосходству Цюриха и стремились сохранить свое традиционное господство в федерации. Вместе с Люцерном и Цугом они обратились за поддержкой со стороны и в апреле 1529 года заключили союз со злейшим врагом швейцарцев — австрийским Габсбургом герцогом Фердинандом. Исходя из теории, гласящей, что нападение является лучшим видом защиты, в июне 1529 года без поддержки со стороны союзных кантонов Цвингли повел цюрихские войска к Каппелю, чтобы атаковать противника. Однако братские чувства швейцарцев возобладали, и войска с обеих сторон начали обмениваться хлебом, молоком и шутками. Берн вовсе отказался участвовать в этой отвратительной войне. Цвингли пришлось удовлетвориться заключением Первого Каппельского мира (26 июня 1529 года), обязавшего католические кантоны порвать с Фердинандом и проявлять терпимость к евангелическим общинам в смешанных административных округах.

Цвингли оказался втянут в разработанный Филиппом Гессенским дипломатический план, целью которого было создание масштабного антиавстрийского блока, состоящего из Дании, Венеции, Саксонии и Франции. Но когда в марте 1529 года стал очевиден крах этих объединительных усилий, склонить кого-либо, даже протестантских князей Германии, к участию в блоке было уже невозможно. Это был кризисный год для империи, а евангельскому движению приходилось защищаться от нового нападения на него со стороны империи на сейме в Шпейере. Цвингли в альянсе со Страсбургом был вынужден заключить номинальный союз с Берном и Базелем и договор о взаимопомощи между Филиппом Гессенским, Цюрихом и Базелем. Приготовления были завершены к январю 1530 года. Католические кантоны не выполнили своих обязательств, не расторгнув союз с Австрией, и Цвингли, убежденный в замышляемом ими коварстве, предпочел ударить первым. На заседании парламента федерации, состоявшемся в январе 1531 года, гремели взаимные обвинения. Цвингли очень нервничал, ожидая нападения. По отношению к католическим кантонам он применил экономические санкции, запретив продажу им муки, соли, вина и железа. Лесные кантоны ответили войной, 11 октября 1531 года вторгшись в цюрихский кантон под Каппелем войском численностью восемь тысяч человек. Когда известие достигло города, полторы тысячи мужчин, и Цвингли в их числе, выступили навстречу агрессору. Видя, что численно превосходимые войска Цюриха проигрывают сражение, Цвингли ринулся в самую его гущу и получил смертельный удар в горло. Неприятельские солдаты нашли его тело на поле, четвертовали и сожгли, развевая пепел по ветру. Цюрих потерял в этой битве более четырехсот человек, включая двадцать шесть членов совета и двадцать пять пасторов. Католические кантоны знали о существенных человеческих ресурсах Цюриха, и наступление не было продолжено. Второй Каппельский мир (20 ноября 1531 года) предусматривал сохранение прежнего положения в протестантских землях, терпимость к католическому, а не только к протестантскому меньшинству, упразднение всех созданных союзов с иностранцами, а кантон Св. Галла должен был вернуть древнему бенедиктинскому монастырю его прежний статус. Швейцарская гражданская война оказалась трагедией и, по определению Гегеля, «конфликтом права с правом». Это была альпийская прелюдия к лавине горя и разрухи, захлестнувшей Европу в последующие десятилетия.

Цвингли оставил своей родине и всему миру значительное наследство — швейцарский реформатский протестантизм. Он показал своим последователям пример сочетания политической активности с религиозной принципиальностью и глубокой духовностью. Прочные культурные связи с германским протестантизмом сохранились даже после того, как Кальвинизм затмил реформы, начатые Цвингли. При его преемнике, зяте и биографе Генрихе Буллингере (1504—1575) германо-швейцарское реформатское движение сосредоточилось на церковных вопросах и утратило свою политическую силу, хотя враждебность Цвингли к Империи Габсбургов отразилась в последующей отчужденности швейцарцев от Империи. Швейцарцы остались в стороне от религиозных войн, следуя здравому убеждению, что они уже пережили собственную религиозную войну, став в этом первыми среди европейцев. Лютер осудил воинственность Цвингли и рассматривал его смерть как суд Божий.

Радикалы Реформации

Успех реформаторского движения привел к освобождению миллионов людей от традиционных норм и отношений, поскольку старые церковные институты разрушались. Многие искали опору в невероятнейших пропо-

ведах эксцентричных пророков или в культоподобных организациях. Сомнительным одиночкам и общинам с религиозной периферии часто было свойственно принятие различных аспектов христианской веры, не принимаемых или не акцентируемых главными руководителями Реформации.

На протяжении столетий ролью радикалов в Реформации повсеместно пренебрегали, рассматривая их как пасынков Христианства. Но недавно они вошли в круг родственников. В отличие от крупных реформаторов, большинство радикалов не основали устойчивых церковных организаций, члены которых были бы заинтересованы в широкой пропаганде своих учений. Однако теперь некоторые религиозные группы, родственные или симпатизирующие Реформации, отреклись от своих антирациональных корней и вышли из добровольной изоляции. Важные сведения предоставляют исследователи малых деноминаций. Более того, после провозглашения марксистскими историками Томаса Мюнцера и христианских радикалов религиозными прототипами социальных революционеров, были изданы бесчисленные тома, трактовавшие радикальную Реформацию с позиций таких известных мыслителей как Энгельс, Маркс и Ленин. Новая информация поступает со всех сторон.

Протестантизм очень быстро принял форму баобаба, пустив свои корни и ветви во все стороны. Вопрос о власти как об организационной или идейной основе единства стал ахиллесовой пятой движения. Вероятным следствием могло быть бесконечное воспроизведение раскольнических групп, но на практике несколько крупнейших евангелических церквей объединили абсолютное большинство протестантов. Жалкое меньшинство дробилось на небольшие секты и даже одиночек. Некоторые из них были отростками от основного ствола, но большинство возникло как самостоятельная реакция на те же проблемы, которые заботили и ведущих реформаторов.

Немецкий религиозный историк и социолог Эрнст Трельч (умер в 1922 году) предположил существование в шестнадцатом столетии трех основных типов религиозных направлений. Первый тип — это секты, новые общины или организации, в которых устанавливают свои собственные порядки люди, не прижившиеся в большом обществе. Секты стремились к святости, хотя редко отличались педантизмом и обычно проповедовали, что история движется в эсхатологическом, или апокалиптическом направлении, ведущем к тысячелетнему правлению Христа и Его святых. Секты обычно занимают нижнюю часть религиозного спектра и развиваются как бы в горизонтальном направлении. Анабаптисты принадлежали к этому типу сект.

Затем следуют религиозные индивидуалисты. Мистики погружаются в свою собственную систему или метод, стремясь к вертикальному восхождению посредством созерцания и размышления, переживая темную ночь души перед прорывом к моментальному соединению с Богом. Этот тип был представлен богатым спектром мистиков, спиритуалистов и этических теистов, посвятивших себя внутренней жизни души. Евангелистские рационалисты зачастую также являлись индивидуалистами, хотя некоторые антитринитарики, например социане и польские братья, а также литовские и венгерские унитарии, создавали ассоциации и церкви. Этот второй тип как бы образует вертикальную линию, стремясь ввысь, к личному совершенству или единению с Бесконечным.

Между этими двумя крайностями занимали свое место члены церквей, — как оставшиеся в Католической церкви, так и последовавшие за ведущими реформаторами. Реформированные церкви стремились к сочетанию сильных сторон как сектантов, так и мистиков, совмещая коллективное социально-этическое развитие с религиозной реализацией личности. Основные реформаторские церкви образуют как бы пересекающиеся линии — некоторые из них склоняются к нижнему сектантскому уровню, а другие к вертикальной линии мистиков.

Хотя ранее некоторые религиозные социологи настаивали на исключительно протестантских корнях сектантов Реформации, теперь все большее число исследователей признает связь между радикальными реформаторами и средневековыми еретическими движениями. В истории пиетизма, опубликованной в 1880 году, историк Альбрехт Ричль (Albrecht Ritschl) отметил сходство между экстатическими идеями сектантов шестнадцатого века и францисканскими спиритуалистами. Распространение этих сект в долине Рейна и в Нидерландах, именно в тех землях, которые в период позднего средневековья стали свидетелями бурного размножения еретических групп — братьев и сестер свободного духа — бегинок и бегардов — не может объясняться только совпадением.

АНАБАПТИСТЫ

Существует тесная связь между отдельными вождями Анабаптизма и гуманистами Возрождения, ибо некоторые известные анабаптисты пришли к своей радикальной евангелической вере через эразмовскую религиозность. Очевидно влияние неустойчивых реформаторов, к примеру прежнего коллеги Лютера, Карлштадта, на радикалов в Страсбурге и других местах. Более того, влияние такого экстремиста как Томас Мюнцер, призывавшего свою Лигу избранных к физическому истреблению нечестивых, имело заметные и весьма печальные последствия даже среди мирных анабаптистов. Тот факт, что преднамеренное ассоциирование всех анабаптистов с этим воинственным вождем было использовано для создания негативного мнения о них, не устраняет прямой взаимосвязи между ними. С самого начала анабаптисты имели плохую репутацию. Их считали еретиками и католики, и евангелические верующие, а магистраты — бунтарями.

В цвинглианском Цюрихе Конрад Гребель (1448—1526), предводитель швейцарских братьев, «перекре-

стиль», или совершил первое повторное крещение взрослого человека. 21 января 1525 года он преподавал крещение Георгу Блауроку (Georg Blaurock) в доме Феликса Манца. В некоторой степени этот поступок был данью проповеди Цвингли, поскольку эти швейцарские братья, будучи участниками цвинглианского реформаторского движения, очень серьезно восприняли его призыв исследовать Писание независимо от традиций и авторитетов. В Писании они не нашли обоснования Крещению младенцев и сделали вывод, будто Крещение является знаменем, или символом возрождения, т.е. обращения в веру взрослых людей, достигших ответственного и разумного возраста. Они довели учение Цвингли о Таинствах до его логического завершения. Гребель происходил из аристократической семьи и был высокообразованным классическим гуманистом, подобно Цвингли прошедшим обучение в Венском университете. Потому он был способен ответить на аргументы, основанные на том, что отцы Церкви с третьего по пятый век, — такие как Киприан, Тертуллиан, Григорий Назианзин, Ориген и Августин — свидетельствуют об апостольских истоках Крещения младенцев. «Почему же Писание умалчивает, — вопрошал он, — об этом важном аспекте церковного Таинства, и почему ему нет свидетельств в первых двух веках?» Официальной и народной церквям они противопоставляли свободную неконфессиональную церковь, т.е. практическую общину святых, живущих праведной жизнью, исключаящих неверных и развратных членов и буквально следующих 18-ой главе Евангелия от Матфея. Они стремились возродить простоту апостольской Церкви, применяя в поклонении древний литургический порядок и совершая Вечерю Господню вечерами по домам, как торжественную трапезу воспоминания. Удаляясь беззакония, они стремились жить по буквально понимаемым заповедям Нагорной проповеди Христа, не противясь злему с собою обращению, отказываясь присягать и отвергая военную службу. Кроме того, они культивировали представление о гонимой церкви как образе «страдающего раба», о котором пророчествовал Исаия и который был воплощен в Иисусе.

Цвингли изумил и огорчил такой поворот событий. Он страстно проповедовал против анабаптистов, ибо не мог мириться с отрицанием Крещения младенцев и с их отношением к светским властям, а также потому, что доверял дискредитирующим доносам об их якобы распутном поведении и общественных беспорядках, якобы ими учиняемых. Цвингли нанес особый удар, написав работу *«Против выходов анабаптистов»*. Городской совет Цюриха постановил, что анабаптисты преступают закон и нарушают порядок в стране, а потому им следует либо измениться, либо эмигрировать. Гребель, Манц и Блаурок покинули город и принялись за пропаганду своих взглядов в других местах. Под Цюрихом их арестовали и подвергли пыткам, приговорив к смертной казни, но они бежали. Гребель умер в 1526 году от чумы, а Манц был утоплен в 1527 году (альтернативный вид казни, напоминающий о Крещении). Блауроку удалось донести свою проповедь до Австрии, но он был арестован в Тироле и в 1529 году сожжен на костре. Такая судьба стала предзнаменованием участи, уготованной их «гонимой церкви».

Популярные анабаптистские проповедники происходили из рядов евангелического духовенства, а также из католического черного и белого духовенства. Шваб Бальтазар Губмайер (1485—1528), протестантский служитель в Вальдшуте, Австрия, шокировал своих прихожан заявлением о том, что принял Божие повеление отказаться от Крещения младенцев. В день Пасхи он лично «перекрестился» вместе с большинством своих прихожан. Его книга *«Христианское Крещение верующих»* стала популярным изложением учения анабаптистов о том, что Крещение должно следовать за исповеданием веры. Власти Цюриха арестовали его и принудили отречься. По этой причине он отправился в миссионерское путешествие на восток, проповедуя в Констанце, Аугсбурге, Регенсбурге и Никольсбурге в Моравии, где обратил в Анабаптизм лютеранский приход и основал пристанище для беженцев со всей империи. Габсбургское правительство не могло потерпеть такого вторжения в провинции с образцовым порядком. По этой причине власти Лихтенштейна передали Губмайера в руки чиновников герцога Фердинанда, которые 10 марта сожгли его на костре за стенами Вены, а его жену утопили в Дунае. В одной Вене было казнено сто пять анабаптистов.

Не менее драматичными, если не героическими, были мученичество и смерть Михаила Саттлера (Michael Sattler), монаха, обращенного евангельской проповедью, который оставил должность настоятеля монастыря Св. Петра в Брейсгау и пошел в Цюрих, где присоединился к швейцарским братьям. Будучи изгнан из Цюриха, он нашел прибежище в Страсбурге, а затем переехал в Хорб в Черном лесу, где занялся миссионерской деятельностью. В 1527 году он председательствовал на Шлейтгеймской конференции анабаптистов и стал основным автором Шлейтгеймского вероисповедания, принятого в день Св. Матфея (24 февраля). Это вероисповедание широко распространилось и, вероятно, было наилучшим изложением доктрин чистого Анабаптизма. Цвингли, а много лет спустя и Кальвин писали опровержения анабаптистского вероисповедания, содержавшего семь основных положений: «(1) Крещение следует преподавать всем, кто проявил покаяние и исправление жизни, а также истинно уверовал, что Христос забрал их грехи. (2) Все крещеные и исповедовавшие анабаптистские убеждения, но впавшие в заблуждение или грех, даже по неосторожности, должны быть изгнаны из общины. (3) Всем желающим участвовать в Вечере Господней сначала следует креститься. (4) Крещеные должны удалиться от зла и нечестия, посеянных диаволом в этом мире. (5) Пастор церкви должен, как предписал Павел, иметь доброе свидетельство от

внешних.⁸⁰ (6) Член церкви не может братья за оружие ни при каких обстоятельствах. (7) Член церкви не может присягать».⁸¹

За это вероисповедание Михаилу Саттлеру пришлось умереть ужасной смертью. Арестованный австрийскими властями за мятеж, он подвергся пыткам. В *Зеркале мучеников* Тильман Й. ван Брагхт (Tilman J. van Braght) описал приговор, вынесенный этому кроткому человеку, и его смерть:

«По делу прокурора Его Императорского Величества против Михаила Саттлера суд постановил передать Михаила Саттлера палачу, который приведет его на место казни и отрежет ему язык, затем прикует его к повозке, у которой раскаленными щипцами дважды оторвет куски от его тела, и после того как будет выведен за ворота, он подвергнется той же процедуре еще пять раз...»

После исполнения описанной процедуры, он как еретик был сожжен дотла. Его собратья были казнены мечом, а сестры утоплены. Его жена, также подвергшаяся множеству увещаний, предостережений и угроз, которые стойко перенесла, была утоплена несколько дней спустя.⁸²

Обычно общество знало, каким образом обезопасить себя от нежелательных людей. В 1526 году в Аугсбурге Ганс Денк (Hans Denck) созвал конференцию анабаптистских лидеров, впоследствии известную как Синод мучеников, поскольку практически все участники были выловлены и казнены согласно приговору суда. Степенных бюргеров раздражали не только их убеждения, но и отдельные экстремисты с расстроеным рассудком, принесшие движению еще худшую славу. Один анабаптист, в подражание ветхозаветному пророку Исае, коснулся своих уст раскаленным углем, намереваясь провозгласить исповедание: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами!»⁸³ — но ожог оставил его безгласным. Некоторые юродивые в Нидерландах бегали голыми, также подражая Исае, поступившему так «в указание и предзнаменование»⁸⁴. Кроме того, имели место случаи, когда радикалы совершали половой акт, располагаясь на алтаре, очевидно демонстрируя торжество духа над плотью. Частыми были случаи, когда толпа штурмовала кафедру и сбрасывала с нее священнослужителя. Один угрюмый малый бродил по Цюриху, крича: «Беда! Беда! Приблизился день Суда!» Еще один переезжал из города в город, возя с собой деревянный меч в качестве символа, обращенного против светского правительства. Результатом гонений на анабаптистов стало возникновение диаспоры религиозных беженцев, обладавших потрясающей мобильностью, отличной системой оповещения и международными связями.

Анабаптистская идея братства и равноправия привлекала бедных и простых людей. В силу их стремления точно воссоздать образ жизни новозаветной церкви, некоторые лидеры почти неизбежно приходили к добровольному коммунизму, который практиковали некоторые ранние христиане. Якоб Гуттер (или Гутер) организовал в Николсбурге — городе, служившем для Моравии катализатором общественного брожения, мирную общину. Около пятнадцати тысяч братьев, в своем большинстве ремесленники и крестьяне, в восьмидесяти местах образовали коммуны численностью приблизительно по двести человек. Несмотря на то, что в 1536 году австрийские власти сожгли Гуттера на костре, некоторые общины гуттерских братьев все же уцелели. Гуттерские поселения, образцы мирного кооперативного жития, до сих пор можно встретить в России, а также в Южной и Северной Америке.

Серьезный след среди анабаптистов оставило учение о тысячелетнем царстве⁸⁵, воспринятое через проповедь заблуждающихся и даже душевно неуравновешенных эсхатологов, пророчествовавших скорое второе пришествие Христа и Его тысячелетнее царство на земле, прежде чем мир будет уничтожен огнем. Лютер также верил, что живет в последние времена, но ему удалось сохранить в этом вопросе определенный баланс. Однажды друг спросил его, как бы он поступил, если бы наверняка знал, что завтра настанет конец света. Лютер ответил ему: «Сегодня бы посадил яблоню!» К сожалению, многие малообразованные и экзальтированные сектанты провоцировали панику своим вольным толкованием пророчеств Даниила и Книги Откровение, являющихся двумя основными источниками апокалиптических пророчеств. Тремя такими миллениалистами, которым удалось приобрести множество последователей и возбудить в обществе беспокойство, были Ганс Гут (Hans Hut), Давид Йорис (David Joris) и Мельхиор Хофманн (Melchior Hofmann).

Ганс Гут, книгопереплетчик и торговец из Франконии, был заметным членом аугсбургского круга анабаптистов. «Перекрещенный» в Аугсбурге в день Пятидесятницы 1526 года, он являлся одним из проповедников

⁸⁰ «Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» (1 Тим. 3:7). — *Прим. ред.*

⁸¹ Полный текст Исповедания можно отыскать в «Шлейтгеймском вероисповедании» Джона Венгера, *Ежеквартальный менонитский обзор*, 19, № 4 (октябрь 1945 г.): 247-52.

⁸² См. Библиотека христианских классиков, изд. Георг Вильямс (Лондон, 1957), том 25, Писатели анабаптисты и спиритуалисты, стр. 138-144.

⁸³ Ис. 6:5. — *Прим. ред.*

⁸⁴ Ис. 20. — *Прим. ред.*

⁸⁵ Миллениаризм. — *Прим. ред.*

пришествия царства Божия [на земле]. В Никольсбурге он дискутировал с Бальтазаром Губмайером, ратуя за полное христианское непротивление злу, тогда как Губмайер отстаивал право человека на защиту себя и своей семьи. Гут был арестован в Никольсбурге в 1527 году, но бежал в Вену, где перекрестил пятьдесят человек. Затем отправился на восток, в Линц, Мелк и Штейр, крестя и провозглашая пришествие Христова для Суда, а также утверждая, будто Христос передаст в руки святых обоюдоострый меч справедливости, чтобы обратить его против священников и лжепророков, вельмож и царей. Затем Христос и святые якобы будут мирно править тысячу лет. В 1527 году Гут был арестован по обвинению в проповеди свободной любви и коммунизма, заключен в Аугсбургскую тюрьму и убит при попытке к бегству.

Радикальный мистик из Нидерландов Давид Йорис (1501—1556) писал пророчества по-голландски, скрылся от казни и руководил своим движением подпольно. Сын лавочника и сам ремесленник, он испытал влияние Лютера, но Лютеранство стало для него лишь постоянным двором на пути к Анабаптизму. Он выступал против папы как против антихриста, а в день Вознесения 1528 года он осквернил Святые Дары, которые несла процессия. Власти схватили его, пригвоздили ко столбу, проткнули ему язык и выслали из Делфта на три года. В 1533 году он «перекрестился» и странствовал по Европе в качестве анабаптистского миссионера. Казнь родной матери за Анабаптизм в 1537 году глубоко потрясла его и, возможно, стала причиной всплеска доселе сдерживаемых видений и пророчеств. Подобно Иоахиму Флорскому, он представлял мировую историю разделенной на три великие эпохи — Отца, Сына и Святого Духа. Провозгласив себя Давидом Христом, он проповедовал новое откровение, пришедшее на смену откровению Иисуса Христа. Понтий Пилат, в лице режима Габсбургов, не мог равнодушно отнестись к такой фигуре. Йорис уехал в Базель, который объявил Новым Иерусалимом, и там провел остаток своих дней под именем Яна ван Бругге. Он поддерживал связь с анабаптистами из Фрисландии и Голландии, но сохранил свою личность в тайне вплоть до смерти в апреле 1556 года. Спустя три года после похорон в церкви Св. Леонардо, зять разоблачил его перед городскими властями, которые эксгумировали и сожгли его тело.

Религиозным энтузиастом такого же толка, что и Йорис, был Мельхиор Хофманн, швабский скорняк, который странствовал по северо-востоку Европы и Рейну, возвещая о наступлении конца света. Привлеченный учением Лютера, он совмещал миссионерскую деятельность с деловыми поездками в Швецию, Ливонию и Ригу. Он посетил Виттенберг и во время своего первого визита произвел на Лютера благоприятное впечатление, однако при втором посещении Лютер заподозрил неладное. Хофманн написал апокалиптическое толкование двенадцатой главы Даниила (1527). В Киле, где король Дании Фредерик I назначил его проповедником, он предался вольным исследованиям. На собеседовании проповедников 1529 года во Фленсбурге он выступил в защиту цвинглианского учения о Св. Причастии, после чего был выслан, обретя прибежище в Страсбурге. Теперь, под влиянием Карлштадта и Каспара Швенкфельда, он быстро развивался в направлении более радикальной теологии. В Восточной Фрисландии он основал общину возрожденных ремесленников. В 1533 году возвратился в Страсбург, чтобы «осчастливить» этот город, сделав его своим Новым Иерусалимом, ибо изучение Апокалипсиса якобы открыло ему, что его миссия заключается в восстановлении апостольского Христианства. Однако Страсбург не принял эту «честь», и по причине безуспешности попыток возвратиться Хофманна на пути умеренности, в течение десяти лет он томился в башне, заключенный в клетку, пока наконец не умер в 1543 году. Через книги и проповеди он оказал влияние на многих людей, особенно в Голландии, получивших известность как мельхиориты.

Наиболее дикой выходкой анабаптистов было Мюнстерское восстание. В своем развитии восстание следовало классической схеме: гонения со стороны князя-епископа, бунт против епископа и умеренные реформы в сторону Лютеранства, более радикальный переворот анабаптистов, установление «якобинского» террора и диктата с последующим подавлением революции и «термидорианской» реакцией⁸⁶. В Мюнстере, как и в других церковных землях Вестфалии, предметом постоянного конфликта между городом и князем-епископом был вопрос о феодальных и канонических налогах. Общий экономический упадок, вызванный неурожаем зерновых, истощение человеческих ресурсов из-за чумы и высокие цены спровоцировали рост недовольства и восприимчивость масс к лютеранской проповеди талантливого оратора Бернарда Ротманна (Bernard Rothmann). В 1532 году городской совет под давлением народа назначил лютеранских проповедников во всех церквях города, и в следующем году епископ признал Мюнстер «евангельским городом».

Мюнстер уже принимал анабаптистских беженцев из окрестностей Клеве, а когда распространилась новость о его обращении в протестантизм, то в город со всех сторон устремились непринятые и отверженные. Даже Ротманн стал радикалом и был «перекрещен» двумя мельхиоритами, которых в Мюнстер в качестве апостолов направил булочник из Харлема Ян Матис. Подобно Мюнцеру, Матис был воинствующим радикалом и проповедовал, что избранные должны взяться за меч и пролить кровь нечестивых, готовясь к правлению святых в тысячелетнем царстве. Убежденные красноречием Ротманна, а также под влиянием уважаемого торговца тканями и предводителя гильдии по имени Бернт Книппердоллинк (Bernt Knipperdollinck), который путешествовал в Шве-

⁸⁶ Здесь имеется в виду параллель с более поздними событиями Французской революции. — Прим. ред.

цию вместе с самим Мельхиором Хофманном, за короткое время более тысячи четырехсот человек «перекрестились».

Прибытие датского проповедника Яна Бокелзона, более известного под именем Иоанна Лейденского, стало для движения поворотным моментом. Этот привлекательный и красноречивый молодой человек двадцати пяти лет обладал энтузиазмом новообращенного и был недавно «перекрещен» Яном Матисом. 8 февраля 1534 года Иоанн и Книппердоллинк бегали взад и вперед по улицам Мюнстера, призывая всех покаяться в своих грехах, чем спровоцировали взрыв религиозной истерии. Толпы мужчин и женщин также кричали, безумно корчась на земле. В этот момент анабаптисты совершили спонтанный переворот, захватив рынок и городское собрание. Напуганные такими крайностями, многие лютеране среднего достатка уехали, а на их место прибыли тысячи пролетариев-сектантов, устремившихся в город со всех сторон. Мюнстер был провозглашен Новым Иерусалимом, который сохранится при разрушении остального мира в преддверие Пасхи того года.

Избрание 23 февраля анабаптистского городского совета близко совпало с прибытием из Голландии Яна Матиса. Он немедленно призвал казнить всех оставшихся в городе католиков и лютеран, но вместо этого их изгнали вон во время жестокой пурги. Не сумевшие или отказавшиеся уйти, были насильно «перекрещены» на рынке. Когда епископ предпринял частичную осаду города, Ян Матис взял в свои руки диктаторскую власть и начал террор. Он провозгласил коммунистическое государство, и когда кузнец опротестовал конфискацию частной собственности, Матис ударил его ножом, а затем расстрелял на рынке для устрашения толпы. Все деньги и ценности отошли к «государству», все дома надлежало постоянно держать открытыми, а имущество было объявлено общим. Подверглись сожжению все книги, за исключением Библии, каждый работник получал плату по потребностям и только натурой, а воины питались в общественной столовой. Затем Матис имел видение, подобно древнему Гедону. Якобы ему следовало отобрать горстку солдат и победоносно выступить против войска нечестивого епископа. Тощий фанатик с бешеными глазами предпринял вылазку и тотчас был зарублен противником.

Настал час Иоанна Лейденского. Этот хулиганистый сын датского мэра и крестьянки был пролетарским провокатором с манией величия, необузданным воображением фанатика и прямолинейностью сумасшедшего. В начале мая он бегал голышом по городским улицам и впал в экстатический транс, длившийся трое суток. Когда же он наконец захватил власть, то объявил немедленную смертную казнь за неповиновение, организовал личную охрану и систему, державшую в страхе целый город с десятью тысячами жителей. Он объявил, будто ему было видение об установлении полигамии и, женившись на привлекательной молодой вдове Матиса, набрал себе гарем из пятнадцати жен. В августе 1534 года, отбив атаку наемной армии епископа, Иоанн провозгласил себя царем нового Иерусалима и мессией, или помазанником последних времен, предсказанных ветхозаветными пророками. Он правил с высокого трона, покрытого золотой тканью и расположенного на рынке. Ротманн, опубликовавший памфлеты под примечательными названиями *«Возмездие»* или *«Провозглашенное мщение»*, стал судебным деятелем, а Книппердоллинк — премьер-министром. Царский двор пышно пировал и облачался в великолепные одежды, в то время как подданные «царя» жили в нищете. Одна из жен Иоанна, красавица Дивора, была объявлена «царицей».

Трагифарс обратился в кошмар, когда в январе 1535 года армия епископа при финансовой и военной поддержке из Гессена и других земель империи по-настоящему осадила город. Город был окружен земляными укреплениями, пехотой и кавалерией, которые полностью отрезали его от внешнего мира и ожидали сигнала. Шли месяцы, в городе свирепствовал жестокий голод, люди опустились до поедания насекомых и даже мертвых. После осады, длившейся почти полгода, несколько перебежчиков, скорее напоминавших скелеты, указали осаждавшим уязвимые участки обороны. 24 июня войска ворвались в город и пленили «царя» Иоанна вместе с его двором. Его возили напоказ, подобно дрессированному медведю, в назидание революционерам. Затем в 1536 году он, Книппердоллинк и еще один человек были казнены посредством раскаленных кандалов. В состоянии шока «царь» Иоанн не шевельнулся и не издал ни звука на протяжении всей экзекуции. Их тела были вывешены в клетках на башне Ламбертинской церкви в Мюнстере, которая по сей день служит городу и всему миру напоминанием о безумстве и мстительности человека. Городские стены были разрушены, а уцелевшее население возвращено в лоно Католической церкви.⁸⁷

Мюнстерская трагедия дискредитировала воинственный коммуноэсхатологический Анабаптизм. Репутация движения была в значительной степени восстановлена благодаря миролюбивому анабаптисту из Нидерландов Менно Симонсу (1496—1561), который потерял брата, погибшего после падения Мюнстера от руки палача. Из рядов католического духовенства он перешел в Лютеранство, а затем в Анабаптизм. Он верил, что библейская, или апостольская модель церковного устройства заключается в организации отдельных общин, состоящих из возрожденных людей, которых Святой Дух побуждает к мирной жизни и служению. Общинам следует изгонять явных нераскаявшихся грешников. Материальные элементы Св. Причастия являются символическим напоминанием

⁸⁷ Норман Кохн, Стремление к Тысячелетнему Царству: революционное мессианство в Европе эпохи Средневековья и Реформации и их влияние на современные тоталитарные движения (Нью-Йорк, 1961), стр. 272-301.

о смерти Христа и о возрождении верующего. Он верил, что присяги, военная служба и участие в светском правительстве противоречат воле Божией. Принципиальную суть своих убеждений он изложил в работе «*Основы христианского учения*», опубликованной в 1539 году и имевшей сильнейшее влияние. Меннонитские общины распространились из его родной Восточной Фрисландии, через Нидерланды в северную Германию, а оттуда — в Россию и Новый Свет.

Благодаря энергичным усилиям по возвращению к жизни ранней Церкви древнеримского периода, анабаптисты сделали огромный практический вклад в развитие демократических принципов современного мира. Их приверженность идее добровольной, или конфессиональной церкви, — в противовес официальной церкви, состоящей из всех членов сообщества, была важным шагом в развитии государственного религиозного плюрализма. Отделение верующих от официальной церкви внесло выдающийся вклад в современный конституционный принцип отделения церкви от государства. И наконец, стойкость анабаптистов в условиях жестоких гонений поражала даже их гонителей. Их собственная кровь стала вкладом анабаптистов в дело религиозной терпимости и свободы. Эти принципы предвосхитили более поздние реалии, воплощенные американской конституционной демократией и провозглашенные Французской революцией.

СПИРИТУАЛИСТЫ И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ГУМАНИСТЫ

Кроме более чем сорока разновидностей анабаптистов, образовавших общины сектантского типа, Реформация также принесла свободу многим другим людям, стремившимся к религиозной свободе. Отдельные неординарные люди становились спиритуалистами и развивали внутренний аспект религиозной жизни, в то время как другие люди, более пытливого и рационального склада, превращались в яростных критиков теологических традиций и догм.

Смешением различных направлений отличался спиритуалист Ганс Дэнк (Hans Denck), на протяжении нескольких лет увлекавшийся анабаптизмом. Он был студентом классического факультета и ректором известной школы Св. Себастьяна (St. Sebaldus) в Нюрнберге. Его привлекало стремление германских мистиков и христианских неоплатоников к духовности и внутренним аспектам живой веры. Он верил в сосуществование внутреннего слова, вдохновленного обитающим внутри Святым Духом, и внешнего слова, записанного по действию Духа, а также проявлял склонность к универсализму. 21 января 1525 года реформатор Озиандер изгнал его из Нюрнберга в тот же самый день, когда в Цюрихе произошло первое «взрослое» перекрещение. В Аугсбурге он встретился с Губмайером, обратившим его в анабаптизм, и в 1526 году созвал для согласования миссионерских усилий знаменитый Синод мучеников. Однако вскоре он разочаровался в хаотическом энтузиазме анабаптистов, оставив движение незадолго до своей смерти в 1527 году, и вновь обратил «око разума внутрь». Его движение слилось с движением швейцарских братьев.

Человеком весьма схожего толка был лютеранин Себастьян Франк (1499—1543), более всего известный своими «*Всемирными хрониками*». Его разновидность спиритуалистического мистицизма свидетельствует об определенной склонности к пантеизму и универсализму. Он настаивал на терпимости к анабаптистам, хотя в целом не одобрял это течение, о чем свидетельствует его неординарное высказывание:

«Я упомянул их [анабаптистов] среди еретиков, дабы они осознали, что их церковь не является истинной Церковью, дабы они обратились к подлинному единству в духе и в истине. Однако я предупреждаю их гонителей не выступать в роли Каиафы и Пилата. Анабаптисты не во всем правы, равно как и любые другие люди, но нам следует заимствовать друг у друга лучшее».⁸⁸

Одним из наиболее плодотворных авторов спиритуалистических и мистических трактатов был дворянин из Силезии Каспар Швенкфельд (1489—1561). Он увлекался учением Лютера и отличался глубоко внутренним, духовным пониманием веры. От немецких мистиков он воспринял убеждение, что вере надлежит быть волнующим внутренним переживанием, а возрождение должно ощущаться в сердце. Уделяя духу большее внимание, чем плоти, он стал особо выделять внутреннее духовное Крещение, восприняв цвинглианское понимание Вечери Господней, однако в исключительно духовном смысле. В конце концов он оставил поместье, став странствующим евангелистом, и проповедовал небольшим группам своих последователей, собиравшихся под покровительством благосклонных дворян, землевладельцев его сословия.

Евангелические рационалисты еще сильнее удалились от общепринятых норм и сторонились даже друг друга. Это были более интеллектуальные и критичные люди, чем спиритуалисты, отличавшиеся склонностью к большому радикализму, например антитринитаризму и вульгарной экклезиологии. Прежде исследователи полага-

⁸⁸ Себастьян Франк, *Chronica, Zeybuch und Geschichtsbibel* (Страсбург, 1531), цитата из *Восстановление анабаптистского виденья*, изд. Гай Ф. Гершбергер (Скоттдейл, Пенсильвания, 1957), стр. 318.

ли, что анабаптизм восходит своими корнями к антиринитаризму, однако теперь это мнение уже не столь популярно. Менно Симонс действительно избегал терминологии, связанной со Св. Троицей, поскольку обнаружил, что в самом Писании она не используется. В некоторой степени схожие настроения также наблюдались у Адама Пастора (Adam Pastor) и Людвиг Гецера (Ludwig Haetzer), но большинство анабаптистов были ортодоксальны в учениях о Боге и о Христе. Евангелические рационалисты знали латынь и были образованными людьми. Они приходили к своим убеждениям через изучение первоисточников и трудов отцов Церкви, а не под влиянием сектантов. Крупнейшим светилом в этом созвездии, очевидно, был Мигель Сервет, уникальная особенность которого, по выражению американского церковного историка Роланда Бейнтон (Roland Bainton), заключалась в том, что он был «условно сожжен католиками, а в действительности — протестантами».

Мигель Сервет родился в 1511 году в Испании. Сын королевского нотариуса был благословлен блестящим интеллектом и проклят буйным характером и страстью к спорам. Он изучал право, а потом медицину, но увлекся теологической суматохой того времени. Интеллектуальные интересы бросали его во все уголки Европы: Тулуза, Болонья, Базель, Страсбург, Париж, Лион и, наконец — Женева. Во время своей учебы в Тулузе он имел волнующее религиозное переживание, обнаружив в Писании историческую личность — Иисуса из Назарета, и эта личность стала объектом и центром его веры. Он обратился против традиционного догматического понимания Троицы, а также против учения о Божественной и человеческой сущности Христа. Он пришел к убеждению, что такие теологические понятия как ипостась, воплощение и сущность имеют историческое происхождение и были применены по отношению к библейским понятиям эллиническими метафизиками. Происходя из греческой философии, эти термины носят абстрактный, искусственный и спекулятивный характер, не имеющий отношения к живому Богу.

Когда в возрасте двадцати лет ему не удалось убедить реформаторов Базеля и Страсбурга в обоснованности своих взглядов, этот осторожный, но упрямый и тщеславный молодой человек решил опубликовать свой трактат «*Об ошибках троичности*» и сразу же снискал себе прочную репутацию раскольника. Он настаивал на том, что традиционная схоластическая теология ввела в определение Троицы греческую философскую терминологию и небиблейские категории. Однако его собственная формулировка оставляла впечатление, что он восстанавливает арианскую ересь, утверждавшую, будто Иисус Христос не является Предвечным Логосом, или Словом, Ипостасью Троицы, извечно пребывавшей с Богом Отцом. Его книга была встречена бурей негодования, почти повсеместно ее осудили и отвергли. Желая разъяснить свою позицию, в 1553 году он опубликовал обширный и бессвязный труд под названием *Восстановление Христианства*, в котором ему однако не удалось ни прибавить ясности своей первой работе, ни восстановить ортодоксальную репутацию. Интересным разделом этой разносторонней работы является изложение его теории о циркуляции крови в легких. Не будь эта работа повсеместно сожжена, данный раздел мог бы сделать Сервета основателем современной биологии⁸⁹.

Сервет считал благоразумным путешествовать тайно, под именем М. де Вилленеф (M. de Villeneuve), но сохранить инкогнито ему не удалось. В Вене обманном путем его привлекли к медицинской помощи заключенным, и он сам оказался заключен в ту же тюрьму. Он удачно бежал через стену, сбросив ночной колпак и купальный халат, который надевал для прогулок в тюремном дворе. В Лионе он был заочно осужден гражданским судом на основании доносов, отчасти поданных Жаном Кальвином. К несчастью, по пути в Неаполь, где Сервет намеревался заняться медицинской практикой, он решил задержаться в Женеве. В протестантской Женеве репутацией нового духовного руководителя пользовался французский реформатор Жан Кальвин. Он был давним оппонентом Сервета, пытался доказать ему ошибочность его путей, писал против него, а шестнадцатью годами ранее в Париже пригласил его на дебаты, которые Сервет не смог посетить. На этот раз Сервет пришел послушать проповедь Кальвина, но его узнали и отвели в государственный суд, отвечать по обвинению в наипягчайшем преступлении — богохульстве. Кальвин безуспешно спорил с ним, уговаривал отказаться от ошибочных взглядов. Когда Сервет наконец был осужден на сожжение, Кальвин ходатайствовал о менее мучительном наказании — отсечении головы, но суд был неумолим. 27 октября 1553 года осужденный еретик был сожжен на костре. Он стал жертвой слепой ревности по истине со стороны своих противников, которые очевидно верили, будто действуют во благо самому Сервету.

Нашелся человек, который защищал Сервета, осуждал его гонителей и, возможно, являлся величайшим либералом своего нетерпимого века — Себастьян Кастеллио. Кастеллио приехал в Страсбург как религиозный беженец, где встретился с Кальвином у него дома. В 1541 году он сопровождал Кальвина в Женеву и преподавал там в академии, но не был допущен к рукоположению в священнослужители по причине своих неконформистских взглядов. Он переехал в Базель, где надеялся мирно закончить свои дни, работая профессором греческого

⁸⁹ Рассматривая понятие души, Сервет попытался дать представление о крови как обиталище души, впервые в Европе описал малый круг кровообращения. Приоритет его в изучении кровообращения считался неоспоримым до тех пор, пока в 1929 в Дамаске не была найдена рукопись арабского врача Ибн-ан-Нафиса с описанием легочного кровообращения. Прямые текстовые совпадения в описаниях Сервета и Ибн-ан-Нафиса позволяют предполагать знакомство Сервета с текстом его арабского предшественника. — *Прим ред.*

языка. Это был человек интеллектуального, профессорского склада, который, в отличие от Сервета, не находил удовольствия в полемике. В своей работе *Об искусстве сомнения и уверенности, знания и невежества*⁹⁰ он настаивал, что из трех источников знания — опыта, откровения и здравого смысла — первые два должны подчиняться третьему. Многие традиционные догмы выходят за пределы здравого смысла, и потому их следует считать вопросами личной веры. Записанное Слово Божие есть кладезь Божественной мысли, ключ к которому находится во внутренней духовности человека. Каstellio полагал, что Божия благодать вовсе не является непознаваемой тайной, а зависит от искренности человека. Он определял искренность как внутреннюю преданность человека тому, что тот считает истинным, и настаивал на том, что честность является непреложным условием для поиска истины. Человек должен искать истину страстно, сохраняя совершенную нравственную чистоту. Никто, даже Кальвин, не имеет права становиться судьей. Сервет стал мучеником за истину, как он ее понимал.

Каstellio расхорился с Кальвином в догматическом вопросе о сошествии Христа во ад и аллегорическом толковании *Книги Песнь песней*, которую считал любовной песней, а теперь дело Сервета подвело его к расколу. В 1554 году Кальвин написал работу *«Защита правой веры во Св. Троицу от чудовищных заблуждений М. Сервета»*⁹¹. В тот же год Каstellio под псевдонимом Мартина Беллуса написал свою наиболее известную работу, пережившую за прошедшие годы 133 издания, — *«Трактат о еретиках, сиречь, должно ли их преследовать, и как должно с ними поступать»*⁹². В предисловии, адресованном Кристофу Вюртембергскому, он задает князю вопрос, как бы тот себя чувствовал, если уезжая, он оставил слуг с повелением ожидать его возвращения, облекшись в белые одежды, а возвратясь обнаружил, что они ссорятся и даже дерутся друг с другом на ножах. Так же и Христос, писал он, будет недоволен, обнаружив Своих последователей воюющими друг с другом. Каstellio привел в трактате множество цитат из трудов Эразма, Лютера, Себастьяна Франка и многих других в пользу терпимости и свободы совести. В эмоциональных выражениях он осудил преследование анабаптистов: «Их жестоко убивали, даже безоружных. Но еще более жестоко то, что, обосновывая подобную жестокость, их подавляли не только посредством меча, но и книг, которые имеют большее влияние и живут дольше».⁹³ Однако его тезис о том, что нормой для христиан являются терпимость и взаимная любовь, противоречил представлениям его современников, убежденных в непреложности догматических формулировок. Кальвин считал его пелагианским чудовищем, и в конце концов он был осужден за ересь. Он умер в 1563 году во время работы суда, что соратник Кальвина Теодор Беза воспринял как кару Божию.

Монтень был убежден, что потомки перед Каstellio в большом долгу. Несмотря на свою относительно небольшую численность, анабаптисты, спиритуалисты и евангелические рационалисты внесли огромный вклад в лучшие современные либеральные традиции. Множество подвигов пассивного противостояния деспотии властей и общепринятым интеллектуальным спекуляциям были необходимы для формирования подлинной терпимости и истинной религиозной свободы. Англо-американский философ Алфред Норт Уайтхед однажды заметил, что непрактичная христианская этика является одним из самых мощных инструментов человеческого прогресса. Своими попытками буквально следовать самым непрактичным предписаниям Нагорной проповеди анабаптисты явили обществу в зеркале евангельского закона образ, который вызвал смятение. Власти знали, как подавлять эту угрозу своему благополучию, но им не удалось истребить всех нонконформистов и искоренить их идеи. Идея религиозного универсализма в государстве преобладала во второй половине шестнадцатого века и в значительной части семнадцатого века. Но со временем идеи терпимости и религиозной свободы вышли на поверхность и стали неотъемлемой частью западной либеральной традиции. Существует прямая взаимосвязь между спиритуалистами, евангелическими рационалистами и философией восемнадцатого столетия. Когда современный человек читает *«Зеркало мучеников»*, или *«Книгу мучеников»* Фокса и помышляет о том, что за этот относительный прогресс, совершенный человечеством в направлении подлинно братской любви, многие верующие заплатили своими страданиями и кровью, его начинает волновать вопрос Джорджа Бернарда Шоу: «О Бог, создавший эту прекрасную землю, когда она будет готова принять твоих святых? Доколе, Господи, доколе?»

⁹⁰ De arte dubitandi et confitendi, ignorandi et sciendi. — *Прим. ред.*

⁹¹ Defensio orthodoxae fidei de Sacra Trinitate contra prodigiosos errores M. Serveti. — *Прим. ред.*

⁹² Traité des hérétiques, à savoir si on doit les persécuter, et comme on se doit conduire avec eux, selon l'avis, opinion et sentence de plusieurs auteurs tant anciens que modernes.

⁹³ Цитата из *ibid.*, стр. 318-319.

Кальвин и кальвинизм

Великим вкладом Франции в дело Реформации стал ее выдающийся сын Жан Кальвин. Во Франции он родился, вырос, учился, принял евангельскую веру, был арестован, выслан и наконец обрел поддержку малочисленных, но воинственных последователей, которые были готовы сражаться и умереть за свои убеждения. Третья военная кампания Габсбургов и Валуа вынудила Кальвина избрать окольный путь из Парижа в Страсбург. В женевском гостиничном номере, где Кальвин намеревался задержаться не более одной ночи, обладатель огненно-рыжих бороды и волос, французский реформатор Гийом Фарель, который вместе с Пьером Вире изгнал из этого города папизм, уговорил его остаться и помочь в реформировании Женевы. Фарель грозил Кальвину Божьим проклятием за его стремление к покою, если он бежит с поля боя и откажет в столь необходимой помощи. Много лет спустя Кальвин писал в предисловии *Комментариев к Псалтири*, датированном 22 июля 1557 года: «Гийом Фарель удержал меня в Женеве не советом или увещанием, а грозным предостережением, от которого я почувствовал, словно Бог опустил с Небес Свою могущественную десницу, дабы меня пленить». В глубине сердца Кальвин считал себя человеком Божиим, эта уверенность, подкрепленная исключительной одаренностью, вознесла его над обычными людьми. Он стал одним из людей, оказавших ощутимое влияние на развитие западной истории и формирование облика западного человека. Британский писатель и государственный деятель лорд Морли (Lord Morley) писал: «Исключать Кальвина из числа деятелей западной цивилизации равносильно тому, чтобы глядеть на историю, закрыв один глаз».

Кальвин — человек и проповедник

Кальвин был одной из тех сильных и цельных исторических личностей, которых народ любит или ненавидит, почитает или презирает. Незадолго до своей смерти он заметил, что жители окрестностей Берна «боялись его всегда больше, чем любили». Даже современные люди считают, что о Кальвине им известны две вещи: это был суровый человек, который учил, что многим людям суждено попасть в ад. В действительности как сам этот человек, так и его учение были гораздо утонченнее и сложнее, чем принято думать.

Когда Кальвин родился 10 июля 1509 года в городе Нуайон, в провинции Пикардия, расположенной к северо-востоку от Парижа, — Лютер провел в монастыре уже четыре года. Когда Кальвин учился читать, Лютер уже читал лекции о Псалтири и посланиях к Римлянам и к Галатам. Он был восьмилетним мальчиком, когда Лютер опубликовал свои Девяносто пять тезисов. Яркость и свежесть Кальвина объясняется тем, что их разделяло поколение. Взрывные теологические заявления Лютера нуждались в систематизации. Неорганизованные и неэффективные протестантские церкви нуждались в организации и структуре, которые обеспечили бы жизнеспособность движения вопреки военному превосходству католиков и сокрушительным ударам враждебных стран. Кальвин и Лютер обладали совершенно разными темпераментами. Младший был скромнен до застенчивости, точен и сдержан, за исключением редких вспышек гнева. Он был жесток, но педантично справедлив и честен, самодостаточен и холоден. У него было много знакомых, но мало близких друзей. Старший был общителен и разговорчив, свободен, открыт и сердечен с людьми любого происхождения. Несмотря на различия в характере, Кальвин и Лютер питали друг ко другу обоюдное уважение, основанное на их идейной близости.

В 1539 году Лютеру очень понравилось написанное Кальвином «Открытое письмо к кардиналу Садолетто о том, почему была необходима реформа». В письме от 14 октября того же года Лютер выразил свою радость по поводу того, что Кальвин служит в Страсбурге вместе с другими его друзьями. Меланхтон свидетельствовал, что Лютер очень высоко ценил Кальвина. В апреле 1545 года Лютер взял с полки виттенбергского книжного магазина экземпляр «Наставления в христианской вере» и, просмотрев его, отметил: «Автор наверняка образованный и благочестивый человек. Если бы Эколампадий и Цвингли были с самого начала столь же чистосердечны, то не произошла бы эта отвратительная ссора». Он считал Кальвина настолько же основательным, насколько Цвингли поверхностным. Кальвин, в свою очередь, горячо защищал Лютера от нападок и однажды написал Генриху Буллингеру, отвечая на его критику в адрес старого реформатора:

«Помни, сколь великим человеком является Лютер. Как он изумительно одарен, как смело и непреклонно, как умело и грамотно, как эффективно он трудился, неустанно уничтожая антихриста и распространяя учение о спасении. Я остаюсь верен

Германский реформатор обрел достойного преемника в лице француза Кальвина, равного ему по качествам, масштабу и силе. Интересно, что их последователи не разделяли глубокого согласия своих вождей.

Становление Кальвина как второго мужа Реформации было совершенно невероятно, так как первоначальное влияние, которое он испытал в юности, вело его в прямо противоположном направлении, и обращение к Евангелию стало полной неожиданностью. Его отец Жерар Ковен служил делопроизводителем (прокуратором) в городском правлении, а затем стал поверенным соборного капитула в Нуайоне, там и родился один из пяти сыновей Жан — в доме, расположенном в центре города, рядом с зерновым рынком, под самой сенью церкви. Жерар готовил сына к церковной карьере. В возрасте всего одиннадцати лет Жан был зачислен в соборный клир при алтаре Ля Жезине, а в восемнадцать выбрил тонзуру, хотя не был официально рукоположен. Согласно общепринятой практике того времени, отец нанял профессионального священника, чтобы за небольшой процент от приходского дохода читать мессу вместо сына. Кальвин же был направлен для воспитания и обучения в семью графа Анге де Монмор (Hangest de Montmors), где кроме грамоты он также усвоил аристократические манеры, которые сохранял на протяжении всей жизни. Много лет спустя, когда французский беженец обратился к нему со словами: «Брат Кальвин», — тот холодно ответил ему: «Для вас — мсье Кальвин!» В августе 1523 года Кальвин отправился с молодыми Монморами в Париж, где жил у тети и посещал Коллеж де ла Марш, в котором один из лучших учителей латыни того времени Матурин Кордые развил в четырнадцатилетнем Кальвине стилистическую ясность и точность, которые стали отличительной чертой его трудов. Когда через двадцать семь лет Кальвин посвятил свои *«Комментарии к Первому посланию Фессалоникийцам»* этому человеку образцового благочестия и образования, он засвидетельствовал, что именно эффективному преподаванию Кордые он обязан всеми своими последующими успехами. «Я по справедливости признаю, что обязан Вам всей пользой и всеми успехами, которые у меня были!» Кордые последовал за своим учеником в изгнание, оставшиеся годы преподавал в Нешателе и умер в Женеве в один год с Кальвином.

Затем Кальвин перевелся в более схоластический и церковный по своей сути Коллеж де Монтегю, где оставался до 1527 года. В этом коллеже учились Эразм и Рабле, которые жаловались на его гнетущую атмосферу. Там Кальвин выбрал одним из предметов основы искусства. Кроме Монморов, круг его близких друзей также составляли Мигель и Николя Коп, сыновья королевского врача-швейцарца, а также его кузен Пьер Робер, более известный под псевдонимом Оливетан, отражающим его обычай жечь до полуночи масло в светильнике. Кальвин покинул университет приблизительно в то же время, когда туда прибыл Лойола, но Кальвину тогда было только восемнадцать, а Лойоле тридцать шесть, и вероятно они были незнакомы или мало знакомы. В сентябре 1527 года нуайонские каноники вознаградили успехи Кальвина приходом Св. Мартина в Мартвиле (St. Martin de Marteville), который через два года он сменил на приход в Понт л’Эвек (Pont l’Éveque), что близ Нуайона. Несмотря на отсутствие официального рукоположения, он несколько раз проповедовал и выглядел как человек, делающий церковную карьеру. Много лет спустя он засвидетельствовал: «Я был упорно предан папским суевериям».

Однако именно на этом этапе Кальвин начал двигаться в направлении светской карьеры. У его отца произошел конфликт с каноником, и он решил отдать предпочтение более выгодной карьере юриста для своего одаренного сына. Тот факт, что на момент своей смерти в 1531 году отец был отлучен от церкви, не мог не произвести впечатления на сына. Оливетан начал серьезное изучение Писания, в результате чего сделал первый перевод Библии на французский язык. Кроме того, занятия Оливетана привели его к вопросу о небиблейской основе католических доктрин и устоев, чем он, возможно, делился с Кальвином. В марте 1528 года по совету отца Кальвин стал изучать право в Орлеане у известного юриста Пьера де л’Этуалья. Он напряженно трудился и одновременно увлекся гуманистическими исследованиями классики. Осенью 1529 года Кальвин перевелся в Бурже для изучения римского права у итальянского правоведа Андреа Альчиати (Andrea Alciati). Германский учитель и друг Кальвина Мельхиор Вольмар научил его читать Новый Завет по-гречески и, возможно, ознакомил его с лютеранской теологией. Несмотря на увлеченное изучение классической литературы, Кальвин сохранил серьезное отношение к вере и был глубоко впечатлен надписью в Буржской церкви: «Бойся Бога, благотвори бедным, помни о конце». Сразу после смерти отца Кальвин уехал из Бурже в Коллеж де Форте, где обучался греческой литературе и начал изучение еврейского. В апреле 1532 года он опубликовал свою первую работу — написанные по-латыни комментарии к трактату Сенеки *De clementia* — «О милосердии». Это был педантичный труд, свидетельствующий о незаурядной эрудиции. Как примерный начинающий гуманист он отослал экземпляр Эразму.

Спустя всего восемнадцать месяцев Кальвин уже был убежденным евангелическим верующим и бежал из Парижа, спасая свою жизнь. В предисловии *«Комментариев к Псалтири»* Кальвин засвидетельствовал:

⁹⁴ Кальвин Буллингеру, 25 ноября 1544 года, цитата из Эмануила Стиккельбергера, *Кальвин: жизнь* (Emanuel Stichelberger, *Calvin: A Life*), (Ричмонд, Вирджиния, 1954), стр. 70.

«Через внезапное обращение Бог подчинил и привел в состояние обучаемости мой разум, который больше закоснел в подобных вопросах, чем того можно было ожидать на столь раннем этапе жизни. Так, едва соприкоснувшись и ознакомившись с истинным благочестием, я сразу же воспылил сильнейшим желанием возрастать в нем, и хотя не оставил свои прежние занятия совершенно, но все же теперь продвигался в них с меньшим энтузиазмом».

Остается тайной, когда точно в Кальвине произошла столь глубокая перемена. После издания своей книги о Сенеке он на год вернулся в Орлеан, в августе 1533 года посетил Нуайон и к октябрю прибыл в Париж. В День всех святых его друг Николя Коп в качестве нового ректора университета выступил с торжественным обращением, написанным под влиянием Кальвина. В этом обращении он прославил все науки за их пользу, заявив однако, что они мало значат в свете древней мудрости, которая гласит, что «только Божия благодать спасает от греха». Во время выступления многие покачивали головами, а всего через несколько часов Коп вызвали в парламент, и он был вынужден бежать в Базель. Друзья предупредили Кальвина, и он также успел скрыться, но его комната была обыскана, изъяты книги и опасные письма. Около нового 1534 года он укрывался под вымышленным именем⁹⁵ у друга Луи дю Тийе в Ангулеме и, готовя первый вариант «*Наставлений в христианской вере*», воспользовался библиотекой старшего Тийе.

Во время посещения Кальвином почтенного французского гуманиста по имени Лефевр д'Этапль, проводившего закат своих дней на юго-западе, под защитой Маргариты, королевы Французской Наварры и сестры Франциска I, между ними состоялся разговор, выразивший противоречия между христианским гуманизмом и Реформацией:

«ЛЕФЕВР: Ради всего святого, будьте умеренны, чтобы не разрушить дом Божий, который намереваетесь очистить!

КАЛЬВИН: Страние слишком прогнило для ремонта. Его следует снести и вместо прежнего возвести новое.

ЛЕФЕВР: Остерегайтесь, чтобы вам не погибнуть под падающими стенами... Вы избранны стать могущественным орудием Господа. Через вас Бог воздвигнет Свое царство на нашей земле!»⁹⁶

Кальвин принял свое великое призвание через человека, убеждавшего всех *Christum ex fontibus praedicare* — проповедовать Христа из самого первоисточника, т.е. из Писания.

С того времени Кальвин находился либо в тюрьмах, либо в разъездах. Он отказался от прихода в Нуайоне, был дважды краткосрочно арестован, съездил в Париж, посетил Орлеан и Пуатье, где в гроте впервые совершил Вечерю Господню по реформированному обряду, использовав вместо стола каменную глыбу. Обстановка во Франции была напряженной, а случай с плакатами накалил обстановку до предела. Утром 18 октября 1534 года радикальные протестанты развесили в Париже и других городах плакаты с лозунгами против папской мессы. Один плакат даже был прикреплен к двери королевской спальни. Франциск I выразил свой ужас и гнев, приняв участие в торжественной процессии с горящими свечами, которая проследовала через весь город к Собору Парижской Богоматери для очищения Парижа от «мерзости». За обедом, состоявшимся в епископском дворце, он обязался очистить страну от этой «заразы». Воспользовавшись ростом общественного недовольства, он заключил в тюрьмы сотни протестантов, тридцать пять из них сжег, казнил одного из братьев самого Кальвина, а в следующем году издал в угоду папе Павлу III королевский указ о повсеместном искоренении ереси. Кальвин бежал к Луи дю Тийе в Страсбург, а затем в Базель.

В марте 1536 года базельский книгоиздатель Томас Платтер опубликовал кальвиновское «*Наставление*». В последнее время высказываются некоторые доводы в пользу того, что Кальвин не пережил личного обращения, пока не приехал в Базель, несмотря на лютеранское влияние еще во время его пребывания в Париже, и написал «*Наставление*» именно в Базеле. По его собственным словам, он писал во-первых — «дабы защитить от несправедливого надругательства своих братьев, чьи смерти драгоценны в глазах Господа, а уже потом — дабы печаль и беспокойство коснулись людей в других странах, поскольку подобные несчастья угрожали многим». Он посвятил книгу королю Франциску и убеждал его прекратить гонения на праведников, чтобы Бог не взыскал с него самого. В апреле 1536 года он совершил короткий визит ко двору герцогини Ренаты Феррарской, кузины Маргариты Наваррской, на поддержку которой он рассчитывал. Из-за враждебности герцога поездка оказалась безрезультатной, и позднее Кальвин комментировал: «Я приехал в Италию только ради удовольствия ее покинуть». Инкогнито он вернулся во Францию, чтобы устроить свои дела. Направляясь затем в Страсбург вместе с младшим братом Антуаном и сводной сестрой Мари, он поддался уговорам Фареля и остался в городе своей судьбы, Женеве.

Подобно публикациям *Novum organum* Бэкона, *Principia* Ньютона и «*Критики чистого разума*» Канта, издание двадцатишестилетним Жаном Кальвином «*Наставления*» стало эпохальным событием. Мало кто из христианских мыслителей написал так много, как Кальвин, возможно только Августин, Фома [Аквинский] и Лютер.

⁹⁵ Под именем Шарля д'Эспевиля. — *Прим. ред.*

⁹⁶ Теодор Беза (Theodore Beza), *Vita Calvini*, цитата из Стикельбергера, *Кальвин*, стр. 23-24.

Еще меньше авторов писало, сохраняя столь поразительную согласованность. Его труды отличаются удивительной однородностью, несмотря на то, что писались на протяжении более чем тридцати лет. Для понимания Кальвина необходимо углубленное изучение его проповедей (2025 из которых до сих пор хранятся в библиотеке Женевы), трактатов, библейских комментариев и корреспонденции, поскольку он мог писать во гневе и кротости, печали и ликовании. Однако в определенном смысле Кальвин был человеком одной книги — «Наставления». Будучи систематическим разъяснением христианского учения, эта книга стала учебником воинственного протестантизма и оказала огромное воздействие на западную мысль — в равной степени среди сторонников и противников. Составленная самим Кальвином французская редакция (1541) оказала влияние на формирование французского языка. Кальвин занимался доработкой «Наставления» на протяжении всей своей жизни. Второе издание 1539 года в два раза превышало тираж первого, а восьмое издание 1559 года — в два раза тираж седьмого. Многократные переиздания и двадцать пять редакций увеличили объем, но не содержание этого труда. Теологическая суть существенно не изменилась. Биограф Кальвина Теодор Беза засвидетельствовал, что Кальвин скудно питался, бодрствовал до полуночи и вставал рано утром для размышления над изученным. Кальвин, подобно доктору Джонсону (Dr. Johnson), был человеком «рожденным, чтобы сражаться с библиотеками».

«Наставление» — «шедевр ясной аргументации» — излагало положения веры преследуемых протестантов и служило учебником для новичков. Первое издание состояло из шести книг, темами которых были: (1) Закон, (2) вера, (3) молитва, (4) Таинства, (5) лжетаинства, (6) христианская свобода, церковная организация и гражданская свобода. Повсюду очевидны сосредоточенность на Павле, влияние Августина и Лютера, хотя не менее ярко отражено исчерпывающее знание Кальвином Писания и отцов Церкви. Закон, или Божия заповедь возлюбить превыше всего Господа, и возлюбить ближнего как самого себя открывает человеку его полную духовную несостоятельность. Глядя в зеркало Закона Божия и видя Господню заповедь быть совершенным так же, как и Он совершен, человек осознает свою полную погибель. Закон вселяет в сердца грешников страх и является детоводителем ко Христу. Сама вера, или доверие обетованиям и благословениям жертвенной и искупительной смерти Христа является даром Божиим. Святой Дух влагает веру в сердца избранных, которые приближаются к Богу в молитвах и прошениях с благодарностью, отрекаясь от духовной гордыни. Подобно позднему Лютеру, он ограничил Таинства двумя главными установлениями о Крещении (для младенцев и взрослых одинаково) и Вечере Господней, для Кальвина оба они являются символическими действиями и, — по причине связанных с ними обетований, — средствами благодати. Христос духовным образом присутствует в Вечере Господней, которая является подлинным общением с Ним, а не обновлением жертвы посредством пресуществления хлеба и вина, либо только символическим воспоминанием. Две заключительные книги содержали много резкой критики в адрес католической системы таинств и священства, а также нападок на епископальную иерархию как небиблейскую — на том основании, что в новозаветной Церкви с согласия христианских общин служили проповедники и надзиратели, именовавшиеся пастырями, епископами, старейшинами или пресвитерами. Относительно христианской свободы он придерживался мнения Лютера, что христианин — это самый свободный человек, который находится выше закона и одновременно является слугою для всех, поступая так по доброй воле, из любви и расположения к ближнему. В накаленной обстановке противостояния с католическими врагами и более либеральными и универсалистическими протестантскими оппонентами Кальвин искал на протяжении десятилетий после первого издания «Наставления» более веской аргументации, более точных представлений, отличавшихся исключительной логичностью и лаконичностью формулировок основных принципов, хотя сами принципы оставались прежними.

Меланхтон окрестил Кальвина *ille theologus*, т.е. славным теологом. Этот комплимент от автора *Loci communes* может озадачить тех, кто знаком только с карикатурой теологии Кальвина, выраженной посредством английской аббревиатуры TULIP («тюльпан»): абсолютная порочность (*Total depravity*), безусловное избрание (*Unconditional election*), ограниченное искупление (*Limited atonement*), непреодолимая благодать (*Irresistible grace*), стойкость в вере (*Perseverance in faith*). Простое логическое рассмотрение элементов теологии Кальвина не приведет к ее фундаментальному пониманию, которое требует последовательного изучения основных постулатов и их логических следствий. Внимание Лютера главным образом занимал вопрос оправдания человека перед Богом, дарованного по благодати через Христа, тогда как Кальвин стремился возвестить о силе, славе и благодати Бога, открывшегося человеку во Христе. Эти приоритеты заметны в оглавлении последнего издания «Наставления», в котором первая книга повествует о Боге Отце, вторая книга о Сыне, третья книга о Святом Духе, а четвертая — о Святой христианской (кафолической) Церкви. Все учение Кальвина было сосредоточено на утверждении Божия владычества и доказательствах Его славы. Ответы на вводные вопросы Краткого Вестминстерского катехизиса были написаны через столетие после Кальвина, однако достоверно отражают его дух:

«Вопрос 1. В чем для человека состоит смысл жизни?»

Ответ: Смысл жизни состоит в том, чтобы прославлять Бога и вечно Им наслаждаться.

Вопрос 2. Какие Бог дал нам правила, чтобы прославлять Его и наслаждаться Им?»

Ответ: Слово Божие, т. е. Писание Ветхого и Нового Завета, является для нас единственным руководством в том, как мы можем прославлять Его и наслаждаться Им».

Божью провидению подвластна вся реальность, ему открыты мельчайшие события, оно определяет существование всех вещей в материальном и духовном мире. Исчисливший волосы на голове человека и знающий, когда с неба падает птица⁹⁷, не оставляет ничего на произвол слепого случая, но действует во всем и через все. Естественный человек беспомощен и несмыслен перед величием Божиим. Влияние Августина, сказавшего: *Finitum non est capax infiniti* — «Конечное не способно объять бесконечного» — очевидно в словах Кальвина о том, что человек, будучи творением, не способен вместить Творца, ибо это подобно тому, чтобы «ладонью измерять сотни тысяч звезд, планет и миров. Поскольку Господь бесконечен, и Небеса небес не могут вместить Его, — как мы можем объять Его своим разумом?»⁹⁸ Грешный человек «уничтожается невыносимым сиянием» святости великого Бога.⁹⁹ Если бы Бог не «создал средства общения, призывая нас к прямым отношениям с Небесами, то великая бездна, отделяющая нас от Него, повергла бы нас в отчаяние и лишила бы смысла это призвание».¹⁰⁰ В своей знаменитой аллегории с лабиринтом Кальвин показал неизбежную роковую ограниченность человека в его естественных знаниях о Боге и подчеркнул необходимость особого откровения, поскольку человек замечает «определенные признаки Его присутствия», однако не способен достичь спасительного познания Его. Паркер (T.H.L. Parker) описывает воображаемый лабиринт Кальвина следующим образом:

«Человек заблудился в лабиринте, не имея плана, и все его попытки отыскать выход остаются тщетными. Самостоятельно человек не может познать Бога, ибо грех сделал его невежественным и повредил его разум, что не позволяет ему достичь в своих рассуждениях истинного понимания Бога. Человеческий разум — это подлинный лабиринт, пути которого ведут к ложному поклонению тому или иному идолу. Человек должен кому-то поклоняться, и потому изобретает себе для поклонения какого-то бога, или многих богов. “Люди рассуждают о Боге не в соответствии с откровением, которое Он дает о Себе, а на основании предрассудков, порождаемых их собственным воображением... Они поклоняются, но не Богу, а порождению собственного разума, Его заместившему”. По своим способностям человек походит на испуганное животное, которое передвигается на ощупь в незнакомой для него среде. Он не только не понимает Бога, но также не понимает мира, в котором живет, даже самого себя он не понимает — откуда пришел, зачем живет и куда направляется. Без посторонней помощи он никогда не познает Бога и не обретет Его Царства.

Однако Бог, полный любви и милости к человеку, простирается именно туда, где тот блуждает, и дарует ему водительство Святого Писания, которое подобно нити, ведущей его из лабиринта невежества к познанию Бога. “По словам самого Апостола, ни один человек не может приблизиться к сиянию лица Божия, и оно представляется нам сложным лабиринтом, если мы не ведомы нитью Слова”».¹⁰¹

Даже при содействии наук и искусств естественная логика не может привести человека к вере в Бога, Который открывается во Христе. Человеческий разум нуждается в прикосновении Святого Духа, чтобы осознать, что человечность Христа «подобна покрывалу, скрывающему Его Божественное величие»¹⁰², что во Христе открывается подлинная природа Бога — праведная и любящая. По объяснению Кальвина, Иисус Христос назван образом Отца, поскольку Он «выявляет и открывает нашему взору все, что необходимо для познания Отца. Ибо открытое величие Божие навеки ослепило бы наши глаза яркостью своего сияния. Посему, чтобы придти к свету, нам следует смотреть на Христа».¹⁰³ Во Христе Бог оделся в смертную плоть, и источник благословения стал проклятием, дабы искупить людей от духовной смерти и сделать их сопричастными праведности и бессмертию.

Кальвин рассматривал Церковь не только как организацию или общность отдельных верующих, но как народ завета Божия, ради которого и посредством которого в рамках глобального исторического процесса воплощается вечный замысел Божий. В древние времена Божий народ ожидал полного явления Бога во Христе. Избранный Божий народ, духовный Израиль Нового Завета соответствует Его воле и является орудием в Его глобальном замысле создания на земле сообщества святых, совершенным воплощением которого будет Новый Иерусалим.

Учение Кальвина о божественном предопределении следует понимать как реакцию на религиозные заблуждения прошлого. С полной ясностью он сформулировал свое мнение по этому важному вопросу только в последнем издании «*Наставления*», и это было его реакцией на возникшую полемику. В ветхозаветном представлении об избранном народе остается вопрос: «Почему одни, а не другие?» Подготавливая свои «*Проповеди по Второза-*

⁹⁷ Мф. 10:29-30. — Прим. ред.

⁹⁸ Жан Кальвин, *Комментарии к Езекию* (1:28), из *Corpus Reformatorum*, изд. Дж. У. Баум и др., 59 томов (Галле, 1863—1900), том 40, ст. 60.

⁹⁹ Кальвин, *Комментарии к Исходу* (33:20), там же, том 25, ст. 111.

¹⁰⁰ Кальвин, *Комментарий на Псалмы* (132:8), там же, том 32, ст. 346.

¹⁰¹ Паркер, *Портрет Кальвина* (Филадельфия, 1954), стр. 50-51.

¹⁰² Очевидна параллель с Исх. 34:29-35. — Прим. ред.

¹⁰³ Кальвин, *Комментарии на 1 Иоанна* (2:22-23), из *Corpus Reformatorum*, том 55, ст. 325.

конию», Кальвин столкнулся со словами Моисея во Второзаконии 7:7-8:

«Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, — ибо вы малочисленнее всех народов, — но потому, что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которую Он клялся отцам вашим, вывел вас Господь рукою крепкою и освободил тебя из дома рабства, из руки фараона, царя Египетского».

Св. Августин был убежденнейшим приверженцем двойного предопределения. Св. Фома признавал всеобщность Божия предвещения и замысла, а также избрание Им ко спасению меньшинства людей. Цвингли подчеркивал исключительное право Бога избрать или отвергнуть, кого Он пожелает. Лютер утвердился в убеждении, что вера избранных предопределена предвечным замыслом Божиим и не зависит от немощной воли человека, а вопрос о том, почему некоторые погибают, везде оставлял открытым, утверждая, что «Господь не желает, чтобы кто-то погиб, но желает, чтобы все пришли к покаянию», — за исключением нескольких спорных фрагментов в его трактате *О рабстве воли*, в котором он отстаивал свои позиции. Люди гибнут исключительно по собственной вине, на основании дозволяющей, или косвенной Божией воли. Кальвин считал это парадоксальное мнение нелогичным и стремился к логическому выводу, который утвердит владычество Божие и умалит людей до полной зависимости. Он писал: «Нашим первым принципом должно быть убеждение, что ни одно событие не происходит без предопределения. Поскольку Он привел нас к спасительному познанию Себя, мы не должны сомневаться в том, что Его особое провидение сохраняет нас, не допуская ни одного события, которое бы в итоге не обернулось нам на пользу». Этот принцип позволил позднейшим кальвинистам смело и уверенно петь:

Благ Господь наш Бог,
Милость Его неизменна вовеки.
Истина Его непоколебима во все времена,
И из века в век пребудет.

Большинство теологических предшественников Кальвина мучились вопросом, почему некоторые погибают. Кое-кто сохранял универсалистическую надежду, вдохновленную словами Павла из 9—11 глав Послания к Римлянам, что как Адам погрузил все человечество во грех и смерть, так Христос воскресит всех к праведности и жизни вечной. Но Кальвин был не из тех, кто смягчает слова, и потому высказал свое мнение столь ясно, что неверно понять его было невозможно:

«Предызбанием мы называем предвечное решение Божие, принятое Им в Самом Себе относительно участи, которой Он желает для каждого отдельного человека. Ибо не все сотворены для одинаковой судьбы, но одни предопределены к жизни вечной, а другие к вечному осуждению. Таким образом, каждый человек был сотворен для одной или другой участи, что мы и называем предызбанием либо к жизни, либо к смерти».¹⁰⁴

Кальвин не уклонялся от последствий учения о двойном предызбании. Он утверждал, что поскольку в действительности Бог не желает спасения всех людей, крестная смерть Христова была предназначена для спасения только избранных и является судным знаменем для осужденных. Бог сотворил многих людей, которых по Своей вечной мудрости предопределил для гибели. Бог мог бы справедливо осудить всех людей, и потому грешный человек не должен дерзко обсуждать Его предызбание. В учении Кальвина даже Божия любовь представляется орудием Его правосудия. Именно это «грозное предызбание», как называл его сам Кальвин, столь привлекало его позднейших последователей. Начиная с Теодора Безы, они вкладывали в него крайнее значение, которое вовсе не имело места в проповеднических и экзегических трудах Кальвина. Весьма удручающую форму это учение приобрело у английских пуритан, а с кафедр Новой Англии и в проповедях шотландских пресвитериан оно гремело совершенно ужасающе. Стихи Роберта Бернса запечатлели горький запах доктрины о двойном предопределении:

О Ты, не знающий преград,
Ты шлешь своих любезных чад
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.

¹⁰⁴ Кальвин, *Основы христианской веры*, перевод Джона Аллена, 7 изд. (Филадельфия, 1936), том 2, кн. 3, гл. 21, стр. 176.

Несправедливо было бы обвинять Кальвина в искажениях, которым подвергли его учение последующие кальвинисты. В своих комментариях, адресованных жестокому врагу и гонителю реформаторской церкви герцогу Гизу, Кальвин определенно указывал, что в этой жизни человек не может точно знать, кто предызбран к осуждению. Также человек не может определенно знать, принадлежит ли он сам к числу предызбранных к жизни, хотя Кальвин предлагал три вероятных признака: искреннее исповедание человеком веры, успешная и благочестивая жизнь, принятие Таинств Крещения и Причастия. Конечно же, он никогда не утверждал, будто мирской успех или материальный достаток должен быть признаком предызбрания и предметом зависти. Практический смысл этой доктрины состоит в том, чтобы ободрять детей света к несгибаемой стойкости и бесстрашной отваге, как гласит любимый отрывок Кальвина из Библии: «Господь за меня — не утрашусь: что сделает мне человек?»¹⁰⁵ Кальвин стал отцом бесстрашных энтузиастов.

Кальвиновская Женева

Городу Женева, в который Кальвин попал почти случайно, было суждено стать моделью христианского общества и военным центром протестантизма. Этот красивый город, расположенный на берегу Женевского озера, на пересечении французских и итальянских торговых путей, находился на границе между Швейцарской Федерацией, по-прежнему номинально входившей в состав империи, и Французским Королевством. В первые десятилетия шестнадцатого века, при поддержке католического Фрибура и протестантского Берна, Женева успешно окончила долгую борьбу за свою независимость от феодального и церковного господства герцога Савойского и епископа Женевского, принадлежавшего к Савойскому дому. К 1519 году город укротил феодальные силы, стеснявшие его развитие и подавлявшие торговлю. В 1534 году Женеве удалось навсегда изгнать епископа, известного своей развращенностью, и порвать с Савойским домом. Управление городом осуществлялось по обычной для того времени схеме, — аристократия правила при помощи Совета двухсот, Малого совета из двадцати пяти членов, имевшего некоторую исполнительную власть, а также общего собрания, избиравшего четырех членов магистрата и городского казначея. Совет объявил о своем неприятии каких-либо религиозных преобразований. Составлявшие Совет консервативные аристократы заявили, что желают держаться чистой истины без примеси человеческих бабел и измышлений. Демонстрируя некоторую открытость к новым религиозным идеям, они все-таки стремились воздерживаться от реформирования церковной системы. Теодор Беза указал в *Жизни Кальвина*, что женевцы по-прежнему были «весьма несовершенно просвещены Божественным знанием и едва ли выбрались из папской грязи», несмотря на совершенную ими революцию в отношении Савойев.

Ситуация полностью изменилась, когда Фарель, Оливетан и юный Антуан Фромен (Antoine Froment) начали в Женеве проповедническую и пропагандистскую деятельность. Своим нападением на город злосчастный епископ предоставил евангелическому движению возможность отождествиться с борьбой за свободу и безопасность. В июне 1535 года состоялась продолжительная дискуссия о догматах. Фарель и Вире разгромили некомпетентных защитников католической веры, а затем смело заняли многие церкви, в том числе и кафедральный собор. Иконоборцы разбили в церквях витражи и выбросили на улицы статуи святых. В августе Большой совет остановил отправку мессы, а в последующие месяцы католическое духовенство покинуло город, уступив его протестантским лидерам. В январе 1536 протестантский Берн нанес поражение Савойям и оккупировал Женеву, но после продолжительных переговоров согласился на независимый статус города. 21 мая 1536 года в соборе произошло общее собрание, на котором состоялось анонимное голосование с участием глав семейств в пользу евангелической формы поклонения. Руководство церковными приходами перешло в руки советов, и события развивались в русле, напоминавшем государственные реформы в цвинглианском Цюрихе. Именно в этот момент Фарель убедил Жана Кальвина остаться в Женеве для участия в реформировании города.

Деятельность Кальвина в Женеве началась с лекций о Посланиях Павла в церкви Св. Пьера, и спустя год магистрат, с согласия народа, назначил его проповедником. Свою позицию он продемонстрировал в дебатах с католиками в октябре 1536 года и с анабаптистами в марте 1537 года, обозначив ее как среднюю между католиками и радикалами. Эти дебаты закончились таким разгромом анабаптистов, что Совет двухсот остановил словесное побоище и изгнал злополучных анабаптистов. Заботясь о поддержании мира и порядка, 16 января 1537 года городская администрация официально приняла *Артикулы о церковном управлении*. Когда Фарель и Кальвин составили тезисы против радикалов под названием *Наставление в христианской вере*, гражданам было предложено собраться в группы по десять человек и подписаться под этими артикулами веры. Кульминацией реформаторских усилий было введение знаменитых *Постановлений* 1537 года (*Ordinances*). Кальвин стремился удержать государство от покушения на прерогативы церкви и вмешательства в исключительно духовные вопросы, несмотря на то, что признавал светскую власть Божиим установлением. Потому он предпринимал усилия к организации незави-

¹⁰⁵ Пс. 117:6. — Прим. ред.

симой от государства системы церковного управления. Он полагал, что нравственные вопросы, которые по традиции решал Городской совет при помощи специальных законов и постановлений о морали, должны находиться в компетенции церкви. Он предложил назначить в каждом районе города ответственных людей, обязанных искоренять пороки и сообщать о нарушениях. Согласно порядку увещания, изложенному Христом в 18-ой главе Евангелия от Матфея, *Постановления* предписывали первоначальное братское увещание заблудшего, а при отсутствии перемен в его поведении церковь выслушивала сообщение о его прегрешении. Если уличенный грешник упорствовал в своем пороке, то служитель всенародно оглашал это и отлучал его от христианского общения. Видимая земная Церковь Христова призвана заботиться о высокой нравственности своих членов.

Однако реакция и оппозиция набирали силу. Многим женевцам претило руководство французов и увеличение в городе числа французских беженцев. Эмоционально неустойчивый новообращенный пастор в Лозанне Пьер Кароли попытался дискредитировать деятельность Вире в этом городе. Кароли придавал большое значение молитвам за умерших и при возникшей полемике обвинил Кальвина в склонности к антитринитариянству. Городской совет Берна решил дело в пользу Кальвина и запретил Кароли проповедовать в окрестностях, после чего тот вернулся во Францию, а затем в католицизм. Однако полемика ослабила авторитет Кальвина и негативно сказалась на его положении в Женеве.

В самой Женеве возникла сильная оппозиция под руководством некоего Жана Филиппа, отвергавшего нововведения, нравственный контроль со стороны проповедников и обязательное исповедание веры. В феврале 1538 года на выборах в магистрат победили враги Кальвина, а проповедники осудили победителей с кафедры. В то же время Берн стремился утвердить на всех своих землях бернские обычаи в вопросах литургии и Таинств, включавшие использование в Причастии пресного хлеба и купели при Крещении. В Женеве Кальвин и Фарель отказались принять это требование. На пасху 1538 года они проповедовали, несмотря на запрет Малого совета, и отказались преподавать Причастие во время волнений. На следующий день собрался Совет двухсот и постановил, что Кальвин и Фарель должны покинуть город в течение трех суток. Они уехали в Берн, откуда затем отправились на синодальную встречу в Цюрихе, где объяснили свои взгляды на организацию и порядок в церкви, получив широкое одобрение. Фарель возвратился в Нёшатель, а руководитель евангелического движения в Страсбурге Мартин Буцер убедил Кальвина стать пастором тамошней церкви, состоявшей из четырехсот французских беженцев. Едва ли они были способны его содержать, однако Кальвин жил скромно и добросовестно трудился как священнослужитель и теолог. Умеренность и забота Буцера о протестантском единстве произвели на Кальвина глубокое впечатление. Кальвин составил литургию на французском языке, которая во многом напоминала литургию Буцера, ставшую прототипом кальвинистских богослужений. В церковной музыке он отдавал предпочтение псалмам, а не традиционному церковному пению или органу, и составил сборник из восемнадцати псалмов, положенных на музыку. Кальвин подготовил новую редакцию *Наставления* (1539), *Комментарии на Послание к Римлянам* и опубликовал *Краткий трактат о Вечере Господней*, в котором заметно влияние взглядов Буцера, говорившего о духовном присутствии Христа в Святом Причастии. Он читал лекции по теологии в знаменитой школе Иоганна Штурма. Разделяя екуменические взгляды Буцера, он также сопровождал его на совещании во Франкфурте, организованном в 1539 году Карлом V и посвященном христианскому воссоединению. В следующем году он посетил конференции в Гагенау и Вормсе, а в 1541 году был делегирован как официальный представитель от Страсбурга на сейм в Регенсбурге, где наблюдал примиренческие действия католического кардинала Контарини и Меланхтона.

Великие труды настолько истощили силы реформатора, что Буцер и другие друзья уговаривали его жениться ради лучшего ухода за собой. Кальвин отвергал эту мысль: «Не собираюсь иметь ничего общего с разграбившими Рим так же преступно, как греки разрушили Трою, — ради одной женитьбы». Но уже вскоре после этого Меланхтон замечал: «Так-так, кажется мне, что наш теолог подумывает о будущей супруге». Кальвин согласился, что друзья его, возможно, правы, и принял участие в поисках невесты. Согласно его рассудительному описанию, ей надлежало быть «скромной, порядочной, простой, экономной, терпеливой и способной следить за моим здоровьем». История двигалась вперед, — если Лютер женился на бывшей монахини, то Кальвин избрал вдову с тремя детьми. Ее звали Иделетт де Бур (Idelette de Bure), и она была вдовой радикала из Льежа, обращенного Кальвином анабаптиста. Кальвин был нежным и деликатным мужем, хотя довольно скучным, и брак оказался счастливым. В письме, большей частью посвященном другим вопросам, он между делом упомянул о рождении их единственного ребенка Жака, который родился 28 июля 1542 года недоношенным и прожил всего несколько дней. Здоровье Иделетт после этого так и не поправилось, и в 1549 году она умерла от слабости, а не от скуки, как утверждали недруги Кальвина.

Тем временем Женеве не забыла о Кальвине. Город раздирали противоречия, поскольку представители одной стороны, названные гиллерменами в честь Гиллома Фареля и предводительствуемые влиятельным горожанином Ами Пэррэнном (Ami Perrin), отказались признавать новых проповедников, сменивших изгнанных реформаторов. Католики надеялись вернуть город. При таких обстоятельствах в мае 1539 года эразмит епископ Карпент-

рийский (of Carpentras) Якопо Садолето (Jacopo Sadoletto) написал свое знаменитое обращение к жителям Женевы с призывом вернуться домой, в Рим. Как красочно повествует Теодор Беза, Садолето, «полагая, что в создавшихся обстоятельствах легко сможет уловить стадо, оставленное его великими пасторами, от имени соседей... послал письмо почтеннейшему Сенату, т. е. Совету, и жителям Женевы, излагая все то, что могло бы подтолкнуть их назад, в лоно Римской блудницы». Садолето отстаивал непогрешимость Католической церкви, поскольку «Святой Дух постоянно наставляет ее руководителей и церковные соборы». Главный вопрос для женецев он видел в том, «согласиться ли со всею церковью, верно соблюдая ее установления, законы и Таинства, или уступить людям, ищущим разлада и новизны». Малый совет переадресовал письмо в Берн, а Совет Берна попросил Кальвина написать ответ, что тот и сделал, потратив в середине августа шесть дней на его составление. Ответ представлял собою собственное обращение Кальвина к евангелическому христианству и отстаивал в особенности понимание Церкви как общности всех верующих во Христе, а также учение об оправдании только верой.

Замечательный труд Кальвина произвел на Женеву большое впечатление и содействовал укреплению гиллерменов. Внутренний конфликт достиг накала, когда антикальвинисты, составлявшие городской магистрат, сделали слишком много уступок в официальных переговорах с Берном. Бунт 1540 года привел к аресту и казни Жана Филиппа, обвиненного в убийстве гражданина при уличной потасовке. Гиллермены быстро овладели ситуацией и пригласили Кальвина вернуться в Женеву. С неохотой он подчинился давлению и 13 сентября 1541 года прибыл в Женеву, что стало судьбоносным шагом для христианства. Население города приветствовало возвращение Кальвина.

За три года, проведенных в Страсбурге, Кальвин стал намного более зрелым человеком. Он имел средний рост, бледное лицо, темные волосы и бороду. Современники свидетельствовали о его бдительных, ясных и живых глазах. Одевался он просто, мало ел и еще меньше спал. Был умен, наблюдателен и одарен замечательной памятью. Он умел быть беззаботным, даже шутливым, и обладал особой склонностью к каламбурам. В разделе *Наставления*, посвященном христианской свободе, он писал: «Нам ничто не запрещает смеяться, либо получать удовольствие от пищи, либо приобретать имущество в дополнение к тому, которым мы уже пользуемся или пользовались наши предки, либо наслаждаться музыкой, либо пить вино». Однако его собственное повседневное поведение отличалось строгостью, а речь простотою и прямою, серьезностью и основательностью. После его смерти Малый совет заключил, что Бог наделил Кальвина «великими качествами».

Историк Мерль д'Обинье назвал Кальвина «законодателем обновленной церкви». По возвращении в Женеву Кальвин почти сразу взялся за реорганизацию церкви. *Церковные ордонансы* от 1541 года определяли зрелую пресвитерианскую систему правления. 20 ноября *ордонансы* были одобрены обоими Советами и Общим собранием. В управлении церковью учреждались четыре вида должностей. (1) Почтенное Собрание пасторов назначало пасторов, которые являлись проповедниками Евангелия. Их утверждал Совет и представлял на одобрение духовенству и народу. (2) Доктора занимали важнейшее положение учителей и отвечали за христианское образование. (3) Двенадцать выдающихся мирян избирались старейшинами, или пресвитерами для помощи пасторам в попечении о духовном благополучии приходов. Последние две категории входили в Консисторию, также известную как Пресвитерия, осуществлявшую руководящую функцию.¹⁰⁶ (4) Диаконаты решали мирские вопросы. Городской казначей отвечал за жалованье, а члены Городского совета следили за имуществом. Кроме того, каждый приход избирал мирян, обычно из числа старейшин, для служения в полиции нравов. Они увещевали грешников, докладывали о нераскаявшихся и упорствующих.

Кроме того, Кальвин продолжал трудиться над реформированием церковного богослужения. Он опубликовал собрание из пятидесяти псалмов в метрическом переложении Клементя Маро, а также новый литургический порядок и Катехизис, в котором заявил: «Мы не отыскали песен, более пригодных для поклонения Богу и более удобных в употреблении, чем псалмы Давида, порожденные и изреченные Святым Духом».

Благодаря своему огромному авторитету и личному влиянию, Кальвин негласно контролировал Консисторию, которая прежде всего играла роль суда нравов. Независимо от светского правительства, Консистория обладала властью отлучать от церкви и противостоять вмешательству государства в вопросы учения и церковной дисциплины. Это был центральный штаб городской полиции нравов. Сохранившийся протокол Консистории от 16 февраля 1542 года показывает, каким образом осуществлялся контроль и вершился суд над малейшими нарушениями. Выявлялись и пресекались уцелевшие в народе католические обычаи, обряды и предрассудки. Одна женщина сохранила *Legenda aurea*, то есть Жития святых, цирюльник выбрил священнику тонзуру, ювелир изготовил чашу для мессы, некий гражданин назвал папу праведным человеком, женщина попыталась излечить своего больного мужа, подвесив ему на шею паука в ореховой скорлупе. Выявлялись и пресекались случаи разврата и нарушения строгих моральных требований. Следователи заходили так далеко, что расспрашивали детей об их родителях. Непристойные танцы, платье без высокого воротника, игра в карты и пьянство влекли за собой суровые

¹⁰⁶ В Консисторию входили 8 пасторов и 12 старейшин. — Прим. ред.

наказания. Особенно строго Кальвин относился к проституции, поскольку Женева пользовалась ужасной в этом отношении репутацией. Он настаивал на более жестоком наказании, однако Городской совет в 1558 году постановил, что злостный нарушитель должен пройти по улицам города в красном колпаке, а блудницу надлежит вести, громко трубя при этом. Кальвину удалось закрыть таверны и заменить их приличными и добропорядочными кафе, имевшими в наличии французскую Библию для справок на случай серьезных дискуссий, но со временем ему пришлось уступить потребительскому спросу и вновь разрешить таверны. О создающих угрозу общественному спокойствию серьезных случаях колдовства, ереси, прелюбодеяния, богохульства и мятежа сообщалось гражданским властям. Известен даже случай, когда некий гражданин был взят под стражу за то, что дал своей собаке кличку Кальвин. Также за четырехлетний период результатом разбирательств, при которых признания зачастую вымогались посредством пыток, стали пятьдесят восемь казней и семьдесят шесть ссылок. Имея юридическое образование, Кальвин консультировал городскую администрацию и Советы в сугубо гражданских делах. Однако Женева была далека от теократии, которую ей приписывают исторические легенды. Собрание пасторов более походило на административный орган, чем Консистиорию, но всегда находилось в подчинении у городских властей.

Естественно возникла оппозиция Кальвину и власти Консистории. Противники одного типа, которых Кальвин окрестил либертинцами, протестовали против нравственного контроля, а другие противники, которых он называл еретиками, оспаривали его доктринальные положения. Первая настоящая проверка на прочность имела место в январе 1546 года, когда производитель игральных карт Пьер Амо, потерпев убытки и находясь на грани банкротства, объявил Кальвина иностранцем, который сует нос в чужие дела, злодеем и распространителем лжеучения. Кальвин не удовлетворился приговором суда, обязавшим Амо просить у Кальвина прощения, стоя на коленях в присутствии городского совета, и настаивал на публичном наказании, поскольку оскорбление было нанесено также публично. В итоге Совет принудил беднягу пройти по улицам города в одной сорочке со свечой в руках и вызывая к Богу о милости. Когда в июне 1546 года на кафедре в церкви Св. Пьера была обнаружена афиша с обвинениями и угрозами в адрес служителей, то схваченный властями главный подозреваемый был подвергнут пыткам и обезглавлен. Прежний сторонник Кальвина Ами Перран, помогавший ему при возвращении в Женеву, обратился против Кальвина, когда Консистория наказала его жену, тестя и шурина, принадлежавших к одному из благороднейших женеvских семейств. В 1553 году, когда на официальные посты были избраны многие либертинцы, Перран стал уполномоченным представителем Большого совета и возглавил движение за лишение Консистории права отлучения от церкви и за возвращение его Совету. В это время случилось дело Сервета, и Кальвин сохранил свое положение, а его авторитет стал после этого непререкаемым.

Дело Сервета также стало последним крупным испытанием для теологии Кальвина. Понятно, что причиной тому было радикальное решение Кальвином вопроса о предопределении, вызывавшего наиболее резкую критику в его адрес. Католик Альберт Пигий (Albert Pighius) отстаивал учение об упреждающей благодати и последующем соучастии человека в достижении оправдания перед Богом, выступая против учения Кальвина. Однако в последующей дискуссии Кальвин полностью укротил Пигия, убедив его в справедливости своих воззрений более августинского толка. Того же вопроса коснулся бывший монах-кармелит из Парижа Жером Гермес Бользек (Jerome Hermes Bolsec), выступивший против Кальвина в 1551 году. Бользек отрекся от католицизма и бежал в Вейни (Veigny), небольшую деревушку близ Женевы, чтобы там заняться медицинской практикой. Примечательно, что в тот период многие врачи становились теологическими индивидуалистами и еретиками, подобно тому, как многие гуманисты и реформаторы Возрождения изучали право перед своим обращением к теологии и творениям классиков. Бользек попытался убедить Женевские власти, будто теология Кальвина представляет Бога автором греха, что было гнусной ложью. Кальвин изобличил Бользека перед Малым советом как возмутительного клеветника и еретика. После совещаний с властями других городов Швейцарии, колебавшимися по этому вопросу, Совет изгнал Бользека из Женевы. Он уехал во Францию, вернулся в Католическую церковь и отомстил Кальвину, написав оскорбительную и порочащую его биографию, опубликованную в 1577 году, после смерти Бользека.

Сила характера Кальвина наиболее ярко проявилась при его последней болезни и смерти. Он продолжал много работать, несмотря на усталость от долгих изматывающих трудов, волнений и хлопот о церкви. «Вы хотите, чтобы Господь в Свое пришествие нашел меня ленивым?» — спрашивал он друзей, убеждавших его отдохнуть. Во время сильнейшей болезни, не будучи способен исполнять свои обязанности, он отказался от постоянной стипендии за работу, которую не мог осилить. Его имущество было очень мало, потому что основную часть значительного дохода он жертвовал на благотворительность. 6 февраля 1564 года Кальвин прочел свою последнюю проповедь. 2 мая он написал свое последнее письмо, адресованное Фарелю, поспешившему из Нёшателя, чтобы провести с ним последние дни. Смерть его застала, когда он трудился над *Комментариями на Книгу Иисуса Навина* и достиг вступления в Землю Обетованную. Наконец, по словам Теодора Беза: «Не осталось ничего, кроме его духа». 27 мая, на пятьдесят пятом году жизни, он тихо умер на руках у Беза. На следующий день, согласно последнему желанию Кальвина, он был похоронен без надгробия на общем кладбище Плэн-палэ.

Кальвин действительно был человеком великого мужества и самоотверженного служения. Беза писал: «Я

знал его на протяжении шестнадцати лет и считаю себя вправе утверждать, что в этом человеке все являет образец христианской жизни и смерти, который трудно умалить и с которым трудно соревноваться». При всех своих ошибках, упрямстве, нетерпимости и внезапных вспышках раздражительности, недостатке простоты, великодушия и открытости, Кальвин был духовным гигантом в эпоху ужасного хаоса. Умеренный скептик девятнадцатого века Эрнст Ренан заключил: «Кальвин имел успех, потому что был величайшим христианином своего времени». Сам Кальвин счел бы эти слова ложью или, в лучшем случае, пристрастным суждением.

Кальвинизм в Европе

КАЛЬВИНИЗМ ВО ФРАНЦИИ

Один из преданных приверженцев Кальвина Франсуа Готман (François Hotman) написал ему в 1556 году, что Женева породила дух, воздвигнувший новое поколение «галльских мучеников, кровь которых свидетельствует о твоём учении и твоей церкви». Сердце Кальвина было с его братьями французами. Он глубоко верил, что однажды Франция станет подлинно христианской страной в его понимании, и желал, чтобы до наступления того дня реформированным церквям и евангелическим христианам было разрешено мирно поклоняться в согласии со своей совестью. Он выслал из Женевы целую армию миссионеров, наставленных и обученных для служения в протестантских общинах, возникавших по всей Франции. Кальвин вел колоссальную переписку с бюргерами, дворянами и князьями, симпатизировавшими евангельскому делу или уже ставшими убежденными верующими. Он писал таким могущественным людям как король Антуан Наваррский, принц Конде и адмирал Колиньи. Кроме того, он писал молодым служителям и мученикам, например пяти лионским узникам, намеревавшимся начать служение во Франции, но арестованным по пути из Женевы и собственной кровью засвидетельствовавшим свою веру. Ни один человек, просивший поддержки у Кальвина, не оставался без помощи. Он писал, чтобы помочь безработным найти работу, чтобы рекомендовать дворянам наставников для их детей, чтобы содействовать ученикам при поступлении в интернаты, чтобы организовать помощь бедным, чтобы вдохновить евангелистов на духовный подвиг. Его переписка могла бы уместиться в тридцать пять томов. Кальвин признавался другу: «У меня нет времени полюбоваться своим домом под благословенным солнцем. Если все будет продолжаться в том же духе, то я забуду, как он выглядит. По завершении текущих дел, мне необходимо написать еще столько писем, ответить на столько вопросов, что проходит целая ночь, и естество остается вовсе без пожертвования в виде сна».

На раннем этапе существования французского протестантизма различия между эразмической, мистическими реформаторскими тенденциями и евангелическим лютеранством, проникавшим из Германии, были размыты и неясны. Однако к концу пятидесятих годов французский протестантизм обрел женеvскую окраску, поскольку французские переселенцы возвращались на родину для распространения своей веры, и кальвинистическая литература распространялась шире и шире. Небольшие группы приверженцев собирались в частных домах и сараях, в полях и рощах, в пещерах и любых доступных укрытиях. Когда базовая группа вырастала в большую общину, к Кальвину зачастую направлялась просьба прислать служителя, а некоторые группы столь преуспели, что просили прислать служителю помощника. Кальвин отправлял столько людей, сколько мог. Они путешествовали по ночам, прятались на чердаках в потайных комнатах за трубами, пользовались тайными маршрутами. С собой они имели экземпляры французской Библии Оливетана, женеvскую Псалтирь и трактаты Кальвина.

Благодаря основанию Женевской академии, 1559 год стал очень важным для распространения кальвинизма. Вновь проявилось влияние Страсбурга, поскольку образцом для Академии послужила гуманистически-реформаторская школа, возглавлявшаяся Иоганном Штурмом. Круг гуманистических предметов, изучавшихся в этом учебном заведении, составляли латинский, греческий и еврейский языки, а также философия и теология. Консистерия, с одобрения Городского совета, назначила преподавательский состав и пригласила лучших преподавателей, изгнанных Берном из Лозаннской академии, таких как Пьер Вире и знаток греческого Теодор Беза, который возглавил Академию. Университет, известный сегодня как Женевский, немедленно привлек молодых людей со всех концов Европы, возвращавшихся домой носителями кальвинистской проповеди.

В 1561 году французское правительство выразило Женеве официальный протест по поводу содействия протестантским проповедникам на французской территории. В том же году протестантский адмирал Колиньи подсчитал, что во Франции насчитывалось около 2150 кальвинистских общин. Название гугеноты, которым окрестили французских кальвинистов, возможно происходит от швейцарского названия *Eidgenossen*, «приверженцы». Женевцы, поддержавшие восстание против Савойев, назывались *Aignos* и были дружелюбны по отношению к *Eidgenossen*. Позднее это название стало применяться по отношению к женеvским протестантам. Первое известное упоминание о нем имело место в 1562 году.

Проникновение кальвинизма во Францию было столь успешно, что в том же 1559 году для организации национальной церкви в Париже собрался Синод. По аналогии с женеvской системой, поместные церкви подчиня-

лись консисториям, районные возглавлялись советами или съездами, провинциальные — синодами, а провинциальные синоды управлялись национальным Синодом. Наибольших успехов кальвинизм достиг в Наварре, Дофине (Dauphiné), восточном Провансе, Нормандии и Орлеане. Однако движение не могло воспользоваться своими успехами и осуществить планы создания национальной организации, поскольку противодействие французской монархии отличалось стабильным усилением, жесткостью и эффективностью. В 1545 году было продемонстрировано, что монархия способна нападать с упорством и непримиримостью средневекового крестового похода. Тогда в южной Франции была начата карательная акция против вальденсов, унесшая жизни сотен людей, проповедовавших идеалы бедности и смирения, которым учил Питер Вальд несколькими столетиями раньше. С новыми еретиками обходились не лучше. Король Франциск I преследовал протестантов временами жестоко, однако беспорядочно, поскольку в основном он был занят войнами с Габсбургами. Его преемник Генрих II (1547—1559) отличался склонностью к садизму, а в свои последние годы особенно любил наблюдать сожжение еретиков, правда когда на костер угодил его собственный портной, то бедняга глядел на него таким осуждающим взглядом, что король не мог затем уснуть несколько ночей. В 1548 году он учредил для следствия над еретиками особый трибунал *Le chambre ardent*¹⁰⁷. В 1551 году Шатобрианский эдикт систематизировал законы, направленные на подавление протестантов. В 1559 году, когда Генрих II испустил последний вздох, весь протестантский мир вздохнул с облегчением. Он умер через несколько дней после того, как сломанное копьё пронзило на турнире его правый глаз. Однако смерть Генриха II совпала с заключением Като-Камбрезского мира между Францией и Империей, вскоре за которым во Французском Королевстве начались религиозные войны, а в остальной Европе — Католическая Реформация.

КАЛЬВИНИЗМ В ГАБСБУРГСКИХ ЗЕМЛЯХ

В 1543 году Кальвин увещевал самого императора Карла V такими словами:

«Реформация церкви является деянием Божиим и потому не зависит от человеческих надежд и намерений, равно же как воскресение мертвых или любое другое чудо подобного рода. Посему не следует ожидать волеизъявления со стороны народа или особых обстоятельств, но надлежит вырваться из безнадежности, если существует какая-либо возможность содействовать Реформации. Бог желает проповеди Своего Евангелия. Будем послушны этому повелению и пойдем, куда Он нас зовет! А к каким последствиям это приведет, спрашивать не нам».¹⁰⁸

Единственное сходство Карла V и Франциска I состояло в их непреклонной враждебности к протестантизму. Карл преследовал протестантизм, потому что он противоречил вековой связи его династии с Римом. Франциск подавлял протестантизм, поскольку он угрожал единству его королевства, окрепшего более, чем любая другая национальная монархия. В габсбургских Нидерландах Карл мог оказывать сильнейшее давление на молодое кальвинистское движение, однако в самой Империи оно развивалось под протекцией доброжелательно настроенных князей, вопреки сопротивлению официальных Лютеранской и Католической церквей.

Семнадцать голландских провинций находились под прямым правлением Габсбургов. В них Карлу V удалось сдерживать лютеранское и анабаптистское движения при помощи инквизиции и казней. Однако более воинственный кальвинизм проник действительно далеко после своего первоначального вторжения в Валлонские, т. е. крайне южные франкоязычные провинции. Женевский студент и миссионер Ги де Брэ (Guy de Brès) составил кальвинистское Вероисповедание, принятое в 1566 году Антверпенским синодом. Движение набирало силу по мере того, как французские беженцы переправлялись через границу, а позднее с прибытием английских протестантов, — особенно в северных провинциях Нидерландов, где кальвинизм утвердился прочнее, чем на юге. Более систематические гонения на кальвинистов начались после вступления на престол сына Карла V, ограниченно и фанатичного католика Филиппа II (1556—1598), первые четыре года своего правления проведенного в голландской резиденции. В Нидерландах вопрос религиозной свободы соединился со стремлением к политической свободе. Воинственный кальвинизм отплатил Габсбургам их же монетой, подлив масла в огонь голландского сопротивления испанскому владычеству.

В Империи ситуация была совершенно иной, поскольку там князья выступали в роли буфера между Габсбургами и народом. Мнение о том, что после Аугсбургского мира (1555) лютеранство закоснело или уснуло, является вымыслом, поскольку уже после того оно достигло поразительных успехов, включая Буцеровский и кальвинистский Страсбург, в 1580 году принявший лютеранскую Формулу согласия. Однако то здесь то там в Империи кальвинизм завоевывал новые позиции в лютеранских и католических землях. Название *Реформатская церковь* было впервые употреблено для различения кальвинистских общин и более традиционной официальной Лю-

¹⁰⁷ Пламенная комиссия. — *Прим. перев.*

¹⁰⁸ *Corpus Reformatorum*, том 6, пар. 510-511.

теранской церкви. Проникновение кальвинизма было заметно в Вюртемберге, расположенном на верхнем Рейне, недалеко от Швейцарии, несколько позже в Бранденбурге, где кальвинистом стал правитель, хотя большинство населения осталось лютеранским, но особенно в Палатинате.

В Палатинате курфюрст¹⁰⁹ Фридрих III (1559—1576) пришел к убеждению, что учение Кальвина о Причастии является истинным толкованием. Он назначил получивших образование в Женеве кальвинистских теологов на профессорские должности в Гейдельбергском Университете. В 1563 году они составили кальвинистский по сути, но умеренный в формулировках Гейдельбергский катехизис, который широко применялся реформатскими общинами в германских странах, а также в Нидерландах для наставления и в качестве доктринального стандарта. В Палатинате кальвинизм столкнулся с проблемой церковной иерархии, поскольку согласно традиции князь был официальным главою местной церкви. Врач курфюрста, некий Томас Любер (прибл. 1524—1583), более известный под латинским именем Эраст, утверждал, что правом отлучения от церкви должны обладать мирские власти. Его труды были опубликованы в Англии после его смерти в 1589 году, и термин *Erastianism* с тех пор применяется в этой стране по отношению к политическим концепциям государственного управления церковью.

КАЛЬВИНИЗМ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В восточной Европе, на территориях Польши и Венгрии, кальвинизм имел серьезные успехи во второй половине шестнадцатого века. Несмотря на медленное, но стабильное распространение лютеранства в Литве и Малой Польше, с восшествием на престол в 1548 году Сигизмунда II Августа вперед вырвался кальвинизм, заняв доминирующее положение. Король Сигизмунд вел переписку с Кальвином и глубоко восхищался *Наставлениями*. В 1554 году Кальвин выслал ему проект реформы церкви Польши под руководством евангелического архиепископа и кальвинистских епископов. Кальвинизм обладал определенными, отсутствовавшими у лютеранства чертами, которые делали его привлекательным для среднего и низшего польского дворянства. В отличие от лютеранства, кальвинизм не столь явно ассоциировался с Германией, кроме того, его пресвитерианская структура предоставляла мирянам возможность участия в работе консисторий и управлении церковью на провинциальном и национальном уровнях, сродни тому участию в политическом управлении, коего желали эти сословия. Будучи более воинственной формой протестантизма, кальвинизм выступал против папской власти и абсолютной монархии, а потому отвечал запросам шляхты.

В Литве могущественный литовский магнат и канцлер Сигизмунда Николай Радзивилл обратился в кальвинизм, приведя с собой все свои феодальные поместья и вассалов. В Малой Польше ведущей фигурой был священник благородного происхождения по имени Ян Лаский. Лаский обратился в лютеранство, помогал организовать церковь в Герцогстве Пруссия и служил общинам беженцев во Франкфурте и Эмдене, одновременно развиваясь в сторону кальвинизма. Три года он был пастором эмигрантской общины в Англии во время правления Эдуарда VI. Затем в 1557 году он вернулся в Польшу и там безуспешно трудился над созданием объединенной протестантской церкви с кальвинистской теологией и уставом. Под его руководством кальвинизм в целом существенно развился. Однако со временем протестантизм в Польше пришел в упадок, а в семнадцатом веке католицизм добился почти полной и бескровной победы, поскольку власть католического духовенства глубоко укоренилась в государстве, и короли оставались верны прежней церкви. При этом королевская власть сделала послабления в вопросах свободы поклонения, и по этой причине протестантам не удалось соединить свое дело с дворянским движением против короля. После неудачных попыток во время трех междувластных поместить на престол своего кандидата, протестанты утратили инициативу, и земельные магнаты один за другим вернулись в Католическую церковь, дабы их семейства не лишились высокого положения в государстве.

В Венгрии развитие кальвинизма было похоже на польский вариант. До середины столетия лютеране обладали полной монополией в евангелизации страны, однако затем мажарских земельных магнатов привлек кальвинизм. Маттиас Биро (Matthias Biro) превратил город Дебрецен в венгерскую Женеву. В Трансильвании, где сильное влияние имел Заполя, «трансильванские саксонцы», т.е. лютеране, столкнулись с мощным развитием кальвинизма, а управление в поместной автономии было устроено таким образом, что деревни и города могли сами избирать себе более близких им по духу проповедников — такой порядок получил эвфемистическое наименование «трансильванская терпимость». Несмотря на то, что в Венгрии кальвинизм имел лучшее положение, чем в Польше, реставрированный католицизм все же сохранил за собой количественное и политическое преобладание.

ПРОТЕСТАНТИЗМ В ИСПАНИИ И ИТАЛИИ

Франкоязычная Женева обладала стратегическим расположением, дающим возможность проникновения в Европу, говорящую на романских языках. Совершая героические усилия, Кальвин приступил к евангелическому

¹⁰⁹ В 1356 пфальцграфы Рейнские получили права курфюрстов. — Прим. ред.

штурму этих бастионов католицизма, но Испания, управляемая глубоко католическими королями, оставалась почти неприступна, а Италия, хотя и раздираемая противоречиями, расколами и полемикой, все же была сохранена для папы, главным образом при помощи сильной испанской руки, удерживавшей полуостров большую часть века.

Церковь в Испании отличалась невиданной организованностью и дисциплиной, в основном — благодаря деятельности кардинала Франциско Хименеса де Киснероса (Francisco Ximenes de Cisneros), исповедника королевы Изабеллы, главы Католической церкви Испании, основателя Алкалаского университета (University of Alcalá), и, что важнее всего, учредителя Испанской инквизиции (1480). После своей смерти, наступившей в тот же год, когда Лютер обнародовал Девяносто пять тезисов, он оставил за собой сильную церковь, готовую твердой рукой поддерживать Карла V и Филиппа II, превративших Испанию в политический центр своей династической Империи. Более того, успешное завершение крестовых походов против мавров внушило испанцам фанатический энтузиазм по отношению к католицизму, который, сочетаясь в их мышлении с национальной враждебностью ко всякому чужеземному влиянию, оставался неотъемлемым элементом испанского характера, подобно исламу для мавров.

Но все же отдельным гуманистическим и протестантским книгам удалось проникнуть в страну благодаря купцам, перевозившим их контрабандой в тюках шерсти, в багаже книжных торговцев, в бочонках и грузах. Идеи Эразма просачивались, вопреки запрету на его книги. Испанские инквизиторы либо не могли, либо не желали различать эразмитов и лютеран, жестоко преследуя как еретиков и тех, и других. Отправляясь в ссылки, такие «лютеране» чаще всего становились кальвинистами. При этом предпринимались попытки пресекать влияние Эразма на испанскую мысль, вплоть до самого Сервантеса. Хищный взгляд эзекуторов взял на подозрение даже мистическое движение *Alumbrados*, подчеркивавшее внутренний аспект веры, обитание Христа в людских сердцах и имевшее своим центром бенедиктинский монастырь, возвышавшийся на крутой скале острова Монсерра (Montserrat). В 1555 году папа Павел IV открыто осудил испанских спиритуалистов (*Esperitualistas*). Небольшие группы лютеран втайне собирались в Севилье и Вальядолиде (Valladolid), однако были выслежены, и пыткам подверглись все, кому не удалось бежать. На чужбину перебрались некоторые лучшие умы Испании. Выдающийся гуманист, философ-эразмит и педагог Хуан Луис Вивес (1492—1540) прожил свою жизнь во Франции, Англии и Нидерландах. Оставили Испанию эразмит Хуан де Вальдес (Juan de Valdes) (1500—1541) и его брат-близнец Альфонсо. В 1530 году, после написания *Диалога Меркурия и Харона* (*Dialogue of Mercury and Charon*), Хуан переехал в Неаполь, опасаясь инквизиции. Альфонсо занялся политикой и служил в свите Карла V на территории Империи, скончавшись в 1532 году в Вене. Испании еще предстоит оправиться от преследования своих интеллектуалов, приведшего к утрате независимых мыслителей.

Намного сложнее была ситуация в Италии, в самом сердце которой располагался Рим и папские земли. Италия, страдавшая от бесконечных иноземных нашествий, служившая испанским и французским армиям в качестве поля боя, политически раздробленная на малые враждующие между собой государства, свидетельствовала в первые десятилетия шестнадцатого века об упадке культуры Возрождения и о завершении эпохи гуманизма. Исключение составляла только Венеция, переживавшая последний подъем гражданского гуманизма и позднее цветение живописи. В ранние годы евангелическая вера беспорядочно проникала в различные итальянские города-государства, при этом сложно было отличить друг от друга людей, предпочитавших лютеранские и католические эразмические реформы, а лютеранство отличить от местного антиклерикализма. Более того, следует внимательно изучить, насколько проникли в массы анабаптизм и другие сектантские верования, поскольку встречаются свидетельства о существовании анабаптистских общин в Виченце и Венеции, а также о деятельности анабаптистов в других местах. Протестантская Европа быстро покрылась сетью общин итальянских беженцев. В 1542 году протестантизм в Италии вошел в новый период существования, ибо в этом году папа Павел III основал под давлением кардинала Караффа (Caraffa) канцелярию Священной Римской инквизиции. Инквизиция вытравила из страны многие свободолюбивые умы, преимущественно тяготевшие к Женеве и Западной Европе.

В антипапском городе-космополите Венеции, благословленном некоторой степенью терпимости, были опубликованы отдельные труды Лютера и Цвингли. Там же увидела свет наиболее популярная протестантская брошюра на итальянском языке *Наипольнейший трактат о благах распятия Иисуса Христа* Бенедетто Лучино (Benedetto Luchino), содержащий в основном переводные фрагменты из трудов Кальвина. В университете Пады, на территории Венеции, так же как в университете Болоньи, германские студенты организовали активную протестантскую пропаганду, а местные власти долгое время не вмешивались, боясь потерять доход. Известно об одной ужасной человеческой трагедии, произошедшей в Падуе и являющей собой пример духовных борений многих в этом поколении. Выдающийся юрист Франческо Спьера обратился в евангелическую веру, начав проповедовать и распространять литературу. После ареста и пыток он отрекся, подумав о том, что его одиннадцать детей могут лишиться наследства. Однако позднее испугался, что согрешил против Святого Духа, отрекшись от Христа, Который является единственным Источником его спасения, и погрузился в глубокую депрессию, продолжавшуюся до самой его смерти два года спустя.

На северо-востоке протестантизм был представлен в лице адвоката Маттиаса Флация Иллирика (Matthias

Flacius Illyricus) (1520—1575). Рано осиротевший, он окончил школу и учился в Венеции с другом Эразма гуманистом Батиста Игнатием (Batista Egnatius). Симпатизировавший Реформации дядя Флация Иллирика, при этом сам будучи провинциальным францисканцем, отговорил его от монашества и подтолкнул к университетской деятельности. Он побывал в университетах Базеля, Тюбингена и Виттенберга, где его тепло приветствовали Меланхтон и Лютер. В 1544 году он был назначен профессором иврита. Позднее Иллирик поссорился с Меланхтоном из-за Лейпцигского интерима и с тех пор переезжал из Йены в Регенсбург, Антверпен, Страсбург и Франкфурт вплоть до самой смерти. Его взгляды были почти манихейскими из-за того внимания, которое он уделял наличию в человеке греховной и злой природы. Тем не менее, он оказал значительное влияние на протестантскую мысль своим экзегетическим *Clavis*, т. е. ключом к Писанию, и исторической схемой *Магдебургских цензур*, оба эти труда были написаны, дабы доказать, что папство зиждется на ложном основании.

Второй крупный центр нетрадиционных убеждений возник в Неаполе, в литературно-религиозном кружке эразмита и мистика Хуана де Вальдеса. В 1531 году Вальдес переехал из Неаполя в Рим и служил у папы Климента¹¹⁰. Осенью 1533 года он навсегда вернулся в Неаполь, где вокруг него собралась группа интеллектуалов с целью изучения Писания. Он перевел с еврейского и греческого на испанский фрагменты Библии и написал краткие комментарии на Послания Павла к Коринфянам и к Римлянам. Пьетро Карнесеччи (Pietro Carnesecchi) (1508—1567) приписывал свое обращение к учению об оправдании по вере именно влиянию Вальдеса. К нему присоединились и Петер Мартир Вермиджли (Peter Martyr Vermigli), кроме того к его кружку принадлежали две замечательные женщины: Виттория Колонна (Vittoria Colonna) и ее невестка Джулия Гонзага (Giulia Gonzaga). Дух религиозной свободы угас с его смертью в 1541 году.

Римская инквизиция не тратила времени на раскачку и принялась за дело сразу же после своего создания. Нетерпеливый Караффа установил орудия пыток в собственном доме, пока не нашлись более просторные помещения. Одной из наиболее видных жертв Инквизиции стал ученик Вальдеса Пьетро Карнесеччи. Не скрываясь от курии и первого секретаря папы, Вальдес привел его ко взглядам Павла на оправдание верою. Тот бежал в Париж, но затем вернулся в Венецию. В 1557 году он был вызван в Рим и бежал в Женеву. При Пие V давление стало мягче, чем при Павле IV, и он почувствовал себя безопасно во Флоренции, но в 1565 году инквизиция возобновила свою деятельность. Желая выслужиться перед папой, герцог Козимо Флорентийский предал Карнесеччи, и тот был осужден на смерть. Его обезглавили и затем сожгли 1 октября 1567 года. На казнь он явился как джентльмен, и агент герцога докладывал ему из Рима: «Как на свою свадьбу — в белоснежной сорочке, новых перчатках и с белым платком в руке».

Особо выдающимся и глубоко верующим человеком, вынужденным провести на чужбине всю оставшуюся жизнь был Бернардино Очино (Bernardino Ochino) (1487—1564), бывший генерал ордена францисканцев-обсервантов. В 1534 году он вступил в другой, более строгий орден капуцинов, а через четыре года был избран заместителем генерала. В 1539 году, по приглашению кардинала Бембо (Vembo), он прочел в Венеции цикл проповедей, в которых очевидно акцентирование оправдания верою. Как только Караффа организовал инквизицию, Очино был вызван в Рим. Предупрежденный кардиналом Контарини, он бежал в Женеву, где был принят Кальвином с распростертыми объятиями. Очино издал шесть томов трудов, посвященных защите его обращения в евангельскую веру. В 1545 году он стал пастором общины итальянских беженцев в Аугсбурге и едва спасся, когда город заняли войска Карла V. Он бежал через Страсбург в Англию, где Эдуард VI назначил ему содержание. Там было опубликовано пространное произведение *Трагедия, или диалог о незаконном первенстве епископа Римского* (1549), в котором Люцифер, озлобленный распространением Царствия Христова, собирает всех извергов и сажает на престол папу в качестве антихриста. Очино ликует по поводу того, что когда Сатана и Антихрист почти побеждают, и Господь воздвигает Генриха VIII и его «славного» сына¹¹¹, успешно низвергая врагов. Королева Мария¹¹² выдворила Очино из своего земного королевства. Он стал пастором итальянской общины в Цюрихе, однако в *Тридцати беседах* он поддержал многоженство и высказал некоторые нетрадиционные представления о Троице, за что его изгнали и оттуда. Он бежал в Польшу, но его тоже выдворили из страны, и он умер в конце 1564 года в Моравии.

Инквизиция изгнала из Италии других благородных мужей, таких как Верджеро (Vergerio), Вермиджли (Vermigli) и Аконти (Acontius), которых как магнитом влекло к швейцарскому протестантизму. Человек необычайной духовной чувствительности Пьетро Паоло Верджеро (около 1498—1564) занимал высокое положение в церковной иерархии. Этот венецианец изучил каноническое право и стал епископом Каподистрии (Capodistria) и папским легатом. В 1535 году он был направлен в Виттенберг для переговоров об экуменическом совете церковью и получил глубочайшее впечатление от реформатора. В Италии он навещал Франческо Спьеру, пребывая в острой душевной борьбе. К 1548 году Верджеро убедился в истинности евангелической веры, а в следующем

¹¹⁰ Климент VII. — Прим. ред.

¹¹¹ Имеется в виду Эдуард VI. — Прим. ред.

¹¹² Мария Тюдор (Mary Tudor). — Прим. ред.

году переселился из Италии в Швейцарию, дабы стать там пастором общины итальянских лютеран. Став советником герцога Кристопа Вюртембергского, Верджеро остался в доктринальном отношении подлинным лютеранином и оказал большое влияние на развитие религиозной жизни.¹¹³

Петер Мартир Вермиджли (1500—1562) и Джакомо Аконти (Giacomo Acontius) уехали из Италии через Швейцарию в протестантскую Англию. Вермиджли родился во Флоренции, в семье преданного последователя Савонаролы. Обучался в августинских монастырях в Фисоле (Fiesole) и Падуе, служил проповедником в Брешиа, Пизе, Венеции и Риме. В 1530 году Вермиджли стал аббатом августинского монастыря в Сполето, а через три года — приором монастыря в Неаполе. В то же самое время он погрузился в изучение Библии, чтение Цвингли и Буцера и в 1541 году, попав под подозрение испанского вице-короля в Неаполе, переехал в Лукку, где зарождалась протестантская община. После приказа предстать перед руководством своего ордена в Генуе, он заехал во Флоренцию, посоветовался с Очино и бежал в Цюрих, Базель и Страсбург. В 1547 году ему предложили содержание в Англии, и в следующем году он стал оксфордским профессором теологии. Он бежал назад, в Страсбург, когда на престол взошла королева Мария, закончив свои дни профессором иврита в Цюрихе, где его взгляды на Причастие смешались с учением Цвингли.

Джакомо Аконти (1492—1560?) был подлинным пионером в вопросе религиозной терпимости. Подобно Вермиджли и Очино, он обратился к более радикальной форме протестантизма, чем лютеранство. Путь его бегства пролегал через Швейцарию и Страсбург в Англию, куда он прибыл вскоре после того, как на престол взошла королева Елизавета. Будучи инженером, он осушал болота и обновлял замковые укрепления, а как религиозный интеллектуал написал две книги, принесшие ему продолжительную славу. В своем *Di methodo* он рассмотрел корректные методы исследования Писания, а в *Stratagemata satanae* заявил, дескать догматические вероучения являются раскольническими уловками сатаны, а потому следует выделить наименьший общий знаменатель, или основу различных символов веры, а все спорные вопросы оставить как несущественные. Это была дерзкая для той эпохи мысль, не принятая большинством.

Возникло мнение, что излишний догматизм, а также жесткая церковная и государственная политика вызвали в Испании и Италии ответную, если не противоположную реакцию, поскольку Испания породила Сервета, а Италия антитринитарное движение. И кроме того, что на религиозных мыслителей оказала влияние философия неоплатонизма, унаследованная ими от Возрождения. Взаимосвязь между антитринитариями и таким радикальным движением как итальянские анабаптисты по-прежнему остается вопросом, требующим научного исследования. Наиболее выдающимся антитринитарием был Лелий Социн (1525—1562) и его неистовый племянник Фауст (1539—1604). Лелий был юристом и признался Меланхтону, что стремление к источникам закона *fontes juris* также привело его к исследованию первоначальных источников веры и отречению от «римского идолопоклонства». Он постоянно странствовал, разъезжая по Швейцарии, Франции, Англии, Голландии, Германии, Австрии, Богемии и Польше. Кальвин принял его в Женеве, скрыв свою настороженность к его спекулятивным взглядам. Умер Лелий в Цюрихе. Инквизиция преследовала его родственников в Италии, и некоторые из них были взяты под стражу. Возможно, на Фауста оказали некоторое влияние записи его дяди, которые он получил в Цюрихе, но в целом Фауст был независимым мыслителем. Во вступлении к комментариям на Евангелие от Иоанна Фауст заявил, что божественность Христа является номинальной, а не фактической по своей сути. Он сомневался в сущностном бессмертии человека. Фауст Социн на протяжении двенадцати лет служил у Изабеллы де Медичи, а в 1575 году бежал в Базель. Позднее он имел отношение к антитринитарному движению в Трансильвании и в польском Кракове, где толпа разгромила его дом. Умер он на содержании в поместье¹¹⁴ к востоку от Кракова.

Жана Кальвина чрезвычайно интересовали «успехи Евангелия» в Италии, на родине папства. Обширная переписка свидетельствует о его надежде, что Италия присоединится к евангелическому движению через обращение князей посредством чудесной силы Слова. Он вел переписку с французской герцогиней Рене Феррарской (Renue of Ferrara), которую посетил в 1537 году, однако встретил сопротивление в лице герцога Эрколе II (Ercole II). В 1559 году герцогиню выдворил назад во Францию ее собственный сын Альфонсо, поскольку семья Эстес (Estes) не могла пойти на разрыв с папой и вторжение испанской армии. Вероятно рассчитывая на Карнесеччи, Кальвин постоянно убеждал итальянских протестантов не уподобляться Никодиму, пришедшему к Иисусу ночью из страха перед властями, но исповедовать свою веру открыто. Кальвина можно обвинить во многих ошибках, однако неоспорима его преданность своему делу и забота о всех братьях по вере. Гёте как-то сказал, что когда мы решаемся говорить о недостатках великих мужей прошлого, то справедливости ради надлежит делать это, стоя на коленях.

¹¹³ См. Анна Якобсон Шутт, *Пьер Паоло Верджеро: Становление итальянского реформатора*. Женева, 1977. (Anna Jacobson Schutte, *Pier Paolo Vergerio: The Making of an Italian Reformer*.)

¹¹⁴ Фауст Социн умер в Лукавицах, имении своего последователя Авраама Блонского. — Прим. ред.

Реформация в Англии и Шотландии

Долгое время британские историки были убеждены, что Реформация в Великобритании является величайшим поворотным моментом современной истории. Развивая либеральные протестантские предрассудки, некоторые даже заявляли, будто это был решающий момент во всей истории Запада. Например, Джеймс Фроуд (James Froude) писал: «Я убежден, что Реформация стала величайшим в истории Англии событием, мощной силой, распространившей англосаксов по всей планете и оставившей след английского гения и характера в жизни человечества».¹¹⁵ В пику заявлениям о ее всемирном значении утверждалось, что английская Реформация оказала особое влияние на самих англичан. Такая характеристика является умеренным выражением лозунгов, под которыми официально происходила Реформация. Дэвид Гум (David Gume) утверждал, что английская Реформация стала *via media* между папизмом и радикализмом.¹¹⁶

Вполне очевидно, что близкий к экстазу восторг английской Реформацией со стороны патриотически настроенных сынов Британии уравновешен абсурдным сведением Реформации к «личным интересам короля» и ясным глазам Анны Болейн. Желчный Вольтер съязвил: «Англия порвала с папой из-за того, что король Генрих влюбился». Истина об английской Реформации находится где-то между этими восторженными дифирамбами и клеветой. Весьма сложной является задача выбора важнейших фактов и, насколько позволяет краткая форма нашего повествования, правдивое их изложение, выявление уникальных особенностей английской Реформации, а также характеристик, роднящих ее с Реформацией на континенте, и наконец, оценка ее исторического значения.

По иронии судьбы, стремление английского народа к миру и безопасности сыграло не последнюю роль в беспорядке, к которому привела Реформация. После затянувшейся кровавой борьбы между сторонниками Йорков и Ланкастеров в Войне Алой и Белой Розы, Англия мечтала о спокойствии и процветании. Однако безопасность государства зависела от мудрого правления монарха и упорядоченного престолонаследия. Этим фактом объясняется широкое одобрение действий Генриха VII по укреплению королевской власти, а также всеобщее одобрение попыток короля обеспечить наличие наследника мужского пола путем замены королевы. В 1509 году с огромным энтузиазмом англичане приветствовали коронацию молодого Генриха VIII. Страна ожидала многого.

Его отец Генрих VII (1457—1509) был основателем династии Тюдоров. При содействии французов, Генрих VII высадился в Милфорд Хевен (Milford Haven), на территории уэльских союзников. 22 августа 1485 года в знаменитой битве при Босворте, благодаря измене Ричарду III сэра Стэнли, он одержал победу и убил йоркского короля. 30 октября того же года в Вестминстерском дворце состоялась его торжественная коронация. Он женился на Елизавете, старшей дочери короля Эдуарда IV, соединив, таким образом, на супружеском ложе красную и белую розы и устранив все предпосылки для продолжения гражданской войны. Однако заговоры и мятежи продолжались, и правление его было далеко от мирного. Обратясь к свадебной дипломатии, он женил своего старшего сына Артура на Екатерине, дочери короля Испании Фердинанда и королевы Изабеллы. Две дочери Генриха VII стали заложницами международной безопасности — Маргарита была выдана за короля Шотландии Якова IV, а Мария обручена с королем Франции Луи XII.

Правление кардинала Уолси

Эразм был весьма впечатлен талантами юного принца Генриха (1491—1547), которого в 1499 году увидел при дворе мальчиком. Воспитанный в духе Возрождения под руководством таких наставников, как поэт Джон Шелтон, Генрих был замечательным юным мыслителем, одаренным лингвистом, талантливым музыкантом, прекрасно эрудированным теологом-любителем, атлетом, наездником и охотником. С детства ему поклонялись как идолу, и потому он вырос сознательным и убежденным эгоистом. После смерти в 1502 году его старшего брата Артура, Генрих стал надеждой династии. По кончине отца 22 апреля 1509 года, Генрих взшел на престол. По словам епископа и историка Уильяма Стаббса (William Stubbs), он был «человеком безудержного эгоизма, человеком, о котором мы можем сказать... что он был королем, королем до мозга кости, и никем кроме короля. В отношении же английской церкви он желал быть папой или кем-то больше папы».¹¹⁷ В возрасте всего двенадцати лет он обручился с Екатериной Арагонской, вдовой своего старшего брата Артура, которая была почти на семь лет

¹¹⁵ Джеймс Фроуд, *Развод Катерины Арагонской* (Нью-Йорк, 1891), стр. 18. (James Froude, *Divorce of Catherine of Aragon*.)

¹¹⁶ Дэвид Гум, *История Англии* (Бостон, 1854), том 4, стр. 115. (David Hume, *The History of England*.)

¹¹⁷ Уильям Стаббс, Семнадцать лекций об изучении средневековой и современной истории, 3-е изд. (Лондон, 1900), стр. 300-301. William Stubbs, *Seventeen Lectures on the Study of Medieval and Modern History*.

старше его. Церковный закон запрещал жениться на вдове брата, однако папа Юлий II выдал специальное разрешение на этот брак. Эразм воспел брак Генриха и Екатерины как идеальный пример любви и целомудрия.

В первые два года правления Генриха государственными делами занимались умеренный Ричард Фокс и архиепископ Уаргам (Warham), в то время как Генрих развлекался. Однако вскоре утвердился у власти умный и безжалостный кардинал Томас Уолси (1471—1530), один из замечательнейших государственных деятелей Британии. Будучи амбициозным, надменным и властным человеком, Уолси сочетал великолепные качества со склонностью к авантюризму. Городские документы Саффолка (Suffolk) свидетельствуют, что Уолси был сыном мошенника-мясника, который время от времени конфликтовал с законом из-за недовеса, продажи несвежего мяса и скверного содержания своего дома. Уолси спасла целеустремленность и социальная активность, а также Церковь и Оксфордский Университет. Жестоко, но и небезосновательно враги могли сказать о нем: «Рожденный мясником, но вскормленный епископом, как высоко Его Высокопреосвященство вознес свою надменную голову!»

Способный выпускник Уолси стал управляющим Колледжа Магдалены и сразу проявил необычайные административные способности. Призывая к активно направленной против Франции иностранной политике в альянсе с испанским королем Фердинандом, Уолси привлек внимание молодого короля Генриха, который в 1515 году назначил его канцлером. В 1518 году Лев X сделал его архиепископом Йоркским, кардиналом и *legatus a latere*, т. е. представителем папы одновременно в Йорке и Кентербери. Будучи канцлером и легатом, Уолси сосредоточил в своих руках как государственную, так и церковную власть, хотя король Генрих VIII всегда участвовал в определении политического курса Великобритании.

Склонный к авантюрам в личной жизни, Уолси рисковал и во внешней политике. В союзе со своим тестем Фердинандом, Генрих стал членом Священной лиги папы Юлия II (1511), созданной с целью выдворить Францию из Италии. Он вынудил Францию отозвать войска из Наварры, которую завоевывал Фердинанд. В 1513 году Генрих пересек со своей армией пролив, лично руководил успешными осадами Теруана и Торнау и принял участие в битве при Гунгете (Guinegate).

Уолси успешно руководил кампанией и в августе 1514 года заключил перемирие с Францией. Тем временем король Шотландии Яков IV воспользовался моментом, пока Генрих был занят Францией, чтобы захватить север, но погиб в битве при Флодене (Flodden).

С восшествием на французский престол в 1515 году молодого короля Франциска I противостояние между Англией и Францией возобновилось, что привело к восстановлению естественного союза Англии с Испанией. Фердинанд умер в 1516 году, а в 1519 году умер император Максимилиан, объявив своего внука Карла V наследником всех владений Габсбургов. Теперь Уолси совершил новый ход, сделав Генриха арбитром в споре между Габсбургами и Валуа. Чтобы заручиться благосклонностью Генриха, Карл перед своей коронацией приехал в Кент. В 1520 году Франциск искал с ним дружбы, но задел самолюбие Генриха, опрокинув его на землю в турнирном поединке. В 1521 году на конференции в Кале Генрих наслаждался лучшим моментом своей жизни, выступая в роли европейского судьи. В 1522 и 1523 годах он организовал бесцельную и непопулярную экспедицию в Европу. Поддержка Генрихом Карла V нарушила баланс сил, и за несколько лет Карл достиг высочайшего успеха, пленив при Павии Франциска (1525). Удача вознесла Испанию на новые высоты, что нарушало планы Генриха, уже пресытившегося браком с тетей Карла V Екатериной. Постепенно Генрих стал смотреть на внешнюю политику Уолси с большим недоверием, а затем и раздражением.

Внутригосударственные проблемы при Уолси были экономическими последствиями его действий на континенте. В начале двадцатых годов шестнадцатого века английская экономика оказалась зажатой между падением спроса на шерсть (компенсированным растущим производством и экспортом текстиля) и ростом цен на товары. К концу десятилетия экономическая ситуация усложнилась. «Деньги — сухожилия войны», — говорили древние. Предприятия Уолси на другом берегу Ламанша требовали финансовых затрат. В 1523 году канцлер счел необходимым созвать парламент и просить у него субсидий. Сэр Томас Мор был тогда спикером Палаты общин. Парламент отказался предоставить деньги, и Уолси был вынужден произвести займы, которые не прибавили ему популярности. В 1526 году, пытаясь улучшить финансовую ситуацию, он прибег к чеканке новых денег и снижению их номинальной стоимости.

Как церковный руководитель, кардинал Уолси имел великолепные планы реформ. Он распустил двадцать восемь мелких и неукomплектованных монастырей, чтобы направить их средства на основание новой школы в Ипсуиче, а также собственного колледжа в Оксфорде, который позднее получил наименование Церкви Христа. Сам он, однако, не мог стать вдохновителем реформ, поскольку, имея множество приходов, являл пример одного из величайших в церкви нарушений. Уолси был архиепископом Йоркским, епископом Дюргамским и Уинчестерским, аббатом Сент-Альбанским, представителем не проживавших по месту иноземных епископов Уорсестерского, Сэлсберского и Ландавского (Worcester, Salisbury & Landaff). Своего непутевого сына он сделал деканом Уэльским, архидиаконом Йоркским и Ричмондским, держателем двух ректорий, шести пребенд и одной канцлерской должности. Но при этом Уолси также обладал и положительными чертами: часто защищал простых людей от

притеснений сильных мира сего, пытался препятствовать огораживанию общинных владений, сгонявшему крестьян с земли, проявлял большую терпимость к нетрадиционным мнениям. За время его правления не был сожжен ни один человек.

В конечном счете Уолси потерпел крах, однако не из-за собственных дел, а потому, что не смог добиться от папы расторжения брака короля Генриха. Екатерина родила множество детей, но выжила только одна девочка, Мария. В Англии еще не правила ни одна королева, кроме королевы Матильды, власть которой в незапамятные времена оспаривал Стефан. Разговоры о «разводе» начались в 1514 году, когда в отношениях с Фердинандом возникла напряженность. В 1526 году, когда Екатерине исполнился сорок один год, а Марии десять лет, стало очевидно, что королева не родит Генриху наследника мужского пола. Спокойствию в королевстве угрожала опасность, поскольку мир зависел от упорядоченного престолонаследия. Тем временем Генрих воспылил страстью к фрейлине королевы, темноглазой Анне Болейн. Однако вопрос престолонаследия волновал его больше плотского вождения, для удовлетворения которого при дворе существовало множество возможностей.

Уолси попытался договориться с папой Климентом VII о расторжении брака Генриха и Екатерины. Основанием для расторжения брака должны были стать те же законы о родстве, от которых их первоначально освободил папа Юлий II, чтобы сделать брак возможным. Согласно книге Левит 18:6-18, брак невозможен в случае пятой и даже шестой степени родства. В Левите 20:21 написано: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнушно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они». Уолси убедил Генриха, что Рим разрешит развод, и первоначально папа Климент был к этому расположен. В Англию с необходимыми полномочиями отбыл кардинал Кампеджио (Campeggio). Затем дела неожиданно приняли иной оборот, потому что Карл V разбил Франциска, и в 1527 году его войска штурмовали Рим. Под давлением Карла, племянника Екатерины, папа отказался расторгнуть брак. Когда Кампеджио отозвали из Англии, а дело направили в Рим, Генрих тайно развелся при помощи английского суда, а кардинал Уолси оказался в опале.

По иронии судьбы, Уолси арестовали в соответствии с судебным предписанием *praemunire* по обвинению в том, что, состоя в должности папского легата, он являлся иностранным агентом. Он умер по пути на суд. Трагедию его падения вероятно лучше всего описал Шекспир в *Генрихе VIII*, вложив в уста Уолси слова:

О если б Богу моему служил в полрвения,
С которым королю служил!
Он не оставил бы меня в моих летах
Раздетым пред врагами.

Народный протест и ереси

Имя Уолси послужило катализатором антиклерикальных настроений в народе. В общественном сознании Уолси был символом того, как увлеченное миром высшее духовенство пренебрегает духовными ценностями. По всей Англии духовный уровень народа был выше, чем среди священников, что создавало парадоксальную и взрывоопасную ситуацию. Со временем диссидентство должно было породить церковный кризис, даже если бы глаза короля Генриха не загорелись при взгляде на соблазнительное декольте Анны Болейн. Исследование церковной жизни в любой части Англии выявляет среди населения глубокую религиозность. Приходская церковь была центром духовной и социальной жизни народа, влиявшим на решение местных административных вопросов. Ради благополучия своих душ народ делал посмертные пожертвования, которые направлялись либо на украшение их любимых церквей, либо в церковную казну. Однако чем больше народ любил церковь, тем более его возмущала явная развращенность церковнослужителей. Народный протест имел преимущественно светские и этические мотивы, будучи лишен евангелического или теологического характера.

Скандальные случаи клерикальной тирании провоцировали недовольство привилегиями и вольностями духовенства, а также особыми церковными судами. Церковные соборы пользовались древним правом принимать церковные уставы и назначать наказания независимо от воли короля и парламента, даже когда эти решения касались мирян. В юрисдикцию церковных судов входило утверждение завещаний и назначение штрафов зачастую огромного размера. Дело лондонского портного Ричарда Ханна (Richard Hunne) привлекло внимание общественности к этому ненормальному положению. В 1514 году Ханн был заключен в Башню Лоллардов при соборе Св. Петра (the Lollards' Tower at St. Paul's) по обвинению в ереси. Его нашли в тюремной камере, повешенным на балке. Во время расследования присяжные предъявили обвинение в убийстве канцлеру епископа Ричарду Фиц-Джеймсу (Richard Fitz-James). Епископ тотчас обратился к Уолси с просьбой о передаче дела в следственную коллегия, поскольку был убежден, что если суд над канцлером станут вершить «любые двенадцать жителей Лондона, то, по причине их благосклонности к порочному еретику, мой служащий после голосования будет осужден, даже если был чист как Авель». Специально созданный следственный комитет объявил канцлера и его людей не-

виновными. Вполне возможно, что они действительно оказались невиновны. Во всяком случае, сэр Томас Мор, входивший в этот комитет, твердо верил, что Ханн был еретиком, от отчаяния наложившим на себя руки. Но этот инцидент продемонстрировал недоверие народа, о котором духовенству было прекрасно известно. Естественно, что особый подход к решению дела усилил недовольство общественности клерикалами.

Дело Ханна вылилось в скандал национального масштаба, однако более типичным было дело мясника Джеймса Хардкастелла из Баруик-ин-Елмет (Barwick-in-Elmet). В деле проявились как еретические умонастроения, так и личная вражда внутри прихода. 24 сентября 1540 года бывший помощник приходского священника Томас Меттрингхем обвинил Хардкастелла в утверждении, что «в церкви нет ничего, что может принести ему пользу, и что он не верит ни во что». Велась разговоры о сожжении на костре. Но в ходе следствия священник Майлз Уолкер (Myles Walker) спросил Хардкастелла, верит ли он в таинство брака, и мясник ответил: «Да, в женитьбу я верю». При этом он снял шляпу и заявил, что произнес такие слова о церкви, «чтобы проверить, что еще может сказать пьяный священник».

Народные агитаторы уже были готовы подтолкнуть народ к возмущению зажигательными брошюрами. Оксфордский студент Саймон Фиш (Simon Fish) примкнул к лондонскому кружку молодых людей, крайне критично настроенных по отношению к иерархии и особенно к кардиналу Уолси. Фиш был яростным антиклерикальным памфлетистом, и ходившее по рукам его *Моление нищих* уже к 1529 году настроило население против духовенства. *Моление* было обращено к королю и источало в адрес духовенства чистый яд.

Многие антиклерикальные настроения первых десятилетий шестнадцатого века трудно отличимы от убеждений остатков лоллардов и других средневековых форм инакомыслия и ереси. К тому времени смысл термина «лоллард» настолько размылся, что произвольно применялся по отношению ко всем неблагонадежным. Более того, чрезвычайно трудно поддаются анализу судебные записи, поскольку обвинения и показания против обвиняемых оформлялись таким образом, чтобы взгляды обвиняемых совпадали с формулировкой ереси, и избежать приговора и наказания было практически невозможно. Сохранившиеся свидетельства говорят о том, что небольшое число лоллардов существовало в провинциальном Йоркшире, а также несколько большее количество — в Кенте.

Лолларды были последователями радикального критика Римской церкви Джона Уиклифа (1320—1384). Уиклиф читал лекции в Оксфорде, критиковал богатство и мирскую власть церкви и затем, обнаружив ошибочность учения о Таинствах, со своими учениками перевел Библию на английский язык. Уиклиф посылал своих проповедников бедности, лоллардов, нести Евангелие по дорогам и тропам Англии. В 1415 году Собор в Констанце объявил учение Уиклифа ересью и потребовал сожжения его книг и тела. Однако Уиклиф умер в собственной постели, поскольку английские монархи, боровшиеся против авиньонского папства, стремились использовать литературный дар Уиклифа в своих целях, и искоренить его идеи было не так просто. Движение лоллардов существовало в центральных и периферийных графствах вплоть до шестнадцатого века и со временем слилось с другими антиклерикальными и протестантскими течениями. Большинство лоллардов были представителями низших и средних трудовых сословий. Особое внимание в движении уделялось английскому переводу Библии — циркулировали сотни рукописей этого перевода, лолларды с энтузиазмом заучивали многие фрагменты и цитировали их на своих тайных собраниях. По-видимому, между различными группами лоллардов поддерживались регулярные отношения. Они отрицали почитание святых, учение о пресуществлении, значение паломничества, обязательность исповеди у священника и необходимость духовенства как такового.

Некоторые идеи реформаторов с континента были столь близки еретическим взглядам лоллардов, что слияние было вполне закономерно. Очевидно, высокотеологические трактаты реформаторов не имели прямого воздействия на лоллардов, происходивших из низших сословий. Лолларды не обладали достаточной силой, чтобы начать Реформацию самостоятельно. Однако они приветствовали новые английские издания Библии Тиндала и Ковердала, переправлявшиеся с континента контрабандой, и представляли собой почву, готовую для протестантской проповеди. Время от времени лоллардов судили в епископальных судах. В годы правления Генриха VII и Генриха VIII их сжигали на кострах, однако большинство обвиняемых отрекались, после чего им полагалось пронести вязанку хвороста в знак покаяния и в напоминание о наказании, коего они избежали.

Гуманисты-эразмиты и первые протестанты

Эразмовский гуманизм так же широко распространился среди протопротестантской интеллигенции, как антиклерикальные настроения и средневековые ереси среди простого народа. Имя Эразма связано с английским гуманизмом со времени его первого посещения Англии в 1499 году. Христианский гуманизм Эразма, обращенный к Священному Писанию, мудрости Отцов Церкви, праведной жизни и, более всего, к умеренности и терпимости, оказывал огромное влияние на английских интеллектуалов как консервативного, так и либерального толка. Скорый перевод его сочинений, особенно в критические тридцатые и сороковые годы шестнадцатого века, указывает

на то, что многие интеллектуалы признавали насущность его идей в тяжелых для Англии условиях. Кое-кто даже утверждает, что эразмовская *via moderna* была основой религиозной политики Англии в первые годы правления Эдуарда VI, сына и преемника Генриха, а также решающим фактором в политике Елизаветы I, младшей дочери Генриха. С одной стороны, эразмовский гуманизм смягчал консервативную ортодоксальность епископов Уаргама (Warham), Танстола (Tunstall), Фокса (Foxe), Лонгленда (Longland), Поула (Pole) и Гардинера (Gardiner), а также Томаса Мора и Джона Фишера (John Fisher), а с другой — он успешно препятствовал укоренению догматического протестантизма, способствуя появлению целого поколения умеренных молодых людей, таких как Томас Старкей и Ричард Морисон (Thomas Starkey & Richard Morison), сформировавших политику Тюдоров. Эразмовский гуманизм оказал значительное влияние на реформаторскую мысль, и ход событий в Англии имел гораздо больше общего с положением на континенте, чем традиционно принято полагать.

Сама монархия содействовала развитию в королевстве гуманистической культуры, поскольку Генрих VII и Генрих VIII лично покровительствовали итальянским гуманистам. Дальнейшую подпитку движению обеспечило покровительство таких аристократов, как ученик и патрон Эразма лорд Маунтджой (Mountjoy). Эразмовская программа реформ и умеренный морализм Эразма в *Философии Христа* быстро завоевали сторонников, и английское гуманистическое движение развивалось. Английские университеты пережили глубокие перемены на протяжении первых трех десятилетий шестнадцатого века. Сильнее, чем обычно предполагают, было влияние гуманизма в Кембридже и Оксфорде, особенно на факультативах. В Кембридже, где преподавал сам Эразм, активное движение гуманистов возникло после того, как мать Генриха VII леди Маргарет Бьюфорт (Margaret Beaufort) и епископ Джон Фишер основали колледжи Христа и Св. Иоанна. За два года до выступления Лютера против индульгенций, один студент-активист осудил выдачу индульгенций Львом X, вывесив свое обращение на дверях колледжа поверх указов канцлера и епископа Фишера. Фишер отлучил юношу от церкви, и тот бежал на континент. Ричард Фокс открыл в Оксфорде Колледж Тела Христова и преподавал там греческий язык.

Примером смешения гуманизма и теологии Павла в мышлении одного человека является известный оксфордский реформатор Джон Колет. Колет покинул Оксфорд в 1504 году и стал настоятелем собора Св. Петра в Лондоне. Он был ревностным учеником Ап. Павла, искренним реформатором и побудил Эразма обратить на теологию более серьезное внимание. В своей известной проповеди 1512 года на собрании духовенства по поводу рукоположения Варгама в архиепископы он заложил основу дальнейших реформ. Колет процитировал изречение Св. Бернара, что порочная жизнь духовенства вредит Церкви больше, чем язычники. Он призвал к «переменам в церковном сословии, ибо ничто так не исказило лицо церкви, как мирской образ жизни служителей и священников». Он обличил духовенство в амбициях и жадности, подверг критике высокие расценки в церковных судах, мирской дух и роскошь иерархии, невежество низшего духовенства. Он признался, что говорит так открыто по причине «глубокой озабоченности», как «человек, скорбящий о разложении церкви».

От гуманистов, говорящих о реформах подобно Джону Колету, до реформаторов-гуманистов с евангелическими убеждениями оставался всего один шаг. Первые английские протестанты стали поколением мучеников. Одни из них были убиты слугами Генриха VII, а других постигла гибель при Марии Кровавой. Томас Бэкон (Thomas Bacon) воздал им честь в предисловии к *Цветку благочестивых молитв* (*The Flower of Godly Prayers*):

«Бог вновь помиловал Английское Королевство и воздвиг Своих пророков, а именно Уильяма Тиндала, Томаса Билни (Thomas Bilney), Джона Фрита (John Frith), доктора [Роберта] Барнса (Robert Barnes), Джерома [Барлоу] (Jerome Barlowe), [Томаса] Гаррета и многих других, честно трудившихся, призывая нас в своих сочинениях и проповедях к покаянию, через которое нас не постиг бы яростный гнев Божий. Но какое они встретили обращение? Как были восприняты их тяжкие труды? Они были осуждены и казнены как еретики, а их книги осуждены и сожжены как ересь. О недостойнейшие из деяний!»¹¹⁸

Хотя идеи Лютера, Цвингли и других реформаторов с материка не оказали большого влияния на широкие массы, все же их брошюры и памфлеты затронули купцов, осуществлявших торговлю между восточным берегом и северной Германией. Даже в морских портах Девона и Корнуолла¹¹⁹ были заметны признаки деятельности протестантов. Однако решающим фактором было проникновение реформаторских идей в университеты, где трактаты Лютера ходили по рукам уже в 1519 году. В марте 1521 года, всего за несколько недель до того как Лютер предстал перед сеймом в Вормсе, канцлер Оксфорда архиепископ Варгам писал кардиналу Уолси об опасных влияниях в университете. Он предупреждал: «Мне доложили, что университет частично поражен ересью Лютера, другими подобными ему и наполнен большим количеством книг упомянутого порочного учения». Уолси ответил приказом сжечь лютеранские книги в Кембридже на Рыночной площади, а в Лондоне — в церкви Св. Павла. Там он построил новую кафедру и эшафот. Пока Джон Фишер проповедовал против «пагубного учения» Лютера, Уолси

¹¹⁸ Цитата взята у Маркуса Лоэна, *Пионеры Реформации в Англии* (Лондон, 1964), стр. «vi». Marcus Loane, *Pioneers of Reformation in England*.

¹¹⁹ Речь идет о Канаде. — *Прим. ред.*

освящал платформу в присутствии епископов и аббатов, собравшихся, чтобы наблюдать сожжение стопки книг Лютера. По замечанию протестантов, одет он был в пурпур, как «кровавый антихрист».

Затем Генрих VIII пустил в ход всю свою теологическую эрудицию. Он написал трактат, опровергавший Девяносто пять тезисов Лютера, распространившийся в Англии еще до того, как 5 марта 1518 года Эразм прислал экземпляр сэру Томасу Мору. Разгневанный работой Лютера *О вавилонском пленении Церкви*, Генрих написал трактат в защиту семи таинств *Assertio septem sacramentorum*, посвятив его Льву X. Король уверял папу, что как только он «узнал о ереси Лютера в Германии», сразу же «стал искать, как ее искоренить». Авторство *Assertio* подвергалось сомнению как тогда, так и сейчас. Некоторые говорили, что книга была написана Джоном Фишером, Ричардом Пейсом (Richard Pace) или даже кардиналом Уолси. В Германии кое-кто утверждал, что ее написал для короля Эразм, а в Англии говорили, что Эразм написал ответ Лютера. «О, если бы они поменялись местами», — вздыхал Лютер: «т.е. если бы англичане подозревали то, что подозревают немцы!» Лютер был полностью убежден, что истинный автор — Эдвард Ли (Edward Lee), однако заявил, что принимает авторство короля, поскольку такое мог написать только дурак, и такой же дурак позволил этой книге выйти под своим именем, а посему нет никакой разницы. Генрих, в свою очередь, выразил сомнение, что его книга приведет еретика к покаянию, воскликнув: «Увы! На него напал самый алчный в преисподней волк, сожрал и проглотил его в самую глубину своего чрева, где он лежит полуживой-полумертвый. В то время как благочестивый Пастырь взывает, сожалея о его гибели, он изрыгает из мерзкой пасти дьявольского волка бесчестные слова, которых гнушаются, которыми пренебрегают и которые ненавидят уши всего стада». 11 октября 1521 года папа пожаловал Генриха титулом *fidei defensor*, защитник веры.

Обращаясь в 1525 году в письме к английскому народу с убеждениями принять учение Лютера и не вникать клевете в его адрес, Виттенбергский пастор Иоганн Бугенгаген (Johannes Bugenhagen) имел некоторые основания надеяться на успех. В те же годы группа из пятидесяти—шестидесяти ученых собиралась в кембриджской гостинице «Белая лошадь» для обсуждения новой евангелической теологии реформаторов с материка. В группу входили видные протестанты и мартирологи, такие как Роберт Барнс, Джон Фрит, возможно Уильям Тиндал, Хью Латимер (Hugh Latimer), Томас Билни, Николас Ридли (Nicholas Ridley), Джон Бейл и летописец их страданий Джон Фокс. Один обращал другого, как во дни раннего христианства. Когда в 1524 году Латимер представил диссертацию на степень бакалавра теологии, посвященную разоблачению Меланхтона, Билни отвел его в сторону и убедил в истинности евангелической теологии. Фокс засвидетельствовал, что Фрит «принял в свое сердце семя Евангелия и истинного благочестия» через Тиндала. Когда в 1526 году кардинал Уолси формировал штат своего нового колледжа в Оксфорде, то шесть из восьми приглашенных преподавателей были настроены реформаторски. Яркими свидетельствами тех лет являются биографии двух первых английских протестантов.

Роберт Барнс был смелым буреветником, когда владел вниманием толпы, и менее отважным наедине с врагами, манипулировавшими его страхами и опасениями. Его попытка быстрой реформы закончилась полным крахом. Барнс не принадлежал к гуманистическому авангарду, хотя находился в Кембридже одновременно с Эразмом. Не владея греческим и еврейским языками, он все же цитировал Отцов Церкви, профессоров богословия и канонистов. В Рождественскую ночь 1525 года он выступил с проповедью, содержащей еретические утверждения и двадцать пять критических замечаний в адрес Католической церкви. Кардинал Уолси обыскал его комнату в Кембридже, пытаясь найти лютеранские книги, однако Барнс спрятал их в другом месте. Его отвезли в Лондон, где он отрекся от проповеди «против мирского духа в церкви», последовав советам епископов Гардинера и Фокса. В воскресенье 11 февраля 1526 года, выражая свое покаяние, он должен был отстоять на коленях все время долгой проповеди епископа Джона Фишера в церкви Св. Павла и в составе процессии пронести вязанку хвороста вокруг церкви. В 1528 году, находясь под домашним арестом, он решил бежать, но прежде направил письмо Уолси с ложным указанием, что собирается утопиться, и еще одно письмо мэру, сообщив, что тот найдет на его теле замурованный в воске пергамент, призывающий народ подчиниться Уолси. Потом он переоделся в одежду мирянина и отправился на корабле в Антверпен, затем прибыв в Виттенберг.

В Виттенберге, по словам Фокса, Барнс «укрепился во Христе и обрел расположение умудренных Христом», таких как Лютер, Меланхтон и Бугенгаген. В 1531 году виттенбергские теологи направили его в качестве своего посланника к королю Генриху, канцлер которого Томас Мор попытался арестовать его как еретика и монаха-расстригу, после того как была снята дипломатическая охрана. Мор обвинил его в распространении книг еретиков Джорджа Джоя (George Joye) и Уильяма Тиндала, а также своих собственных. Барнс избежал ареста, сбрав бороду и переодевшись купцом. В конце концов он был арестован во время консервативной реакции последних лет правления Генриха и осужден на смерть за противодействие епископу Гардинеру и Генриху. Его сожгли в Смитфилде (Smithfield) 30 июля 1540 года. Барнсу было разрешено говорить перед тяжелым испытанием, и он попросил у Бога прощения за свои грехи и исповедал свою веру. Он сказал: «Я уповаю не на добрые дела, которые когда-либо совершил, но только на смерть Христову. Я не сомневаюсь в том, что благодаря Ему наследую Царствие Небесное». Так умер Св. Роберт, как его с почтением назвал Лютер.

Наиболее выдающимся среди первых в Англии протестантов несомненно был Уильям Тиндал, имя которого всегда будет связано с переводом Библии на английский язык. Он родился в 1495 году в Глoucestershire (Gloucestershire), получил степень магистра искусств в 1515 году в Оксфорде, после чего преподавал в Кембридже. Служа наставником в доме сэра Джона Уэлша (John Welsh) в Литл-Содбери, Тиндал столкнулся с противодействием своей проповеди со стороны местных священников, имевших о Библии, в лучшем случае, приблизительное представление. Так он осознал необходимость доступности Писания мирянам на родном языке. Он решил самостоятельно сделать перевод, «...ибо, — как он вспоминал позже, — на опыте я убедился, что мирян невозможно утвердить в какой-либо истине, если перед их глазами не будет лежать Писание на их родном языке, дабы они могли понимать последовательность событий и смысл (самого) текста».¹²⁰ После принятия решения он самоотверженно приступил к совершенствованию необходимых для дела лингвистических орудий. Получив отказ от епископа Лондонского Кутберта Танстола (Cuthbert Tunstall), он обрел поддержку в лице богатого лондонского торговца тканями по имени Хамфри Монмаут (Humphrey Monmouth), который был членом Христианского братства (Christian Brethren), тайного общества купцов, подверженных лютеранскому и лоллардскому влиянию. В 1524 году он предпринял поездку в Виттенберг ради встречи с Лютером. Сделанный им английский перевод Нового Завета на основе эразмовского греческого текста имеет сильное влияние лютеровского перевода на немецкий. Чувствуя серьезнейшую ответственность, он стремился к максимальной точности перевода. Тиндал писал: «Призываю Бога в свидетели в день, когда мы предстанем пред нашим Господом Иисусом, дабы дать отчет о своих делах, что не изменил намеренно ни один слог Слова Божия. Не изменю и сегодня, даже если будет мне обещано все, что существует на земле, любые удовольствия или богатства». В 1525 году он приступил к изданию своего перевода в Кёльне, однако был вынужден бежать в протестантский Вормс, где завершил начатую работу. В марте 1526 года и на протяжении последующих лет Англия была наводнена экземплярами этого и более поздних изданий, Пятикнижия и других фрагментов Ветхого Завета, вопреки всем отчаянным усилиям властей остановить этот поток. Наконец Тиндалу удалось отыскать английского издателя по имени Джон Дэй, выразившего готовность напечатать его перевод. Дэй забавлялся тем, что будил по утрам работников своей типографии и их учеников возгласом: «Подъем, день пришел!»¹²¹ Однако при Марии, после объявления в розыск по обвинению в ереси, Тиндалу пришлось вновь бежать за границу.

Годы своей старости Тиндал прожил преимущественно в Английском торговом доме в Антверпене, на территории, недостижимой для габсбургских имперских чиновников. Однако в мае 1535 года провокатор Генри Филлипс, притворившийся новообращенным, уговорил его покинуть дом. Тиндал был арестован и заточен в Вилвордский (Vilvorde) замок близ Брюсселя, где томился шестнадцать месяцев в ожидании суда. 6 октября 1536 года он был удушен палачом, а его тело сожжено. Считается, что его последние слова были: «Господи, открой глаза королю Англии». Страстный проповедник, известный последующим поколениям как «желчный Джон Бейл», писал об этих первых протестантах-мучениках: «Я полагаю, что в Королевстве Англия... дух Илии еще не уснул благодаря Вильяму Тиндалу, Роберту Барнсу и многим другим подобным им, которых антихрист в ожесточении отправил отсюда с огнем на Небеса, — так же, как туда ушел в огненной колеснице Илия».¹²²

Кромвель и реформаторский парламент

После того как весной 1529 года Генрих VIII отчаялся уговорить папу Климента VII расторгнуть его брак с Екатериной, от убеждений он перешел к угрозам. Существовал прецедент, когда в четырнадцатом веке была объявлена независимость Англии от власти папы. В 1351 году против власти папы в королевстве был принят устав о монастырских казначеях, за которым последовал Указ о наказании за превышение церковной власти, запрещавший обращаться в Рим без санкции короля. Указ о наказании за превышение церковной власти от 1373 года был наиболее эффективным из трех постановлений, использованных Генрихом VIII. Генрих увидел возможность использовать парламент для шантажа папы, который может принести ему реальную независимость от Рима и господство в своей стране.

Уолси всегда опасался Томаса Мора, однако, признавая его способности и консервативность, он рекомендовал его как своего преемника на должность первого канцлера. 25 октября 1529 года, при почти полном согласии общества, Мору была передана большая печать. В своем первом обращении к парламенту в качестве спикера Мор язвительно сказал, что Уолси «великий кастрированный баран, который, как вам всем известно, недавно пал». Как честный мирянин, Мор утверждал от имени всех людей, осознававших насущность реформы, что реформа является наиболее актуальным для парламента вопросом. Однако события приняли такой оборот, что сам Томас Мор

¹²⁰ А.Г. Дикенс, *Английская реформация* (Лондон, 1964), стр. 70.

¹²¹ Фамилия издателя переводится с английского как «день». — *Прим. перев.*

¹²² Цитата взята у Лоэна, *Пионеры Реформации*, стр. 48. (Loane, *Pioneers of Reformation.*)

оказался в весьма уязвимом положении.

После падения Уолси теолог из Кембриджа Томас Кранмер предложил Генриху проконсультироваться в университетах по вопросу своего развода, в надежде, что согласие укрепит позиции короля. Итог консультаций оказался неутешительным, поскольку даже антипапский Виттенберг признавал законность его брака, а Лютер позднее сообщил, что он горячо молился о королеве Екатерине. Необходимость жестких юридических мер была очевидна.

В конце 1530 года король обвинил духовенство, так же как и Уолси, в нарушении Указа о наказании за превышение церковной власти, и собрание духовенства предпочло выплатить 100.000 фунтов стерлингов, нежели рисковать потерей всего церковного имущества в результате конфискации. Более того, под давлением они присвоили королю титул «единственного защитника, единственного и верховного господина, и, насколько позволяет закон Христов, даже верховного главы Английской церкви и духовенства». Тем временем, Палата общин одобрила несколько указов, регулировавших плату за церковные обряды, похороны и прочее, а также готовила к утверждению решительные меры.

Неофициальным вдохновителем всех этих решительных законодательных актов был новый политик по имени Томас Кромвель, которому вскоре предстояло стать заметной фигурой в Английской Реформации. Замысел Кромвеля состоял в том, чтобы изгнать папу из страны и передать централизованную власть в руки короля и парламента. Он родился около 1485 года в Патни (Patney) в семье человека, работавшего то на пивоварне, то на сукновальне, а то в кузне. Еще подростком Кромвель покинул дом в поисках удачи, сначала в качестве французского наемника, а потом служащего у банкиров Фрескобальди в Северной Италии. Приблизительно через два года он пошел дальше и стал экономическим агентом английских купцов в Нидерландах, сообщая им о ситуации на рынке Антверпена. Как культурный человек, знакомый с итальянской и латинской литературой, Кромвель решал практические государственные дела в рациональном стиле Возрождения. Согласно позднему свидетельству кардинала Реджинальда Поля, Марсиджлио из Падуи, со своим радикальным *Defensor pacis* (*Защитник мира*), привлекал его больше, чем макиавеллевский *Князь*. Практике политического искусства он обучался в доме самого Уолси. Уолси использовал его при ликвидации закрытых им монастырей. Кромвель сильно переживал падение Уолси. Говорят, даже плакал. Но вскоре он осушил глаза и отправился в Лондон, искать благоволения короля. Кромвель первоначально занимал незначительные посты, а к январю 1531 года дал клятву верности по случаю вступления в Королевский совет. Он контролировал бюджет короля, а в 1534 году стал его статс-секретарем, распространив свой контроль на все королевские дела.

Часто, но ошибочно утверждалось, что Кромвель стремился сделать Генриха абсолютным монархом. Кромвель действовал через Палату общин, потому решающим фактором было утверждение реформаторского парламента (1529—1536). Томас Кранмер с полным основанием написал в 1537 году страсбургскому реформатору Вольфгангу Капитону: «Во всем, что до сих пор было достигнуто в плане реформации религии и духовенства один Кромвель сделал больше, чем все остальные вместе». Пятилетняя юридическая реформа привела к тому, что церковная власть папы в Англии сменилась главенством короля над Английской церковью.

Усилия Кромвеля по упразднению юридической независимости церкви начались с принятия «Петиции Палаты общин против церковных судов» (the Supplication of the Commons Against the Ordinaries), в которой предумышленно говорилось об ограничении права духовенства утверждать церковные законы без согласия Палаты общин и критиковались произвольные и оскорбительные действия церковных судов, зачастую несправедливые по отношению к мирянам. Король высказал спикеру Палаты недовольство тем, что прелаты во время своего рукоположения клянутся в верности папе. 15 мая 1532 года собор принял обращение духовенства с просьбой к королю о защите от Палаты общин и передаче ему контроля над своей законодательной деятельностью в обмен на его протекцию над церковными судами. На следующий день Томас Мор подал в отставку с должности канцлера. К концу года был утвержден акт о приостановке выплаты аннатов Риму, и папа, ввиду такой угрозы, сделал архиепископом Кентерберийским королевского избранника Томаса Кранмера.

В марте 1533 года Кромвель подготовил утверждение наиважнейшего Акта об ограничении апелляций. Знаменитая преамбула к Акту гласила: «Королевство Англия является Империей... под единоличным правлением Верховного Главы и Короля, который имеет императорское достоинство и императорский престол, и которому общество, состоящее из людей разных сословий и положения, различных титулов и устоев духовных и светских, обязано после Бога естественным и смиренным послушанием». Акт постановлял, что вопросы, касающиеся деятельности короля, направляются на рассмотрение в Высший церковный совет, являющийся высшей юридической инстанцией, и дальнейшие апелляции за пределы королевства, например в Рим, — невозможны.

Одно из дел короля становилось день ото дня все более срочным. Через шесть лет после тайного развода Генриха с Екатериной в январе 1533 года король тайно женился на Анне Болейн. Он и Екатерина уже развелись, однако развод не был объявлен публично, потому что Генрих не имел уверенности, что его можно обосновать юридически. К указанному времени Анна уже была беременна, и королю требовалось заранее утвердить закон-

ность рождения ребенка на случай, если он сможет стать его наследником. После утверждения Акта об ограничении апелляций, архиепископ Кранмер смог объявить о расторжении брака с Екатериной и заключении брака с Анной. В июне Анна была коронована, а через несколько дней папа отлучил Генриха от Церкви. На тот момент страна утратила интерес к действиям папы, и Генрих хвастался, что его нимало не озаботит, даже если папа десять тысяч раз предаст его анафеме. В сентябре родилась принцесса Елизавета. После этого парламент торжественно утвердил Акт о престолонаследии, провозгласивший детей Генриха и Анны законными наследниками трона. Всем подданным надлежало принести клятву согласия с этим Актом. Позднее, в 1534 году, Акт о верховенстве окончательно определил главенство короля над Церковью и утвердил королевские визитации. В ноябре 1534 года Акт об измене, имевший целью оградить короля и его семью от тайных происков недругов, завершил создание законодательного брестера вокруг национальной церкви и дома Тюдоров.

Сопrotивление церковному перевороту Генриха было на удивление слабо, однако на алтаре перемен оказались две жертвы: епископ Джон Фишер и мирянин сэр Томас Мор. Фишер и Мор не могли пойти на компромисс со своей совестью и подписать Акт о верховенстве, потому что он отвергал авторитет папы. Мор отказался дать клятву согласия с первым Актом о престолонаследии от 26 марта 1534 года. Во втором Акте о престолонаследии, принятом в ноябре 1534 года, присутствовал текст обязательной клятвы. Мор считал, что клятва «не согласуется» с первоосновами, и отказался ее дать. Фишера и Мора заключили в Тауэр, где они ожидали суда дольше года. Фишер удостоился кровавой славы мученика одновременно с красной [кардинальской] шапкой, пожалованной ему папой Павлом III. Говорят, что Генрих на это усмехнулся: «Хорошо, пусть папа шлет ему шапку, если хочет, а я позабочусь о том, чтобы по прибытии ее надели на плечи, потому что не будет у него головы, на которую ее надеть». Фишера обезглавили 22 июня 1535 года.

Сэр Томас Мор был причислен к лику святых после того, как перенес все выпавшие на его долю искушения. Вторая жена убеждала его задуматься о всех преимуществах и привилегиях, которыми он сможет пользоваться, признав религиозное верховенство короля. Это искушение он преодолел с легкостью. Дочь убеждала его принять во внимание тот факт, что он противопоставляет свое личное мнение мнению многих отрекшихся от верховенства папы священнослужителей, а также воле своего короля. Этот аргумент стал жестоким испытанием для его совести. «Дочь, — твердо ответил Мор, — я никогда не приколю булавкой свою душу к спине другого!» В соответствии с законом об измене, он подлежал четвертованию, а не просто отсечению головы. В тюрьме Мор, бывший яростным оппонентом Гиндала и протестантов, написал прекрасные аполитические религиозные трактаты, такие как *Диалог об утешении в невзгодах*. Мору удалось до конца сохранить свой сдержанный юмор. Его зять Ропер (Roper) не слышал лично, но рассказывал, что Мор взшел на эшафот со словами: «Умоляю вас, господин Лейтенант, сохранить меня в полном порядке, а кроме того, позвольте мне обойтись без поддержки во время моего сошествия». Говорят, что он попросил палача оставить ему бороду, поскольку она не совершала измены. В отличие от Мора, Реджинальд Поль оказался в изгнании и в свое время был вознагражден должностью кардинала.

В феврале 1536 года реформаторский парламент получил от инспекторов Кромвеля отчеты о монастырях и утвердил первый Акт о ликвидации. Генрих был вынужден ограничивать число монастырей по экономическим причинам, а также по религиозным мотивам и из-за антиклерикального настроения Палаты общин. Приняв акт 1536 года, парламент ликвидировал небольшие общины с годовым доходом менее 200 фунтов стерлингов. Большинство крупных монастырей было вынуждено подчиниться королю. Последним подчинившимся монастырем было аббатство Уолтгэм (Waltham) в Эссексе, капитулировавшее 23 марта 1540 года. Моральное состояние монастырей было гораздо лучше, нежели утверждалось пропагандой Кромвеля и более поздними историками. Некоторые ордены, например картезианцы, сохраняли высокую нравственность и образцовую дисциплину. Они даже противопоставили Генриху несколько мучеников, в том числе приора Лондонского Чартерхауза (London Charterhouse). В 1539 году были повешены аббаты Гластонбергский, Ридингский и Колчестерский (Glastonbury, Reading & Colchester), однако они скорее оказались жертвами обстоятельств, чем героями или сознательными мучениками. Монастыри закрывались более из практических, чем из принципиальных соображений, хотя даже эти трофеи, увеличившие к 1540 году годовой доход короля на 100.000 фунтов стерлингов, не обеспечили Генриху достаточного для его запросов дохода. С ликвидацией монастырей старая церковь утратила свои лучшие силы, и возврат к прежнему положению вещей стал уже невозможен.

Переход монастырских земель в руки дворянства способствовал дальнейшему укреплению этого сословия и его участию в управлении страной, в то время как на уровне местного управления стали доминировать обогатившиеся эсквайры. Доходы от продажи земель и другой собственности употреблялись для пенсий некоторым бывшим монахам и монахиням, для содержания новой епархии, новых школ и колледжей, а также для обогащения королевского кошелька.

Ликвидация монастырей усилила недовольство народа, которое выразилось в череде восстаний, вместе названных Благодатным паломничеством (Pilgrimage of Grace). Трудно точно определить, насколько антиреформаторский характер имели эти четыре восстания. При восстании в Линкольншире (Lincolnshire), в походах под

руководством Роберта Аске (Robert Aske) в Йоркшире (Yorkshire), Ланкашире (Lancashire) и северо-восточных графствах, а также в двух отдельных восстаниях между октябрём 1536 и январём 1537 годов глубокое отчаяние, вызванное местными трудностями и экономическими проблемами, смешалось с религиозным консерватизмом, иррациональными предрассудками и даже апокалиптическими ожиданиями. Этот Поход лишь с натяжкой можно назвать крестовым походом, имевшим целью изгнание еретиков, восстановление монастырей и господства папы. Волнения были легко подавлены.

Возникновение Англиканской церкви

Известный британский историк Томас Бабингтон Маколей назвал Англиканскую церковь «плодом единства» правительства и протестантов, т. е. результатом согласия обеих сторон во взглядах на церковь. Союз между короной и протестантизмом был нелегким и характеризовался периодами напряженности и регрессии. Очевидно, Генрих VIII верил в возможность разрушения связи с Римом без изменений в церковном учении и поклонении. Сам король придерживался консервативной теологии и в период с 1532 по 1540 год стоял перед выбором между радикалами во главе с Кромвелем и Кранмером и консерваторами во главе с герцогом Норфолкским и епископом Винчестерским Стефаном Гардинером. Сначала последовал период возвышения радикалов, а после падения Кромвеля в 1540 году — консерваторов. Генрих старался выступать судьей в конкуренции сторон, как позднее, в том же столетии, его дочь Елизавета сохраняла свое положение над англиканской и пуританской сторонами. Как следствие, Реформация в Англии развивалась курсом универсальной *via media* («Средний путь»), как нигде на континенте, возможно, кроме Швеции.

«Средний путь» англиканства был универсален в государственном отношении, ибо охватывал все население страны, за исключением нескольких упорных тайных католиков, а также в доктринальном смысле, ибо его целью было объединение консерваторов и, по возможности, радикалов, избегая общественного раскола и беспорядков. Одним из наиболее ярких призывов к среднему пути был трактат Томаса Старки *Увещевание о единстве и послушании*. Старки, гуманист-эразмит, бывший член падуйского кружка Реджинальда Поля, утверждал, что Закон Божий и добропорядочность побуждают всех граждан к принятию среднего пути между «суевериями» с одной стороны — и разделением, спорами и подстрекательством с другой. Он прибег к меланхтоновскому учению об *adiaphora*, или несущественном, заключающемся в том, что не следует ограничивать совесть, навязывая в качестве догматов те пункты вероучения и практики, которые точно не оговорены Писанием и не влияют на спасение. Это было семя терпимости, со временем принесшее свой плод. Однако, по иронии судьбы, учение об *adiaphora* оказалось палкой о двух концах и позднее, во время правления Елизаветы, привело не ко всеобъемлющей англиканской терпимости, а было употреблено для оправдания иерархии епископов, церемониальных уставов и подобных вещей, сохранявшихся благодаря насаждению конформизма и покорности. Так или иначе, Старки, Ричард Морисон и другие молодые гуманисты внесли свой вклад в идеологический фундамент политики Тюдоров.

Даже консерваторы имели убежденность в божественности королевских полномочий, восходившую к древнему учению о священности королевской власти. К примеру, Стефан Гардинер в своем трактате *О подлинном послушании* (1535) приближался к Марсиджлио из Падуи в его понимании послушания христиан королю как представителю Божию на земле, детей — отцу, а слуг — господину. Если король и парламент постановили, что английский народ отделяется от Рима, то всем следует подчиниться этому решению законной власти. Бедному Гардинеру едва удалось оправдаться, когда на престол взошла католическая королева Мария. Его путаное объяснение заключалось в том, что книга была написана из страха разделить участь Фишера и Мора.

Центральную роль в религиозной реформе сыграл Томас Кранмер (1489—1556), который сочетал благородство происхождения с добрым и открытым к переменам умом, хотя не обладал великим интеллектом и качествами волевого руководителя. Будучи студентом в Колледже Иисуса, он стал священником, защитил степень доктора богословия и, казалось, стремился к жизни мыслителя, пока ему не пришлось служить королю. Совершив по поручению короля несколько визитов к лютеранам, где он встретил и взял в жены племянницу нюрнбергского реформатора Озиандера, а также к императору в Вену и в Северную Италию, Кранмер был назначен в 1533 году архиепископом Кентерберийским¹²³, в надежде, что станет послушным орудием короля. При горячей поддержке Кромвеля Кранмер добился публикации английского перевода Библии и ввел английскую литургию. В 1537 году он получил разрешение короля на публикацию Библии Томаса Метью. Текст Библии большей частью составлял перевод Тиндала, однако его спорные примечания оказались столь оскорбительными, что пришлось просить Майлса Ковердала их отредактировать. Великая Библия появилась на пюпитрах в 1539 году и стала прочным фундаментом создававшегося протестантизма. Теологические воззрения Кранмера постепенно менялись, напри-

¹²³ Главой Англиканской церкви является король. Фактически, он назначает епископов. Примас Англиканской церкви — Архиепископ Кентерберийский. За ним в англиканской иерархии следует Архиепископ Йоркский.

мер, в вопросе о Святом Причастии — от близких к Лютеру, до швейцарского понимания, близкого к Эколампадию. Медленно и сознательно он продвигался в сторону менее консервативных протестантских убеждений. Кранмер был одним из наиболее надежных сторонников Кромвеля.

Крах Кромвеля был подготовлен Норфолком (Norfolk) и Гардинером, которые воспользовались злополучным избранием «фламандской кобылы» Анны Клевской во время четвертого королевского брачного эксперимента и неспособностью Кромвеля замечать опасное ухудшение политического и религиозного положения. Анна Болейн оказалась не лучше королевы Екатерины, поскольку также родила дочь, а не сына и наследника трона. В год смерти Екатерины (1536) она была обезглавлена за прелюбодеяние. После этого Генрих женился на невзрачной Джейн Симур (Jane Seymour), которая родила ему Эдуарда VI и умерла в 1537 году. Генрих совершил несколько шагов к примирению с протестантами, разрешив издание английской Библии и утвердив Десять артикулов, в которых упоминаются только три Таинства вместо семи, хотя формально не запрещаются и не отменяются остальные четыре. Опасаясь союза враждебных Англии Карла V и Франциска I, Генрих последовал дипломатическим курсом Кромвеля, ища союзников среди протестантских государств Германии, в результате чего попал в ловушку, женившись на Анне, дочери эрцгерцога Клевского. Когда франко-испанский заговор против Англии оказался фикцией, а Анна оказалась слишком удручающей для Генриха реальностью, король развелся с нею и 28 июля 1540 года обезглавил Кромвеля.

Победа консерваторов при Норфолке и Гардинере была отмечена браком Генриха с Екатериной Говард (Catherina Howard). Подлинно католические Шесть артикулов (16 мая 1539 года) имели целью восстановление основ католического учения о пресуществлении, Причастия одного элемента, celibата для духовенства, монашеских обетов, частных месс и обязательной частной исповеди. Кары за нарушения были столь жестокими, что артикулы стали известны как «плетка из шести веревок». Внезапные гонения унесли жизни протестантских мучеников, однако консерваторам так и не удалось лишить Кранмера должности архиепископа Кентерберийского. В 1542 году несчастный Генрих за прелюбодеяние отправил Екатерину Говард на эшафот и в свои последние годы обрел утешение в союзе с пережившей его добродетельной Екатериной Парр (Catherine Parr). Он умер 27 января 1547 года, исповедавшись Кранмеру, которому доверял до последней минуты. Однако в своем завещании Генрих пожелал, чтобы о его душе было отслужено множество месс.

Реформация времен Эдуарда

Только на престол взошел сын Генриха Эдуард VI (1537—1553), как мрачные пророки начали повторять одну из своих любимейших строчек: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок!» Хотя Голбейн (Holbein) изобразил Эдуарда на своем портрете здоровым ребенком, в действительности, он был очень болезненным и не обещал прожить долго. Его детство было омрачено такими наставниками, как Роджер Ашем (Roger Ascham), который столь тщательно обучил его латыни, греческому и французскому, что к тринадцати годам он читал *Этику* Аристотеля по-гречески и перевел на греческий *De philosophia* Цицерона. Все фракции, в борьбе за власть, стремились к контролю над ним. На протяжении первых трех лет его правления реальная королевская власть находилась в руках его дяди, благородного, доброго и искреннего протестанта Эдуарда Симура, графа Хертфордского (Hertford), получившего титул герцога Сомерсетского (Somerset) и известного как Протектор Сомерсет (Protector Somerset). В остальные годы жизни Эдуарда над ним доминировал хитрый интриган граф Варвикский (Warwick) Джон Дадли (John Dudley), ставший герцогом Нортюмберлендским (Northumberland). Развитие Реформации при Эдуарде VI определяли, прежде всего, социальные и внутренние соображения, а не вопросы внешней политики.

Спустя несколько часов после провозглашения Эдуарда королем, совет назначил опекуном Хертфорда. Через несколько недель опекун получил патент, наделивший его огромной личной властью. Однако его действия были весьма умеренными, и Кранмер, который теперь пользовался большей свободой действий, чем многие годы до того, стал насаждать Протестантизм с удивительной сдержанностью. В одном из заседаний парламента новое правительство решилось на то, что было названо «самозабвенной оргией», отменив строгие поправки Генриха к старому закону об измене, Шесть артикулов, все ограничения на издание, продажу и толкование Библии, а также акт, наделявший желания короля силою закона.

Решением, которое, в отличие от ликвидации монастырей, напрямую повлияло на жизнь народа, был принятый первым парламентом Эдуарда новый акт о завещаниях, передавший короне все посмертные пожертвования, большую часть которых составляла плата за поминальные мессы, а также все свободные часовни, колледжи, монастыри и гильдии. Эта повсеместная секуляризация отразилась на жизни почти каждого прихода. Ей сопутствовал отказ протестантов от молитв о душах умерших, находящиеся в чистилище, способствовавший перераспределению богатства на местах, а также поставивший под сомнение мотивы многих протестантов, включая Протектора, проявившего чрезмерный интерес к строительству своего огромного дома. Однако даже этих новых средств не хватало для удовлетворения потребностей королевской казны.

Прочие религиозные преобразования происходили на общественном уровне с благословения властей, хотя справедливо утверждение, что при Эдуарде лишь малая часть населения имела подлинно протестантские убеждения. *Первый молитвенник (First Prayer Book)* Кранмера представлял собой прекрасный образец преднамеренной двусмысленности, — он имел достаточно традиционную форму, чтобы успокоить генриховских католиков, хотя и был написан по-английски, что вполне естественно, однако был так изменен содержательно даже в отношении Причастия, что протестанты могли пользоваться им со спокойной совестью. Акт о единообразии установил строгие наказания, дабы обеспечить употребление молитвенника всем духовенством. Кальвинизм начал проникать в страну в последние годы Генриха, а при Эдуарде протестантская пропаганда стала еще громче и настойчивей.

Сомерсет был повержен своими врагами в октябре 1549 года, оказавшись беспомощным перед социальной, политической и религиозной смутой, после того как вначале утратил многие эффективные рычаги власти, в которых теперь отчаянно нуждался. При помощи ловких маневров граф Варвикский сконцентрировал на нем усилия диссидентов, в результате чего совет заключил Сомерсета в Тауэр, затем казнив его в 1552 году. В политике Тюдоров платой за неудачу часто была смерть. Варвик, получивший в 1551 году титул герцога Нортюмберлендского, был совершенно неразборчив в средствах. Обманом получив поддержку католической фракции на свою сторону, он принялся насаждать Реформацию еще радикальнее, чем когда-либо это делал Сомерсет.

Кранмер заботился о связях Англии с Протестантизмом на континенте с тех пор, как в начале своей карьеры предложил Генриху обратиться к университетам за консультацией по его «важному вопросу». Он пригласил в Англию Меланхтона, и хотя виттенбергский реформатор не смог принять предложение, в страну потоком устремились другие протестантские руководители из Страсбурга, Цюриха и Женева. Наиболее именитым среди них был теолог из Страсбурга Мартин Бucer, изгнанный из родного города интригой Карла V. Бucer прибыл в 1549 году и, благодаря влиянию Кранмера, получил королевскую кафедру в Кембридже. Там он окончил написание своего трактата *О Царствии Христовом* и принял участие в составлении второго молитвенника Эдуарда. Однако его силы были истощены, и в январе 1551 года он умер. Осенью 1548 года для консультации с Кранмером прибыл польский дворянин Ян Лаский. В 1550 году он вновь приехал из Фрисландии, чтобы стать суперинтендентом над четырьмя пасторами, служившими иностранным протестантам. Сочетая кальвинистские и цвинглианские взгляды, Лаский создал по пуританскому образцу пятитысячную общину беженцев, руководимую выборными пресвитерами или старейшинами, с жесткой церковной дисциплиной и особым вниманием к назиданию (двухчасовые проповеди) и христианской жизни. На время в Англию через Страсбург приехали два итальянских беженца: Петер Мартир Вермиджли и Бернардино Очино, а также воинствующие протестанты из Шотландии и неистовый Джон Нокс. Радикальных анабаптистов Англия не принимала наравне с другими странами.

Епископы времен Эдуарда, понесшие на своих плечах основное бремя англиканской реформы, составляли довольно узкий религиозный спектр: от почти пуританского епископа Джона Хупера (John Hooper) до более умеренного епископа Рочестерского и Лондонского Николаса Ридли. Весьма спорным был вопрос о браке священнослужителей. Февральский статут 1549 года разрешил духовенству вступать в брак, и в отношении поступивших так критика общественности, обычно осуждавшей женскую сторону, была незначительной или вовсе никакой. Предрассудки в отношении жен епископов и священников существовали вплоть до Елизаветы и позднее. С введением литургии более протестантского характера, правительство полагало себя оправданным в конфискации церковной утвари, одеяний и других ценностей. В то же время, Нортюмберленд рыл себе глубокий черный ров злобы, в котором он вскоре утонул.

В 1552 году здоровье Эдуарда заметно ухудшилось, и к маю 1553 всем стало очевидно, что король умирает, хотя это одолжение он сделал всем только 6 июля. Стремясь защитить свое влияние в правительстве, Нортюмберленд женил сына на шестнадцатилетней леди Джейн Грей, сводной внучке Генриха VIII и протестантке, а затем убедил Эдуарда назвать Джейн своей преемницей вместо старшей сестры Марии, которая была католичкой. Однако по смерти Эдуарда Нортюмберленд совершил роковую ошибку, не заключив Марию под стражу. Она ускользнула в Восточную Англию, и вокруг нее, как законной наследницы Эдуарда, собирался народ. Леди Джейн, которая ужаснулась, обнаружив себя в роли королевы, правила всего девять дней, после сего она и ее молодой муж были арестованы за измену. Нортюмберленд также был заключен в Тауэр и до самого дня своей казни предпринимал отчаянные запоздалые попытки спасти свою шкуру, увещевая всех, кто его слышал, отречься от ереси и принять католическую веру. Однако ему не удалось спасти ни себя, ни своего сына, ни леди Джейн. В конце концов, все трое были обезглавлены.

Реакция времен Марии

Королева Мария была энергичною женщиною, сверх меры унаследовавшею фамильное упорство Тюдоров. Вся ее жизнь была трагична. Еще ребенком она стала заложницей брачных замыслов Франциска I и Карла V. Родной отец заставил ее признать себя внебрачным ребенком, хотя позднее назначил ее преемницей Эдуарда Ак-

том о престолонаследии. Она была воспитана как дочь испанской принцессы — ревностною и ограниче­ною католичкой. Во вред своей политической перспективе она считала себя не англичанкою, а испанкою. Ее отчуждение от англичан сделал еще глубже брак с кузеном, королем Испании Филипом II, а не с истинным англичанином. Мария преследовала еретиков не по врожденной жестокости, а исключительно из фанатизма. История обошлась с нею несправедливо, наградив прозвищем «Кровавая Мария».

Едва Мария была провозглашена королевою, как разжаловала всех протестантских чиновников и назначила епископами Гардинера, Танстолла, Хита (Heath), Боннера (Bonner) и Дэя (Day). Кардинал Реджинальд Поул при­был в качестве папского легата, чтобы освободить королевство от крамолы и, будучи весьма известным христиан­ским гуманистом, оказался жестоким и непримиримым реакционером. Возмущение англичан достигло предела, когда Мария объявила о своем намерении выйти замуж за короля Испании Филипа. Палата общин направила к ней делегацию с просьбою не выходить замуж за иностранца. Начались мятежи. Наиболее серьезным было вос­стание во главе с молодым сэром Томасом Уайттом (Sir Thomas Wyatt), который поднял против испанки все граф­ство Кент и привел около четырех тысяч человек к воротам Лондона, где был разгромлен. Именно это восстание побудило Марию обезглавить леди Джейн Грей. До того момента она находилась в заточении, но не теряла надежды на помилование. Однако теперь Мария поняла, что пока жива протестантская претендентка, постоянно будут предприниматься попытки возвести ее на престол даже вопреки ее собственному желанию. После пораже­ния Уайтта второй созванный Мариною парламент отменил все утвержденные в 1529 году постановления против власти папы.

Ее брак с Филипом вызвал всеобщее неудовольствие, а со временем стало очевидно, что она не сможет иметь от него детей. Озлобленная и покинутая своим мужем, она принялась за истребление Протестантизма. Были арестованы многие известные протестантские богословы: Джон Роджерс (John Rogers), Хью Латимер, Николас Ридли, Джон Хупер, Майлс Ковердейл и другие. Джон Фокс в своей *Книге мучеников* описал жуткие подробности казней и мужества тех, кто принял смерть за свою веру. Харрелл Фроуд (Hurrell Froude) однажды мрачно заметил, что лучшим свидетельством о реформаторах было то, что их старательно сжигали. Редактор английской Библии Джон Роджерс стал первым мучеником, его сожгли 4 февраля 1555 года. Бывший епископ Уорсестерский и вели­кий проповедник Реформации Хью Латимер взошел вместе с Ридли на костер в огромной яме напротив Баллиол­ского колледжа (Balliol College) в Оксфорде. Латимер был кротким и смиренным человеком и умер как святой. Он утешил Ридли героическими словами: «Ободри­сь, магистр Ридли, и будь мужчиною. Сегодня мы зажжем в Ан­глии такой огонь Божьей благодати, который (я верю) не угаснет никогда». Он «принял пламя», как свидетель­ствует мартирология, «словно оно было его сутью. Проведя руками по своему лицу и как бы умыв их в огне, он вскоре умер почти или вовсе безболезненно». Всего за время гонений Марии погибло 282 человека. Многие из сожженных за ересь были простыми ремесленниками, поскольку богатые откупались. Некоторые удачливые про­тестанты подверглись только аресту или порке. Епископ Лондонский Эдмунд Боннер (Edmund Bonner) ответил критику, порицавшему его за то, что в «неистовой злобе» был выпорот старик: «Оказавшись на его месте, ты по­чел бы за милость наказание, в котором пострадает твой зад, зато тело спасется от костра». Для Томаса Кранмера настало время последнего испытания. Филипп и Мария ходатайствовали о том, чтобы его дело было рассмотрено папой. Ему было предписано явиться в Рим на протяжении восьмидесяти дней, однако в конце концов суд состо­ялся в Оксфорде, в университетской церкви Св. Девы Марии. Представитель папы Павла IV епископ Брукс (Brooks) восседал перед алтарем на высоте десяти футов, пока внизу королевские прокуроры обвиняли Кранмера в богохульстве, разврате и ереси. Его признали виновным, лишили официальных знаков отличия и осудили на смерть. Низложенный Кранмер отчаянно боялся ожидавшего его огня и подписал семь заявлений о раскаянии и отречении. Но власти были непреклонны. 21 марта 1556 года он взошел на платформу напротив кафедры в церкви Св. Марии. Обливаясь слезами, он являл «совершеннейший образ скорби». Когда ему позволили говорить, он призвал всех к истинному послушанию властям и человеколюбию. Затем он изумил всех присутствующих, про­чтя отречение от всех своих отречений:

«Теперь я подошел к тому, что так тревожит мою совесть — тревожит более, чем что-либо сказанное или совершенное мною за всю жизнь. Эта обстановка отличается от той, в которой я писал вопреки Истине, и от чего теперь отрекаюсь как от напи­санного моею рукою вопреки истинным помышлениям моего сердца, как от написанного из страха перед смертью и ради спасения своей жизни, — т. е. от всех заявлений и бумаг, мною написанных или подписанных моею собственной рукою после моего низложения, в которых я написал много ложного. И поскольку преступление было совершено моею рукою, пи­савшею вопреки моему сердцу, то моя рука и потерпит наказание первою. Разрешите мне подойти к огню, чтобы она была сожжена первою».¹²⁴

Затем он осудил папу и признал свою книгу о Причастии изложением истинной веры. Кранмера стащили с

¹²⁴ F.E. Hutchinson, *Cranmer and the Reformation* (London, 1951) p. 157.

платформы и, отведав в яму, где погибли Латимер и Ридли, сожгли. Мартиролог свидетельствует:

«Когда дрова разгорелись, и пламя вспыхнуло рядом с ним, он протянул правую руку прямо в огонь, держа ее так неподвижно (лишь тою же рукою проведя по лицу), что все могли видеть, как его рука сгорела, прежде чем пламя коснулось остального тела... Повторяя слова Стефана: “Господи Иисусе, прими дух мой!” — в великом пламени он испустил дух».

Несмотря на сильнейшую поддержку Марии консервативным севером и западом, протестантизм продолжал тайно существовать в Лондоне и других местах. Реджинальд Поул оказался недалековидным руководителем. Он отверг, например, предложение Игнатия Лойолы готовить семинаристов в качестве идеологической ударной силы. Мария восстанавливала Католицизм в средневековом монастырском духе, не принимая во внимание того факта, что Англия пережила реальную фундаментальную идеологическую реформу. Все последние месяцы правления Марии сопровождалась несчастьями. Пока бездетная королева совершала маневры по утверждению своей воли в вопросах религии, вмешалась природа, уничтожая епископов и более мелких церковнослужителей посредством чумы. Мария умерла в ранние утренние часы 17 ноября 1558 года, а ее архиепископ Реджинальд Поул умер во сне всего через двенадцать часов. Молодая королева Елизавета, сменившая ее на троне, была «истой англичанкой», ее воцарение отмечалось в Лондоне и по всей стране кострами и гуляниями.

Реформация в Шотландии

Шотландская Реформация напоминала запоздалое появление на пиру гостя из деревни. К 1560 году минуло четыре десятилетия с тех пор, как Лютер начал Реформацию, и почти сменилось поколение после разрыва Генриха VIII с папой. В 1525 году решением парламента был запрещен ввоз в Шотландию лютеранских книг, которые все же продолжали прибывать через портовые города. Сожжение в 1528 году за евангельскую проповедь Патрика Гамильтона (Patrick Hamilton) повлекло за собою ряд новых выступлений и всплесков иконоборчества. В 1546 году кардинал Битон (Beaton) сжег в Сент-Эндрюз (St. Andrews) смелого евангелиста Джорджа Уишарта (George Wishart), а три месяца спустя его подстерегли и убили в собственном замке в Сент-Эндрюз. Накопилось много ненависти, прежде чем в Шотландии прорвало плотину.

Направление развития Шотландии имело огромное значение в истории Англии и Европы. Протестантизм в Шотландии означал сближение с протестантской Англией. Католицизм в Шотландии означал сохранение союза с Францией и периодические стычки с Англией. Шотландия несколько отставала экономически и находилась под властью местных дворянских кланов. Конечно же, не было и речи об интересе к Протестантизму со стороны среднего класса или о Протестантизме как выражении классовых устремлений, приведших к возникновению капитализма. Скорее на протяжении десятилетий, предшествовавших переломному 1560 году, там существовало сильное недовольство невежеством и аморальностью священников в миру. Как центры реформ монастыри по видимому играли незначительную роль и были чаще объектами насмешек, однако члены орденов составляли конструктивную силу.

Героем Шотландской Реформации был «неистовый шотландец» Джон Нокс (1513—1572)¹²⁵, крепкий, коренастый и смуглый священник крестьянского происхождения, служивший телохранителем с обоюдоострым мечом во время проповедей Уишарта. После смерти Уишарта Нокс присоединился к протестантскому гарнизону, защищавшему замок в Сент-Эндрюз от французских войск, пытавшихся сохранить власть и веру своей соотечественницы Марии Гиз, вдовы короля Шотландии Якова V и наместницы их юной дочери, шотландской королевы Марии. В августе 1547 года французы пленили защитников Сент-Эндрюз, и на протяжении девятнадцати месяцев Нокс был невольником на галере, прикованным к гребной скамье, которая служила ему единственным укрытием от непогоды. В апреле 1549 года он наконец добрался до Англии, не на шутку озлобленный на французских католиков. После смерти короля Эдуарда VI Нокс бежал в кальвинистскую Женеvu. В 1556 году он писал миссис Локк (Mrs. Locke) о своей новой духовной пристани, «которую без страха и стыда назову почти совершенною школою Христовой, когда-либо существовавшей на земле со дней Апостолов».

В 1559 году шотландские протестанты направили в Женеvu делегацию, чтобы уговорить Нокса вернуться домой. Кальвин заявил, что Ноксу следует внять призыву, «если он не желает прослыть непокорным своему Богу и жестоким к своей стране». Нокс критиковал католичку Марию Гиз, назвав ее «необъезженной коровой, которую по ошибке оседлали». В 1558 году он опубликовал свой *«Первый трубный глас против чудовищного правления женщины»*, заявив, что «власть женщины над какою-либо страной противна самой природе, дерзость перед Богом,

¹²⁵ По другим источникам — ок. 1505—1572. — Прим. ред.

прямо противоречит Его провозглашенной воле и утвержденному порядку, будучи несправедливою и незаконною». Теперь Нокс вернулся в Шотландию, а англичане послали армию, чтобы помочь протестантам прогнать французов. Мария Гиз умерла во время войны, и Эдинбургский договор 6 июля 1560 года закрепил победу протестантов. 24 августа постановлением парламента Католицизм был объявлен вне закона.

Джон Нокс проповедовал с большим энтузиазмом в соборе Св. Гайлза (St. Giles' Cathedral). Его студент Джеймс Мелвилль (James Melville) вспоминал, что Нокс «имел привычку вначале облакачиваться [о кафедру], но в конце проповеди он становился таким активным и энергичным, что, казалось, вот-вот разобьет эту кафедру в щепки и улетит с нее». Читая лекции о пророке Данииле, Нокс приводил Мелвилля в такую дрожь и трепет, что он «не мог удержать перо, чтобы записывать». Кальвинистское пресвитерианство Нокса отражено в каждом из трех основополагающих документов Шотландской Реформации: *Исповедание веры; Книга о надлежащем порядке* и *Первая книга о дисциплине* (*Confession of Faith; Book of Common Order & First Book of Discipline*). Образ Нокса дополняет также его *История Реформации в Шотландии*.

В 1561 году из Франции вернулась домой после смерти своего мужа, короля Франциска II, королева Шотландии Мария. Сделав первые шаги в сторону примирения, она вернулась затем к жесткой антипротестантской политике и в 1567 году была вынуждена бежать в Англию. Победа Нокса и Реформации изумляет своей внезапностью и прочностью. Наблюдая исход борьбы из Женевы, Жан Кальвин комментировал: «В то время как мы изумляемся успеху, столь невероятному за такое короткое время, нам следует воздавать Богу великую благодарность как Виновнику особого благословения, которое здесь сияет».

Католическая Реформация

Папа Климент VII, переживший шок Реформации и психологическую травму от поражения Рима, выпустил медаль, на которой был изображен прикованный к колонне Христос, а под ним — мрачные слова «*Post multa, plurima restant*», т. е. «После многого предстоит еще большее». Климент пребывал в мрачном апокалиптическом расположении духа и верил, что наступают последние дни этого мира. Незадолго до окончания его собственных дней он заказал великому Микеланжело изобразить Страшный суд на парадной стене Сикстинской капеллы. А всего несколько десятилетий спустя художники барокко упражнялись в изображении Церкви, торжествующей над своими врагами. Перемена в настроении была результатом удивительного успеха Католической Реформации, духовно активизировавшей старую церковь и сдержавшей напор Протестантизма.

Для восстановления интеллектуального и духовного здоровья Церкви потребовалась шоковая терапия. Образовательный, религиозный и организационный кризис Возрождения стал для Церкви наказанием, из которого она вышла чище и активнее, чем в предыдущие столетия. Церковному ковчегу грозило потопление в нахлынувших волнах познания, особенно в связи с изучением новых греческих документов, доктринальными возражениями, высказанными евангельскими верующими на основе Писания, и отпадением половины Европы. Долгие годы Церковь демонстрировала полное бессилие и была слишком парализована, чтобы отвечать на обрушившиеся удары. Честные церковнослужители объясняли страдания Рима как наказание за его грехи. Как в 1528 году заявил епископ Стафилио (Stafileo), падение города вызвано тем, «что всякая плоть предалась растлению, и мы уже являемся жителями не священного Рима, но растленного Вавилона». Многие верили, что Церковь могла избежать наказания от Всемогущего, если бы в 1512 году Пятый Ватиканский Собор отозвался на призыв к реформе, высказанный Эгидием да Витербо (Aegidius da Viterbo). Но даже папы пребывали в замешательстве и были слишком подавлены или не способны эффективно реагировать на наступление реформаторов.

Папы эпохи Реформации

В 1512 году Ватиканский Собор подтвердил абсолютную власть папы, осудив религиозную терпимость и стремление национального духовенства к независимости. Однако папы эпохи Реформации не были достаточно смелыми и проницательными правителями, способными справиться с подобным кризисом. Время было отчасти упущено при Льве X, когда опасность раскола еще полностью не осознавалась. Однако уже к 1 декабря 1521 года, на момент смерти Льва X, кардиналы признали всю серьезность ситуации. 9 января 1522 года они избрали Адриана Флоризоона, датского кардинала с безупречной репутацией, чтобы возглавить Церковь в ее собственной реформации. Адриан VI, как он сам назвал себя, учился у Братьев совместной жизни, преподавал теологию в Лувенском университете, был другом Эразма¹²⁶ и наставником юного Карла V. Побывав в Испании как архиепископ Тортосы и легат папы в Кастилии и Арагоне, он столкнулся с жестоким диктатом Испанской церкви. Он был опытным политиком, поскольку при отлучках Карла оставался регентом Испании. Он установил строгую дисциплину для своих прелатов и обладал всеми задатками серьезного и ревностного реформатора. Однако папа Адриан VI ничего не смог предпринять, поскольку итальянцы презирали его за его грубую латынь, безразличие к искусству и необразованность по стандартам Итальянского Возрождения. Разочарованный и побежденный, он умер 14 сентября 1523 года, и его эпитафия является точным комментарием к этому краткому понтификату: «Увы! Насколько власть даже самого праведного человека зависит от времени, в которое ему довелось жить!»

Кардиналы, испуганные бесплодными реформаторскими усилиями Адриана VI, были рады непродолжительности правления последнего неитальянского папы и 18 ноября провозгласили папой кузена Льва X, Джулио де Медичи, принявшего имя Климента VII. Джулио был сыном Джулиано, брата Лоренцо, убитого в кафедральном соборе Флоренции во время восстания. Климент VII был остроумным и добродушным городским церковнослужителем и покровителем искусств. Он действительно не имел явных пороков, однако обладал одним принципиальным недостатком — нерешительностью и привычкой откладывать дела на потом. Он был искусным политиком, однако оказался недостаточно решительным для столь отчаянного времени. Участие папы в итальянских интригах и конфликтах крупных сил, приведшее к утрате власти над папскими землями, подорвало его духовный и моральный авторитет в глазах как верных друзей, так и врагов. Климент разделял мнение Эразма о том, что высокомерный Каэтан и властный Алендер напрасно были привлечены к решению лютеранского вопроса. Вместо них в 1524 году он направил в качестве нунция на сейм в Нюрнберге сдержанного, образованного и остроумного

¹²⁶ А также учителем Эразма. — Прим. ред.

кардинала Кампеджио, который отправился в путь, будучи готов на такие серьезные уступки, как допущение мирян до чаши при Святом Причастии и разрешение браков для духовенства. Однако реальных шагов к примирению так и не было сделано, поскольку доктринальные разногласия оказались слишком глубоки, чтобы уладить их при помощи вина и женщин. Католические князья Австрии и Баварии приказали своим студентам покинуть еретические университеты и вернуться домой. Даже Климент VII пришел к убеждению, что, вероятно, только церковный собор сможет справиться с протестантами. В начале мая 1532 года он согласился на собор, но 25 сентября 1534 года умер, так его и не созвав.

Новый папа Павел III был настроен серьезнее и решительнее относительно реформ и собора. В некоторой степени, Александр Фарнезе был типичным прелатом времен Возрождения. Он имел целую семью незаконно-рожденных детей и вскоре после вступления на папский престол сделал кардиналами своих правнуков: четырнадцатилетнего Асканио Сфорца и пятнадцатилетнего Александра Фарнезе, по его собственным словам, для «опоры в его преклонном возрасте». Он поощрял дискуссии с умеренными евангельскими теологами, такими как Мартин Буцер и Меланхтон, и с мая по декабрь 1536 года пожаловал красными шапками некоторых церковнослужителей эразмитов: Гаспаро Контарини (Gasparo Contarini), Пьетро Бембо (Pietro Bembo), Якопо Садолето (Jacopo Sadoleto), Джампьеро Караффа (Giampietro Caraffa), Жана дю Беллэ (Jean du Bellay) и Реджинальда Поула.

Весной 1536 года Римская консистория совладала со своим страхом проявить терпимость и согласилась созвать общий церковный собор. Павел III назначил начало собора на 23 мая следующего года в Мантуе. В ходе подготовки он составил комитет из девяти кардиналов, в их числе эразмитов Контарини, Карафы, Садолето, Поула, Алендера и Жиберти. Комитет под председательством Контарини собирался почти ежедневно с начала ноября по середину февраля 1537 года. 9 марта Контарини представил Павлу III выработанные комитетом *Рекомендации... о реформах в Церкви*. В *Рекомендациях* были рассмотрены злоупотребления: кумовство, симония, совместительство должностей и физическое отсутствие на должности, безнравственность белого и черного духовенства, попустительство в нарушениях и повсеместная продажность. Однако без внимания остались затронутые реформаторами фундаментальные теологические вопросы. Например, относительно индульгенций кардиналы лишь порекомендовали не распространять их в крупных городах чаще одного раза в год. По неосторожности, *Рекомендации* были преждевременно обнародованы и утвердили протестантов в их мнении о развращенности Церкви. Лютер самостоятельно издал немецкий перевод *Рекомендаций*, украшенный его собственными ироничными комментариями.

Несмотря на неохотное, но искреннее намерение созвать собор, Павел III был вынужден откладывать его вновь и вновь. В 1537 году, из-за противостояния герцога, Мантуя стала неудобным местом. В 1538 году делегаты не явились в Виченцу, принадлежавшую Венеции. В 1542 году новая война между Карлом V и Франциском I помешала почти всем прелатам прибыть в Трент, а прибывшие вскоре уехали. Эта трагикомедия ошибок закончилась в 1545 году, когда назначенный на 25 марта Трентский¹²⁷ Собор наконец собрался 13 декабря на свою первую сессию. В 1549 году Павел III умер от старости. Конклав собрался для избрания преемника и на протяжении месяца не мог определиться с решением, пока 7 февраля 1550 года не был избран кардинал дель Монте, взявший себе имя Юлия III. Новым папой стал легкомысленный тосканец, лишенный твердых убеждений, однако кардиналам удалось его убедить созвать Собор на вторую сессию. После смерти Юлия II в 1555 году его сменил папа Марцелл II, который умер вскоре после своего избрания. С избранием кардинала Карафы папой Павлом IV (1555—1559) на папском престоле вновь утвердился дух догматизма и непримиримости.

Джованни Карафа олицетворял дух Контрреформации и представлял новое направление реакции Римской церкви на Реформацию. Он принадлежал к мистическому обществу, известному как Часовня Божественной любви и находился в тесном общении с церковными эразмитами гуманистического толка. Однако сам он придерживался более узких убеждений и все более и более был недоволен либеральными взглядами своих друзей. Находясь в Мадриде в 1536 году в качестве нунция, он стал свидетелем выступления Инквизиции против эразмитов, в результате которого их влияние было решительно искоренено в считанные месяцы. Карафа был убежден в эффективности исключительно жесткой политики, и под его понтификатом репрессивная Контрреформация активно развивалась.

Католическое духовное обновление

Иезуитский историк Паллавичино (Pallavicino) назвал время пап Возрождения годами беззаконий, «которые невозможно вспоминать без ужаса и негодования». Однако и в этот темный для Церкви период обнаруживались признаки новой духовной жизни не только на севере, где огромное влияние в сфере образования имели Братья совместной жизни, но также на юге и в самом Риме. Италия дала миру множество первоклассных ренессансных

¹²⁷ Или Тридентский. — Прим. ред.

гуманистов, таких как Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, искренне стремившихся оживить христианскую теологию при помощи новых греческих и ближневосточных источников.

Эразмовский гуманизм вдохновил некоторых прелатов писать в пользу реформы и улучшать управление своими епархиями. Такие кардиналы как Поул, Садолето, Жиберти и Контарини верили, что Церковь возможно обновить посредством улучшения образования, познания и распространения благочестия и разъяснения простых евангельских истин. Между учением и практикой Церкви позднего Средневековья и убеждениями христианских гуманистов существовало множество внутренних связующих: уверенность в пользе образования, уважение древних или общепринятых традиций, роль человеческой воли в достижении благочестия, искупительная сущность добрых дел. В кардинале Якопо Садолето ощущалась некоторая религиозная неискренность и неспособность решать поднимаемые реформаторами теологические вопросы. Он направил населению Женевы увещательное письмо, а когда Кальвин опубликовал ответ, Садолето просто оставил этот вопрос. Но Садолето надеялся, что атаки реформаторов произведут благотворное исцеляющее действие в Теле Христовом, коим является Церковь. Он писал папе Клименту: «Если мы удовлетворим Божий гнев и суд, если эта ужасная кара приведет к праведной жизни и более справедливым законам, то, возможно, наше страдание не будет столь велико».¹²⁸

Кардинал Жан Маттео Жиберти (Gian Matteo Giberti) (1495—1543), сын генуэзского морского капитана, принятый в дом кардинала Джулио де Медичи, проявил блестящие успехи в изучении греческого и латыни и был допущен в известную классическую академию Accademia Romana. Он служил секретарем кардинала и посланником Карла V. Став папой Климентом VII, Джулио сделал Жиберти епископом Вероны. Жиберти проживал в Риме и был политическим советником Климента, способствовал заключению в Павии мира между Франциском I и Карлом V, настаивал на поддержке папой Франциска и организовал Коньякскую Лигу (1526). После разграбления Рима он был арестован имперскими властями, но бежал и поселился в Вероне. Там он проявил себя как епископ-реформатор, подняв образовательный и нравственный уровень духовенства, организовав приобретение книгопечатного станка, на котором были выпущены великолепные издания греческих отцов Церкви, и определив суть реформы. Его диссертация о восстановлении церковной дисциплины стала основой реформ Трентского Собора.

Гаспаро Контарини (1483—1542) происходил из знатной венецианской семьи, был членом Большого Совета, послом Венеции при дворе Карла V и участвовал в праздновании по случаю коронации Карла V в Болонье в 1530 году. В 1535 году папа Павел III сделал Контарини кардиналом, а в следующем году — членом реформационной комиссии. Он был страстным эразмитом, талантливым дипломатом и осознавал силу протестантов в Империи. Когда император Карл созывал в 1540—1541 годах имперские сеймы в Вормсе и Регенсбурге, на которые для обсуждения теологических разногласий были приглашены теологи обеих сторон, Контарини и эразмиты с большой охотой принимали участие в дискуссии, вопреки опасениям папы Павла III, что император последует Генриху VIII и создаст национальную церковь. В Регенсбурге обсуждали двадцать один артикул, преимущественно лютеранского происхождения. Евангельскую точку зрения представляли Меланхтон, Мартин Буцер, Жан Кальвин и другие известные реформаторы. Меланхтон и Контарини выработали устную формулировку учения об оправдании верой, и весть о достигнутом согласии безмерно ободрила императора. Однако надежда на единство рассеялась в процессе обсуждения, так как вопросы о пресуществлении (*transsubstantiatio*) и власти папы завели дискуссию в тупик. Вернувшись в Виттенберг, Меланхтон столкнулся с непреклонностью Лютера относительно компромиссной формулировки веры, а Контарини по возвращении в Италию объявили еретиком. К счастью, в следующем году он умер. Неудача эразмитов в достижении мирного урегулирования церковного раскола открыла путь для воинственных планов непримиримых.

Внутреннее обновление старых монашеских орденов и основание новых орденов в первые десятилетия Реформации также свидетельствуют о духовной активности Католической церкви, особенно в Италии. Аскетическое самоотречение, мистическая устремленность и религиозная жизнь духовенства сохранили свою притягательность для верных католиков. Баптиста Мантуан (Baptista Mantuanus) трудился над реформой своего Кармелитского ордена задолго до появления Лютера. Среди францисканцев был реформатор по имени Маттео де Баскио (Matteo de Bascio) (умер в 1552 году), бывший итальянский крестьянин, который стремился восстановить первоначальную простоту Св. Франциска. Позднее он стал странствующим евангелистом. Его последователей, называемых *капуцинами*, отличали характерные четырехугольные капюшоны. В 1529 году *капуцины* были признаны папой. Несмотря на конкуренцию со стороны францисканских *обсервантов*, *капуцины* стали вторыми по силе после иезуитов. Они даже пережили кризис, возникший после того, как Бернардино Очино (1542) переметнулся к протестантам, хотя находились на грани гонений. В 1619 году они добились официальной независимости. Доминиканцы также дали миру известного духовного реформатора Баттиста да Крема (Battista da Crema), жизнью и сочинениями оказавшего огромное влияние на свою эпоху.

В 1516 году началось реформаторское движение почти в самом сердце двора Льва X в Риме. Некоторые

¹²⁸ Цит. по: Pierre Janelle, *The Catholic Reformation* (Milwaukee, 1963, p. 47).

клерикалы и миряне регулярно собирались в церкви Св. Сильвестра и Доротеи (Church of Saints Sylvester & Dorothea) для молитвы, размышления и взаимного ободрения. Под руководством Гаэтано да Тьена (Gaetano da Thiene), ученика Баттиста да Крема, и Джампетро Караффы группа была организована в Часовню Божественной любви, членами которой среди прочих были Садолето, Жиберти, Контарини и другие реформаторы-эразмиты. Позднее в том же веке (1575) Св. Филиппо Нери преобразовал организацию в новую форму религиозного выражения, основав группу священников-мирян, живших общиной ради взаимного поддержания, не будучи связанными обетами.

Всей истории монашества присуще постепенное разложение и ослабление первоначально высоких и тяжелых требований, после чего внутри орденов происходили реформы. Монашеский идеал со временем эволюционировал от аскетического уединения к деятельности в миру. Индивидуальное отшельничество развивалось в коллективное пустынножитие, а затем в монастырское житие, — например, как у бенедиктинцев, живших отдельно от мира за стенами монастыря, но во благо миру через развитие сельского хозяйства, переписывание манускриптов и организацию школ, распространявших знание и культуру. В нищенствующих орденах культивировался идеал бедности, однако эти монахи сознательно шли в мир, шагая в своих сандалиях по пыльным улицам. Наиболее серьезные новые организации шестнадцатого века, фиатинцы (Theatines) и иезуиты, не только являли яркие образцы аскетизма в миру, но также целенаправленно общались с наиболее влиятельными и могущественными классами общества, будучи вхожи в королевские дворы, аристократические дома и университеты. В миру и на миссионерском поприще они противостояли протестантам и язычникам в борьбе за духовную принадлежность человечества.

Часовня Божественной любви распространила дух религиозного рвения, побудивший Гаэтано да Тьена, Паоло Консиглиери (Paolo Consiglieri), Бонифацио да Колле (Bonifacio da Colle) и Караффу основать орден фиатинцев, названный в честь города Чьети (Фиат) [Chieti (Theate)] в Южной Италии, где Караффа был епископом. 14 сентября 1524 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, они произнесли перед алтарем Собора Св. Петра в Риме торжественный обет. Их основной целью было призвать духовенство к назидательной жизни и всех христиан к благочестию. Они открывали часовни и больницы, несли Евангелие и своим добрым примером стремились побудить ближних к добродетельной жизни. Вскоре в их конгрегации состояло множество аристократов. Они были первым орденом, начавшим миссионерскую деятельность на Ближнем Востоке и в Индии. Другие новые организации, такие как соматинцы (Somatians) (1532) и барнабиты (Barnabites) (1533), также являли примеры искренности и приверженности.

Дальнейшие свидетельства искреннего благочестия мирян можно обнаружить в таких духовных братствах, как школа Св. Георга и школа Св. Рохоса (Rochos) в Венеции. Школа Св. Рохоса поддерживалась крайне богатыми и религиозными купцами, чрезвычайно обогащаясь посмертными дарами по завещаниям. Она содержала на пожизненном пансионе художника Тинторетто в обмен на пожертвование трех картин с библейскими сюжетами в год для украшения школы, классические коринфские колонны которой превращали ее в настоящий ларец с драгоценностями.

О жизнеспособности Католицизма свидетельствовали не только христианский гуманизм и обновление монашества. Появление в шестнадцатом веке настоящих религиозных мистиков, совмещавших лучшие традиции мировоззрения и практики Средневековья, еще раз доказывало, что Католицизм далеко не умер, несмотря на все испытания. Обстановка в Испании наиболее благоприятствовала мистической жизни, и там имели успех *кармелиты*, Св. Тереза Авильская (1515—1582) и Св. Иоанн Крестовый (St. John of the Cross) (1542—1591). Св. Тереза выросла в благочестивом доме в древнем городе-крепости Авила. Будучи ребенком она как-то раз отправилась со своим младшим братом обращать мавров. В двадцать лет она вступила в орден кармелитов и, посвятив себя его реформе, руководила *босыми кармелитками*, которые реформировали поразительное количество монастырей по всей Испании. Бытовала поговорка, что основать четыре новых ордена легче, чем изменить один старый, однако Св. Терезе это удалось благодаря ее умелому управлению и потрясающей практичности. Ее любимая поговорка была: «Господь ходит среди горшков и котлов». В автобиографии она с изумительной глубиной и пронизательностью повествует о своей юности и внутренних борениях. *Путь к совершенству* был написан Св. Терезой как аскетическое руководство для монахинь реформированных монастырей. Однако лучшим ее мистическим сочинением является *Внутренняя крепость* (1577), где она исследовала секреты умозрительной жизни, мистические техники общения души с Богом.

Св. Иоанн Крестовый (1542—1591) был наиболее известным учеником Св. Терезы. Он вел суровую жизнь *босого кармелита*, однако каким-то образом находил время писать свои великие трактаты о высочайших богатствах мистических переживаний, например, *Восхождение на гору Кармил* и *Темная ночь души*.

Менее удачливым мистическим лириком был Луис де Леон (1527—1591), написавший комментарии к Св. Писанию, метрический перевод книги Песнь Песней и оригинальные оды. Однако в 1572 году он был арестован Инквизицией по обвинению в ереси и неуважении к Вульгате. Его заточили в тюрьму. В конце концов он был

реабилитирован, а за несколько дней до своей смерти даже назначен главою ордена францисканцев. Однако репрессии Инквизиции постепенно выжали все соки из испанского мистицизма, который постепенно дегенерировал в разновидность квиетизма.

Франция также внесла интеллектуальный и духовный вклад в католическое пробуждение. Этим вкладом Франции был интереснейший неформальный представитель Католической Реформации, слегка сумасшедший Уильям Постель (William Postel) (1510—1581). Постель был человеком в духе Реймонда Лалла (Raymond Lull) (1232—1315), который за двести до того пытался обращать мусульман в своих миссионерских путешествиях, написал около трехсот эзотерических апологий и основал университет для обучения миссионеров языкам и специфике Ближнего Востока. Постель учился в Парижском университете и изучил там греческий, еврейский, португальский и арабский языки. Он написал труд *De orbis terrae concordia* (1544), стремясь опровергнуть учение Магомета и привести мусульман в христианство. В том же году он приехал в Рим и присоединился к иезуитам, которые обрадовались, заполучив в свои ряды мыслителя такого масштаба. Однако вскоре он проявил склонность к шатаниям, утверждая, что папа должен переместить свою резиденцию из Рима в Иерусалим, а король Рима должен стать королем Франции со столицей в Париже. Он был исключен из Общества Иисуса, а его сочинения включены в число запрещенных. Однако он прибыл на Трентский Собор и попытался изложить свои теории присутствовавшим там церковнослужителям. Инквизиция объявила его сумасшедшим и заключила в тюрьму на четыре года, а оставшиеся восемнадцать лет своей жизни он провел под гражданским надзором в Париже. Постель был забыт всеми, кроме историков, зато Инквизиция, списки запрещенной литературы и иезуиты вошли в историю как главные орудия Контрреформации.

Контрреформация

Историки нынешних экуменических дней предпочитают термину «Контрреформация» наименование «Католическая Реформация», поскольку движение к реформе имело собственные духовные предпосылки внутри старой церкви и не было лишь негативной реакцией на протестантский бунт. Однако в каком-то отношении Католическая Реформация действительно стала ответной реакцией и выразилась в репрессиях, о которых современная церковь, оглядываясь назад, может только сожалеть. Главные побуждения к жесткому отношению исходили из Испании, бывшей «молотом для еретиков» и «мечом Рима».

Благодаря вековой войне с мусульманами и крестовым походам с целью изгнать их из Иберии, в Испании утвердились воинствующая ортодоксальность и фанатический дух. Фердинанд и Изабелла организовали мощные институты надзора за любого рода отклонениями. Кардинал Хименес (Ximenes) не только укрепил в Испании иерархию посредством жесткой моральной чистки, но даже сам служил в должности великого инквизитора (1508). Карл V позволил Инквизиции расширить ее юрисдикцию от борьбы с мусульманской и иудейской ересью до суда в вопросах веры, а не только отстранять черное духовенство с должностей. В 1531 году папа Климент VII подчинил Инквизиции испанские епархии и отказал в праве обжаловать ее приговоры. Начиная с 1538 года Инквизиция активно боролась против религиозной проповеди еретиков и противостояла эразмитам и лютеранам.

Успехи Испанской Инквизиции произвели на кардинала Караффу сильное впечатление, и он предложил принять аналогичные методы в Италии. Общественное сопротивление задержало Инквизицию в итальянских владениях Испании, так что в Сицилии ее деятельность не началась до 1518 года, а затем ограничилась лишь контролем над евреями, а в Неаполе она на протяжении многих лет была терпима даже к последователям Вальдеса¹²⁹. Караффа верил в необходимость поддержки папы и уговаривал папу создать в Риме новую конгрегацию, которая восстановит прежний доминиканский трибунал для суда над еретиками. Павел III сомневался, опасаясь народного возмущения. Однако, по мере роста числа еретиков и после неудачных попыток примирения, он неохотно развязал Караффе руки. Караффа был так нетерпелив, что устроил следственные камеры с орудиями пытки в своем собственном доме еще прежде создания трибунала. «Если наш родной отец окажется еретиком, — восклицал он, — то мы сами отнесем дрова на его костер!» В другой раз он высказался в том же духе: «Пусть никто не унижает себя, проявляя терпимость по отношению к любому еретик, а особенно к кальвинисту!» Римский трибунал получил юрисдикцию над всей Италией с властью и организацией, аналогичными Испанской Инквизиции. Судьями обычно были доминиканцы, подчинявшиеся комитету из шести кардиналов, включая Караффу, назначенных папой генеральными инквизиторами. 21 июля 1542 года Павел III официально утвердил Римскую Инквизицию и распространил ее власть на весь христианский мир. Таким образом Рим перехватил инициативу у реформаторов.

Сотрудничая с ожившими монашескими орденами и особенно с гражданскими властями, Инквизиция стала эффективным средством подавления еретиков. В марте 1547 года Инквизиция сожгла в Риме испанского дисси-

¹²⁹ К так называемым вальденсам. — Прим. ред.

дента Хуана де Энзинас (Juan de Enzinas). Она вызвала в Рим с территории Венеции Пьетро Паоло Вергеро. Отлученный 3 июля 1549 года Вергеро безопасно бежал в Гризон (Grisons). Ограниченный герцог Флоренции Козимо I (Cosimo I) активно содействовал Инквизиции в Тоскане, которая начиная с 1542 года также функционировала и в Милане. В Ферраре она вынудила Геркулеса д'Эсте (Hercules d'Este) выступить против евангельских верующих, находившихся под покровительством герцогини Рене (Renee). Протестанты бежали, а оскорбленная своим фанатичным сыном Рене удалась во Францию. Теперь правительство Испании почувствовало свободу действовать на территории Италии. 22 февраля 1549 года Караффа стал архиепископом Неаполя и способствовал полному истреблению вальденсов.

Распространение власти Инквизиции во Францию совпало с решением ожесточившегося короля Франциска I подавить гугенотов. Инквизиция действовала в Руане, Тулузе, Гренобле и Бордо. Королевские суды расправлялись с ересью в Париже. Когда 4 октября 1546 года власти города Мо арестовали шестьдесят одного евангельского верующего во время собрания и затем четырнадцать из них сожгли за ересь, то убежищем перестал быть даже этот город, в котором епископ Брикон (Briconnet) когда-то укрывал такие свободолюбивые умы как Левефр д'Этапль. В следующем году особый трибунал Парижского парламента получил исключительные полномочия в вопросе сожжения еретиков. Он установил такой рекорд казней на костре, что позднее был назван горячей комнатой (*chambre ardente*). Король Генрих II (1547—1559) отличался большой ограниченностью и поощрял запреты на протестантскую литературу, профессуру и общение с центрами Реформации. Королевский эдикт 1549 года определил компетенцию церковных и гражданских властей в вопросах ереси. По всей Франции наблюдалась взаимосвязь между успехами Инквизиции и готовностью к сотрудничеству между монархом и более мелкими правителями.

Эффективный идейный контроль требовал сожжения не только мыслителей, но и их книг, что не осталось без внимания ревностного Павла IV. Начиная с 1521 года распространялись списки запрещенных книг. В списках часто упоминались теологические факультеты Парижа и Лувена. Первым полным списком, обязательным для всей Церкви, был *список запрещенных книг (Index librorum prohibitorum)*, подготовленный Павлом IV в последний год своего понтификата и опубликованный в 1559 году. Этот список запрещенной литературы включал такие труды, которые менее горячие умы, чем Караффа, полагали безвредными. В 1564 году его заменил Тридентский список. Запрещались не только еретические сочинения протестантов. Вредными для нравственности были также признаны классические сочинения гуманистов, — например, *Декамерон* Боккаччо. Под запретом оказались и работы «короля» христианских гуманистов Эразма, который однажды едва не удостоился шляпы кардинала. Впоследствии его сочинения публиковались в урезанном виде. Было очевидно, что Возрождение уже осталось в прошлом.

ИЕЗУИТЫ

Ударным отрядом Контрреформации стали иезуиты. Помимо традиционных обетов бедности, целомудрия и послушания, они давали обет полного послушания лично папе. Новообразованное Общество Иисуса было столь успешно в полемике, политике, образовании и миссионерстве, что зачастую воспринималось только как ответ Протестантизму. На самом деле иезуиты были проявлением того религиозного потенциала, благодаря которому в первые десятилетия шестнадцатого века возникли различные новые ордены. Общество Иисуса являлось продуктом испанской духовности и видело себя движением, омолаживающим церковь изнутри и несущим Христианство язычникам, а не военной силой в борьбе с протестантами. Своими завоеваниями иезуиты обязаны гению основателя общества Игнатия Лойолы, а также преданности его первых членов.

Игнатий Лойола (1491—1556) является одной из наиболее ярких фигур в истории Христианства, мужем войны, который стал воином Князя мира. Его отец был баскский дворянин, и мальчиком он служил пажом при дворе короля Фердинанда. Обученный придворным манерам и военному искусству, он поступил вместе со своими двумя братьями в армию их феодального господина герцога Найерского (of Najera). Когда 21 мая 1521 года Лойола защищал брешь в городской стене Пампелуны¹³⁰ при осаде войсками короля Франциска I, французское пушечное ядро раздробило его правую ногу и задело левую. Французский врач неудачно вправил ему ногу, после чего пришлось ее сломать и заново срастить, и Лойола остался на всю жизнь хромым. Находясь на излечении в семейном замке, он начал читать жизнеописания святых и *Жизнь Христа* Лудольфа Картезианца. Лойола пережил сильное духовное потрясение, схожее с борьбой и освобождением Лютера и Кальвина при их обращении, в результате чего его рыцарские идеалы перешли в область веры. Он рассматривал жизнь христианина как преданное служение Богородице. Облаченные в сияющие духовные доспехи рыцари составляют армию Царя, вступившего в смертельную битву с армией сатаны. С присущим ему драматизмом Игнатий совершил символический акт в память о том, как изменилась его жизнь. Беседуя однажды в пути о религии со своим компаньоном, он не смог

¹³⁰ Современная Памплона, столица Наварры. — Прим. ред.

убедить его в девственности Марии. Разгневанный Лойола в какую-то минуту подвергся искушению пустить в ход свой кинжал против дерзкого собеседника. Потрясенный собственной реакцией, Лойола через несколько дней повесил свое оружие в церкви города Монтсеррат¹³¹, посвятив его Деве Марии. Он отдал бедным свою дорогую одежду и надел рубище, покрывавшее его до самых пят. Таким образом Лойола принял церковный обет.

В течение года Лойола жил уединенно в Манресе близ Барселоны, где выдержал напряженную духовную борьбу, выясняя, способен ли человек при содействии благодати контролировать свою свободную волю ради обретения спасения. Он составил набросок своих знаменитых *Духовных упражнений*¹³², которым придал окончательную форму только в 1541 году, и сформулировал «Правила»¹³³, позволив себе даже небольшую гиперболу в следующем заявлении: «Если мы желаем во всем безопасности, то должны твердо держаться принципа: Когда мне что-то представляется белым, буду верить, что это черное, если так определяет церковная власть» (Правило № 13). «Первый принцип и основание» *Духовных упражнений* выражает суть религиозного сознания Лойолы:

«Человек сотворен для хвалы, почитания и служения нашему Господу и Богу, чтобы таким образом спасти свою душу.

Остальные творения по всему лицу земли созданы для помощи человеку в достижении им цели, ради которой он сотворен.

Таким образом, человек должен пользоваться ими [сотворенными вещами] в той мере, в какой они помогают ему достигать цели, и должен освобождаться от них, если они препятствуют ему в этом.

По этой причине, мы должны быть настолько безразличны ко всему сотворенному, насколько позволяет свобода выбора, но не находиться под каким-либо запретом. Следовательно, в отношении самих себя, мы должны не предпочитать здоровье болезням, богатство нищете, честь позору и долголетие короткой жизни. Так же и в отношении прочих вещей.

Наши желания и решения должны способствовать достижению цели, ради которой мы сотворены.¹³⁴

Следуя традиции, в 1523 году он совершил паломничество в Иерусалим. Возвратясь на родину, он поступил на обучение в Алькалу — монастырь, основанный кардиналом Хименесом. Там он собрал группу единомышленников, но попал под подозрение Инквизиции и, по иронии, некоторое время находился под арестом из-за подозрения в ереси.

В 1528 он переехал в Париж, где учился, как и Эразм, в колледже Монтегю, а затем в колледже Св. Барбы. В 1534 году он получил диплом теолога, а в 1535 году степень магистра. Лойола находился в Париже одновременно с Жаном Кальвином, однако свидетельств об их встрече не существует. В Париже Лойола был вторично обвинен Инквизицией, но избежал преследований. В 1534 году его религиозное общество состояло из первых шести членов, включая Диего Лайнеса, позднее ставшего его преемником и генералом ордена, Альфонсо Сальмерона и Франциска Ксаверия, ставшего великим миссионером на Дальнем Востоке. Они дали обет посвятить свои жизни обращению мусульман. Этим фактом подтверждается, что движение было апофеозом средневекового духа испанских крестовых походов. Лойоле потребовалось несколько лет, чтобы убедить Римскую курию в огромной важности предложенного им нового ордена, ставившего своей целью распространение веры и утверждение папской власти, и наконец 27 сентября 1540 года в своей булле *Regimini Militantis Ecclesiae* папа Павел III разрешил создать Общество Иисуса. Иезуиты образовали элитный корпус. Членами ордена становились только самые способные, физически крепкие и привлекательные, энергичные, посвященные и добропорядочные мужчины. По истечении двухлетнего испытательного срока новички принимали монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания. После еще одного года общего обучения и трех лет изучения философии, они преподавали философию и грамматику более молодым собратьям. После следующих четырех лет изучения теологии они допускались к священству и публично обновляли свои обеты. Затем они посвящали еще год практической теологии, искусству проповеди и духовным упражнениям. По окончании последнего испытательного года они наконец допускались к особому послушанию папе и зачислялись в Общество Иисуса. Свои последние годы Игнатий провел на покое, ведя обширную переписку ордена с его членами по всему миру. Отошел он тихо, с молитвою на устах. Ко времени его кончины общество насчитывало около тысячи членов. При своей жизни Лойола увидел, как были основаны сто училищ и семинарий, а уже через полтора века Общество основало более семисот школ. Сегодня количество таких школ исчисляется тысячами.

Орден иезуитов был последним крупным успехом монашества в западном мире. Образцовое внутреннее устройство, свидетельствующее об организаторском таланте Игнатия, является одной из причин потрясающей эффективности Общества. Поступление информации от низших эшелонов к генералу обеспечивалось образцовой связью. Целью дисциплины было поддержание духовной жизни. Иезуиты настаивали на регулярном причастии, частной исповеди и духовном наставничестве, что подтверждает особую заботу о совести каждого члена. Хотя

¹³¹ Близ Барселоны, там находился чудотворный образ Богородицы, к которому на богомолье и направлялся Лойола. — Прим. ред.

¹³² *Exercitia spiritualia*. — Прим. ред.

¹³³ *Constutiones*. — Прим. ред.

¹³⁴ Изд. Льюис Дж. Пул, *Духовные упражнения Св. Игнатия* (Вестминстер, Мэрилэнд, 1957), стр. 12. (Louis J. Puhl, *Spiritual Exercises of St. Ignatius*.)

обычно иезуиты и кальвинисты противопоставляются друг другу как представители католической и протестантской мысли, все же по своей сути они во многом являются двумя сторонами одной монеты. Оба движения были аскетическими, тяготая к аскетизму вне монастырских стен. Оба движения подчеркивали важность образования как источника высокой культуры и истинного духовного знания. Оба движения разработали теории, оправдывающие сопротивление светской власти и призывали к договорной политической модели. Оба движения отличались пессимизмом и строгостью в вопросе антропологии, в отличие от оптимизма христианских гуманистов, таких как Эразм. Оба движения верили, что естественная воля человека должна покориться дисциплине, которая ее настроит на восприятие духовных истин. В то же время оба движения отличались позитивной верой в то, что реальная видимая вселенная сотворена и управляется праведным, но милостивым Богом. Их доктринальные различия относительно спасения, учения о Церкви, Таинств и других теологических вопросов вполне очевидны.

Наибольшие успехи иезуиты имели в области образования и миссионерства. Они создали великолепные школы с учебной программой, или *ratio studiorum*, в значительной степени основанной на гуманистской философии образования, хотя, из апологических соображений, акцентированной на диалектике, а не истории. Они применяли успешную стратегию, поставляя образованных наставников для воспитания принцев, поскольку таким образом достигалось мощное влияние на будущих правителей, например, на Фердинанда Австрийского¹³⁵ и Сигизмунда Польского¹³⁶. Интересным в политической истории является случай с претендентом на русский престол, известным как первый Лжедмитрий, который добился поддержки поляков и иезуитов, приняв католицизм и женившись на дочери польского дворянина. После смерти русского царя Бориса Годунова (которому приписывали убийство настоящего Дмитрия, сына Ивана Грозного) он, казалось, уверенно достигал реализации своих притязаний на престол, но был убит. Лжедмитрий планировал выступить против турок в союзе со Священной Римской империей, папой, Польшей и Венецией и, вполне возможно, заменил бы под руководством иезуитов Русскую Православную церковь на Римскую Католическую, если бы ему удалось утвердиться в качестве царя.

В землях, где преобладал протестантизм, иезуиты пользовались всеми доступными средствами, библиотеками и монастырским обучением. Петер Фабер и Петер Канизий осуществили мощное вторжение в протестантские области Германии, обучая молодых священников, составив катехизис, открывая высшие учебные заведения, такие как иезуитская академия в Вене. Германский университет в Риме, которым позднее руководил кардинал Беллармин (Bellarmine), был важным центром нового завоевания Германии. Уильям Аллен основал семинарию в Дуэ с целью проникновения в Англию, куда священников посылали как секретных агентов. Именно там был составлен Дуэский перевод английской Библии (Douay English Version of the Bible). Это учебное заведение, а также английский университет в Риме были того же типа, что и школы иезуитов, с которыми Аллен находился в хороших отношениях. Переход из наставников принцев в исповедников королей был делом несложным. Однако участие иезуитов в политике привело к тому, что они были изгнаны из некоторых стран, а позднее подверглись временным гонениям даже со стороны папы.

В шестнадцатом и семнадцатом веках иезуиты начали обширную миссионерскую деятельность, которая, вероятно, стала их величайшим достижением. Распространяя Евангелие по всему миру, выступая отчасти в роли противовеса материалистическому империализму европейских купцов и военных, доставляя в Европу сообщения очевидцев об иных землях и научные сведения об их истории и географии, иезуитские миссионеры внесли свой вклад в европейскую экспансию по всему миру, которая является одной из важнейших черт современной истории. Миссионерские усилия отвечали повелению Христову идти по всей земле и проповедовать Евангелие. Существовала генетическая связь между миссионерской деятельностью иезуитов и францисканцев четырнадцатого века, а также стремлением Васко да Гама, Колумба и других путешественников нести Крест в новые земли.

При том что наиболее активными в христианизации Мексики и Перу были францисканцы, доминиканцы и августинцы, — иезуиты играли ведущую роль в Парагвае, а также Бразилии, пионерство в которой принадлежит святому отцу Хосе де Анчета (Hosy de Anchieta). В Латинской Америке условия благоприятствовали массовому обращению индейского населения, однако в Азии с ее многообразными древними культурами и устоявшимися развитыми религиями дело шло гораздо труднее.

Хотя португальские путешественники исследовали Индию и Дальний Восток в сопровождении старых религиозных орденов, над всеми как «апостол Дальнего Востока и Японии» возвышается великий иезуитский миссионер Франциск Ксаверий. Ксаверий родился в своем фамильном замке близ Пиренеев в 1506 году. В восемнадцать лет он отправился в Париж изучать философию в Университете Св. Барба, где познакомился с Лойолой. Игнатий, заметив талант в этом привлекательном, ярком и веселом юном испанском дворянине, склонил Ксаверия и его друга Петра Флабера стать своими учениками. Ксаверий последовал за Лойолой в Венецию, где работал в больнице для неизлечимых больных, затем в Рим и обратно в Венецию, где был назначен священником. Когда король Португалии Хуан III попросил папу Павла III послать на Дальний Восток шесть иезуитских миссионеров,

¹³⁵ Затем император Священной римской империи Фердинанд II. — Прим. ред.

¹³⁶ Затем король Польши Сигизмунд III. — Прим. ред.

то Игнатий назвал Ксаверия в числе двоих уже готовых отправиться в путь. Ксаверий приехал в Лиссабон, после чего отправился на Дальний Восток, где три года проповедовал в португальских колониях Гоа, Кохинхине, Сан-Томе и вдоль побережья Траванкора (Goa, San Thomi & Travancore). После этого он переехал в португальские колонии на Малакке, Малае, Моллукасских и других островах Дальнего Востока, где благовестовал в течение двух с половиной лет. Его самым выдающимся предприятием была миссионерская поездка в Японию с 1549 по 1551 год, где он имел потрясающий успех, обращая людей в Кагосиме, Ямагути и других местах, основав христианскую общину, которая существует и по сей день, вопреки жестоким гонениям предыдущих столетий. Он умер от лихорадки в возрасте всего сорока шести лет, пытаясь проникнуть с Евангелием Христовым в Китай.

Отец Матфей Риччи (Matthew Ricci) (1551—1610) пытался обращать китайцев сверху, сначала обращая мандаринов, а затем простой народ. Он был благожелательно принят в Пекине и снискал благоволение императора благодаря своим познаниям в астрономии и математике. Он в значительной степени адаптировал христианство к местным обычаям и традиционному мышлению, что вызвало недовольство доминиканцев и других консервативных церковных кругов.

Отчеты иезуитов, известные как *иезуитские истории*, предоставили европейцам тома новой информации об Азии, Африке и Америке. В них подчеркивались великое многообразие обычаев и верований, отличие эстетических стандартов, а также интеллектуальные и моральные устои знатных язычников. Отец Риччи глубоко восхищался китайцами и верил, что Бог одарил их более высоким интеллектом и познанием законов природы. Такая информация оказала на европейское мышление возбуждающее воздействие, которое позднее вылилось в настоящий моральный кризис. В восемнадцатом веке европейские философы воспользовались этими сведениями для доказательства своих теорий об эстетической и моральной относительности, которые с того времени стали отличительной чертой европейской мысли.

Триденский собор

Реформация побудила к созыву Триденского собора (1545—1563), самого важного церковного собора после Никейского 325 года. По его завершении на протяжении трехсот лет не было созвано ни одного собора, вплоть до Первого Ватиканского в девятнадцатом веке, — столь длительный перерыв между соборами не имеет прецедентов в истории Церкви. Историк Хьюберт Джедин (Hubert Jedin), современник собора, написал о нем: «Для церкви это был ответ на раскол в вероисповедании, а также акт самоопределения и самообновления той же церкви». Следующие два вопроса отчетливо демонстрируют историческое значение Триденского собора: (1) Было бы все иначе, если бы этот собор состоялся в 1525, а не в 1545 году? (2) Изменилось бы что-либо, если бы он не был созван вовсе? Можно утверждать, что эффективность этого собора едва бы превзошла слабые результаты Пятого Латеранского собора (1512—1517), если бы он состоялся до того, как протестантское восстание проявилось в полную силу. Также можно утверждать, что этот собор не выработал фундаментальной реформы, а только подтвердил принятые позиции. Боссюэ (Bossuet) упрекал Лейбница, настаивавшего на отмене канонов и указов Триденского собора ради христианского единства, напоминая ему о том, что каждое заявление Триденского собора можно обнаружить в документах предыдущих пап и соборов. Для некоторых наблюдателей стал сюрпризом сам тот факт, что этот собор был вообще созван, вопреки опасениям папы относительно примиренчества. Другие же не могут найти объяснения столь длительной отсрочке ввиду требований о его проведении в большей части христианского мира.

В 1460 году папа Пий II утвердил победу папства над соборами в своей булле *Execrabilis*, в которой объявил «бессмысленным, незаконным и совершенно отвратительным» оспаривание на соборе главенства папы, и заявил, что всякий, кто так поступит, будет автоматически отлучен. Указ не был принят повсеместно — это очевидно из того факта, что Пятый Латеранский собор счел необходимым заново утвердить положения буллы *Execrabilis*. Примиренческая позиция просуществовала еще полвека после заявления Пия II. Ульрих фон Гуттен осмелился опубликовать памфлет, на обложке которого повторялось: «Consilium! Consilium! Consilium!»¹³⁷ Иероним Алеандер, легат папы в Германии и убежденный враг Эразма и Лютера, жаловался в 1520 году в своем письме из Вормса: «Весь мир кричит: “Собор! Собор!”».

Лютер относился к собору двойственно. Он настаивал на серьезной необходимости вселенского собора для совершения церковной реформы. В то же время реализм побуждал его не ожидать много от любого собора, созванного в тогдашних обстоятельствах. 28 ноября 1518 года он пламенно призвал созвать собор, однако уже в следующем году в Лейпциге настаивал на превосходстве авторитета Писания над авторитетом пап и соборов, поскольку соборы слишком часто ошибались и противоречили друг другу. В своем обращении *К христианскому дворянству немецкой нации* в 1520 году он перечислил наиболее тяжкие нарушения, с которыми следует собору

¹³⁷ «Собор! Собор! Собор!» (лат.). — Прим. ред.

разобраться. В 1539 году, когда собор еще не был создан, Лютер написал трактат, обобщающий его мнение *О соборах и Церкви*. «Мы призываем и убеждаем провести собор и обращаемся ко всему христианскому миру за советом и помощью!» — восклицает он. — Вы говорите, что надежда на такой собор уже потеряна. Думаю, что согласен с вами». Многие заключили, что папы просто медлят и уклоняются от собора, чтобы сохранить себя от реформы. Выступая перед большой аудиторией, Лютер сравнил папу Павла III со средневековым мошенником по имени Марколф (Markolf), не могшим нигде отыскать дерева, на котором он желал бы быть повешенным.

В эпоху Возрождения устройство папства действительно пребывало в наихудшем состоянии, о чем можно судить по нежеланию пап созывать собор. Однако это диктовалось политической ситуацией, когда короли и императоры тех лет пользовались папскими страхами, шантажируя их собором в стремлении навязать им свою волю. Французские короли Луи XI, Карл VIII и Луи XII проявляли особый интерес к итальянским делам и регулярно прибегали к этому приему. Луи XII зашел так далеко, что поручил пяти кардиналам в сентябре 1511 года созвать собор в Пизе, но Юлий II ответил встречным маневром, объявив в июле того же года о созыве в апреле 1512 года Пятого Латеранского собора в Риме. Несмотря на смерть Юлия после первой сессии, этот собор заседал еще несколько раз при Льве X, вплоть до судьбоносного 1517 года, когда он был наконец распущен при незначительных успехах. В 1517 году Парижский университет выступил за созыв общего собора в знак протеста против отмены Прагматической Санкции Бургов (Pragmatic Sanction of Bourges). Джон Мэйджэр (John Major) (1470—1550), профессор философии и теологии в Париже, возвратившийся в 1518 году в свою родную Шотландию, чтобы преподавать в университете Глазго, а затем — Сент-Эндрюз, постоянно призывал созвать собор и даже написал *Расуждение об авторитетности собора (Disputation on the Authority of the Council)*.

Проведением собора и односторонней реформой угрожали в политических целях даже пассивный император Фридрих III и мечтательный Максимилиан. Когда же Империя Габсбургов, охватывавшая почти всю Европу, перешла в руки Карла V, папство попало в действительно опасную ситуацию, — оказавшись зажатым между интересами одновременно французов и испанцев во время войн Габсбургов и Валуа, оно вынуждено было постоянно менять свою позицию, заботясь о собственных временных интересах.

Карл V, вынужденный терпеть в своей Империи евангелическое движение, настаивал на созыве собора, как условия союза с папой. После поражения в 1525 году короля Франции Франциска I в Павии и разграбления Рима императорскими войсками в 1527 году, испанское владычество вынудило принять требования Карла. Однако принадлежавший к дому Медичи папа Климент VII, теперь в союзе с Францией, по-прежнему откладывал созыв собора, несмотря на угрозы императора организовать в пределах Империи национальный собор с участием протестантов. В 1542 году, после тщетных попыток провести собор в Мантуе и Винценце, Павел III, неохотно пойдя на уступку, созвал собор в Тренте, или Тренто, что в северной Италии, но официально в германских владениях. Габсбурги так и не достигли примирения с французами, и потому Карл принял предложение папы только 18 сентября 1544 года, после заключения Крепизского мира (Peace of Crepy). Булла от 30 ноября объявила о встрече в марте следующего года, однако *Булла о созыве Тридентского святого вселенского собора* вышла только 11 декабря 1545 года. Собор открылся два дня спустя. В *Булле о созыве* признавались «беды, в течение долгого времени поражающие и едва не погубившие христианское сообщество», что князья «полны ненависти и распри», «расколы, раздоры и ереси», задержки в созыве собора по причине козней «врага человеческого» и предупреждалось, что все противящиеся созыву «навлекут на себя гнев Всемогущего Бога и Его блаженных Апостолов Петра и Павла».

Религиозные собрания имеют в нашем сознании некий ореол, потому при мысли о соборах, подобных Тридентскому, историческое воображение рисует перед нами некое священнодействие. Епископ Трента кардинал Мадруццо (Madruzzo), также представлявший Империю, был вынужден решать некоторые проблемы вполне земного характера, заботясь о материальных потребностях делегатов и их свит. Мгновенно подскочила стоимость гостиничных номеров, цены на вино поднялись на тридцать процентов, к Венеции обратились с просьбой о беспошлинном транзите пшеницы и овса из папских земель, быков и мелкий скот привозили из Германии, но «все было чрезвычайно дорого».

Во всем происходившем играл предсказуемую роль человеческий фактор. Некий скептически настроенный святой отец заметил на соборе, что Святой Дух несомненно доставлен к ним из Рима в сумке курьера. После долгого выступления испанского прелата, один из делегатов встал и спросил: «Это, должно быть, Собор в Толедо?» Когда французский делегат весьма жестко критиковал нарушения Римской церкви, то поднялся на ноги итальянец и сказал: «*Ecce!* Вот как поет *gallus* [петух]!» Француз парировал: «Но Писание говорит, что когда петух пропел, то Петр вышел и со слезами покаялся». Имели место даже физические столкновения, например, когда возбужденный прелат вырвал клоч волос из бороды представителя Греции. Тем не менее, большинство заседаний протекало достойно и чинно, сообразно значению происходившего.

Количество участников было малым для события такого уровня. На открытии первой сессии присутствовали всего четыре архиепископа, двадцать епископов, четыре генерала монашеских орденов и несколько теологов.

Наилучшим образом были представлены итальянцы, из которых присутствовала дюжина прелатов против пяти испанцев, двух французов и одного епископа от Империи. Испанцы оказались трудными партнерами из-за их догматической непреклонности, внимательности к пожеланиям императора и отстаивания примиренческих аргументов, вынуждавших курию защищаться. Поскольку Греческая Православная и протестантские церкви не принимали в нем участия, то реально этот собор не мог претендовать на название вселенского.

В своем вступительном обращении председательствовавший на соборе кардинал дель Монте назвал две основные причины его созыва: распространение ереси и необходимость устранения искажений. Обе причины он связал с небрежностью епископов, призвав присутствовавших епископов (епископ Римский отсутствовал) исповедать эти грехи и молить Бога о прощении. Все преклонили колени и сотворили молитву о прощении, хотя позднее стало ясно — многие из присутствовавших не согласны с тем, что курия была исключена из числа виновных. Кардинал прочел краткую молитву и отрывок из Евангелия на тот день, после чего Тридентский собор был объявлен открытым.

Собор происходил, как и было объявлено, под покровительством папы. Начав одновременное обсуждение вопросов реформы и догматики, тридентские святые отцы признали принципиально двойственную природу случившегося с Церковью: утрату духовных идеалов, отразившуюся в увеличении нарушений, — и теологическую неопределенность вкупе с упадком веры в доктринальных вопросах. На седьмом и четырнадцатом заседаниях были приняты главные постановления о реформе, затрагивающие такие темы, как некомпетентность кафедральных священников, совмещение должностей и приходов, даже совмещение душепопечительских должностей, пренебрежение визитациями и т.д. В двадцать первом заседании внимание было обращено на безграмотность и невежество духовенства. В догматической сфере, на четвертом заседании были провозглашены канонические Писания и их авторитетность. Постановлением *De canonicis scripturis* собор утвердил в Церкви авторитетность Вульгаты. В постановлении о церковной традиции не удалось изложить ее полный смысл и значение, равно как и степень ее авторитетности. Было сделано лишь простое заключение, что Святое Писание и церковную традицию следует почитать равноценными, без определения того, следует ли искать духовную истину частично в Писании и частично в традиции, или же полная истина содержится в каждом из них, при том что Писанием определяется приемлемость традиции. На пятом и шестом заседаниях было сформулировано ортодоксальное определение первородного греха и оправдания. На остальных заседаниях подробно обсуждались число, сущность и форма Таинств, были подтверждены учение о пресуществлении (*transsubstantiatio*), значение мессы как жертвоприношения, законность частной мессы, действительность семи таинств, сила которых была объявлена не зависящей от веры.

Излагая догматы, святые отцы просто следовали артикулам лютеранского Аугсбургского вероисповедания 1530 года, противопоставляя им ортодоксальные определения и провозглашая анафему. Наибольшей ожесточенности споры достигли при обсуждении центральной проблемы первородного греха и оправдания. Кардинал Контарини, занимавший примиренческую позицию, в своем *Epistola de justificatione* (1541) сделал различие между «собственным оправданием» человека перед Богом на основании добрых дел — и «вменяемым оправданием», достигаемым в искуплении Христовом верою человека. Приобретаемая таким образом праведность определяет конечное преимущество веры. Умеренные участники Тридентского собора стремились подчинить добрые дела вере, подчеркивая необходимость добрых дел. Генерал августинцев Якопо Серипандо (Jacopo Seripando) настаивал на варианте, относительно приемлемом для евангелических христиан. Иезуитские теологи Лайнес и Сальмерон, следуя инструкциям Лойолы, оставались более или менее в тени до обсуждения этого пункта. Однако теперь они с жаром вмешались, настаивая на полной необходимости добрых дел для оправдания, и непреклонно отказывались от подчинения дел вере, как и от любых других предложений. В конце концов собрание приняло формулировку, основанную на определении Св. Фомы Аквинского. Вот фрагмент из седьмой главы постановления об оправдании, опубликованного 13 января 1547 года:

«В чем состоит оправдание грешника и каковы его причины: Это расположенность, или готовность, за которую следует само оправдание, которое есть не только отпущение грехов, но также освящение и обновление внутреннего человека через добровольное принятие благодати и даров, посредством которых неправедный человек становится праведным, из врага превращается в друга, чтобы сделаться наследником обетованной жизни вечной. Источники оправдания таковы: целевой причиной (*causa finalis*) является слава Бога, Христа и жизни вечной; действующей причиной является Бог, омывающий и освящающий незаслуженно, запечатлевающий и помазующий обетованным Святым Духом, Который есть залог нашего наследия; причиной прощения является Его возлюбленный едиnorodный Сын, наш Господь Иисус Христос, Который, когда мы были еще врагами, по Своей безмерной благодати, которую Он возлюбил нас, облагодетельствовал нас оправданием через Свое наисвятейшее страдание на древе крестном и принес умилоствление за нас Богу Отцу; инструментальной причиной является Святое Крещение, которое есть Таинство веры, без коего не оправдывается ни один человек; наконец, единственной существенной причиной является праведность Божия, не та, которую Он праведен Сам в Себе, но та, которую Он делает нас праведными, именно та, которую мы одарены Им, и посредством которой “обновляемся духом ума нашего”; не только счи-

Поразительна схоластическая структура определения. Чтобы избежать всякой двусмысленности, собор сформулировал тридцать три канона об оправдании, осудив позиции протестантов, как их понимали святые отцы. Определения собора подтвердили и ужесточили католические догматы, которые доселе допускали возможность различных изменений и маневров. Устранив доктринальную двусмысленность и неопределенность, собор заложил фундамент, на котором далее могла развиваться Католическая Реформация.

Когда собор достиг ощутимых успехов, вновь нарушилось политическое равновесие, и святые отцы в страхе объявили перерыв. Карл V затеял войну с Шмалькальденской лигой протестантских князей и городов и одержал над ними победу. Испанцы начали устанавливать в Тренте новую власть, и кардинал Червини (Cervini) стал опасаться личного прибытия императора и его войск с целью подчинения собора его воле. Вспышка эпидемии дала повод перенести собор в Болонью, где итальянские делегаты провели восьмую сессию. Карл V агрессивно запротестовал, требуя возвращения собора в Трент, и в ноябре Аугсбургский сейм отказался признать законность постановлений собора. 15 февраля 1548 года папа Павел III объявил перерыв. В конце 1549 года Павел III умер, так и не возобновив работу собора.

Новый папа Юлий III (del Monte) был избран 7 февраля 1550 года и еще до окончания года объявил о созыве собора в Тренте 29 апреля 1551 года. Большинство собравшихся составляли итальянцы и испанцы, причем испанцы были настроены враждебно по отношению к папе, несмотря на его догматическую консервативность. Карл V беспокоился о контроле над германскими протестантами, которые вели тайные переговоры о поддержке с Генрихом II и заранее отвергли решения собора, потому что их мнение не было выслушано. Юлий III назначил своими представителями иезуитов Лайнеса и Сальмерона. Вновь должно было состояться одновременное обсуждение реформы и догматики. Вновь святые отцы подняли вопрос о Евхаристии, приняли определение по Фоме Аквинскому и подтвердили законность поклонения Телу Христову. В вопросе о покаянии они подтвердили необходимость устной исповеди перед священником и выполнения епитимьи или обетов на основании сердечного раскаяния и устного исповедания. Была также подтверждена историческая обоснованность порядка миропомазания.

В октябре собор внял требованию императора и пригласил к участию протестантских делегатов из Германии. Меланхтон хотел приехать, но не смог. В январе 1552 года прибыли другие представители из Саксонии, Вюртемберга и евангелических городов южной Германии. Было очевидно, что Собор решил главные вопросы до их прибытия и позволит им обсуждать только Причастие в обоих видах и брак духовенства, которые им уже разрешил Император своим Эдиктом. В этот момент колесо фортуны совершило еще один резкий поворот, когда Мориц Саксонский выступил против императора и едва не пленил его. Мориц восстановил Шмалькальденскую лигу, заручился поддержкой Генриха II и вселил страх в сердца тридентских святых отцов, ожидавших нового вторжения германских войск, как в 1527 году. 28 апреля 1552 года Юлий III поспешно распустил собор на два года, однако прошло целое десятилетие, прежде чем он был созван вновь. За это время был заключен Аугсбургский мир (1555), который гарантировал протестантам их законное право на существование в Империи, а Като-Камбрезийский договор (1559) установил новый международный порядок.

Папа Пий IV (1559—1565) вновь созвал собор 8 апреля 1561 года. Стремясь частично опередить национальное самоопределение французов, он впервые принял важных французских делегатов. В ходе дискуссии стало очевидно, что папство вышло из борьбы с новым престижем и влиянием. Представители папы вносили предложения о работе собора, а серьезные вопросы собор направлял папе для разрешения. Иезуиты активно поддерживали папскую власть. Курия медлила в отношении реформы так долго, как могла, а проимперские церковнослужители отчаянно трудились над нею, стремясь ослабить протестантскую критику. Любой обсуждавшийся догматический вопрос, как то: Причастие в обоих видах, месса как жертвоприношение, рукоположение священников, — всегда решался в пользу традиционного толкования. Когда в конце 1563 года торжественная церемония завершила собор, а каноны и постановления были официально подписаны присутствовавшими прелатами, то 189 из 255 подписей принадлежали итальянским церковнослужителям.

Протестанты были раздосадованны, чему не следовало удивляться, и многие из них разделили скептицизм Лютера о «нереформируемости церкви». Еще до начала первой сессии Лютер написал: «Таким образом, собор принял решение прежде своего открытия. Никаких реформ не будет, но все подлежит сохранению в соответствии с прежней практикой. Какой замечательный Собор!». Собор, с его отточенными схоластическими формулировками, канонами и анафемами, негативно повлиял на христианское единство и сжег последние мосты, соединявшие с протестантским берегом. При этом Тридентский собор восстановил власть папы, повысил эффективность церков-

¹³⁸ Изд. Х. Дж. Шройдер, *Каноны и указы Тридентского Собора* (Сент-Льюис и Лондон, 1960), стр. 33. Н. J. Schroeder, *Canons and Decrees of the Council of Trent*.

ной организации и внес догматическую ясность, предоставив Католической церкви конкретное вероисповедание, и теперь она могла достойно встретить ожидавшие ее религиозные битвы.

Реформа после Тридентского собора

26 января 1564 года в своей булле *Benedictus Deus* Пий IV (1559—1565) подтвердил каноны и постановления собора, обратившегося к нему с просьбой об этом, и запретил какие-либо добавления к ним без папской санкции. 2 августа 1564 года он учредил коллегия кардиналов, ответственную за истинное толкование, восстановив тем самым авторитет церкви как источника учения. Его булла *Iniunctum nobis* от 13 ноября 1564 года провозглашала *Professio fidei tridentinae*, включавшее в себя Никейский Символ веры, которым были связаны все, к кому была обращена булла. Среди всего прочего, булла требовала согласия и преданности апостольской и церковной традициям наравне со Святым Писанием, «значения которого придерживалась и продолжает придерживаться Святая Мать Церковь, которая вправе судить об истинном смысле и толковании Святого Писания». Требование обязывало признать Римскую церковь матерью и госпожой всех, и подчиняться папе римскому как преемнику Петра и заместителю Иисуса Христа. Кроме того, предписывалось, наконец, принятие и исповедание всех религиозных канонических постановлений Тридентским собором, которые Ватиканский собор 1869—1870 годов дополнил эдиктом о первенстве и непогрешимости в учениях папы римского.

Карл Борромео (Charles Borromeo), племянник Павла IV, стал настоящим воплощением тридентского духа. Будучи архиепископом Милана, он брал пример со Св. Амброзия, сподобившегося более тысячи лет до того канонизации в растленные времена упадка Римской империи. Борромео отстроил и отремонтировал оскверненные и заброшенные церкви, реформировал порядки и клир, восстановил дисциплину в религиозных орденах, основал новые школы и колледжи. Постановления Тридентского собора не принесли бы Католической церкви большой пользы без усилий таких людей как Борромео.

В качестве руководства Пий V (1566—1572) снабдил всех епископов официальным изданием постановлений Тридентского собора. Петер Канизий (Peter Canisius) доставил эти сборники в Германию, в краткий срок они достигли даже Америки и Конго. В помощь приходским священникам в 1566 году Пий издал Римский катехизис как введение в сборник постановлений Тридентского собора. В дополнение к катехизису были изданы католический требник и молитвенник, основу которых, как и катехизиса, уже подготовил собор.

Григорий XIII (1572—1585) обязал папских нунциев контролировать выполнение Тридентских постановлений в подотчетных им землях. Отвечая на пожелание собора, Сикст V (1585—1590) и Климент VIII (1592—1605) опубликовали Вульгату в новой редакции. Папам не везде удалось добиться немедленного признания решений Тридентского собора. Это им удалось в Испании, Польше и Итальянских землях, но не во Франции и Германии. В наши дни решения собора в расширенном поздними папскими формулировками варианте являются нормой для Римской Католической церкви во всех странах.

Римский катехизис, составленный под влиянием учений Фомы Аквинского, не встретил поддержки среди иезуитов, которые отдавали предпочтение тройственному катехизису своего собрата иезуита Петра Канизия. С его изданием не мог соревноваться даже катехизис Роберто Беллармино, одобренный Климентом VIII и опубликованный в 1603 году как истинное разъяснение Римского катехизиса. Канонизация Канизия Пием IX (1846—1878) и Пием XI (1922—1939) свидетельствует о продолжении влияния иезуитов в Римской Католической церкви. (Пий XI также канонизовал Беллармино, положив таким образом конец некоторым противоречиям, разрешить которые в то время едва ли было возможно.)

Вопросы, обсуждаемые на Тридентском соборе, были столь ключевыми, а их разрешение столь важным для развития западной истории, что они стали поводом к рождению двух великих исторических описаний, принесших в литературу два диаметрально противоположных взгляда. В 1618 году венецианский священник Паоло Сарпи опубликовал «Илиаду наших времен» — свою *Историю Тридентского собора*. Обладавший познаниями в математике и оптике, сведущий в восточных религиях и активный в делах государства и Церкви, Сарпи представлял собой венецианскую разновидность *homo universale* пятнадцатого века. Во время кризиса отношений между папой и Венецией, вызванного питаемой на протяжении веков взаимной враждой, папа отлучил Венецию от церкви. Сарпи выступил как активный защитник Венеции, настаивая, что папа является узурпатором в церкви. Изображая события в Тренте, Сарпи показал преступность папства и обличил участие курии в защите интересов Рима. Сарпи подчеркнул, что исторические события носят случайный, а вовсе не последовательно закономерный характер, и продемонстрировал, как часто замыслы имели результаты, весьма отличные от первоначальных намерений. Поскольку человеческие планы разрушаются непредвиденными обстоятельствами, сфера, в которой человек может безопасно действовать, строго ограничена. Отвечая Сарпи, иезуитский историк Паллавичино (Pallavicino) написал свою версию этой истории. Без особого труда он показал, что Сарпи подтасовал документы и факты с целью представить римского папу в негативном свете. Он стал на защиту чести Тридентского собора и горячо под-

держал его результаты, являющиеся, по его мнению, деянием Провидения.

В ретроспективе представляется вполне ясным, что перед тем, как Контрреформация стала набирать силу и начала репрессии, Возрождение в Италии умерло или было при смерти благодаря завоеванию страны северными силами и войнам на итальянской земле, а также из-за национального экономического упадка, утраты подвижности и инициативы. В Венеции Возрождение продлилось вплоть до шестнадцатого века, породив Венецианскую школу искусства в сфере гражданского гуманизма и таких интеллектуалов, как Сарпи. Именно упадок Возрождения и ослабление христианского гуманизма позволили развиться ограниченной непреклонности и авторитарности в Контрреформации. Не одни только испанцы были причиной такого поворота дел.

Поражает неотделимость Контрреформации от средневековых реформаторских устремлений. Тридентский собор напоминал Четвертый Латеранский собор 1215 года, когда церковная реформа была связана с крестовыми походами против мусульманских еретиков. В Тренте еще сильнее проявилось проникновение национальных интересов в дела Церкви, что было напрямую связано с индивидуальными интересами, направленными на протяжении всех последних столетий Средневековья против церковного универсализма. Идеи ориентированы на перемены, а организации на стабильность. Вероятно не слишком странно видеть в систематической реакции Римской Католической церкви, старейшей из существующих в мире церковных организаций, на пророческий призыв евангельского движения к покаянию и вере — еще одну сцену древнего конфликта между пророками и священниками, который своими корнями уходит глубоко в историю Израиля.

Для историка, хотя бы отчасти осознающего величие сил, производящих перемены и стабильность в истории, борьба между Реформацией и Контрреформацией являет захватывающее зрелище. Невозможно без благоговения и уважения взирать на ответ Католической церкви наиболее болезненному кризису во всей ее долгой истории, который, по свидетельству в 1537 году кардинала-эразмита, «едва ее не потопил». Сходное чувство выразил либеральный английский историк Томас Бабингтон Маколэй (Thomas Babington Macaulay) в своей аннотации на *Историю папства* Леопольда фон Ранке (1840):

«На земле нет и никогда не было продукта человеческой политической деятельности, который заслуживал бы такого внимания, как Римская Католическая церковь... Она была очевидицею возникновения всех правительств и церковных учреждений, существующих сегодня в мире, и мы не стали бы спорить с тем, что она увидит конец их всех. Она была величественна и почитаема до того, как саксонцы вступили в Британию и Франк пересек Рейн, когда в Антиохии еще процветало греческое красноречие, а в Мекке еще поклонялись идолам. Возможно, она продолжит свое существование с прежней неувядающей силой, когда некий путешественник из Новой Зеландии в совершенной тишине ступит на разрушенную арку Лондонского моста, чтобы окинуть взором руины Собора Св. Павла».

Гражданская война во Франции и Испанское владычество

Шестнадцатое столетие стало для Испании золотым веком. Испания не только выдержала шторма Реформации и осталась мощнейшей католической державой, не только основала новую мировую империю, но даже затмила во второй половине столетия свою старую соперницу Францию, раздираемую конфессиональным кризисом и гражданской войной, которая грозила стране полным развалом. Через год после смерти Карла V в 1559 году некоторые важные события определили течение дальнейшей истории. Заключенный в этом году Като-Камбрезийский договор отметил окончание попыток Франции покорить Италию и установил затишье в ее внешних делах, тем самым позволив французам перенести внимание на внутренние проблемы. В этом году умер фанатичный король Генрих II, и его преемником стал Франциск II, болезненный мальчик пятнадцати лет, который, несмотря на свою юность, уже состоял в браке с королевой Шотландии. В этом году реформатские общины организовали в Париже свой первый национальный синод. Но прежде всего, 1559 год стал началом эпохи, в которой Испания под руководством холодного и фанатичного короля Филиппа II приобрела в католическом мире ведущую роль и попыталась установить в Европе свою гегемонию. Возвышение Испании совпало со смятением во Франции, содрогавшейся от кровавых конфликтов между политическими и религиозными партиями.

Религиозные войны во Франции

Наиболее замечательной женщиной, с истинной честностью изучавшей сложное положение Франции во второй половине шестнадцатого века, была королева Екатерина де Медичи, вдова короля Генриха II и дочь герцога Лоренцо Великолепного (Lorenzo the duke of Urbino), которому Макиавелли посвятил своего *Государя*. Однажды королева Екатерина написала папе: «Отделившихся от Римской Церкви невозможно подавить ни оружием, ни законами, поскольку слишком велико их число». Кальвинизм совершил настоящее крупномасштабное вторжение во Францию. В 1562 году число его сторонников возросло от полумиллиона до полутора миллионов, возможно с некоторым сокращением позднее. Следует серьезно пересмотреть общепринятое утверждение, будто кальвинизм привлекал буржуазию и мелкое дворянство, в то время как аристократия, крестьяне и городское простонародье оставались католиками. Реформация привлекла большое число представителей высшей аристократии и государственных деятелей, а в некоторых городах простые горожане становились ее сторонниками и поддерживали новое движение. В 1559 году во Франции существовало уже две тысячи реформатских общин. В период с 1564 по 1572 год французские кальвинисты дискутировали о двух конкурировавших формах церковного управления: конгрегационалистской и пресвитерианской моделях. Несмотря на движение в двух направлениях, кальвинисты отличались замечательной сплоченностью благодаря руководству из Женевы. Но, при почтении к духовным наставлениям Кальвина и Беза, они довольно часто игнорировали их советы в политической жизни.

Екатерину де Медичи презирала высокомерная французская аристократия, считавшая ее дочерью «лавочника из Флоренции». Однако она была ловкой расчетливой женщиной, равнодушной к изящным искусствам, красивой мебели и вопросам религии. Она ревностно оберегала власть Валуа для себя и своих детей, пользовавшихся этой властью. С полной откровенностью она писала: «Я приняла решение во всем и всеми возможными способами стремиться поддерживать власть моего сына, и, в то же время, сохранять народ в мире, единстве и согласии, не позволяя ему что-либо изменять или предпринимать». Ловкая и изворотливая, она настраивала партии внутри Франции друг против друга и отражала нападки своего зятя и короля Испании Филиппа II, пока наконец не умерла в 1589 году, когда вместе с Армадой потонули и его надежды на господство над всей Европой.

После смерти Генриха II от раны, полученной на турнире, кальвинисты надеялись на некоторое облегчение королевских гонений, но их надежды не оправдались. Франциск II с юношеской пламенностью посвятил себя своей юной невесте Марии Стюарт и позволил доминировать в правительстве ее дядям, горячим католикам Франсуа Гизу и Шарлю, кардиналу Лотарингскому. Могущественные аристократы, которых Гизы отстранили от влияния в правительстве, заручились в своем противостоянии поддержкой гугенотов. Они считали, что опекуном молодого короля должен быть Антуан де Бурбон, и наместник Монморанси вместе с Бурбонами предпринял маневры к

овладению ключевыми постами. Екатерина де Медичи увидела возможность возвысить корону над обеими сторонами и в 1560 году устроила назначение Мишеля де Лопиталья (1503—1573) на должность канцлера. Однако в руках влиятельных католиков находились как законодательные, так и исполнительные органы власти, и попытка Екатерины вознестись над полем битвы сорвалась. Не увенчался успехом и Амбуазский заговор в марте 1560 года, имевший целью привлечь короля или хотя бы освободить его от влияния Гизов. За соучастие в заговоре был арестован принц Конде, но когда полная победа Гизов была близка, король Франциск II умер (5 декабря 1560 года), и дела приобрели новый оборот.

Новому королю Карлу IX (1560—1574) исполнилось всего десять лет, что предоставило Екатерине возможность выступить в роли регентши вместе с королем Наварры Антуаном, генеральным наместником Французского королевства. Мария Стюарт удалась в Шотландию, и Гизы остались не у дел, однако они не желали смириться с таким поворотом событий. На Пасху 1561 года в правительстве триумвират герцога Гиза, Монморанси и маршала Франции де Сен-Андре обрел реальную силу. Теперь Екатерина, конечно же, обратилась за поддержкой к Бурбонам и гугенотам. Участились случаи насилия и возросло число радикальных предложений. На съезде генеральных штатов в Понтуазе протестантский представитель третьего сословия предложил продать все светское имущество церкви, оставив каждому прихожанину по одному жилому дому, а выручку использовать для поддержки церкви и духовенства и для погашения государственного долга. Напуганное духовенство проголосовало за то, чтобы помочь королю, ослабив финансовое бремя государства. Екатерина настаивала на примирении сторон и финансировала конференцию в Пуатье в сентябре 1561 года. Французское правительство пригласило представлять протестантов Беза, а не Кальвина, но настоящего диалога не получилось, так как Беза не было разрешено отвечать на опровержения Карла Гиза. Присутствовавший на дебатах генерал ордена иезуитов Лаинес призвал католиков изгнать этих «волков, лисиц и змей».

После этого Екатерина сделала важный шаг в сторону религиозного мира. Она созвала в Сен-Жермен-ан-Лэ представителей всех парламентов верховных судов для рассмотрения религиозного вопроса. Затем 17 января 1562 года устами своего умеренного канцлера Лопиталья она обнародовала знаменитый эдикт, который впервые обеспечил гугенотам официальное признание и значительную степень терпимости. Лопиталь назвал ее «добрейшей женщиной на земле», однако этот ее шаг был продиктован скорее необходимостью, чем душевным побуждением. Эдикт потребовал от гугенотов возвращения церквей, которые они захватили в свое владение, но им было разрешено проводить богослужения за стенами городов, а в городах поклонение разрешалось только в частных домах. Преамбула к эдикту выразительно гласила, что эдикт направлен не на закрепление внутри одного государства двух вероисповеданий, но на поддержание мира и согласия до тех пор, пока Бог не восстановит подлинное единство. Екатерина и Лопиталь были политиками, которые взращивали терпимость, предпочитая государственные интересы интересам религиозных групп. Тем не менее, официальное признание права гугенотов на существование стало событием огромной важности. Частные феодальные интересы дворянства и республиканские настроения горожан получили большую свободу выражения. Однако католические Гизы отказались приводить эдикт в исполнение, и через два месяца после его провозглашения во Франции вспыхнула распря, пылавшая затем на протяжении тридцати лет и совершенно истощившая страну.

Побоище в Васси стало началом череды кровавых войн. Гизы заручились поддержкой короля Испании Филиппа II со стороны католиков, и одновременно встретились в Заберне (Zabern) с лютеранским герцогом Христом Вюртембергским с целью предотвратить поддержку кальвинистов с их стороны. По дороге домой герцог Франсуа Гиз встретил в городе Васси в Шампани гугенотов, собравшихся для поклонения. Его армия атаковала собрание и убила более трехсот человек. Католики праздновали возвращение герцога в Париж как крупную военную победу. Триумвират принудил Екатерину переехать из Фонтэнбло в Париж и начать более тесное сотрудничество с католиками.

Гугеноты под руководством адмирала Гаспара де Колиньи и принца Конде взяли за оружие ради осуществления январского эдикта и освобождения Екатерины и Карла IX от Гизов. Они захватили Орлеан, Лион и другие города. Армию сопровождали кальвинистские капелланы, которые проводили в поле богослужения и вели в бой под пение псалмов. Королева Англии Елизавета послала войска, чтобы захватить Гавр и обменять его на Кале. Екатерина пригласила швейцарских и германских наемников, а также обратилась за помощью к папе и Филиппу II Савойскому. Герцог Франсуа пленил принца Конде, а в феврале 1563 года был убит на Луарском мосту наемным убийцей. После этого адмирал де Колиньи стал предводителем гугенотов, будучи очень рад суду Божию над герцогом Франсуа. Однако потерпев поражение в Руане и будучи загнаны в тупик в Дрё, гугеноты приняли условия Амбуазского мира (1563), разрешавшего кальвинистам-дворянам проводить богослужения в своих замках, а горожанам иметь одну церковь в каждом округе. Кальвин и Колиньи остались недовольны заключением Амбуазского мира; не менее разочарованы были папа, император и король Испании Филипп II. Банды мародеров продолжали грабить города и портить посевы. Екатерина предприняла путешествие ради установления мира, но испортила необходимый эффект своей встречей в Байонне (1565) с ненавистным герцогом Альба и своей дочерью

Елизаветой, которая после смерти Марии Кровавой стала женой Филиппа II и королевой Испании. Страх перед заговором побудил гугенотов опять готовиться к войне.

Война вновь разразилась в 1567 году, и гугеноты заявляли, что «освободят короля от Екатерины». Они почти захватили королевский двор в Мё (Меаух), заставив Екатерину совершить поспешный побег, нанеся обиду, которую она им не смогла простить. Силы обеих сторон были на исходе, и 23 марта 1568 года они согласились заключить новый мир.

Екатерина была в отчаянии, поскольку ни примирение, ни репрессии в равной степени не имели успеха. Обе стороны совершали политические маневры. Для бдительного контроля над местными гугенотами были созданы новые католические организации, как например, Братство Святого Духа в Бургундии. Гугеноты укрепили Ла Рошель на Атлантическом побережье и создали другие военные базы. Конде возглавлял тридцатитысячную армию, но в марте 1569 года был пленен в битве при Жарнаке и убит. Адмирал де Колиньи остался в одиночестве. К счастью для него, Екатерина с подозрением восприняла предложение Шарля Гиза о том, чтобы король Испании Филипп II наследовал престол, если никто из ее детей не оставит наследника, и стала более благосклонна к гугенотам. Сен-Жерменский Эдикт (8 августа 1570 года) гарантировал кальвинистам свободу совести и возможность поклоняться так же, как и до войны.

Теперь Колиньи очень необдуманно проявил излишнюю амбициозность в благоприятных для него условиях. Владея четырьмя важными крепостями Ла Рошель, Коньяк, Монтобан и Ла Шарите (La Charité), гугеноты восстановили единство и силу. Колиньи попытался подтолкнуть Францию к действиям против Испании с целью отнять испанские Нидерланды у Людовика Нассау и Англии. Колиньи даже осмелился заявить Екатерине Медичи, что плох тот француз, который против войны с Испанией. Оказывая давление на Екатерину, Колиньи перешел допустимые границы, и она решила, что настало время Франции избавиться от адмирала де Колиньи раз и навсегда. Она содействовала покушению на его жизнь, но наемник только ранил его. Гугеноты потребовали объяснений, и Екатерина, опасаясь огласки, согласилась с Гизами, что следует убрать не только Колиньи, но и все высшее руководство кальвинистов. Результатом стало побоище Варфоломеевской ночи, один из ужаснейших эпизодов Западной истории, повидавшей немало.

По-прежнему остаются большой загадкой подлинные обстоятельства побоища, а также степень осведомленности и участия молодого короля Карла IX. Екатерина, вероятно, участвовала в заговоре, но не представляла его масштаба. В ночь с 23 на 24 августа 1572 года убийцы ворвались в парижскую квартиру Колиньи, зарезали его, и выкинули труп из окна. Тою же ночью погибли другие руководители гугенотов. Заговорщики заранее условились, что молодому Конде и Генриху Наваррскому, который всего за неделю до того женился на одной из дочерей Екатерины, будет предоставлена возможность спастись, приняв католицизм, на что оба поспешно согласились. Когда два принца направлялись в тюрьму, толпы фанатиков вышли на улицы Парижа для безумной охоты на еретиков, убив, самое малое, триста человек. Массовые погромы происходили в провинциях до октября, в результате были убиты тысячи гугенотов, чтобы, по словам Екатерины, «стереть с лица земли этих подданных, составших против Бога и Карла IX». Папа Григорий XIII отметил побоище торжественной мессой и выпуском памятной медали в честь этого события. Говорят, что Филипп II, узнав о случившейся резне, впервые в жизни засмеялся.

Побоище стало большой ошибкой. Гугеноты мобилизовались, приобрели новых сторонников и подготовились к длительному вооруженному сопротивлению. Влиятельные аристократы желали восстановления древних феодальных свобод и противостали «презренному деспотизму» короля Карла. Однако умеренные католики, *les politiques*, объединились с умеренными кальвинистами и образовали центристскую партию с целью поддержания стабильности в государстве. Через своего представителя, маршала Дамвиля (Damville), сына заместителя Монморанси, они объявили о своей верности королю, попросив однако свободы поклонения для протестантов. В такой ситуации в 1574 году Карл IX умер, и его брат Генрих III поспешил вернуться из Польши, чтобы занять престол.

Генрих III был никудышним политиком. Екатерина баловала своего любимца, и он вырос мотом и сластолюбцем, предаваясь оргиям и распутству. Он содержал для развлечения компанию «милашек», смазливых мальчиков в женских платьях. Кальвинисты холодно отнеслись к правлению нового монарха. В 1576 году для контроля над гугенотами сын убитого Франсуа герцог Генрих Гиз образовал Католическую Лигу с поместными отделениями, наблюдавшими за верховенством веры и короля во всех провинциях. Лига боролась за древние свободы дворянства и средневековые права третьего сословия, чем приобрела себе большую поддержку. Не будучи в состоянии их победить, Генрих III решил к ним присоединиться и сделался главой Лиги. Таким образом он оттолкнул *les politiques* и гугенотов, но так и не смог успокоить Генриха Гиза и ультракатоликов. Осознав свою ошибку, Генрих III объявил все лиги распущенными и заключил союз с Генрихом Наваррским, который при первой же возможности отказался от навязанного ему Католицизма и теперь возглавлял гугенотов. Вспыхнула гражданская

война. К удивлению многих, Генрих III и некоторые из его *mignons*¹³⁹ оказались неплохими полководцами.

В 1584 году умер последний брат Генриха III — герцог Анжуйский Франсуа и последний претендент на престол из дома Валуа. Герцог Генрих Гиз попытался предотвратить возможность восхождения на престол Генриха Наваррского, принадлежавшего к дому Бурбонов, по причине его еретической веры. Генрих Наваррский перешел в наступление, и завязалась «война трех Генрихов». Генрих III попытался утвердить свою власть на Генеральных штатах в Блуа, но герцог Генрих Гиз и члены Католической Лиги показали, кто является хозяином положения. Из страха перед герцогом Гизом Генрих III совершил свой последний промах. Популярный герцог Гиз был убит в замке Блуа. Говорят, что Генрих III пнул ногой мертвое тело и цинично заметил: «Боже, такой длинный». На следующий день был убит брат герцога Генриха Луи. Генрих III решил, что наконец стал настоящим королем, однако теперь католики восстали уже открыто. Королева Екатерина сразу поняла очередную грубую ошибку Генриха III. «Сын мой, ты отсек, — воскликнула она, — но теперь должен пришить заново». Тринадцать дней спустя в январе 1589 года королева Екатерина де Медичи покинула сей мир, отчаявшись уговорить сына изменить столь опасное положение. Испугавшись мести Католической Лиги за смерть Гизов, Генрих III бежал под защиту Генриха Наваррского. Однако 1 августа 1589 года фанатичный доминиканский монах убил Генриха III, не сознавая, что открыл тем самым путь гугенотам к престолу. Испуская дух, Генрих III объявил Генриха Наваррского своим наследником и преемником французского престола.

Тридцатипятилетний привлекательный, щедрый, красноречивый и мужественный Генрих IV быстро завоевал любовь народа, несмотря на свою веру, неприемлемую для католического большинства. Он объявил, что не причинит католикам вреда, но по прошествии шести месяцев будет созван собор для рассмотрения религиозного вопроса. Ему симпатизировали *les politiques* и такие умеренные протестанты как Филипп дю Плесси-Морнэ (Philippe du Plessis-Mornay). Когда умеренные члены Католической Лиги заявили о своем единственном возражении — протестантизм Генриха IV, то Генрих позволил архиепископу Буржскому объявить о его (повторном) обращении в католицизм. 25 июля 1593 года он отрекся от своей реформатской веры, а в начале 1594 года был помазан елеем в Шартре и 22 марта 1594 года въехал в Париж. Очевидцы передали его слова: «Париж достоин мессы».

Теперь Генрих IV пользовался такой поддержкой, что осмелился выступить в союзе с Англией против короля Испании Филиппа II. 2 мая 1598 года, после настоятельной просьбы папы Климента VIII, испуганного войной между католическими странами, Генрих согласился заключить Вервенский мир. За несколько недель до окончания испанской войны Генрих IV оказал содействие своим бывшим братьям по вере, издав знаменитый Нантский эдикт (13 апреля 1598) о терпимости по отношению к гугенотам. Теперь гугеноты могли проводить церковные богослужения в двух местах каждого округа, кроме некоторых крупных городов, Парижа и мест, находящихся на расстоянии пяти миль от столицы.

Генрих IV энергично и разумно трудился над врачеванием ран тридцатилетней гражданской войны и внутренним восстановлением Франции. Суровый, но честный кальвинист Максимилиан де Бетун, герцог Сюлли (Maximilien de Bethune, duke of Sully), которого он назначил руководить восстановлением экономики, боролся с инфляцией, сокращая расходы и искореняя коррупцию при сборе налогов. Он верил, что главным и истинным источником богатства является земля и потому трудился над улучшением сельского хозяйства, строил дороги от ферм к рынкам, осушал болота, рыл каналы, строил мосты и защищал крестьян от нападений разбойных банд. Он организовал торговую комиссию для развития промышленности, например производства шелка в Лионе. Сюлли даже был автором великого проекта Генриха IV сделать Францию главной христианской державой ради сохранения покоя и порядка в христианском мире. Смотря за пределы Европы, корона основала новые колонии в Северной Америке и Азии. В 1608 году Шамплен (Champlain) основал французские поселения в Порт-Рояле и Квебеке.

Все шло хорошо, когда опять вмешалась судьба. Генрих IV продолжал оказывать давление на Испанию, особенно в Нидерландах, и вступил в союз с несколькими протестантскими немецкими князьями, чтобы защитить от Испании небольшую провинцию Юлих-Клеве. Направляясь к своей армии, Генрих был убит на улице фанатичным католиком, убежденным, что Генрих замышляет войну против папы. Злосчастная Франция вновь пала жертвой сил, грозивших ей разложением.

На протяжении семи лет вдова Генриха Мария де Медичи выступала в роли регентши своего молодого сына Луи XIII (1610—1643). Начиная с 1624 года вместе с великим кардиналом Ришелье в роли министра Луи XIII успешно продолжил политику Бурбонов, утверждая верховенство короля во Франции и верховенство Франции в Европе. Эта политика достигла своего наивысшего расцвета при его сыне Луи XVI. Страх и истощение в результате гражданской войны подготовили французский народ к принятию абсолютизма, неприемлемому в другой ситуации. Франция прошла долгий путь с радужных дней Франциска I, когда гуманисты предвещали наступление золотого века. Ее ослабили войны между Габсбургами и Валуа, и истерзали религиозные войны. К началу семна-

¹³⁹ «Милашек» (фр.). — Прим. пер.

дцатого века способность сопротивляться абсолютизму почти иссякла. Тем не менее, борьба гугенотского меньшинства против Валуа привела к возникновению новых политических представлений о независимости и праве на сопротивление, которые имели огромное значение для того времени и в последующую эпоху демократических революций.

Развитие французской политической мысли

Принято считать, что французские кальвинисты следовали Женевскому учению о повиновении гражданским властям до тех пор, когда их шаткое положение стало критическим в Варфоломеевскую ночь 1572 года, после которой сформировалось представление об ограниченности власти и праве на сопротивление монарху. Истина заключается в том, что политические теории Средневековья отражали, в основном, реалии ограниченной монархии, при которой монарх подчинялся старому доброму закону и делил власть с более мелкими феодалами и условиями. Церковные юристы поддерживали притязания папы на *plenitudo potestatis*, или полноту власти, а современные Возрождению роялисты внесли свой вклад в теоретическое обоснование абсолютной монархии. Модель такой абсолютной монархии возникла во Франции при Франциске I благодаря воззрениям юристов времен Луи IX и более поздних, стремившихся расширить королевскую власть во всех возможных направлениях. В их понимании монарх является заместителем Бога, независимо от воли и согласия народа. Римским правоведом было присуще понимание самой сути верховной власти как законотворчества.

Некоторые теоретики, например гуманист Гийом Бюде, утверждали, что, поступая вопреки здравому смыслу и справедливости или своим собственным указам, король становится виновен в *lose majestii* (утрате величия), однако король является верховным судьей, определяющим, в чем заключается благоразумие. Епископ Клод де Сюилье (Claude de Seysselle), служивший канцлером и послом в Англии, разъясняет в своем трактате *Le grand monarchie de France*¹⁴⁰ (1518), что весь комплекс традиционных и объективных ограничений воли короля естественным образом заимствован из неписаной конституции французской монархии. Согласно его утверждениям, монархия основана на традициях и целесообразности, а не на божественном праве, и задача правительства заключается в том, чтобы поддерживать мир, порядок и справедливость. Мишель де Лопиталь, канцлер королевы Екатерины, утверждал, что правитель принимает свою власть напрямую от Бога. Он верил, что мир и порядок во Франции зависят от законодательной власти правителя и его способности решать все вопросы без возражений. Подданный не может быть оправдан в случае бунта, несмотря на поведение правителя, и убийство тирана является мерзостью. Залогом государственного единства может быть только абсолютная власть правителя.

Наиболее сильным политическим мыслителем шестнадцатого века бесспорно является Жан Боден (прибл. 1529—1596), автор *Метода легкого изучения истории* (1566) и *Шести книг о республике* (1576). Боден учился в Тулузском Университете, а затем переехал в Париж, чтобы писать о юриспруденции, охватывая взглядом всю Францию. Истинным прообразом и основой республики он видел семью с естественным авторитетом отца. Он утверждал, что государство является сообществом семей и обладает над ними верховной властью, которая должна служить созданию всех благ душевных и телесных. В хорошо организованном государстве правительство заботится о законности, безопасности и экономике. Монархия — это общепризнанная неограниченная законодательная власть. Боден полагал, что даже такая монархия не была в состоянии утихомирить беспорядки его времени. Однако он был сторонником ограниченной монархии. В 1580 году он написал своему другу следующие поразительные слова:

«Существует ли что-либо более демократичное, чем то, что я осмелился написать о том, что король не должен взыскивать дань без согласия граждан? Сколь важен также упомянутый мною факт, что Божий и естественный законы связывают правителей более строгими узами, чем их подданных. Они связаны договором так же, как и прочие граждане».¹⁴¹

На фоне подобных монархических политических воззрений кальвинистские представления о сопротивлении государству выглядят действительно революционно. Вопреки древнему традиционному французскому *un roi, une loi, une foi* (один король, один закон, одна вера), инакомыслящие аристократы бросили вызов единству государства, а недовольные кальвинисты претендовали на легализацию религиозного многообразия. Кальвин проповедовал учение о непротивлении и тщательно отстранялся от Амбуазского заговора. Вместе с тем, он открыто критиковал тиранов и признал одно исключение из своего принципа непротивления: если человеческая власть противо-

¹⁴⁰ «Великая французская монархия». — Прим. пер.

¹⁴¹ Боден к Дю Фору, 3 октября 1580 (?), цит. по Беатрис Рейнольдс, *Сторонники ограниченной монархии во Франции шестнадцатого века: Франсуа Отман и Жан Боден* (Нью-Йорк, 1931), стр. 185-186. (Bodin to Du Faur... Beatrice Reynolds, Proponents of Limited Monarchy in Sixteenth-Century France: Francis Hotman and Jean Bodin.)

речит Божиим требованиям, то Богу следует подчиняться больше, нежели людям¹⁴². Древние судьи, например спартанские эфоры или римские трибуны, были обязаны оберегать народ от тирании. Поздние кальвинисты пошли дальше в развитии своих идей, имевших подлинно революционные последствия. Претенциозный историк Илэр Беллок (Hilaire Belloc), конечно же, ошибся, хотя и не полностью, когда написал: «Нет Кальвину, нет Кромвелю».

Некоторые близкие соратники Кальвина развивали представления о противлении еще до того, как их положение во Франции стало отчаянным, — новые идеи предшествовали конкретным событиям. Теодор Беза (умер в 1605 году) уже в 1554 году утверждал в своем трактате *De haereticis*, что представители власти, занимающие низестоящие посты, вправе поднять народное восстание против вышестоящей власти ради «истинной веры». Эта идея была многосторонне развита в его трактате *De jure magistratuum*.

Беза указывал на пример города Магдебурга, который, по его утверждению, справедливо защищался от войск Карла V во время Шмалькальденской войны. Другой швейцарский реформатор Пьер Вире (1511—1571) следовал Кальвину, призывая в целом подчиняться королям, судьям и гражданским законам, но критиковал тиранов, призывал к пассивному противлению и даже утверждал, что верит в возможность случаев, когда Господь одобряет «праведное неповиновение» тираническим указам, противоречащим Божией воле.

Именитый гугенотский правовед Франсуа Отман опубликовал в Женеве свою «*Франко-Галлию...*» — пылкий и выразительный трактат о французской истории и естественном праве. Работа была издана в 1573 году, однако в действительности Отман написал ее за шесть месяцев до побоища Варфоломеевской ночи, а значит, она была не просто *livre de circonstance*¹⁴³, написанной в ответ на побоище. Он стремился доказать, что верховная власть народа, осуществляемая через национальный представительный орган, традиционно признавалась со времен доримской Галлии, исключая период римского вторжения. Отман утверждал, что право выражавшего верховную власть народа представительного органа создавать законы, назначать судей и даже смещать королей признавалось до конца предыдущего столетия, и было позднее узурпировано королями Валуа. Отман плохо знал историю, однако его трактат послужил эффективным пропагандистским инструментом.

Еще более удивительна анонимная брошюра *Vindiciae contra tyrannos* (1579), в которой сказано, что правитель связан договором, выражающим непреложную Божию волю, которую не может безнаказанно нарушать ни король, ни народ. При том что *Vindiciae* недоставало конкретики, акцент на договоре предполагал представление о взаимных обязательствах и подчеркивал обязанности правителя. В любом королевстве настоящим господином и правителем является сам народ. Бунт против тирана всегда оправдан, так как своей тиранией он нарушил договор и потому не имеет права на трон. Пренебрегая правом, справедливостью и благочестием, законный правитель становится тираном, а следовательно, врагом Бога и людей. Общество вправе судить правителя, ставшего тираном, хотя отдельный человек не вправе действовать самостоятельно. Действовать вправе только общество посредством представителей, дворянства и судей. При всей спорности и неопределенности *Vindiciae*, заявления о верховной власти народа имели весьма революционные последствия. Развитие политической мысли во Франции, как и в Шотландии Джона Нокса или пуританской Англии, имело огромное значение для зарождения и последующего развития современных демократических идей. Несмотря на частую критику в адрес историка Джона Л. Мотли (John L. Motley), многое свидетельствует о справедливости его мнения, что кальвинистский протестантизм был источником вдохновения и силы наиболее успешных порывов человечества к избавлению от бремени несправедливой власти. Он писал, что «Франция, Англия, Нидерланды и Северная Америка определено обязаны Кальвинизму значительной частью своих политических свобод, которыми сегодня пользуются».¹⁴⁴

Испанское владычество

Для Испании шестнадцатое столетие стало золотым веком. В то время как ее великая соперница Франция была раздираема братоубийственной войной, Испания достигла доселе неведомого уровня превосходства, недостижимого для любой другой политической силы. Испанские армии победоносно маршировали от Сицилии до Северного моря. Испанский флот бороздил воды от Лепантинского залива¹⁴⁵ до Манилы. Испанские конкистадоры разрушали великие индейские империи. Творчество испанских писателей и живописцев породило такой расцвет культуры, какого Иберийский полуостров не знал прежде и после того.

¹⁴² См. Деян. 5:26-29. — Прим. ред.

¹⁴³ Книгой на злобу дня (фр.). — Прим. пер.

¹⁴⁴ Джон Лотроп Мотли, *История Объединенных Нидерландов* (Нью-Йорк, 1900), том 4, стр. 431. (John Lothrop Motley, *History of the United Netherlands*.)

¹⁴⁵ Лепанто (Лербнто) — средневековое название г. Нафпактос (Греция), в 60 км. от которого, в зал. Патраикос 7 окт. 1571 г. произошел последний крупный бой гребных флотов Средиземноморья во время Кипрской войны 1570—73 гг. Между Турцией и Священной лигой (Венеция, Испания, папа римский, Мальта и ряд итальянских г-в). — Прим. ред.

Карл V надеялся видеть своим преемником на троне Священной Римской империи единственного законного сына Филиппа II, однако его замысел не удался. Владения Габсбургов были поделены между Веной и Мадридом; австрийский дом перенял дунайское наследство и императорскую корону, а Филипп II унаследовал королевство Испания с ее владениями в Африке, Италии (Сицилию, Неаполь, Милан), Бургундии, Нидерландах, Азии и Новом Свете.

КОРОЛЬ ИСПАНИИ ФИЛИПП II

Мать Филиппа Изабелла Португальская, лежа на родильном ложе в Вальядолиде 21 мая 1527 года, глубоко осознавала величие судьбы, ожидавшей ее сына. Она боялась, что малейшее проявление слабости или страдания умалит важность столь знаменательного события. Когда ухаживающая за нею женщина попросила ее кричать, чтобы ослабить боль и напряжение, то королева воскликнула: «Ни звука! Пусть я умру, но не буду стонать!» Затем она приказала укрыть ее лицо от света, чтобы никто не видел гримас на нем. Столь преданная и ревностная мать родила болезненного ребенка, ставшего самым могущественным королем Испании. Она умерла, когда сыну было всего двенадцать лет.

Историки сильно расходятся в мнениях, оценивая личность Филиппа II. Для Мотли он был «воплощением зла», а для Роджера Мерримэна (Roger Merriman) «благоразумным королем». Для Леопольда фон Ранке он был «медлительным отшельником Эскориала», терпеливым служакой, чье сердце принадлежало миру иному, а ум был погружен в мириады административных мелочей. Мрачная легенда о Филиппе как о жестоком чудовище, предававшем друзей, убивавшем врагов, сжигавшем еретиков, умертвившем собственного сына Дона Карлоса и прятавшемся, подобно пауку, в темных залах Эскориала является порождением клеветы Антонио Переса (Antonio Perez), секретаря, который сбегал к противнику, и *Апологии (Apologia)* — образца антииспанской пропаганды, принадлежащего перу нидерландца Вильяма Молчаливого (William the Silent). Современные историки видят его человеком, который родился в условиях строгих традиций, и никогда не стремился их преодолеть. Добропорядочный человек, ставший жертвой обстоятельств, он был послушным сыном, преданным мужем и хорошим отцом.

Когда Филиппу исполнилось шестнадцать, Карл V стал, на время отлучек из страны, оставлять его наместником, посылая для руководства назидательные письма. Наиболее характерный совет, который он дал своему сыну, был не доверять никому и «не зависеть ни от кого, кроме себя самого». Всю свою жизнь Филипп бдительно оберегал себя от влияния со стороны придворных. Он тщательно следил за тем, чтобы конкурирующие партии были в равной степени представлены в правительственных советах, чтобы решающий голос всегда принадлежал ему одному. Филипп был погружен в себя, мрачен и серьезен и при этом стремился быть крайне загадочным, скрытным, изворотливым и осмотрительным. При выраженной германской внешности — голубых глазах, светлых волосах и выдающейся габсбургской челюсти, Филипп был испанцем до мозга кости. После подписания Като-Камбрезийского мира в 1559 году, он больше никогда не покидал Испанию вплоть до дня своей смерти, почти сорок лет спустя, в 1598 году. Испанцы любили его и признавали своим.

Личная жизнь Филиппа складывалась трагично. Прежде чем ему исполнилось шестьдесят, он уже похоронил семнадцать членов своей семьи. Сын Филиппа Дон Карлос, рожденный его португальской королевой Марией, которая умерла вскоре после родов, был физически и умственно ущербен, вероятно, являясь несчастной жертвой многочисленных родственных браков его предков. (Его родители были двоюродными братом и сестрой.) Чтобы сохранить принца от рук врагов, Филипп держал его под усиленной охраной, а когда Дон Карлос умер, то враги обвинили Филиппа в убийстве собственного сына.

После смерти Марии, Филипп женился на другой своей кузине — королеве Англии Марии, в надежде родить наследника, который объединит Испанскую и Английскую империи как католические земли. 20 июля 1554 года он высадился в Саутгемптоне с подарками и для друзей, и для врагов. Три дня спустя Мария впервые увидела Филиппа во дворце епископа Винчестерского и безоглядно в него влюбилась. Он был одет в белый лайковый костюм, вышитый золотом, и серую атласную французскую накидку. Мария была невзрачная маленькая женщина, на одиннадцать лет его старше и совершенно безбровая. Филипп прибыл с целью произвести на свет наследника и не дрогнул даже перед таким вызовом, однако его цель не была достигнута. Вероятно Мария желала родить еще сильнее, чем Филипп, потому что любила его. Столь желала, что год спустя, когда Филипп уехал в Брюссель, чтобы принять от отца власть над Нидерландами, она пережила ложную беременность, которая продолжалась дольше обычных девяти месяцев. Ребенок так и не родился, а Филипп по-прежнему отсутствовал. Когда же он наконец вернулся после полуторагодичного отсутствия, то пробыл ровно столько времени, сколько потребовалось для того, чтобы приобрести поддержку Англии в войне против Франции. Тогда Мария видела его в последний раз. После ее смерти он подумывал о том, чтобы повторить попытку с ее сводной сестрой Елизаветой I, однако у них ничего не вышло. Вместо этого, стремясь закрепить мир с Францией, он женился на Елизавете Валуа, дочери Генриха II и Екатерины де Медичи, оставив герцога Альба своим доверенным лицом в Париже.

Испанский писатель шестнадцатого века Петро де Медина (Petro de Medina) отметил: «В Испании существует и существовала всегда такая преданность священной католической вере, какой больше не найти нигде». Жар крестовых походов против мавров и сильное противостояние иерархии проникновению протестантизма принесли щедрые дивиденды высокого религиозного духа шестнадцатого века. Богобоязненный Филипп был, в некотором смысле, воплощением этого испанского духа. Вскоре после возвращения в Испанию в 1559 году он решил построить правительственную резиденцию за пределами душного Мадрида. Гранитная громада Эскориала, возведенная им к северо-западу от города на предгорье Сьерра-де-Гвадаррама, была, по выражению Прескотта (Prescott), «дворцом, монастырем и усыпальницей». Это был дворец и центр проведения сложных придворных церемоний, составлявших часть древней бургундской традиции. Там же находился монастырь монахов Иеронимитов, вместе с которыми богобоязненный Филипп ревностно укреплял свою веру, принимая участие в длительных бдениях и постах, долго молясь и исполняя епитимьи. Он посещал мессу каждый день, и посол Венеции свидетельствует, что Филипп регулярно советовался со своим духовником о моральных последствиях предлагаемых ему действий. Однако не следует предполагать, что религиозная преданность Филиппа делала его папским лакеем или марионеткой в руках церковной иерархии. Напротив, положение католического короля, как он его понимал, обязывало его лично контролировать папство. Когда же, наконец, длительное правление Филиппа завершилось, Эскориал стал усыпальницей для него и его потомков.

Филипп уделял много внимания почти каждому внутреннему и международному вопросу, добросовестно исследуя дела и заботливо комментируя исходящую почту. Подобно Фридриху Великому и Наполеону, он сам вникал в подробности, но, в отличие от них, не умел отличать существенное от второстепенного. Правительство трудилось усердно. Один испанский чиновник сказал: «Если Бог уготовал мне смерть через Эскориал, то я буду бессмертен». Правительство возглавлял государственный совет, полностью зависевший от короля. Правление тяготело к абсолютизму, и французский посол однажды написал Екатерине, что король намерен «обрезать когти и сократить привилегии» членам арагонских кортесов, которые делали их слишком «гордыми и почти независимыми». Филипп реформировал юридическую систему, осуществлял социальные проекты и старался быть щедрым правителем.

Во время правления Филиппа возникли большие экономические проблемы. Гористые испанские земли отличаются жарким, сухим климатом, и потому они были в основном пустыни. Почти шесть из восьми миллионов населения жили в Кастилии. Несмотря на рост производства при Филиппе, индустриальная база Испании была столь скудна, что большая часть золота и серебра из Нового Света лишь перетекала через руки иностранных банкиров в Нидерланды и другие индустриальные и коммерческие центры Европы. Остальная часть этого потока, задерживаясь в Испании, лишь способствовала росту инфляции. Огромных денег Филиппу стоили морские битвы в Средиземном море, попытки подавить восставшие Нидерланды и рискованное нападение на Англию. В 1573 году государство уже потратило свой доход за следующие пять лет. В 1577 году налоги в Кастилии увеличились втрое. Семь раз Филипп отказывался от своих долгов, тем не менее, в конце его правления две трети государственного дохода шли на выплату долговых процентов.

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА

Филипп был правнуком того Фердинанда, которым так восхищался Макиавелли, и унаследовал всю его хитрость, но лишь малую толику его удачи. Летопись иностранной политики Филиппа в основном трагична, ибо длительное и разорительное восстание в Нидерландах и катастрофа посланной против Англии Армады более чем перевешивают обе его победы: захват Португалии и победу над турками в Средиземноморье.

Овладение Португалией. Приобретением Португалии и ее заморских территорий в Южной Америке, Индии и на Дальнем Востоке Филипп был обязан, равно как и с большинством обширных владений Габсбургов, своему родству. В 1578 году король Португалии Себастьян погиб в битве при Алькасаркуивире (Alcazarquivir) близ Танжера, во время крестового похода против марокканских мусульман. Он умер, не оставив наследников мужского пола, и потому власть перешла к его двоюродному деду кардиналу принцу Генриху, правившему до своей смерти в начале 1580 года. Филипп был внуком короля Португалии Мануэля I (Manuel) (его мать была дочерью Мануэля) и теперь считал необходимым заявить о своем праве наследника посредством вооруженного вторжения. К осени его армия под командованием герцога Альбы сломала слабое сопротивление, и Португалия присоединилась к Испании под личным правлением короля, хотя сохранила значительную степень автономии.

Победа над турками. Филипп продолжил традицию крестовых походов Фердинанда и Изабеллы, а также морскую войну Карла V против Османской Империи. Он завершил ассимиляцию или устранение мусульман, все еще проживавших в южной Испании, но овладеть контролем над морем было труднее. В 1559 году османские турки со своими североафриканскими вассалами по-прежнему господствовали в Средиземном море. Филипп приказал вице-королю Сицилии атаковать Триполи в союзе с мальтийскими рыцарями Св. Иоанна. Они имели некоторый успех, пока Сулейман I был занят войной против Персии, но в 1565 году турки нанесли ответный удар

и заняли всю Мальту, кроме единственной крепости. Испанцы отбили турецкий флот, а Сулейман умер во время похода против Венгрии. Как и папа Пий V, Филипп мечтал нанести туркам смертельный удар, однако его отвлекли проблемы в Нидерландах, и он не смог уделить туркам все свое внимание.

В конце 1568 года Филиппа потрясло восстание *морисков* в Гранаде при содействии североафриканских мусульман. Дон Хуан Австрийский, внебрачный сын Карла V, принял командование королевской армией, сокрушил *морисков* и занялся организацией контрнападения на турок. При поддержке венецианской, папской и генуэзской флотилий Дон Хуан загнал более слабый турецкий флот в Лепантинский залив близ греческого города Коринфа. 7 октября 1571 года он повел союзников в атаку против турок, это событие вошло в историю как одно из величайших морских сражений того века. Из 208 турецких галер и 66 малых кораблей испанские силы потопили 15 судов, захватили 177 и освободили от 12 000 до 15 000 христианских галерных рабов. Вопреки восторженным ожиданиям Запада, битва не стала решающей, потому что в следующем году турки отправили бороздить Средиземное море флот из 250 кораблей. Тем не менее, это было первое крупное поражение Оттоманской Турции на море, облегчившее положение на западных морских путях.

Восстание в Нидерландах. Нидерландское восстание против Испании на протяжении долгого времени владело воображением западного человека. В нем проявился весь пафос и героизм поединка Давида с Голиафом и борьбы греков против могущественной Персии. Оно затронуло глубочайшие чувства либеральных, республиканских и прогрессивных протестантских историков. Например, Джон Лотроп Мотли в своем трехтомнике *Образование нидерландской республики (Rise of the Dutch Republic)* рассматривал испанский Католицизм и абсолютизм как силы тьмы, а нидерландский Протестантизм как силу свободы, демократии и света. Восстание действительно было одним из наиболее волнующих событий европейской истории, но затронутые вопросы слишком сложными, чтобы рассматривать их в черно-белых тонах.

Во время правления Филиппа восстало большинство из семнадцати нидерландских провинций, однако независимости удалось добиться только семи северным провинциям, расположенным за великими реками, впадающими в Северное море, и прошло восемьдесят лет, прежде чем Испания официально признала завоеванную ими свободу. Семь Объединенных Нидерландов вместе с некоторыми землями на юге и востоке образуют современное Королевство Нидерланды. Большинство провинций, оставшихся под владычеством Испании, образуют современное Королевство Бельгия. Большую часть Нидерландов населяли люди, говорившие на нижнегерманском диалекте, в то время как в валлонской области на юге и западе основным языком был французский; это разделение восходит ко временам франкского завоевания в шестом веке. В экономическом отношении отдельные средневековые торговые центры, например, Гент и Брюгге, находились в упадке, зато развивался Антверпен и другие города. Текстильная промышленность сталкивалась с растущей конкуренцией из Англии и других стран. Несмотря на инфляцию, вызванную притоком золота и серебра из Нового Света через Испанию, что породило трудности для некоторых классов, экономическая жизнь была более пассивна, чем прежде и во время последующей нидерландской империалистической экспансии.

В отличие от своего отца, который чувствовал себя в Нидерландах как дома, Филипп II был испанцем и чужаком. Его политика не отличалась от политики отца, однако исходившие от него меры были изначально менее приемлемы для народа. Филипп пытался завоевать доверие аристократии, но в действительности антипатия возникла прежде среди привилегированных высших классов и постепенно распространилась на простой люд.

Протестантизм рано начал свое проникновение в регион. Несмотря на жестокие репрессии Карла V, множество приверженцев завоевали сначала Лютеранство, потом Анабаптизм, но более успешным затем оказался Кальвинизм. Гуидо де Брэ (Guido de Bray) составил кальвинистское исповедание *Confession de foi des églises des Pays-Bas*¹⁴⁶. Однако на момент восстания кальвинизм исповедовала лишь незначительная часть населения. Сожжение еретиков и казни реформаторских пасторов лишь подлили масла в огонь антиклерикальных настроений. Экономический и идеологический фактор соединился с упорной решимостью освободить страну от иностранцев.

Хотя прежняя правительница Нидерландов Мария, сестра Карла V, уже столкнулась с рядом внутренних конфликтов, Филипп II реально занялся управлением страны только осенью 1555 года, когда началось серьезное противостояние. Население было недовольно налогами, которые взимались для войны против Франции, считая это испанским делом. Главой страны Филипп назначил свою сводную сестру Маргариту Пармскую, которую народ воспринял как иностранку. Когда член ее администрации кардинал Гранвел (Granvelle) реорганизовал церковные епархии и назначил себя над ними главой, то сословия и высшая аристократия сочли это угрозой их традиционным привилегиям. Сопrotивление вненациональным тенденциям в правлении Филиппа, чрезмерной централизации, лишению древних прав, религиозным гонениям и присутствию испанской армии возникло сперва среди политически привилегированных классов и исходило от Вильгельма Нассауского и Оранского, губернатора Бреды и правителя Голландии, Зеландии и Утрехта.

¹⁴⁶ «Исповедание веры нидерландских церквей». — *Прим. пер.*

Вильгельм Оранский получил совершенно несоответствующее прозвание Вильгельма Молчаливого, за свою большую осмотрительность на протяжении первых лет католического контроля, хотя изъяснялся он живо и обладал яркой, напористой натурой. Вильгельм родился в 1533 году в Дилленбурге и мальчиком был привезен в низинные владения своей семьи. Он не был человеком сильных религиозных убеждений, но в силу своего миролюбивого и терпимого характера стремился объединить кальвинистов и лютеран против действий, предпринятых в 1564 году Гранвелом. В ответ на жесткие религиозные указы Филиппа в следующем году Вильгельм Оранский, граф Эгмонт (Egmont) и граф Хоорн-Монморанси вышли из государственного совета. В апреле 1565 года раздраженная аристократия направила в Брюссель прошение к Маргарите смягчить жесткие религиозные указы и прекратить действие Инквизиции. Председатель финансового совета назвал просителей «нищими» (*франц.* — gueux; *голл.* — geuzen), и оппозиционное движение сопротивления с гордостью приняло это имя (гёзы). Маргарита обещала пересмотреть указы, но окончательное решение оставила за Филиппом, и эта полумера возмутила всех. Религиозное противостояние «папскому идолопоклонству» росло, и Кальвинизм приобретал новых сторонников. В феврале 1567 года некоторые радикалы напали на Визинген (Vissingen) и Антверпен. Спыхватившийся Филипп вызвал из Италии в Нидерланды герцога Альбу с армией германцев, валлонов и испанцев для подавления инакомыслящих.

Герцог Альба прибыл в Брюссель 22 августа 1567 года и начал свой террор с ареста Эгмонта, Хоорна и других аристократов. Затем он учредил «кровавый совет» для наказания всех участников возмущений предыдущего года. Убежденный в том, что интересы государства требуют устрашения всех подданных, он пренебрегал и законом, и справедливостью. Даже в январе 1568 года, когда в народе ходили слухи о всеобщей амнистии, Альба писал королю:

«Многое предстоит сделать прежде. Следует наказать города за бунтарство лишением их привилегий, большую сумму следует выкачать из частных лиц, взыскать с провинций страны постоянный налог. По этой причине амнистия недопустима при таких обстоятельствах. Для каждого должна начаться жизнь в постоянном страхе, что на голову может обрушиться крыша. Таким образом города примут относящиеся к ним указы, частные лица предложат большие выкупы, а провинции не осмелятся отказаться от предложения, сделанного им во имя Короля».¹⁴⁷

Одним мартовским днем 1568 года было совершено более пятисот арестов. Городские чиновники высокого положения «связаны по рукам, закованы в наручники и кандалы как подлейшие из преступников». 1 июня Альба обезглавил восемнадцать дворян на площади Завель (Zavel) в Брюсселе, а четыре дня спустя казнил Эгмонта и Хоорна на Большой рыночной площади того же города. «Железный герцог» парализовал людей страхом.

Если Альба был вооруженным злодеем, то Вильгельм Оранский был вооруженным героем. Он совершил слабую попытку завоевать Фландрию, но был вынужден укрыться во Франции. Нидерландцы пересели на свои корабли, морские гёзы, при содействии из Англии и Ля Рошеля, уничтожили испанский флот и освободили прибрежные города. Теперь Вильгельм Оранский стал кальвинистом и возглавил оппозицию, имевшую главными центрами сопротивления Голландию и Зеландию.

После отъезда Альбы его бессмысленную политику продолжил Луи де Рекесен (Luis de Requesens). После его смерти в 1576 году прибыл новый правитель в лице Дона Хуана Австрийского, Лепантенского победителя. Дон Хуан попытался сделать шаг к мирному урегулированию и пошел на уступку, расквартировав испанскую армию, но он настаивал на восстановлении Католицизма во всех провинциях. В январе 1578 года испанские войска одержали крупную победу над солдатами генеральных штатов. Королева Англии Елизавета направила субсидии, а протестант Ян Казимер, курфюрст Палатината, направил гёзам вспомогательные наемные войска. Брат Вильгельма Иоанн Нассау организовал Утрехтский Союз (Union of Utrecht) для сопротивления Александру Фарнезе (Alexander Farnese), герцогу Пармскому, сменившему Дона Хуана после его смерти.

¹⁴⁷ Пьетер Гейл, *Восстание Нидерландов (1555—1609)*, 2-ое изд. (Нью-Йорк, 1958), стр. 102-103. (Pieter Geyl, *The Revolt of the Netherlands (1555—1609)*.)

Вероломство лишило движение сопротивления их руководителя. Филипп II назначил высокую цену за голову Вильгельма Оранского, так как в обществе зрела мысль провозгласить Вильгельма королем Нидерландов. 10 июля 1584 года фанатичный католик, притворившийся кальвинистом, застрелил Вильгельма в Делфте. Человек, которого Филипп II называл «бичом христианства», был устранен. Сын Вильгельма, Маврикий, перенял руководство восстанием, однако нидерландцы были глубоко деморализованы этой огромной потерей, и Александр Фарнезе занял многие города. Посланный Елизаветой экспедиционный корпус под командованием графа Лестера оказался неэффективным. Незадолго до своей смерти Филипп ослабил испанские узы, назначив правителем Нидерландов эрцгерцога Альберта Австрийского, мужа его дочери Изабеллы, правление которого длилось с 1598 по 1621 год.

Синдики городских центров были богатыми и независимыми людьми. Ведущий представитель этого буржуазного класса Нидерландов, Йохан ван Олденбарневелдт (Johan van Oldenbarneveldt) (1547—1619), участвовал в 1602 году в создании Нидерландской Восточно-индийской компании, что стало новой вехой в коммерческом и морском соперничестве с испанскими флотилиями по всему свету. В конце концов, после сорока лет военных действий, сказилось утомление. В марте 1609 года Испания согласилась на двенадцатилетнее перемирие с Северными Нидерландами, которые реально стали независимой республикой. Хотя по окончании длительного перемирия война возобновилась, государственность Северных Нидерландов уже была фактом, и Вестфальским мирным договором 1648 года, завершившим религиозные войны в Европе, независимость нового государства была наконец признана официально.

ГИБЕЛЬ АРМАДЫ

Наиболее злосчастным и отчаянным предприятием Филиппа было направление им в 1588 году Армады против Англии. Немногие эпизоды рассматриваются в истории как примеры столь самонадеянной агрессии, и немногие события столь часто представляются в ложном свете. Истина заключается в том, что Филипп вовсе не был увлечен «самонадеянным высокомерием» и чрезвычайно беспокоился о своем плане, полагая его последним средством в очевидно безнадежном деле. Утомительной чередой дипломатических неудач он был втянут в смертельную дуэль с Елизаветой, «английской Иезавелью». Меланхтон, астроном пятнадцатого века Региомонтан и другие провидцы обнаружили в книгах зловещие предсказания о том, что 1588 год станет годом бедствий. Создается впечатление, словно некая неотвратимая сила влекла Филиппа к этому свиданию с судьбой.

В первые годы правления Елизаветы Филипп был для нее источником поддержки, так как разделял ее страх перед королевой Шотландии Марией Стюарт. Мария была дочерью короля Шотландии Якова V, двоюродного брата Елизаветы, и следующей претенденткой на английский престол. Католики не признавали брак матери Елизаветы Анны Болейн и считали Марию единственной законной наследницей. Кроме того, Мария приходилась племянницей могущественному французскому герцогу Гизу и представляла угрозу для самого Филиппа, поскольку если английским сторонникам Марии удавалось возвести ее на престол, то Англия становилась союзницей Франции, которая стремилась получить Фландрию и прочие владения Габсбургов в Нидерландах. Пока Франция угрожала Испании, Филипп был вынужден попускать Елизавете многие свободы. Ее каперы промышляли пиратством и контрабандой, доставляли в испанские колонии Нового Света рабов из Африки и помогали морским гёзам совершать набеги на испанские крепости. Она постоянно вмешивалась в Нидерландское восстание. Такое положение продолжалось два десятилетия, пока, наконец, политическая ситуация внутри Франции не ухудшилась настолько, что Филипп оправился от своих опасений в отношении этого региона и счел возможным выступить

против своего протестантского врага и конкурента в имперских притязаниях, Английской королевы Елизаветы. Она, в свою очередь, опасаясь заговора католиков с целью возведения на престол Марии Стюарт, казнила ее 18 февраля 1587 года. Ситуация была смертельно опасна.

В своем Эскориале Филипп плел паутину интриг, и когда все они потерпели неудачу, он решился на открытое столкновение, завоевание острова, которое, как он надеялся, будет встречено в Англии восстанием католиков и положит конец всем козням незаконной королевы еретиков. Филипп обычно советовал другим «пользоваться преимуществами времени», но теперь в нетерпении ожидал начала осуществления своего грандиозного замысла. Когда-то он написал: «К столь великой цели как Англия надлежит двигаться со скоростью пули». Теперь своим капитанам он указывал: «Успех зависит, прежде всего, от скорости. Поспешите!»

Уверенность в папских субсидиях побудила Филиппа спешно начать экспедицию. Папа Сикст V послал в Лиссабон специального наблюдателя, чтобы следить за осуществлением предприятия. В своем докладе этот наблюдатель приводит интересный во многих отношениях разговор с одним из высших и наиболее опытных офицеров испанского флота:

«ПАПСКИЙ ПОСОЛ: Рассчитываете ли вы на победу, если встретитесь в проливе с английской армадой?

ИСПАНСКИЙ ОФИЦЕР: Конечно.

ПАПСКИЙ ПОСОЛ: Почему вы в этом уверены?

ИСПАНСКИЙ ОФИЦЕР: Это очень просто. Всем хорошо известно, что мы воюем за дело Божие. Поэтому если мы встретим англичан, то Бог обязательно устроит все так, что мы сможем взять их на бордаж и захватить их корабли благодаря тому, что Он пошлет особую погоду, или, что более вероятно, лишит их благоразумия. Если нам удастся вступить в рукопашный бой, то испанское мужество вместе с испанской сталью (и огромным количеством солдат, которые будут у нас на борту) обеспечат нам победу. Однако если Бог не поможет нам чудом, то англичане с их более быстрыми и маневренными кораблями, чем наши, со множеством дальнобойных орудий, помня о своих сильных сторонах так же, как и мы о своих, никогда не приблизятся к нам, а будут держаться на расстоянии и расстреляют нас в щепки из своих пушек, не позволив нам причинить им сколько-нибудь серьезного ущерба. Итак, мы выступаем против Англии с твердой надеждой на чудо».¹⁴⁸

Чудо не сопутствовало испанцам, и оценка испанского командира оказалась поразительно точна.

Один из опытнейших адмиралов Филиппа по имени Санта Круз настаивал, что морские силы Англии должны быть полностью уничтожены до начала десантной операции. Филипп проигнорировал этот очень здравый совет, однако Санта Круз трудился буквально до смерти, подготавливая флот к опасному предприятию. Вместо этого Филипп хотел, чтобы Армада переправила армию Александра Фарнезе из Нидерландов в Англию для прямого нападения на остров. Весной 1587 года сэр Фрэнсис Дрейк совершил упреждающие вылазки на Лиссабон и Кадис, причинив им такой урон, что испанцам пришлось отложить свою экспедицию на целый год.

Наконец, 29 мая 1588 года Армада покинула Лиссабон в составе 130 кораблей и более чем 30 000 человек под командованием герцога Медины-Сидонии. Флотилия состояла из галеонов с высокими, уязвимыми корпусами и веселым ходом, полезным в Средиземном море, но менее пригодным в открытом океане, чем паруса. Между Лиссабоном и Ла-Коруньей флотилия попала в мощный шторм, корабли вынуждены были задержаться в Ла-Корунье для ремонта и не могли выйти в море до 22 июля. Когда Армада достигла пролива, то 29 июля лорд Хоуард Эффингем выступил из Плимута с английским флотом — многочисленными маленькими, быстрыми и маневренными кораблями, оснащенными дальнобойными орудиями. Медина-Сидония мог заблокировать англичан в порту и повторить успешную испанскую тактику в Лепантине, однако он, имея приказ прибыть в Дуврский пролив и принять на борт армию Фарнезе, старался выполнить это повеление. То, что англичане находятся позади него, он осознал слишком поздно. 6 августа Армада опустила якоря у берегов Кале, однако нидерландцы блокировали малые транспортные суда Фарнезе в Нивпорте (Nieuport) и Дюнкерке, из-за чего испанская армия так и не достигла Армады. В следующую ночь англичане послали против Армады брандеры, испанские капитаны в панике обрубали якоря и вышли в море.

Теперь Армада оказалась между англичанами и нидерландцами, и они атаковали ее с обеих сторон. Вода и боеприпасы были на исходе, но испанцы не осмелились рисковать и плыть назад через пролив, а вместо этого удалились в Северное море. Во время долгого плавания домой северным путем вокруг Шотландии и Ирландии, флотилия попала в суровые штормы, разбившие о прибрежные скалы много кораблей. Целыми в испанскую гавань вернулись всего пятьдесят три больших судна. Король Филипп воспринял новости о бедствии в спокойном смирении, словно все это время ожидал поражения Армады, несмотря на восторженные рапорты об успехе от Дона Бернардино де Мендоза (Don Bernardino de Mendoza), своего посла в Париже. Он был милостив и великодушен по отношению к побежденному командующему, поскольку осознавал, что своим поражением он обязан силам природы так же, как и противнику.

Филипп приучил себя контролировать чувства и обладал почти железной волей. Более того, он настолько

¹⁴⁸ Гарретт Маттингли, *Поражение испанской Армады* (Лондон, 1959), стр. 191-192. (Garrett Mattingly, *The Defeat of the Spanish Armada*.)

укоренился в благочестии и набожности, что даже беда, постигшая Армаду, не могла поколебать его веры в Провидение. 13 октября того же судьбоносного года он письменно сообщил испанским епископам новости об Армаде и, напоминая им о непредсказуемости войн в северных морях, заключил:

«Нам надлежит воздавать Богу хвалу за все, что Ему угодно совершить. Теперь я благодарю Его за то, что Он помиловал нас. Армада могла пострадать еще сильнее во время этих штормов. Ее злосчастие могло быть еще большим, если бы не молитвы за ее благоуспешность, которые возносились с такой преданностью и постоянством».¹⁴⁹

В следующем году Елизавета нанесла еще один удар, послав двадцатитысячную карательную экспедицию против Ла-Каруньи и Лиссабона. В 1595 году испанцы высадились на берег Ирландии, чтобы оказать поддержку местным повстанцам против англичан. В 1596 году Хоуард Эффингем отплатил нападением десяти тысячной армии во главе с графом Эссексом и пяти тысячной нидерландской армией во главе с Луи Нассау. Они захватили Кадис и удерживали его, требуя выкупа. Филипп задумал послать против Елизаветы еще одну флотилию, однако она была растерзана штормами прежде своего отбытия. Некий испанец, современник этих событий, комментировал: «Адмирал, как и врач, нуждается в том, чтобы ему сопутствовала удача».

ИСПАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Тогда как Филипп терпел неудачи в Старом Свете, в Новом Свете дела Испании процветали. Внутренне единая Иберия при Филиппе присоединила обширные португальские владения, образовав могущественную Испанскую империю. Французы, нидерландцы и англичане стремились сломить мощь Испании за ее пределами, однако на протяжении многих десятилетий им этого не удавалось.

Крошечная Португалия с небольшим населением в два миллиона человек смогла благодаря таланту и активности своих правителей контролировать империю, в сотни раз превосходившую ее собственные размеры. Исследования Генриха Мореплавателя, путешествовавшего в Индию вдоль берегов Африки и вокруг мыса Доброй Надежды, показали, что открытие Кабралом в 1500 году Бразилии сделали Португалию великой державой. К 1503 году португальцы уже поняли, что гарнизоны численностью в несколько тысяч солдат, расположенные в стратегических местах на побережье, способны контролировать обширные и густонаселенные территории. Великий адмирал Франтишку Алмейда разработал масштабный план, основанный на морских силах и не требующий особого внимания к политическому господству. Вице-король Альбукерка замыслил территориальную империю, опирающуюся на административные центры, такие как Гоа, Калькутта и Малакка. Лиссабон стал новым крупным коммерческим центром, столицей прибыльной торговли пряностями. Король Португалии имел двадцать пять процентов с торговой прибыли, однако португальцы ограничили свою деятельность в основном доставкой товаров и не сумели воспользоваться выгодами торговли на европейских рынках. Португалия распространилась слишком широко, и во второй половине столетия очевидно стала выдыхаться.

Возникновение Испанской колониальной империи является одной из величайших легенд западной истории. Железная воля, властная самоуверенность и патриотизм конкистадоров, бороздивших океаны на своих небольших кораблях, исследовавших обширные, доселе неведомые европейцам земли, воевавших с местными племенами, покорявших империи и овладевавших громадными сокровищами, будут всегда вызывать трепет и уважение у детей и взрослых. Католические короли Испании и многие капитаны совершенно искренне рассматривали свои предприятия как миссию по распространению благословений Церкви и спасению душ язычников даже при поисках сокровищ. Повествования об Эрнандо Кортесе (1485—1547), покорившем цивилизацию ацтеков с отрядом ненадежных солдат, и о Франциско Писарро (прибл. 1471—1541), сокрушившем горные укрепления инков и захватившем их громадные сокровища, навсегда останутся волнующими страницами Испанской истории.

Испанская колониальная политика отличалась от португальской стремлением к полному контролю над территорией, а не только над ключевыми портами. Испанское колониальное управление вице-королей Мексики и Перу отличалось большим совершенством, чем португальское. Состоятельные люди занимали посты ради уважения (хотя едва ли они проигрывали материально, проявляя такую преданность долгу). В главном городе каждой крупной провинции создавалось совещательное собрание, или *audiencia*, для наблюдения за вице-королевской деятельностью. Время от времени вице-короли посылали инспекторов для сбора из первых рук информации об управлении на местах. И наконец, существовали *residencias* для изучения архивов вице-короля после истечения его срока. В Испании заморскими владениями правил Индийский Совет, пользовавшийся опытом прежних вице-королей и администраторов. Однако территории, находившиеся под контролем вице-королей, были столь обширны и разнообразны, что им редко удавалось находиться в курсе местных событий, а излишнее внимание и кон-

¹⁴⁹ Там же, стр. 327.

троль с их стороны подавляли и сдерживали развитие колоний.

Несмотря на строгий политический контроль над своими колониями, испанцы допускали частную инициативу в развитии поместий (*encomiendas*) и торговли. При системе *encomiendas* корона возлагала на испанца ответственность за образование, защиту и религиозное обучение определенной группы индейцев, в обмен на которые испанец получал право пользоваться их трудом. Система давала возможность безденежным испанцам, участвовавшим в завоевании, основывать огромные поместья и другие экономические предприятия, однако наблюдение за тем, как индейцы получают образование, защиту и религиозное обучение, не осуществлялось. Пороки этой системы были столь вопиющими, что предпринимались попытки заменить ее на *repartimiento*, при которой индейцев по-прежнему принуждали работать на испанцев, но на основе временных договоров и с оплатой. Реально система *encomiendas* сохранялась до восемнадцатого века, и долгое время параллельно одна другой применялись обе системы.

Король получал двадцать процентов от всех сокровищ, отобранных у индейцев, и от дохода частных предпринимателей. «Королевская пятая доля», как она называлась, собиралась с общей суммы или груза прежде всех остальных отчислений. Экономическая политика Испании была направлена на получение золота, серебра и сырья для страны, а также на недопущение конкуренции колониальной промышленности с национальной, — например, производством вина и оливкового масла. Приток серебра и, в меньшей степени, золота вызвал рост инфляции в Андалузии, затем во всей Испании, наконец в испанских Нидерландах и в других европейских странах. К началу семнадцатого века цены в Испании были в 3,4 раза выше, чем сто лет назад. В экономике даже золото не всегда блеснит.

Испанцы были весьма неплохими морскими организаторами. В целях охраны кораблей с золотом, серебром и другими грузами от пиратов, английских «морских волков» (начиная с 1562 года) и нидерландских охотников, они разработали систему конвоя, которую использовали до 1800 года. Вопреки английским легендам, успешными были лишь несколько нападений на испанские конвои.

Иммиграция в испанские колонии находилась под тщательным контролем, и въезд запрещался любому иностранцу, религиозному вольнодумцу и даже тем, чьи родственники осуждены Инквизицией. Одно исключение было сделано в случае с английским католическим священником по имени Томас Гэйдж (Thomas Gage), который прошел обучение в испанской семинарии подобно другим англичанам, стремившимся стать священниками в те дни воинствующего Протестантизма. Однако Гэйдж только подтвердил собою это правило. Проведя в Гватемале двенадцать лет, он столь разочаровался в своих поисках лучшей судьбы, что вернулся в Англию, стал викарием Англиканской церкви и составил прекрасное описание положения дел в испанских колониях, которое, несмотря на пристрастность повествования, дает точное представление о работе колониальной системы. Например:

«Условия жизни индейцев столь убоги... что, несмотря на твердый отказ испанских королей сделать их рабами, как хотелось бы некоторым, их жизнь также полна горечи, как и жизнь рабов... Так, бедные индейцы продаются по три пенса за человека на целую неделю рабства под запретом вернуться ночью домой к своим женам, хотя место их работы находится не далее мили от деревни, в которой они живут; некоторых же уводят на десять—двенадцать миль от дома, и домой они могут вернуться только в субботу поздно ночью, а на протяжении недели должны исполнять все, чего пожелает их господин. Назначаемой им платы едва хватает на пищу и питье... Такой же порядок наблюдается в Гватемале и поселениях испанцев, где каждой семье, желающей услуг одного или нескольких индейцев, даже чтобы принести воды или дров на спине, либо даже по пустякам, разрешается нанимать индейцев из близлежащих деревень».¹⁵⁰

Епископ Bartolome de Las Casas был замечательным защитником гуманного отношения к индейцам, хотя он имел большее влияние в Испании, чем в колониях. Сохраняя средневековые представления об обязанностях правителя перед своими подданными, и будучи последователем Фомы Кемпийского, он использовал все логические и естественные аргументы против колониальных *encomiendas* как несправедливых и тиранических. По иронии, забота о благополучии индейцев привела его к совету ввозить африканцев, которые, в отличие от индейцев, способны выполнять тяжелую работу в жару без ущерба для здоровья. Принадлежа к монголоидной расе, индейцы генетически предрасположены к прохладному климату и могут выживать в тропической низменности, только усваивая медленный ритм жизни или, как говорили европейцы, работая «лениво». Следует отметить, что в наши дни жаркие прибрежные районы Латинской Америки плотно населены неграми, а в прохладных горных районах — черный человек большая редкость.

Романские народы более легко преодолевали расовые границы, чем англичане и нидерландцы, и в романских колониальных районах появился целый спектр людей с разным цветом кожи. Испанцы, родившиеся в Испании, назывались *Castillanos*, рожденные от испанских родителей в Америке назывались *criollos* или креолы, полу-

¹⁵⁰ Томас Гэйдж, Скитания англоамериканца в море и на суше, или Новый обзор Западной Индии (Лондон, 1648), стр. 139-140. (Thomas Gage, *The English-American His Travail by Sea and Land: Or a New Survey of the West Indies.*)

испанцы или полукреолы-полуиндейцы — *mestizos*, светлые полунегры — *mulatos*, и полуиндейцы-полунегры — *zambos*.

ФИЛИПП МУДРЫЙ

Филипп II был назван «Мудрым», что, вероятно, является самым доброжелательным эпитетом, примененным по отношению к этому честному, но бездарному королю. По своей сути он более был годен для пера и стола, чем для меча и седла. В отличие от своего отца, непрерывно путешествовавшего и лично наблюдавшего за империей, Филипп принадлежал Эскориалу. Будь его столицей Антверпен или Брюссель, ему, возможно, удалось бы контролировать владения своей династии более эффективно, и восстание в Нидерландах не висело бы тяжким ярмом на его шее, доставляющим бесконечные переживания и бедствия.

Множество обстоятельств действовало не в его пользу. Огромный долг в размере пятидесяти миллионов дукатов, унаследованный им от Карла V, изначально поставил его в трудное положение, из которого он так и не вышел. Новые налоги, монополии, торговля должностями, «королевская пятая доля» из Нового Света — все это вместе даже не приближалось к невероятной сумме правительственных и военных расходов. Огромный доход из Америки покрывал лишь четверть государственных затрат, которые стремительно возросли из-за войны с Нидерландами и Англией.

Несмотря на то, что все эти обстоятельства не зависели от Филиппа, он все же остается ответственным за свой тяжкий, педантический деспотизм, за недостаток понимания финансовых и экономических проблем Испании и за неспособность к политике, которая если не остановила ослабление и разложение, то хотя бы замедлила их.

Англия при Елизавете

Правление королевы Елизаветы (1558—1603) можно смело описать как любовь продолжительностью в сорок пять лет между ее величеством и английским народом. Редко когда в истории между монархом и подданными случается такое счастливое совпадение целей и интересов, какое преобладало на протяжении этой славной эпохи английской истории. При Елизавете Англия стала сильной протестантской державой, лидером среди других протестантских стран. Будучи мононациональным государством в Атлантике, на протяжении этих десятилетий Англия превратилась в мировую империю и переживала культурный подъем, подлинный ренессанс. Современные историки не склонны преувеличивать успехи Елизаветы и ее личные заслуги в управлении страной. По их мнению, она, импровизируя и лавируя, «кое-как продержалась до конца», не будучи государственным деятелем, способным к политической прозорливости. Тем не менее, если восторг ее почитателей считать выражением их благочестивого патриотизма, чем он и являлся, и оценивать Елизавету по обычным человеческим меркам, то она остается исключительной женщиной, возглавлявшей Англию в бурные времена.

В момент своего восхождения на престол Елизавета была искусенной и практичной молодой женщиной двадцати пяти лет, ростом выше среднего, со светло-рыжими волосами, смуглым лицом, очаровательными выразительными глазами, красивыми руками и величественными манерами. Хитрая, расчетливая, лицемерная, способная к кокетству и расчетливому администрированию, достаточно решительная, чтобы быстро принимать решения, и обладающая крепкими нервами, необходимыми для ее сдержанной политической тактики, Елизавета была гораздо более достойна престола своего отца, чем Эдуард и Мария в их лучшие времена.

Переход власти от Марии к Елизавете прошел спокойно — пока Мария умирала в церкви Св. Иакова, народ уже спешил к Елизавете в Хатфилд. Испанский посол Фериа (Feria) докладывал: «Она очень привязана к народу и вполне уверена, что он полностью на ее стороне, и это действительно так». Ее коронация состоялась 15 января 1559 года.

Общественность была в некоторой степени склонна к антифеминизму и полагала, что Елизавета выйдет замуж. Претендентов на ее королевскую руку было достаточно. Сводный брат Филипп II предложил ей такую честь, но Елизавета была достаточно разумна, чтобы не выходить замуж за католического монарха, особенно после неудачного опыта Марии. Ее пылкий поклонник Роберт Дадли, граф Лестер, был испорченным, импульсивным и ненадежным человеком. Странная смерть его жены по причине то ли случайного падения, то ли самоубийства, вызвала в обществе скандал. Несмотря на сильную привязанность к нему, Елизавета не изменила своему принципу и позволила голове управлять сердцем, поставив «благо королевства» выше своих личных переживаний. Елизавета была «современной женщиной», говорила по-французски, по-латыни и по-итальянски, была не менее искусна в двусмысленности, поддерживая надежды многих честолюбивых мужчин, состоявших у нее на службе. Шотландский посол как-то заметил ей: «Мадам, мне известна ваша преданность государству: вы полагаете, что, выйдя замуж, будете только королевой, тогда как теперь вы и король, и королева. Вы не потерпите над собой командира». Для протестантов королева была героической Юдифью, а для католиков — Иезавелью, служительницей нечестия и покровительницей нечестивцев.

Политика Елизаветы

Своим ближайшим советником Елизавета избрала умеренного протестанта Уильяма Сесилия (William Cecil) (позднее лорда Бёргли (Burghley)), служившего при Сомерсете и Нортумберленде, и даже кратковременно при королеве Марии. Он служил Елизавете почти все время ее правления, сначала госсекретарем, а затем главным казначеем, и советовал придерживаться умеренности в поступках и благоразумия в решениях. Елизавета назначала в свой совет только протестантов, людей более преданных протестантской вере и симпатизирующих пуританам, чем она сама. С 1573 по 1590 год ее госсекретарем был сэр Фрэнсис Уолсингем (Francis Walsingham), который своей политикой активно поддерживал гонимых протестантов континента, особенно нидерландских реформатов и французских гугенотов. Он эффективно разоблачал католические интриги против Елизаветы, применяя против испанцев и иезуитов прекрасно налаженную систему шпионажа.

Елизавета сознавала, что Англия нуждается в мире и спокойствии, и следовала политике религиозной терпимости, придерживаясь в отношениях между церковью и королевством *via media*. Ей была присуща некоторая религиозность (в возрасте всего одиннадцати лет она перевела *Зеркало греховной души* Маргариты д'Ангулем (Marguerite d'Angoulême)); она находила эстетическое и эмоциональное удовлетворение в религиозных обрядах и церемониях, однако резкие религиозные перемены предыдущих правлений научили ее быть осторожной, терпи-

мой и прагматичной. Однажды она сказала, что скорее прислушается к многотысячным народным массам, чем будет повинна в миллионах преступлений, совершаемых теми, кто подавляет народ. В личном выборе, а также в государственной политике она предпочитала англиканскую доктрину и жизнь, ограничивая как католиков, так и радикальных протестантов. Джон Нокс однажды отметил, что Елизавета не была «ни хорошей протестанткой, ни убежденной паписткой». Архиепископом Кентерберийским она назначила умеренного Мэтью Паркера (Matthew Parker), который некогда служил капелланом ее матери и был ее личным наставником. Паркер был учеником Мартина Буцера, женился и имел длительную дружбу со многими изгнанниками Марии. Большинство епископов Елизавете пришлось выбрать из числа вернувшихся изгнанников, которые чаще всего были значительно более радикальными протестантами, чем она сама.

Успехами своей политики она обязана деятельности парламента, в котором религиозные вопросы аккуратно решались или утрясались сами собой. В начале шестнадцатого века парламент был в основном законодательным и налоговым органом и собирался нерегулярно от времени. На протяжении столетия он превратился в мощную политическую силу благодаря возрастанию престижа, влияния и активности Палаты общин. Генрих VIII состоял с Палатой общин в браке по расчету и усиливал ее влияние, так как она в целом разделяла его цели. При Елизавете воля короны часто расходилась с «волею парламента», которую также называли «волею английского дворянства». Однако брак сохранил романтичность, и королеве обычно, посредством некоторого количества лести и манипуляций, удавалось добиться своего.

25 января 1559 парламент собрался для решения религиозного вопроса, ибо Елизавета понимала, что реформа клира должна быть начата парламентом. Собрание духовенства, в котором большинство епископов были назначены королевой Марией, придерживалось католического учения о пресуществлении и мессе как жертвоприношении. Присутствие протестантов одновременно в совете и в Палате общин обусловило более поспешное решение вопроса, чем желала Елизавета. Они с Сесилем ожидали акта о верховенстве, за которым последовал бы акт о единообразии несколько позднее. Однако ни она, ни Сесиль не могли контролировать первый парламент.

В апреле парламент принял акт о верховенстве, признав королеву главой Английской церкви. Все королевские чиновники, судьи и духовенство под угрозой утраты места были обязаны принести клятву верности и признать верховную власть короны над церковью. Признание власти какого-либо иностранного правителя или прелата считалось тяжкой изменой, которая каралась смертной казнью. Были отменены католические указы Марии, Акт о единообразии восстановил церковные постановления Генриха VIII и вновь утвердил *Второй служебник* (*The Second Prayer Book*) Эдуарда VI, дополненный несколькими традиционными текстами издания 1549 года. Были смещены представители духовенства, которые отказались присоединиться к новому порядку, и теперь должности в епархиях занимали лица, одобренные Елизаветой.

Второй парламент, собравшийся в 1563 году, подтвердил Акт о единообразии и принял меры, обеспечившие его неукоснительное исполнение. В том же году съезд духовенства в Кентербери выработал доктринальное обоснование нового порядка. Сорок два артикула Эдуарда VI были слегка изменены в Тридцать девять артикулов, ставших основным англиканским вероисповеданием. Артикулы были составлены с целью закрепления умеренных позиций, уклонения от противоречий и крайностей. Определение реального присутствия Христа в Причастии было тщательно сформулировано таким образом, чтобы закрепить основное евангельское понимание, отсекая с одной стороны католическое учение о пресуществлении, а с другой — символическое толкование Цвингли. Святое Писание было объявлено основанием и стандартом веры. Было подтверждено учение о предопределении, однако в более умеренной форме, чем у Цвингли. Джон Джеуэл (John Jewel), епископ Солсберский и активный защитник национальной церкви, представил первое систематическое учение Англиканства в своей *Апологии Англиканской церкви* (1562). В следующем году был опубликован еще более важный труд *Деяния и памятники* (*Acts and Monuments*) Джона Фокса, который многие поколения духовенства и грамотных мирян как в Англии, так и в американских колониях читали наравне с Библией и молитвенником. Этот кровавый мартиролог способствовал возникновению особого протестантского антиримского сознания с националистическим настроением в протестантском англоговорящем мире.

КАТОЛИКИ

В начале правления Елизаветы значительная часть английского народа была католическою в своей религиозной ориентации. Многие представители высшей аристократии также были консервативны. Однако наиболее выдающиеся люди того времени, молодые люди, приобретающие влияние в коммерции и государственном управлении, оказывались протестантами. В Палате общин было широко представлено это активное и прогрессивное течение. За шесть лет после принятия соответствующего акта только двести церковнослужителей из девяти тысяч отказались клятвенно признать верховную власть королевы. Во время правления Елизаветы численность римокатоликов в Англии сократилась до крохотного меньшинства и составила незначительный процент населения численностью в четыре миллиона человек. Тем не менее, в период между 1569 и 1588 годами Католицизм пред-

ставлял реальную угрозу для Англии благодаря поддержке и ободрению из Испании. Восстание католических феодалов на севере в 1569—1570 годах во главе с герцогом Норфолком смогло охватить лишь ограниченную территорию. Восставшие даже не дошли до завоевания Йорка. Папство терпело поражение в противодействии Елизавете. Королева отказалась послать представителей на третью сессию Тридентского собора, указав в качестве основного аргумента на попытки католиков поднять против нее восстание.

В конце концов папа Пий V завершил отчуждение Англии, издав 25 февраля 1570 года буллу *Regnans in excelsis* об отлучении Елизаветы. Булла гласила, что на основании власти римского понтифика над всеми народами и царствами, и вследствие того, что Елизавета, будучи служительницей нечестия, узурпировала церковную власть, навлекла гибель на свое королевство и совершала нечестивые таинства Кальвина, она отлучается от Тела Христова и лишается своего престола, а всем ее подданным отпускается принесенная ими клятва верности. В последние тридцать лет правления Елизаветы семинаристы¹⁵¹ и иезуиты удвоили свои усилия в приобретении сторонников для Рима и имели успех в отдельных областях. Десятилетие спустя после буллы об отлучении иезуитская миссия в Англии объявила о 120 000 «обращенных», большая часть которых несомненно была католиками с самого начала, а не новообращенными. Немногочисленная группа верных Риму людей существовала всегда, но их численность установить невозможно. Священники этих подпольных католиков часто были родом из аристократических семей и получали образование у иезуитов или в училищах кардинала Аллена в Дуэ и Риме. Они жили в постоянной опасности, переезжая из одной усадьбы в другую и служа семьям католических сквайров. Время от времени ходили слухи о замышляемых убийствах руками наемников или иностранных шпионов, держа начеку лорда Сесилия и наполняя общественное сознание страхом и ненавистью. Папа Григорий XII заявил, что булла Пия V оправдывает любое применение оружия против «этой преступной английской женщины» и даже побуждает заговоры с целью ее убийства.

Елизавета отреагировала на папскую буллу официальным заявлением, что она

«...желает, чтобы все ее любящие подданные понимали, что, пока они живут, открыто соблюдая ее законы и не нарушая их сознательно и демонстративно своими явными действиями, позиция ее величества состоит не в том, чтобы досаждал кому-то из них в вопросах религии инквизицией или полицией нравов, но принимать их и обходиться с ними, как со своими добрыми и верными подданными».

В 1571 году парламент принял несколько антипапских законов, запретив ввоз папской буллы в Англию и назвав изменой произнесение слов о том, что Елизавета не должна быть королевой или что она еретичка, узурпаторша и раскольница. В 1585 году был принят акт, объявивший иезуитов вне закона с целью утихомирить общественное возбуждение и нападения фанатиков на рядовых католиков. На протяжении всех сорока пяти лет правления Елизаветы только 221 католик был казнен за свою веру, в противовес 290 протестантам, погибшим за пять лет правления ее сестры Марии. Большинство из них было казнено за измену, а не за ересь, что свидетельствовало о значительной идеологической перемене, хотя жертвам от этого было не легче.

Твердость Елизаветы в обращении с инакомыслящими католиками объясняется преимущественно тем фактом, что их нелояльное отношение играло на руку ее врагам внутри страны и за рубежом. Опасение полного восстановления Католицизма стало главной причиной ее решения в отношении Марии Стюарт. Переход ультракатолического короля Испании к агрессивной политике, апогеем которой был поход испанской Армады, обострил вопрос об измене внутри страны. И если англикане терпимо относились к католическому меньшинству, этого нельзя было сказать о широком религиозном движении, известном как Пуританство, и отдельных протестантских экстремистах разного толка.

ПУРИТАНЕ

Взрывоопасный потенциал Пуританства, представлявшего для Англиканской церкви большую угрозу, чем Католицизм, проявился во время гражданской войны семнадцатого века. Особенно после 1640 года сепаратизм и Пресвитерианство стали конкурирующими доктринами, готовыми воевать за главенство в церковной политике. Рассматривая Пуританство времен правления Елизаветы, следует отстраниться от событий последующих десятилетий семнадцатого века. По словам Мильтона, Пуританство было движением «за реформу Реформации». Впервые этот термин был упомянут в 1564 году по отношению к тем протестантам, которые, безопасно пребывая в лоне национальной церкви, стремились очистить Англиканское служение от всех остатков «папизма» и «римских предрассудков». Многие молодые церковнослужители, особенно из числа изгнанных Марией, черпали вдохновение в теологии Женевского происхождения и продолжали искать руководства и вдохновения у реформатских церквей и теологов. В то время лишь некоторые помышляли об отделении. Кальвин, Буцер и Нокс не осуждали

¹⁵¹ Имеются в виду католические священники, получившие образование в семинариях за рубежом. — Прим. ред.

епархии как таковые, поэтому активные «реформаты» могли по-прежнему формально существовать в рамках государственной церкви.

Елизавета была достаточно консервативна в своих религиозных представлениях. Она не находила времени для евангелистских протестантов и их требований учредить проповедническое служение. Хотя многие из ее епископов проявляли терпимость во второстепенных вопросах и даже были готовы отказаться от неприемлемой для реформатов практики, Елизавета принудила архиепископа Паркера обнародовать свои доводы в пользу единообразия. Она разжаловала Гриндала, своего архиепископа, выступавшего в защиту проповеди и пророчеств, одобрение которых успешно закрепило бы евангелистское Пуританство внутри официальной церкви. После длительных и обширных поисков Елизавета наконец остановилась на Джоне Уитгифте (John Whitgift), архиепископе почти столь же консервативных взглядов, как и она сама. В 1595 году он едва не впал в немилость за опубликование Ламбетских артикулов (Lambeth Articles). Неизменность позиций Елизаветы и одновременно растущее тяготение в сторону евангелистского Протестантизма были характерными чертами религиозной ситуации во время ее правления, порождавшими неизбежную напряженность и периодическую конфронтацию.

Некоторые противоречия времен правления Елизаветы позднее породили более серьезные проблемы. Полемика об одежде священников в 1563 году едва ли сравнима по значимости с арианской полемикой в древней Церкви, хотя шума было наделано больше. Пуритане считали, что вопрос об одежде священников не требует немедленного разрешения. Но они оспаривали обычай духовенства носить шапочку и мантию в течение недели и стихарь по воскресеньям. Вскоре к списку римских обрядов, претящих совести, они добавили такие обычаи как крестное знамение при Крещении, коленопреклонение во время Причастия, чрезмерное, по их мнению, количество церковных праздников, кольцо при бракосочетании и (отголоски Цюриха!) использование в церквях органа. Прошение об отмене многочисленных римских обычаев и всех облачений, кроме стихаря, было подано на рассмотрение собранию духовенства и отклонено им с перевесом всего в один голос.

В 1572 году поднялся шум вокруг более серьезного вопроса, когда Томас Картрит (Thomas Cartwright) и группа Лондонских пуритан выступила за пресвитерианскую форму церковного управления вместо епископальной системы. «Первое увещание» (First Admonition), опубликованное в том году, призывало к тому, чтобы служителей избирали церковные приходы, а не епископы. «Второе увещание» предлагало пресвитерианскую модель церковного управления, явно вторившую *Основам* Кальвина, и призывало к созданию института пресвитеров, которые следили бы за церковной дисциплиной, назначали бы служителей в приходах и руководили поклонением во время богослужений. Такая угроза порядку и стабильности возмутила Елизавету и ее советников, несомненно видевших взаимозависимость епископов и короны. В 1574 году Картрит бежал за границу, но пуританское движение развивалось. В 1589 году умер идейный организатор пресвитерианского подполья Джон Филд (John Field). К 1592 году организация развалилась, и пресвитерианский вопрос, казалось, исчерпал себя. Реальное возрождение Пресвитерианства произошло только во времена гражданских войн.

Роберт Браун (Robert Browne) из Кембриджа стал первым сепаратистом, отстаивавшим более радикальное инакомыслие. Браун был вспыльчивым типом и однажды предстал перед судом за избиение своей жены. Описание этого происшествия демонстрирует изощренность его интеллекта: «Отвечая на упрек в избиении своей пожилой жены, почтенный отец Браун отметил, что побил ее не как жену, а как проклятую старуху». Он разработал общинную модель церкви как содружества «призванных» или «собранных» из великого множества людей, добровольно связавших свою жизнь друг с другом в поместной церкви. В своей *Книге, являющей жизнь и нравы всех истинных христиан* (*Book Which Showeth the Life and Manners of All True Christians*) он настаивал, что каждая община должна быть свободна от контроля государства, а также независима от епископов и пресвитеров. Община должна сама избирать пасторов, учителей и старейшин, не обязательно из числа хорошо образованных людей, и порядок поклонения на богослужениях должен быть очень простым. Приблизительно в 1580 году Браун действительно организовал такую общину в Норидже. Правительство, опомнившись, привело в действие механизм репрессий.

Назначенный Елизаветой новый архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт попытался вернуть пуритан к единству. Теологически Уитгифт был строгим кальвинистом, несмотря на свою жесткую политику в отношении пуритан, выступавших против использования стихаря, и даже как-то упрекнул Картрита за сделанное им допущение, что учение о свободе воли «не противоречит спасению». Архиепископ Уитгифт, которого Елизавета называла «мой черный муженек», заявил 17 ноября 1583 года в своей первой проповеди в церкви Креста Св. Павла, что пуритане должны подчиниться установленному порядку. В том же году Шесть артикулов обязали население согласиться с верховенством королевской власти в церкви и государстве и принять *Общий служебник* и Тридцать девять артикулов как основание и норму. Верховный суд привлек нарушителей к ответу. Всего было отстранено около двухсот приходских священников. В 1586 году он учредил цензуру теологических изданий, надеясь остановить пуританских экстремистов, однако вызывающие брошюры «Мартина Марпрелата» («Martin Marprelate») появлялись вопреки его усилиям, нападая на епископов как «мелких антихристов, надменных прелатов, неснос-

ных противников Реформации, врагов Евангелия и ничтожных завистливых священников». В 1593 году Акт о сектах потребовал изгнания или смерти всех, кто отказывается посещать государственную церковь и поклоняется в отдельных группах. Ламбетские артикулы Уитгифта 1595 года по-прежнему придерживались последовательного и строгого учения о [двойном] предопределении.

В высшем руководстве перемена теологических взглядов произошла только в последние годы правления Елизаветы, когда в 1599 году епископ Лондонский Ричард Бэнкрофт (Richard Bancroft) начал реально использовать свою власть примаса в интересах церковнослужителей с более широкими взглядами. На Придворной конференции в Гемптоне (Hampton Court Conference) Бэнкрофт не позволил пуританам включить Ламбетские артикулы Уитгифта в официальное вероисповедание. Наиболее влиятельным и типичным в Англиканской Реформации был труд скромного служителя Ричарда Хукера (Richard Hooker), не ставшего видным церковнослужителем или теологом, *Законы церковного управления (Laws of Ecclesiastical Polity)*. Первые четыре книги *Законов* увидели свет только в 1593 году и были написаны как ответ пуританскому богослову Уолтеру Трэйверсу (Walter Travers), критиковавшему государственную церковь на основании Библии. Хукер употребил для опровержения пуританских аргументов превосходный, достойный темы литературный стиль и обосновал англиканскую форму управления как законное церковное устройство. Он подчеркивал необходимость смирения перед Богом, согласия, мира, здравомыслия и порядка ради достижения спокойствия на земле и счастья в вечности. Он обращался к Божиим и природным законам, а также к Святому Писанию в своих доказательствах истинности Англиканской церкви.

Королева Шотландии Мария Стюарт

Когда в 1568 году Мария Стюарт бежала в Англию, то с собой она принесла явную угрозу безопасности Елизаветы, досаждавшую английской королеве на протяжении девятнадцати лет. Один из ее епископов отметил, что Елизавета правила на «птичьих правах». Мария представляла опасность для Елизаветы одним своим рождением в качестве единственного законного ребенка короля Шотландии Якова V, своим католичеством и потенциальной возможностью стать залогом в международной политической игре. Мария являлась противоположностью своей сестры Елизаветы во многих отношениях. Она выросла при веселом и ослепительном французском дворе, воспитывалась с дофином и его сестрами и принадлежала кругу, в котором рыцарские романы и сатиры Рабле предпочитались классике. Она обладала страстной натурой и была способна к неистовой любви и жгучей ненависти. Мария не отличалась крепким здоровьем, однако обладала удивительной выносливостью. Даже не будучи равной Елизавете в королевских качествах, она все же стала для нее достойной соперницей. Первым судьбоносным шагом Марии было решение оставить Францию, в которой ее придворная жизнь отравлялась ненавистью свекрови Екатерины де Медичи, чтобы вернуться в бедную и захолустную, зато родную Шотландию. Отец Марии Яков V умер 14 декабря 1542 года, всего через неделю после ее рождения. Шесть лет спустя ее отослали во Францию. В 1558 году она вышла замуж за дофина Франсиска. В том же году умерла королева Англии Мария, и она со своим мужем была втянута в английскую политику. В следующем году, со смертью короля Генриха II, она стала супругой короля Франции. Тем временем восстали шотландские феодалы, и протестантские войска со своими английскими союзниками вынудили французский гарнизон Марии сдаться. Представитель Марии подписал Эдинбургский договор, окончивший в 1560 году гражданскую войну, однако одним из пунктов договора Елизавета признавалась королевой Англии, и потому Мария оттягивала время, в результате так и не подписав договор. 5 декабря умер ее муж, и Мария решила вернуться в Шотландию как королева, на что протестанты согласились неохотно. Она прибыла в Шотландию 19 августа 1561 года.

Некоторое время Мария правила, хотя в действительности не управляла, так как реальная власть принадлежала кланам, и реформаторы также сохранили свое влияние. В 1565 году Елизавета позволила вернуться в Англию Генриху Стюарту, лорду Дарнли, правнуку Генриха VII. Он был католиком и в остальном годился в супруги Марии, а с точки зрения Елизаветы представлял меньшую опасность, чем союз с Францией или Испанией. Марии тогда было двадцать три года, и она безумно в него влюбилась. Восстала протестантская аристократия, но Мария их подавила и вышла замуж за молодого Дарнли. Он оказался подлым и жестоким мужем. Из ревности к секретарю Марии итальянцу Давиду Риццио (David Rizzio), веселому малому, развлекавшему Марию музыкой и следившему за ее корреспонденцией, Дарнли замыслил его убийство. 9 марта 1566 года убийцы ворвались в апартаменты королевы, в ее присутствии вытащили Риццио за двери и зарезали его насмерть. Мария была арестована, но бежала и жила с презрением к своему ничтожному мужу. Теперь она обратилась к Джеймсу Хепберну (James Hepburn), графу Ботуэлла (of Bothwell), готовому ради нее на невероятные вещи.

Дарнли лежал больной в резиденции Марии в Кирк-о-Филде (Kirk o'Field), когда 10 февраля 1567 года между двумя и тремя часами утра дом взорвался. Дарнли и его пажа обнаружили удушенными в саду. Создавалось впечатление, что Дарнли узнал о скором взрыве и в последний момент сумел выбраться из здания, так что заговорщикам пришлось оставить явные улики убийства в происшествии, которому следовало выглядеть таин-

ственным. На улицах появились плакаты с портретом Ботуэлла и надписью: «Вот убийца короля». Ботуэлли было предъявлено обвинение в убийстве, но он естественно был оправдан своими пэрами, весьма обрадованными избавлению от Дарнли. Якобы насильно, но предположительно с ее согласия он увез Марию в Данбар, поскольку только общественный скандал мог побудить его жену искать развода, а суд — разрешить развод, и внешне невинная Мария не могла надеяться на одобрение их брака столь скоро после смерти Дарнли. Случилось так, что их надежды не оправдались. Мария и Ботуэлл поженились 15 мая, а через месяц против них восстали протестантские лорды. Ботуэлли они дали возможность ускользнуть, а королева была заточена в замке Лохлевен (Lochleven).

До какой степени Мария была замешана в убийстве Дарнли? «Письма из шкатулки», якобы написанные Марией Ботуэлли во время этого фатального кризиса, были сильно не в ее пользу, хотя их подлинность некоторые ее защитники все еще подвергают сомнению, также ссылаясь на протест Марии, которая настаивала на счастливом совпадении, что в ночь гибели Дарнли она вдруг вспомнила о своем обещании посетить свадебный пир, благодаря чему Провидение хранило ее вдали от Кирк-о-Филда вплоть до самого взрыва, его разрушившего.

Марии удалось бежать и поднять армию, однако 13 мая 1568 года она была разбита при Лэнгсайте (Langside), после чего она бежала в Англию, предав себя на милость Елизаветы. Сесиль допросил ее и вынес следующий вердикт: «Не было обнаружено никаких достаточных доказательств того, что королеве Англии следует составить дурное мнение о своей доброй сестре». Елизавета была неглупой женщиной, однако ей показалось вполне возможным и более предпочтительным оставить Марию в живых, подрезав ей крылья. Мария проживала в ряде замков и сельских поместий со свитой из тридцати ее собственных слуг, беспрепятственно пользуясь своим французским приданым и почтением, достойным королевы. Она имела право принимать гостей наедине, но была несколько ограничена в переписке со своими приверженцами.

Восстание католиков на севере в 1569 году и отлучение Елизаветы папой в 1570 году компрометировали Марию, однако никаких мер против нее принято не было. Итальянского банкира Роберто Ридольфи (Roberto Ridolfi) уличили в организации с папской санкции убийства Елизаветы и брака Марии с герцогом Норфолком. Агенты Сесили раскрыли заговор, и герцог был обезглавлен 2 июня 1572 года.

Заточение Марии, роскошное, однако невыносимое для женщины ее темперамента и амбиций, продолжалось четырнадцать лет. Окончательное поражение произошло, когда она вновь слишком доверилась человеку. Теперь этим человеком был Томас Морган (Thomas Morgan), агент, переправлявший ее письма, но открывший ее секреты сэру Фрэнсису Уолсингему, возглавлявшему секретную службу Елизаветы. Узнав об очередном готовящемся заговоре против Елизаветы, Уолсингем организовал внедрение в круг заговорщиков своих агентов, которые добыли основательные улики против Марии. В октябре 1586 года состоялся суд над ней за заговор против королевы. Мария признала, что стремилась бежать, но отрицала, что «производила или поощряла какое-либо вредительство против ее величества». Имевшиеся улики превосходили все ее отречения, и она была осуждена на смертную казнь как «Мария Стюарт, обычно называемая королевой Шотландии».

В смерти она была более благородна, чем в жизни. «Господин настоятель, — сказала она настоятелю собора в Петерборо (Peterbrough), призвавшему ее к покаянию, — я умру так же, как жила, в священной и истинной католической вере. Все, что вы мне можете сказать на этот счет, тщетно, и все ваши молитвы, я полагаю, мне мало помогут». Несмотря на то, что брак Марии с Ботуэллом был заключен по протестантскому обряду, теперь она решила, что мир должен знать, что она не только умерла в католической вере, но и за нее. С падением топора, ее кровь смывает все интриги и обвинения и будет взывать о мести. Мария идеально сыграла свою последнюю роль. Высоко подняв распятие, она произнесла католические молитвы, прося Бога о благословении Англии, помиловании Елизаветы и прощении ее врагов. Черная вельветовая мантия упала к ее ногам, и она шагнула вперед, одетая в ярко-красный шелк, цвет мученичества. Она склонилась над плахой и предала душу свою Богу, затем палач дважды опустил свой топор. Палач с лицом, по традиции в черной маске, наклонился и поднял голову, чтобы показать ее толпе, и прокричал: «Да здравствует королева!» Однако в его руках оказался только рыжий парик. На краю платформы лежала седая голова королевы Шотландии Марии.

Отношения Англии с Францией и Испанией

Отношения Англии с Шотландией и Ирландией и отношения Елизаветы с Марией отражают общее состояние Англии в борьбе с ее двумя католическими соперниками — Францией и Испанией, которые превосходили ее размерами, богатством и влиянием. Елизавета окрестила свою политику «закулисной войной», в ходе которой она содействовала французским гугенотам и нидерландским протестантам. На протяжении первых пяти лет, пока Елизавета занималась укреплением своих позиций внутри страны, эту игру осторожно вел Сесиль. После этого Англия стала более независимой и агрессивной, стремясь выбраться из трясины, в которую погрузила страну Мария.

Филипп II убедил Марию объявить Франции войну, что привело Англию в 1558 году к утрате Кале. Однако

Елизавета обрадовалась поддержке Филиппа в мирных Като-Камбрезийских переговорах 1559 года. В тот момент Филипп был более заинтересован в том, чтобы использовать Англию как противовес Франции, чем искоренять Протестантизм в этой стране. Французский король также фактически правил Шотландией через свою регентшу, Марию Гиз. Мария Стюарт была тогда женою дофина. Таким образом, Франция зажала Англию в своих тисках, и на протяжении десятилетия Елизавета вынужденно играла партию Испании. Затем Филипп женился на дочери французского короля, но Франция продолжала представлять угрозу для Испании, потому Филипп временно предоставил Англии возможность беспрепятственного развития. Елизавета воспользовалась предоставленным ей шансом и решительным вторжением выбросила Францию из Шотландии со всеми пожитками. Задняя дверь Англии наконец была заперта на засов.

Политика Елизаветы в отношении Ирландии оказалась не столь успешна и разумна. Ее цель была — «Ирландия для англичан». Английский Протестантизм навязывался ирландцам острием солдатской пики. В условиях гонений усилилась преданность ирландцев своей древней вере, а ненависть к Англии глубоко врезалась в народное сознание. Политика Англии была недалёковидна, непрактична и непоследовательна. Английские государственные деятели, пересекавшие пролив вице-королями и уполномоченными пэрами, возвращались домой побитые и разочарованные, с твердым намерением никогда больше туда не возвращаться. В свои последние годы Генрих VIII разработал план превращения ирландских земель в английские владения посредством сотрудничества с ирландскими вельможами. «Государственные деятели» Эдуарда занялись войной и истреблением. Мария следовала политике экспроприаций и основания английских военных колоний.

Унаследованная Елизаветой в 1558 году Ирландия представляла собой политически раздробленную и этнически разнородную страну в религиозном упадке. Елизавета заботилась не столько об утверждении в Ирландии своей государственной протестантской церкви, сколько о том, чтобы цивилизовать варварский народ и сделать его безопасным для Английской империи. План колонизации начал претворяться в жизнь и на протяжении некоторого времени финансировался сэром Уолтером Рэлеем (Walter Raleigh). Испанцы старались использовать враждебность ирландцев к Англии и даже планировали сделать Ирландию своим военным плацдармом. Однако ирландцы оставались слабыми и разрозненными по причине клановых войн и могли лишь мелко вредить англичанам, не представляя серьезной угрозы для безопасности Англии. В 1594 году англичане обрели коварного и упорного врага в лице умелого вождя Тирона, стоившего им невероятного количества денег, людей и оружия. Заключительные четыре с половиной года войны с Ирландией обошлись английской казне в 1.250.000 фунтов стерлингов. В конце концов Англия нейтрализовала Ирландию при помощи жестоких мер. Монтджой (Mountjoy) покорила Ольстер сознательным и систематическим истреблением скота, урожая и жилья. Во время капитуляции Тирона англичане видели многих ирландцев, переживших эту опустошительную войну, живущими в пещерах и питающимися травой и кореньями. Елизавета сумела закрепить успехи политики «умиротворения», однако изумрудный остров остался угрюмой, непредсказуемой частью королевства, готовой взбунтоваться при первой возможности.

В первые годы правления Елизаветы Испания считалась защитой против Франции, традиционного врага за проливом, однако вскоре смена власти привела Англию к отчаянной борьбе с Испанией за выживание и, наконец, за лидерство. В 1560 году Англия пережила сильное облегчение со смертью Франциска II, мужа Марии Стюарт, когда реальная власть перешла в руки Екатерины де Медичи, не питавшей симпатий к Марии и семейству Гизов. Вскоре религиозные войны парализовали Францию, и Елизавета осознала, что Франция теперь представляет меньшую угрозу, чем Испания. После заключения мирного договора в 1572 году в Блуа Франция стала в некотором роде союзницей Англии. Новообретенная дружба прошла суровую проверку и не распалась после побоища в Варфоломеевскую ночь, задевшего английских протестантов. Ряд притворных брачных переговоров между Елизаветой и герцогом Анжуйским, впоследствии ставшим Генрихом III, а позднее его братом герцогом Алэнзонским (of Alençon), преследовал дипломатическую цель представить англо-французские отношения более горячими, чем было на самом деле. Альянс, по крайней мере, не допустил образования франко-испанской коалиции против протестантской Англии. Такое положение не позволяло Елизавете выступать в качестве защитницы гугенотов, однако развязывало ей руки в оказании поддержки протестантским Нидерландам.

Содействие Англии Нидерландам и рейды английского флота в испанские владения вывели Филиппа из себя и убедили его в том, что без завоевания Англии ему никогда не удастся ни подавить восстание в Нидерландах, ни укрепить свою заморскую Испано-португальскую империю. Ряд событий стал последними искрами, воспламенившими огонь: убийство Вильгельма Оранского в 1584 году, выдворение из Англии испанского посла Мендозы за соучастие в заговоре с врагами Елизаветы в 1586 году, смерть Марии Стюарт в 1587 году. Казнь Марии лишила Филиппа надежды на католическое восстание в случае нападения на Англию. Тем не менее, он пришел к убеждению, что сможет захватить Англию так же, как Португалию, поскольку Мария передала Филиппу свои права на английский престол. Затем последовали выступление испанской «непобедимой» Армады в 1588 году, захват испанцами Кале в 1596 году, «непобедимая армада» 1599 года, ответные рейды англичан на Португалию и ее утверждение как «владычицы морей». К этому времени Франция при Генрихе IV восстановила внутреннее един-

ство и мощь, став препятствием для устремлений Испании. Англия противостояла самой могущественной в мире державе и одержала победу. Новый прилив самоуверенности и гордости породил у британцев всплеск патриотизма и честолюбия.

Английская экспансия

Англичане эпохи Тюдоров стали исследователями планеты и строителями империи не в силу своего характера или традиций. Притягательность испанских владений, Евангелие и золото были факторами, вовлекшими моряков юго-западной Англии в игру под названием мировая экспансия. В 1497 году венецианский мореплаватель Джованни Кабото (Giovanni Caboto) совершил под английским флагом свое первое путешествие к северо-восточному берегу Северной Америки, а в 1498 году — второе. Англичане прозвали его Джоном Кэйботом (John Cabot) и чествовали как героя, однако их восхищение его исследованиями было вызвано преимущественно сообщением об изобилии рыбы близ Ньюфаундленда. Новый регион ловли трески обещал независимость от исландских рыбаков. Однако для рыбной ловли требовалось преодолеть немалое расстояние, и со временем их восторг приутих. Прошло еще шестьдесят лет, прежде чем Англия активно включилась в мировую экспансию. Все это время англичане были заняты внутривластными и религиозными проблемами. Более того, до краха торговли текстилем в 1551 году в наличии имелось незначительное количество свободного капитала, который требовался для крупномасштабного пиратства и колониального развития. Окончательное закрытие Антверпена в семидесятых годах шестнадцатого века создало новые экономические предпосылки для географических исследований и поиска новых зарубежных рынков и источников сырья. Теперь у протестантской Англии появился особый стимул оспорить передачу папой Нового Света в руки Испании и Португалии. С благословения Елизаветы, но без официального разрешения одиночки отправлялись грабить испанские корабли и совершать набеги на испанские колонии. Хокинс (Hawkins), Дрейк, Фробишер (Frobisher), Релей и множество других в действительности были пиратами, которые совершали свои незаконные рейды с полным осознанием того, что будут повешены за пиратство в случае своего ареста.

В эти десятилетия реальная выгода от постоянных колоний была невелика, тем не менее, идея укоренилась, и видение империи начало захватывать взоры англичан. Фрэнсис Бэкон писал *О колонизации*: «Колонизация земель сходна с выращиванием леса, потому что необходимо учесть отсутствие прибыли на протяжении почти двадцати лет и ожидать вознаграждение лишь в самом конце». Подданные Елизаветы не обладали достаточным терпением для скучного выращивания колоний. Они стремились к быстрой прибыли, другого же столь быстрого обогащения, как при грабеже испанских кораблей, не существовало.

В 1561 году Сесиль обескуражил Алвареса де Куадра (Alvarez de Quadra), епископа Акилы (Aquila), своим заявлением, что папа не вправе делить землю и награждать царствами, как ему вздумается. В следующем году Джон Хокинс из Плимута проверил действительность испанской монополии, занявшись негритянской работоторговлей. Он собрал партию негров в рейдах вдоль мыса Кабо-Верде в южной Африке и перекупкой от португальских работоторговцев, затем пересек Атлантику, прибыл в Испаньолу и продал негров в рабство на испанских плантациях. Хокинс получил огромную прибыль золотом, серебром, драгоценными камнями, сахаром, шкурами и другими сокровищами индейцев. Королева, Сесиль и другие аристократы стали пайщиками его второй экспедиции два года спустя. Испанское правительство запретило своим колониям вести торговлю с англичанами, поэтому, ожидая худшего, Хокинс вооружил свою флотилию. Однако испанские плантаторы вновь закупили его негров, и он опять вернулся домой с огромной прибылью. После этого, наконец, опомнились испанские колониальные власти, и поэтому в 1567 году Хокинс отправился в свою третью экспедицию под конвоем из семи боевых кораблей и с Фрэнсисом Дрейком в должности капитана *Юдифи*. В этом путешествии Хокинс блокировал порт Рио-де-ла-Хача (Rio de la Hacha) и решительно ввязался в сражение с испанцами на суше. Он сжег город, захватил сокровища и принудил поселенцев к торговле. В 1568 году Хокинс угодил в ловушку в порту Сан-Хуан-де-Уллоа (San Juan de Ulloa) и был вынужден прорываться напролом, в результате потеряв 120 человек и несколько кораблей, включая *Иисуса*, круглодонное судно, приобретенное у Ганзы.

Самым упорным и неумолимым врагом, бороздившим испанские моря, был Фрэнсис Дрейк. Честолюбие Дрейка было болезненно задето смертельным унижением в Сан-Хуан-де-Уллоа. Из этой битвы он вернулся ужасным человеком. С того времени и до самой своей смерти в 1595 году он жил с двумя устремлениями в своем сердце — компенсировать свои личные убытки и укрепить Англию за счет ослабления Испании. Каждый совершенный им разбойный рейд ту же затягивал петлю на горле испанской монархии. Дрейк был превосходным моряком и весьма успешно действовал без правил и вне закона. Испанские корабли с драгоценностями пересекали Атлантический океан в сопровождении прекрасно организованного и мощного военного конвоя. До 1580 года никто не осмеливался их атаковать в европейских водах.

Проницательный глаз Дрейка разглядел самое слабое звено в серебряной цепи, протянутой от перуанских

рудников до Лимы, через хребет панамского Истмуса (Isthmus) до Номбре-де-Диоса (Nombre de Dios) и оттуда через Атлантический океан в Испанию. В 1572 году Дрейк подошел к Номбре-де-Диос, устроил засаду конвою с драгоценностями на подступах к порту и исчез с добычей быстрее, чем могли среагировать испанские войска в Панаме. Не все английские моряки были столь же удачливы, как Дрейк. Когда Джон Оксенгем (John Oxenham) несколькими годами позже попытался повторить его подвиг, он наткнулся на вооруженную транспортную колонну, был пойман и повешен в Лиме как пират. Эндрю Баркер погиб при столкновении с испанцами во время рейда вдоль побережья Центральной Америки, а его судно затонуло по пути домой.

Затем Фрэнсис Дрейк избрал театром своих действий Тихий океан. Он обогнул Южную Америку через Магелланов пролив и попал в Тихий океан (1577—1580). Шторм унес его далеко в сторону Антарктиды, и это позволило обнаружить, что из Южной Америки нельзя достичь полюса по суше. Дрейк разорял испанцев, но кроме разбоя ему посчастливилось увидеть основание Новой Англии в Калифорнии, и теперь империя Елизаветы простиралась от прекрасного тихоокеанского берега до Флориды. Он исследовал побережье Калифорнии, отметив бухты, пригодные для строительства портов и колоний. Западное окончание легендарного северо-западного пути не было открыто, Дрейк окончил свои исследования недалеко от Ванкувера. Оттуда он направился на запад через Тихий и Индийский океаны, обогнул мыс Доброй Надежды и пошел домой. Когда в сентябре 1580 года корабль Дрейка прибыл в Плимут, на его борту находились сокровища общей стоимостью 1.500.000 фунтов стерлингов, что составляло почти половину всех испанских сокровищ, добываемых за год разработки рудников Нового Света. Дрейк компенсировал убытки, которые понес в Сан-Хуан-де-Уллоа более десяти лет назад, а остальная часть этих огромных сокровищ, вопреки протестам посла Мендозы, хранилась в лондонском Тауэре до тех пор, когда Елизавета и Филипп свели друг с другом счеты, включавшие и компенсацию за участие Испании в Ирландском восстании.

Сэру Фрэнсису Дрейку, которого Елизавета посвятила в рыцари, было суждено затем сыграть важную роль в поражении Филиппа. Елизавета вновь выпустила его в 1585 году, и он отправился на своем славном капере, сопровождаемом флотилией из тридцати кораблей, в рейд против испанских кораблей и портов. Вначале он направился на Канары и острова Зеленого Мыса, предал огню о. Сантьягу и крепость Праю. После этого он напал на Санто-Доминго, жемчужину среди городов карибских колоний, получив двадцать пять тысяч дукатов выкупа за то, что сохранил большую часть города, а потом, аналогичным образом, атаковал Картагену в Южной Америке. Дрейк захватил испанский форт Св. Августина во Флориде, а затем спас уцелевших в бедствующей колонии, основанной сэром Уолтером Рейлеем на реке Роанок, забрав их домой в Англию. Своим разбоем Дрейк не только причинил испанцам огромный ущерб, но также продемонстрировал уязвимость короля Филиппа и побудил его решиться на такую отчаянную меру как предприятие с Армадой, окончившееся для него крахом. Англичанам было хорошо известно о готовящемся испанском вторжении. Когда весной 1587 года флотилия в порту Кадис была уже почти готова, Дрейк вышел из Плимута, и, застав испанцев врасплох, истребил тысячи тонн запасов, включая незаменимые материалы для ремонта кораблей, уничтожил многие суда и даже разрушил адмиральский галлеон. Дрейк действительно подпалил Филиппу бороду. В 1588 году, заключительном в эпизоде с Армадой, Дрейк прекрасно проявил себя, руководя небольшой Плимутской эскадрой во флоте лорда Говарда, — он, вопреки ветру и волнам, оказался способен на подлинно героические дела. В балладе 1591 года о триумфальной дуэли английского корсара с испанским галлеоном Елизавета названа «Леди моря». Скипастр морей перешел от Испании к Англии.

Примеру Дрейка в исследованиях и грабеже последовали другие авантюристы. Томас Кейвендиш (Thomas Cavendish) бороздил моря с 1586 года по 1588; его суда вернулись в Лондон, украшенные парусами из голубого камчатного полотна, а каждый матрос носил золотую цепочку. Однако большую ценность представляли собой географические и навигационные экспедиции, не вызывавшие такого восхищения, как пиратство, но важные для будущего. Наиболее сильным стимулом были коммерческие интересы, особенно при поиске северо-западного пути в Китай, а со временем — при поиске земель для колонизации.

Англичане начали поиск северо-восточного пути, хотя позднее инициатива была перехвачена нидерландцами и датчанами. «Компания купцов-предпринимателей», основателем которой был сын Джона Кейбота Себастьян, направила в 1553 году в Китай флотилию из трех судов под командованием сэра Хью Уиллоубай (Hugh Willoughby). Два судна замерзли недалеко от мыса Нордкап, обе команды погибли, а третье судно во главе со старшим лоцманом Ричардом Чанселлором (Richard Chancellor) достигло Архангельска. Местные русские приняли англичан приветливо, но настороженно. В Москву было отправлено сообщение о прибытии иностранцев, а в ответ поступили инструкции о том, как с ними обращаться. Царь Иван IV, еще молодой человек, не столько Грозный, каковым он стал позднее, пригласил их в Москву и предложил выгодные условия торговли. В результате этой экспедиции в 1555 году группа купцов образовала для торговли с Россией Московскую Компанию.¹⁵² Через год после ее основания компания послала Стефана Бёрроу (Stephen Burtough) разведать путь в Китай вокруг мыса

¹⁵² Дж. Х. Перри, *Век исследований* (Нью-Йорк, 1964), стр. 222-223. (J.H. Parry, *The Age of Reconnaissance*.)

Нордкап; это предприятие окончилось для него во льдах и тумане. Другой агент по поиску новых рынков сбыта пробрался по суше в Азию до самой Бухары. Торговые исследования разрушали рынки на континенте в Антверпене, на Верхнем Рейне и Эльбе. С 1579 года Восточная Компания стала конкурировать с остатками балтийской Ганзы.

Ученый джентльмен по имени Гамфри Гилберт (Humphrey Gilbert) увлекся идеей поиска северо-западного пути в Китай. Из древних хроник и отчетов путешественников он собрал все возможные данные и написал свою знаменитую *Речь, доказывающую существование северо-западного пути*. Его идея настолько захватила опытного моряка Мартина Фробишера, что тот совершил три путешествия (1576—1578) в поисках пути севернее Лабрадора. И хотя его попытки были изначально обречены на провал, открытый им пролив до сих пор носит его имя. Попытки Московской Компании открыть северо-восточный путь (1580) оказались не более успешными. В следующем году некоторого успеха в развитии торговли на Ближнем Востоке достигла Левантинская Компания. Последние и наиболее трагические попытки открыть северо-западный путь были предприняты Джоном Дейвисом в его трех путешествиях (1585—1587). Он достиг залива Нортумберленд, что к северу от пролива Фробишера, на широте 66° 40', однако льды опять преградили путь. Эти путешествия наделали много шума, но оказались не столь выгодны, как надеялись англичане. Постепенно общественное мнение склонилось к мысли, что заселенные англичанами колонии на американском континенте должны служить источником сырья и рынком сбыта для английской продукции. Забрехала заря колонизации.

Одним из отцов колониальной идеи и ее главным пропагандистом был Ричард Хеклайт (Richard Hakluyt), знаменитый автор *Путешествий и открытий* (1589). Сырье, новые рынки сбыта, путь в Китай, место ссылки бродяг и безработных, возможность христианизации индейцев — ни один из этих аргументов не был упущен Хеклайтом. В 1578 году сэр Гамфри Гилберт получил королевский патент на основание «плантации» в Новом Свете и через несколько лет предпринял попытку основать колонию в Ньюфаундленде. Однако ему недоставало дальновидности в планировании предприятия, и он затерялся в морях.

В 1584 году королева Елизавета передала патент Гилберта его сводному брату Уолтеру Релею, ставшему ее придворным фаворитом, а в следующем году посвятила его в рыцари. Местом для своей колонии он выбрал реку Роанок в регионе, отличавшемся мягким климатом и, согласно докладам, дружелюбными туземцами, который назвал Виргинией¹⁵³ в честь королевы-девственницы. Устье реки расположено на побережье современного штата Северная Каролина. Весной 1585 года под покровительством Релея сэр Ричард Гренвиль поселил на Роаноке сто колонистов, однако вернувшись в июне следующего года, Гренвиль обнаружил колонию совершенно деморализованной, полуголодной и в состоянии войны с индейцами. Дрейк вернул уцелевших колонистов, подобрав их по пути домой из своих знаменитых рейдов 1585—1586 годов. В 1587 Релей вновь попытался основать колонию в том же месте, однако губернатор колонии Джон Уайт, вернувшись на Роанок в 1590 году с новым продовольствием, не обнаружил там ни одного живого или мертвого человека. Возможно, поселенцы были перебиты индейцами, хотя они также могли попробовать поселиться в новом месте, затерявшись при этом в море или в лесах. Релей объявил, что предприятие ему обошлось в 40.000 фунтов стерлингов, и в 1589 году, перед последним бедствием на Роаноке, он передал свои права на колонию купеческой компании, закрепив за собой лишь небольшую арендную плату и пятую часть всего золота, которое, возможно, будет обнаружено. Конечно же, золота обнаружено не было, а Релею даже не пришлось заботиться о своей старости, потому что враги, которых он нажил, будучи фаворитом Елизаветы, позаботились о его устранении после ее смерти.

Когда Елизавета умерла в 1603 году, Релей уже давно перестал быть ее фаворитом. Она даже посадила его на некоторое время в Тауэр, узнав о его тайном браке со своей фрейлиной. Однако опала кончилась, и в 1595 году он отправился на реку Ориноко, мечтая обнаружить способ проникновения в испанскую империю в Южной Америке. Его *Открытие Гвианы*, опубликованное в следующем году, с большим энтузиазмом описывает господство, ожидающее Англию в Гвиане.

После смерти Елизаветы ее преемником стал король Шотландии Яков VI, сын Марии Стюарт. Яков имел собственных фаворитов, как и причины избавиться от фаворитов Елизаветы. Враги обвинили Релея в заговоре против короля, он был лишен имущества и вновь заточен в Тауэр. На этот раз прошло тринадцать лет, прежде чем ему удалось устроить свое освобождение ради того, чтобы возглавить экспедицию вверх по Ориноко и основать свою империю. Вероятно, Релей имел мысли о пиратстве еще до того, как пересек Атлантический океан. Он находился в отчаянной ситуации, и отчаянные меры казались ему единственным выходом. Однако сокровищ он не обнаружил, а его сын погиб при нападении на испанский патруль, охранявший путь к Гвиане. Нападение было явно незаконным для экспедиции действием, поскольку Англия не желала проблем с Испанией. Релей был абсолютно прав, предполагая, что в случае успешного исхода нападение совершенно бы не сочли за преступление. Однако его постигла неудача, и после возвращения в Англию Релея казнили в 1618 году.

¹⁵³ От англ. слова «virgin» — девственница. — Прим. пер.

Англичане продолжили его дело и путешествовали вдоль по Ориноко, основывая плантации, лесопилни и небольшие торговые предприятия, но мечта об английской империи в Латинской Америке в противовес испанской умерла вместе с Релеем.

Экономика

Промышленность и торговля во времена Елизаветы переживали что угодно, но только не золотой век. Ухудшилось положение дел в ключевой торговле текстилем, а жестокая инфляция создала трудности почти для всех. В конце тридцатых и в сороковые годы шестнадцатого века начался текстильный бум, во время которого текстиль составлял основную статью английского экспорта — приблизительно от 75 до 90 процентов от общего объема. Другими статьями английского экспорта были необработанная шерсть, олово и свинец из незначительных рудников, зерно, пиво и рыба. В 1551 году жестокий экономический кризис серьезно сократил торговлю, и несмотря на частичное восстановление, английский экспорт по-прежнему был значительно ниже уровня 1548—1550 годов. Правление Елизаветы отличалось периодическими депрессиями, наиболее серьезная из которых имела место в девяностых. Постепенно Англия лишилась своих старых сформировавшихся рынков сбыта грубой дешевой ткани, и только в семнадцатом веке производство новых «мануфактурных» тканей начало компенсировать этот спад. Как свидетельствуют личные записи Сесилия, его главным стремлением в продвижении Закона о подмастерьях и о ремесленниках 1563 года было заморозить в стране производство. Он надеялся остановить промышленное развитие, потому что видел в этом единственную возможность предотвратить периодические кризисы текстильной индустрии, в которой наблюдалась тенденция к перепроизводству.

Население увеличивалось вместе с ростом цен. Наиболее острой проблемой была дороговизна пищи, потому что в бедственные для Англии годы производимых продуктов не хватало для всего населения. Цены на промышленные товары росли медленнее, и к концу столетия инфляция значительно уменьшила реальные заработки. Имущим классам в основном удавалось держаться повышением арендной платы по мере роста цен, а крестьяне и городские пролетарии терпели жестокие лишения. Экономический упадок не позволял обеспечивать рабочими местами и землей постоянно растущее население, порождая сильное беспокойство о перенаселенности. Желательность вывоза лишнего населения за границу порождала негативную мотивацию заморской экспансии. В начале эпохи Стюартов экономическая депрессия сохранялась. Наибольший упадок пришелся на начало двадцатых годов семнадцатого века, а также на период между 1629 и 1633 годами. Значительный коммерческий рост начался только после 1660 года.

В начале правления Елизаветы сельское хозяйство завершало переход от манориальной структуры к системе частного предпринимательства. Аристократия продолжала огораживание земель, прежде закрепленных за крестьянскими общинами для коллективного пользования. Росло число заброшенных деревень, поскольку народ вынужден был уходить в города или бродяжничать в поисках работы. Огороженные земли использовались для выращивания овец, что было очень прибыльным делом из-за большого спроса на английскую шерсть, признанную лучшей в мире. Кроме того, во второй половине столетия происходило расширение земель для выращивания зерновых культур. Такое использование земли оказалось более эффективным, чем крестьянское семейное хозяйство. Благодаря легкому хранению и транспортировке, производство зерна играло важную роль в обеспечении продовольствием растущего городского населения.

Социальные перемены были отражением реформ в аграрной экономике. Крепостной труд и феодальное землевладение буквально перестали существовать. При Елизавете свободная аренда, копигольд и лизгольд были привычными и важными видами землевладения. Свободные землевладельцы были наиболее активной предпринимательской прослойкой в нижних аграрных классах, хотя многие йомены также получали неплохой доход от лизгольда. В период роста цен они наживались на постоянной аренде. Удачное стечение обстоятельств обеспечивало йоменов доходами, которые позволили им давать образование своим сыновьям, которые в свою очередь могли подняться на несколько ступеней вверх по социальной лестнице.

В научной среде существуют большие расхождения во взгляде на мелкопоместное дворянство (джентри) — семейства землевладельцев, занимавших положение выше йоменов и ниже старой аристократии. Историки традиционно считали, что джентри (как и средний класс) постоянно прогрессировали, тогда как старая аристократия опускалась. Более современный взгляд заключается в том, что аристократия вовсе не расточала бессмысленно свои дни на псовую охоту, но обладала потрясающей способностью адаптироваться. В конце концов, хорошего имени и умения держаться в седле никогда не было достаточно для того, чтобы уберечь власть от ловких и амбициозных новичков. Новые экономические условия гораздо больше благоприятствовали социальному росту, чем прежде, и аристократические семьи начали намного активнее заботиться о том, чтобы их сыновья получали подготовку в университетах, на «юридических факультетах», в «Судебных Иннах» и затем могли заниматься коммерцией или поступать на государственную службу, успех в которых требовал практических знаний. Джентри

обладали меньшим общественным весом и потому менее охотно рисковали своим престижем, занимаясь торговлей. Они образовали консервативные круги, что позднее многих привело к социальному застою. Тем временем обеспеченные семьи среднего класса прокладывали себе путь в сельское дворянство. Исторические факты всегда предполагают сложные, а не простые объяснения. Когда оседает пыль полемики, то во всей своей красе перед нами предстает истина в виде какой-нибудь старой гипотезы, хотя, вероятно, ревизионистский взгляд распространится более широко.

Лондон, с населением 120 000 человек, при Елизавете уже был экономическим центром Англии. Английским купцам было далеко до богатств Медичи, Альбицци, Вельсеров (Welsers) и Фуггеров, однако они прилагали максимум усилий к поиску новых рынков и способов обогащения. Дело в том, что английская промышленность не была столь развита технически, как на берегах Рейна, в северо-западной Франции и Италии. Развивая новые отрасли промышленности, например производство шелка, кружев, стекла, игл, волокон, войлока и так далее, англичане зачастую были вынуждены приглашать из-за границы опытных ремесленников для работы и обучения учеников. «Новые англичане» наивно кичились своим успехом. Новые городские дома, роскошные наряды, вычурная мода и утонченные манеры джентльменов Елизаветинской эпохи представляли собой красочное зрелище. Они составляли великолепную публику Глобуса на спектаклях Шекспира.

Кончина Елизаветы

Достижения английской нации в шестнадцатом веке справедливо объясняют удачным стечением обстоятельств во время продолжительного правления Елизаветы. Она была народным кумиром, символом победы, национального единства и целеустремленности. Однако любого внимательного исследователя ее государственной деятельности поражает то, сколь редко она проявляла инициативу, и сколь мало было число предпринятых ею действий прогрессивного характера. Преимущественно консервативная, она сдерживала те события, которые не была в состоянии предотвратить или контролировать, и скорее царила, чем управляла. Она даже не сумела найти творческое решение вопроса о престолонаследии. Тем не менее, доверие народа главе государства было, вероятно, важнее в историческом плане, чем ее собственные достоинства или недостатки. Миф обладает огромной властью над историей и даже историками.

С возрастом лицо Елизаветы высохло и словно еще больше вытянулось, зубы пожелтели и искривились, и в добавление ко всему, она носила огромный рыжий парик. Она по-прежнему играла в любовные игры, пользуясь своим главным качеством как монарха — своей женственностью. Увлечение одним из молодых людей при ее дворе — графом Эссексом, привело ее к окончательной трагедии. Эссекс был транжирой и скверным полководцем, но он был ее слабостью. Привлекательный Эссекс играл в опасную игру, используя ее любовь в уверенности, что настойчивость поможет ему достичь любых высот. Во время неудачной осады Руана он писал:

«Самая милая, самая дорогая и восхитительная Королева... Два окна Ваших покоев остаются полюсами моей вселенной, в которой, пока Вашему Величеству будет угодно владеть мною, я пребываю неподвижен и неизменен. Когда Ваше Величество сочтет, что небо слишком прекрасно для меня, то я не упаду, подобно звезде, но, подобно туману, растаю перед солнцем, поднявшим меня на такую высоту. Моя судьба, как и моя привязанность, не имеет равных, пока Вы, Ваше Величество, позволяете говорить мне “люблю”. Если когда-нибудь Вы откажете мне в такой вольности, то можете лишить меня жизни, но не сумеете поколебать моей верности, ибо не во власти даже столь великой Королевы как Вы заставить меня любить Вас меньше».¹⁵⁴

Елизавета дала ему шанс доказать свое мужество на поле брани. Все еще бушевало ирландское восстание, и молодой «ястреб» Эссекс кричал о военном покорении острова. Елизавета назначила Эссекса правителем Ирландии против его собственной воли, ибо он не хотел покидать двор. На одном из совещаний королевских советников он не согласился с королевой, а когда она отвергла его мнение, то повернулся к ней спиной. Разгневанная королева влепила ему оплеуху, и Эссекс, положив руку на шпагу, заявил, что не потерпел бы такого оскорбления даже от самого Генриха VIII. Эссекс возгордился, что предшествует падению. Во главе армии из 22 000 человек он подавил небольшое восстание в Манстере, однако не сумел уничтожить ирландского бунтовщика Тайрона. Он позволил солдатам пограбить, спешно заключил мир с Тайроном и вернулся к Елизавете.

Эссекс нажил себе влиятельных врагов, которые подорвали его положение при дворе, и вскоре оказался под домашним арестом. Личный совет королевы получил информацию о том, что на территории своего поместья он собирает войско, и вызвал его для объяснений. Вместо этого Эссекс двинулся в наступление на Лондон, тщетно надеясь, что город восстанет и перейдет на его сторону. Ему предъявили обвинение в измене, после чего состоял-

¹⁵⁴ Цитата у Дж. Е. Нилы, *Королева Елизавета* (Нью-Йорк, 1934), стр. 322-323. (J.E. Neale, *Queen Elizabeth*.)

ся суд, который признал его виновным. Елизавета была вынуждена подписать указ о казни любимого ею молодого человека. 25 февраля 1601 года, в Пепельную среду, Эссекс вышел из своей камеры в Тауэре, облаченный в костюм из черного вельвета и атласа, и взошел на эшафот, расположенный во дворе. Он поклонился всем присутствовавшим, произнес возвышенную благородную речь, исповедался, снял шляпу и поместил на деревянный куб свою голову, которую палач отсек тремя ударами топора.

Елизавета так и не оправилась от эмоционального потрясения в связи со всем произошедшим и в последние годы своей жизни часто впадала в продолжительные депрессии. В 1601 году она последний раз созвала парламент для сбора средств на заключительные действия в Ирландии. Лорд Маунтджой сумел подавить восстание, вынудил испанские войска капитулировать и договорился с Тайроном об условиях мира. Победа в Ирландии была последним успехом Елизаветы.

Всю жизнь Елизавета отличалась достаточно крепким здоровьем, однако возраст брал свое. 7 сентября 1602 года она достигла своего шестьдесят девятого дня рождения. Многие из ее прежних советников и друзей уже умерли. Рождество того года стало последней вспышкой великолепного веселья, которым славился ее двор. Затем в начале марта 1603 года Елизавета заболела. «Я не больна. Я не чувствую боли, а просто чахну», — говорила она. Слабая телесно, но сильная волей она отказалась от предложенных ей врачами лекарств, способных продлить ее жизнь. В среду 23 марта личные советники осмелились попросить ее исполнить последний долг монарха — назвать своего преемника. Она назвала своего «ближайшего родственника, короля Шотландии» Якова VI, сына Марии Стюарт, которому предстояло править после нее под именем короля Великобритании Якова I.

Вскоре после шести часов вечера того же дня она призвала к своему ложу архиепископа Уитгифта. Он поговорил с ней о христианской вере и конечной славе, которую ей предстоит познать, представ перед Царем царей. Королева выражала согласие движениями руки и глаз и молилась вместе с ним, пока не уснула. Между двумя и тремя часами утра она отошла.

Влияние Возрождения и Реформации на общественную и культурную жизнь

Предметом нашего исследования является одна из величайших эпох прошлого, и студент-историк, завершая изучение темы, подобной нашей, может согласиться со смиренным признанием Томаса Карлейля: «Трудно уловить все, когда слушаешь на удалении веков, через пропасти смерти и вопли царства тления». Около 40 года до Р. Х. древнеримский историк Саллюстий назвал написание истории одной из труднейших задач. Однако сопоставление фактов и описание событий представляется более простым делом (хотя эта простота обманчива), чем анализ их общественного и культурного влияния. По этой причине написанное далее следует рассматривать как эксперимент, подлежащий обсуждению как и вся история.

Возрождение и Реформация рассматриваются в либеральном протестантском понимании истории как великие прогрессивные силы, приведшие нас к современности. Лорд Томас Бабингтон Маколей решительно утверждает, что начиная с шестнадцатого века протестантские страны достигли бесспорно больших успехов, чем их соседи. В своей *Истории Англии* он высказал суждение, что под властью Римской церкви

«...самые прекрасные и плодородные провинции Европы... погрязли в нищете, политическом рабстве и интеллектуальной апатии, в то время как протестантские страны, ранее славившиеся своим бесплодием и варварством, благодаря ремеслам и промышленности превратились в сады и могут гордиться продолжительными перечнями своих героев и государственных деятелей, философов и поэтов... Наблюдая в Германии от римско-католического княжества к протестантскому... в Ирландии от римско-католического графства к протестантскому, мы становимся свидетелями перехода от низшего уровня цивилизации к высшему».¹⁵⁵

В наши дни такие грубые предрассудки и неправомерные суждения считаются столь же неприемлемыми, сколь и неуважаемыми. По какому критерию индустриальная страна является более развитой, чем консервативное аграрное государство? Как насчет католической Франции в качестве «современной» страны? Какую действительно роль играют религиозные различия в сравнении с другими факторами? В чем заключается преимущество Реформации перед средневековой культурой Возрождения? Подобно гарпиям, вопросы атакуют разум каждого, кто осмеливается вершить суд по догматическому признаку.

Тот факт, что эпоха Возрождения и Реформации свидетельствует о революционных переменах в европейской культуре, сравнимых с переменами конца восемнадцатого века, для многих историков очевиден, тогда как другие его оспаривают. Гуманисты и реформаторы, обращаясь за руководством к стандартам прошлого, устремляют западного человека в будущее с увеличенной скоростью. К ним вполне применимо точное замечание Фрэнсиса Бэкона: «Через показ древности, они утверждают новое».

Государство, Церковь и политическая теория

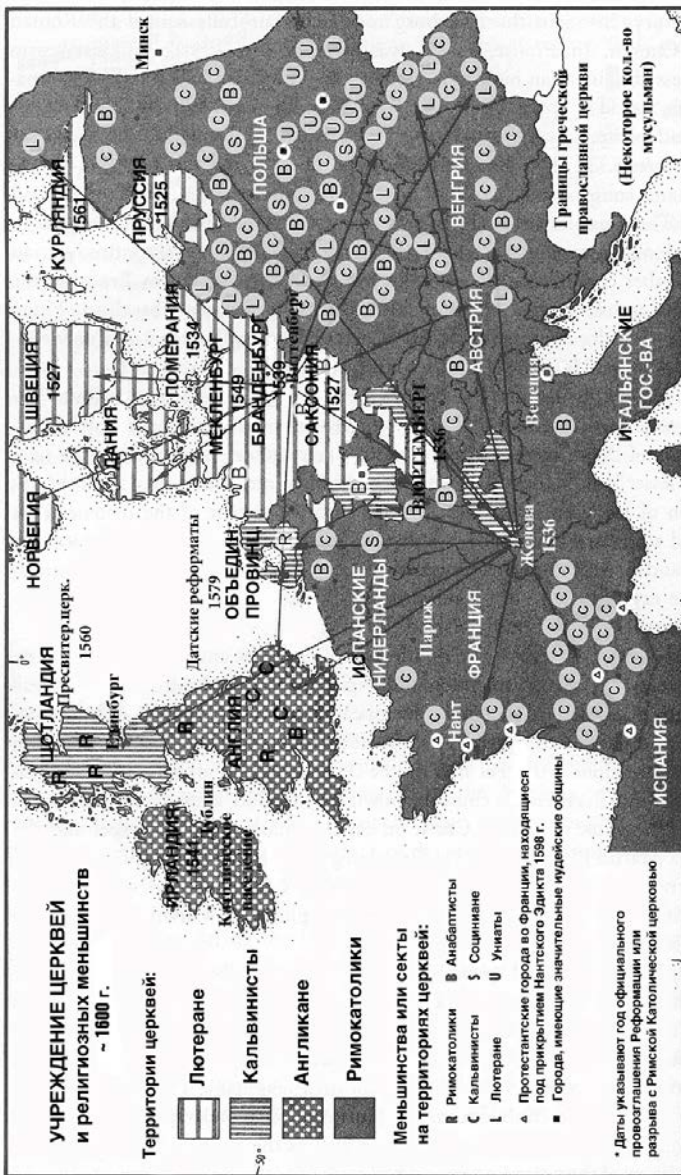
Реформация побудила людей радикально пересмотреть представления о Церкви, о государстве и об отношениях между ними. Эти события представляли собой нечто большее, чем очередную главу в древней истории борьбы между духовными и мирскими силами. Изменилась политическая ситуация, так как государство эпохи Возрождения разрушило основы феодальной системы. Светское государство, де-факто свободное от церковного контроля, создало условия для развития культуры Возрождения и возникновения независимых церквей. Церковь Средневековья не могла выдержать двустороннюю атаку светского государства извне и возросшей религиозной напряженности изнутри. С появлением Кальвинизма протестантское благочестие приобрело более воинственный характер и породило религиозную идеологию, послужившую основой для национальных движений на протяжении следующей половины века. Причиной так

¹⁵⁵ Томас Бабингтон Маколей, *История Англии от воцарения Джеймса Второго*, 7-ое изд. (Лондон, 1850), том 1, стр. 47-48. (History of England from the Accession of James the Second.)

называемых конфессиональных войн была взаимосвязанность политических и церковно-религиозных убеждений. Государственные соображения княжеских династий, а после 1789 года и народов, естественным образом содействовали усилению обособленности различных светских государств во время их развития в пятнадцатом и шестнадцатом веках.

Церковно-политический расклад почти стабилизировался к концу шестнадцатого века, и изменялся только в периферийных государствах в результате войн семнадцатого века. В Испании монархия Габсбургов преданно служила Римской Католической церкви. Во Франции, тяготевшей к абсолютизму (хотя в меньшей мере, чем историки полагали ранее), католицизм стал народным исповеданием, так же как во многих землях Италии. Англия и скандинавские страны приняли епископальную форму протестантизма, вполне допускавшую союз алтаря и трона. Нидерланды представляли собой интересное зрелище, конфессионально-языковую смесь: валлонский и фламандский языки переплелись с католическим и кальвинистским исповеданиями. Противоречие между крайним кальвинистским учением о предопределении, одобренным в исповедании Дортского синода (Synod of Dort) (1618—1619), и веротерпимостью внесло еще большую сложность в религиозную историю Нидерландов. Родина Эразма привнесла в современный либерализм национальную традицию терпимости. Этой традиции многим обязан Гуго Гроций, основатель просветительской теории естественного права и новой концепции международного права.

Недавние исследования выявили, что Реформация отнюдь не способствовала немедленному укреплению власти протестантских князей в их землях. Многие из них подвергали себя опасности, исповедуя новую веру, а экспроприация церковной собственности приносила больше выгоды мелким помещикам и простонародью, потому что от 60 до 80 процентов дохода от секуляризации монастырских и церковных земель употреблялось на образование, больницы и благотворительность. В шестнадцатом веке некоторые территориальные образования даже расширили свои полномочия за счет княжеской власти. Абсолютизм развился позднее, в иных условиях.

Утверждая реформы, основанные на понимании Церкви как общины верующих, а не института с жесткой иерархической властью, реформаторы вновь подчеркнули важную роль каждого отдельного человека и оспорили притязания церковной иерархии на светскую власть. Вслед за Павлом они учили, что только Христос является истинным Главой Церкви, а все верующие являются членами Его Тела. Эта незримая Церковь, известная только Богу, является истинной общиной верующих. Евангелие и Таинства являются признаками видимой Церкви Христовой на земле. Мартин Буцер заявил в Страсбурге в 1523 году, что в Царстве Божием и истинной Церкви Слово Христово принимается с радостью и соблюдается с усердием. Перечень атрибутов, отличающих истинную евангельскую Церковь, Цвингли дополнил дисциплиной, а Кальвин обрядами.

Призывая людей избегать «папских собраний», Буцер заявил в *Наставлении в любви (Instruction in Love)*, что Церковь является подлинно апостольской, когда служители Церкви и все ее верующие имеют разум Христа (Филиппийцам 2:5) и Его Апостолов, т. е. живут в служении братьям и с любовью благотворят ближним, не обладая особым положением или властью. Так реформаторы быстро лишили Церковь законодательной функции, оспаривая существование церковной собственности, законность канонического права и политическое применение грозной власти отлучения. События предыдущего исторического периода уже поставили под сомнение законность политической деятельности папы, однако теперь реформаторы еще больше подорвали папскую власть, противостоявшую мирским правителям. Политические интриги Ватикана ставили под сомнение духовную миссию Церкви и порождали враждебность по отношению к Церкви, что стало вполне очевидно в шестнадцатом веке.

Лютер оставил открытым вопрос о внутреннем церковном устройстве, подвесив его между идеалами конгрегационалистов и управлением совета или консистории. Служитель принимает свое призвание к служению проповеди и Таинств от христианской общины. Гёте как-то пошутил, что Лютер оставил своих коллег без масла на хлебе, ограничив обязанности священника только служением. Лютер ставил в пример самого Павла и настаивал, что «человеку, которому вверено служение проповедника, вверено наивысшее в Церкви Христовой служение».

В 1520 году он писал: «Если вынудить их [духовенство] признать, что все мы, крестившиеся, — в равной степени священники, каковыми мы и являемся, и что им лишь вверено служение с нашего согласия, то они вскоре осознали бы, что могут править нами ровно настолько, насколько мы добровольно согласны». Кальвин также полагал служение задачей первостепенной важности в Церкви, поскольку Бог использует служителей в качестве орудий совершения Своих трудов. *Вторая книга об устройстве Шотландской церкви (Second Book of Discipline of the Kirk of Scotland)* отражает мнение Кальвина, с которым Нокс соглашался и называл служителями всех исполнителей церковных должностей, потому что все они назначены на служение. Обратное течение в сторону высокого клерикализма и бюрократизации возникло достаточно рано. Меланхтон и Озиандер пытались усложнить требования для посвящения в духовенство, заявляя, что служитель призван к особой святости в жизни. Приступая к обязанностям руководителя, Лютер испытывал гораздо больше угрызений совести, чем молодые «христиане, облеченные властью».

Цвингли подвели его патриотизм и личная зависимость, из-за чего он сделал больше уступок государственной церкви, чем прочие крупные реформаторы. Однако недавние исследования доказывают несправедливость традиционных обвинений Цвингли в потворстве теократии и слиянию церкви и государства. Кальвин стремился установить форму церковного управления по новозаветным принципам и создал организацию, которая, несмотря на слияние церкви с государством в Женеве, привела в крупных государствах к подлинной церковной независимости. Анабаптисты составляли в вопросах экклезиологии меньшинство. Они утверждали (если только возможно говорить от имени всех этих разрозненных групп), что видимая Церковь должна быть освященным сообществом, отделенным от государства и уклоняющимся от клятв. Многие служители Англиканской церкви называли ее вселенской Церковью в Англии, так что, вопреки очевидному присутствию национального элемента, идея христианского мира сохранилась в Англии на протяжении шестнадцатого столетия.

В своем новом понимании христианского призвания реформаторы преодолели средневековый дуализм священного и светского призваний. Естественная деятельность перестала для них быть деятельностью низшего порядка по отношению к духовному труду. Божие величие проявляется в сотворенном мире, в котором, согласно Божию установлению, существует правительство. В своих четких представлениях о свойствах Бога видели зависимость правительства от воли и суда Божиих, «царством Божией левой руки». Они не могли представить себе государство отделенным от «естественного закона», т.е. свободным от этических ограничений. Реформаторы, и особенно Кальвин, стремились воздействовать на совесть правителей. Они включили в обязанности правительства заботу о социальном благополучии и образовании, закрепив тем самым тенденцию, которая повсеместно наблюдалась уже в предыдущие столетия. Правители должны поступать как христиане, несмотря на то, что их власть, конечно же, основана на естественном праве, установленном Богом, а не на церковной принадлежности.

В соответствии с Христовым повелением «отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу», реформаторы настаивали на полном разделении между светской и духовной властями. Протестантские страны оказались увлечены всеобщей тенденцией к политическому сплочению по территориальному или национальному признаку. Особенно после восстаний и религиозных войн люди ощутили потребность в централизации власти и сильном государстве. Переход от различия светской и духовной властей к наиболее активно отстаиваемому небольшими сектами и неконформистами принципу отделения церкви от государства произошел только в последующих столетиях.

Религиозный плюрализм оказал раскрепощающее воздействие на общество. Протестантские и католические меньшинства следовали библейскому повелению слушаться Бога больше, чем человека. Требование действовать согласно личной совести является утверждением, обладающим взрывным потенциалом. Вера в Царя царей ставит в должное положение земных правителей. Жесткая критика Лютера в адрес князей обрела в последующие века благодарных читателей. Кальвинистический акцент на предопределении и учении о завете (утверждении о существовании соглашения между Богом и человеком, заключенного при сотворении, в котором оговорены обязанности каждой из сторон) производило разрушительное действие, поскольку вера в личную избранность отнюдь не порождает смиренномыслия. Типичной иллюстрацией является конфликт между Марией Стюарт и Джоном Ноксом. Королева Мария, возмущенная необходимостью обсуждать свой брак с простолюдином, воскликнула Ноксу: «Какое вам дело... до моего брака? Кем вы вообще являетесь в этом королевстве?» Джон Нокс возразил: «Рожденным в нем подданным, мадам. Хотя в нем я не граф, не лорд и не барон, однако Бог соделал меня (сколь бы я презренным ни был в ваших глазах) полезным в нем гражданином».

Реформационная мысль внесла несколько основополагающих элементов в утверждение представительного правления и демократических институтов. Представление о священстве всех верующих было антииерархично по своей сути и разрушительно для пирамидальной политической структуры. Существует взаимосвязь между конгрегационализмом и демократическими идеалами. Как однажды заявил Нокс: «Лишите нас свободы собрания, и вы лишите нас Евангелия». Кальвинистическая идея завета, а также акцентирование естественного права в качестве законодательной основы способствовали возникновению представления об общественном договоре. Учение о призвании способствовало возникновению типа трудолюбивого и самостоятельного гражданина, который полезен

в любом государстве и совершенно необходим в демократическом обществе. Кальвин окончил последнее издание *Наставления в христианской вере* такими словами: «А для того чтобы нам не смущаться сердцем, Павел ободряет нас еще одним утверждением, что Христос искупил нас огромною ценою, чтобы мы уже не зависели от похотей развращенных людей, и тем более не были рабами их нечестия».¹⁵⁶

Нетрудно нарисовать себе образ хорошего протестанта-мирянина, обладающего качествами, присущими идеальному республиканцу, что мы здесь и сделали. По словам Джеймса Рассела Лоуэлла (James Russel Lowell), «Пуританство быстро восприняло семя религиозной свободы и, само того не сознавая, снесло яйцо демократии». Однако чтобы объективно представить тезис о протестантской демократии, необходимо указать по меньшей мере еще три важных соображения.

Во-первых, для изменения политической системы кроме идеи требуется наличие социально-экономических факторов. Гёте заметил: «Мысли уживаются по соседству, но вещи сталкиваются в пространстве». Общественные процессы начали успешно развиваться, только когда конкретные обстоятельства вызвали недовольство монархией. Подлинно революционный прорыв, в результате которого в Европе была разрушена старая религиозная и политическая власть, произошел под предводительством «просвещенных» лидеров в конце восемнадцатого века во Франции, номинально католической стране.

Во-вторых, свой весомый вклад в возникновение представления о естественном праве и теории общественного договора внесли также и католические мыслители. Св. Роберто Франческо Беллармино (умер в 1621 году), известный своим нелепым участием в деле Галилея — он, вопреки своей личной симпатии к Галилею и его воззрениям, объявил ученому о запрете папы распространять гелиоцентрическую теорию, — сформулировал теорию общественного договора, антимонархическую по сути и отражавшую взгляды итальянской церкви. Беллармино вступил в орден иезуитов в 1560 году и достиг высокого положения, став ректором Римского университета, настоятелем монастыря в Неаполе, теологом Климента VIII, кардиналом, экзаменатором епископов и консультантом римского понтификата. Участвуя в ожесточенном противостоянии с антипапской Венецией и беспокоясь о слабости католиков в Англии, Беллармино строил свои доводы на заключениях Св. Фомы и утверждал, что папа, как верховный духовный судья на земле, обладает косвенной властью над светскими правителями. Более того, он заявлял, что мирские правители получили свою власть от общества посредством общественного договора. Потому папа вправе смещать правителя и освобождать народ от подданства в случае нарушения правителем своего долга. При жизни Беллармино считался спорной фигурой, однако в 1930 году он был канонизирован и провозглашен отцом церкви.

Неистовый испанский иезуит и автор подробной истории Испании Хуан де Мариана (умер в 1624 году) отстаивал смещение и казнь тиранов в своей работе *О короле и институте королевской власти*¹⁵⁷ (1599), написанной им как «зеркало для князей» в назидание королям будущего. Книга подняла во Франции такую бурю, что генерал иезуитов был вынужден запретить членам своего ордена проповедовать законность убийства деспотов.

Франсиско Суарес (умер в 1617 году) присоединился к иезуитам в 1564 году и отличился не только как философ-схоласт, но и как политический теоретик. В своем трактате *О законах и Боге Законодателя* (1612) Суарес утверждал, что папа, как духовный глава семьи христианских народов, является законным представителем всех этих народов. Таким образом, папа обладает косвенной властью наблюдать за духовным состоянием мирских правителей. Государство основано на добровольном соглашении глав семей, ибо общественная власть действительна внутри общественной группы. Поскольку политическая власть принадлежит обществу, то ни одна политическая система не может быть абсолютной или неизменной. Потому государственная власть основана на естественном праве и подлежит изменению в случае несоответствия своему предназначению.

В-третьих, некоторые доктрины естественного права, концепция международного права и идея терпимости были рождены секуляризованной, а не теологической мыслью. Предложенная Суаресом доктрина естественного права отделила политику от теологии. Хотя его намерение заключалось в утверждении папской позиции, доктрина во многом напоминала идеи нидерландских кальвинистов Йоханнеса Алтузия (Johannes Althusius) (умер в 1638 году) и Гюго Гротия (умер в 1645 году). Алтузий продолжал мысль французских кальвинистов-антироялистов. Он связывал естественное право с законом Моисеевым, хотя его политическая теория логически зависела от основополагающей идеи общественного договора. Люди естественным образом объединяются в группы, и верховная власть является неотъемлемой принадлежностью народа как человеческого сообщества. Ради эффективного руководства общими делами, общество вручает власть правителям. Однако, нарушая свой долг, они лишаются власти, которая в результате возвращается к народу.

В некотором отношении Гротий был очень традиционен и наполнил свое понимание естественного права крепким вином древности: справедливостью, доброй верой и священностью заветов. Определение естественного

¹⁵⁶ Жан Кальвин, *Наставление в христианской вере* (Филадельфия, 1936), том 2, кн. 4, гл. 20, стр. 806. (Institutes of the Christian Religion.)

¹⁵⁷ De Rege et Regis institutione. — Прим. ред.

права, предложенное им в своей великой книге *О законе войны и мира* (1-я книга, 1-я глава), отнюдь не было революционным:

«Законы природы продиктованы здравым смыслом, который указывает на то, что поступок заключает в себе нравственное основание или моральную необходимость, определяемые его согласованностью или несогласованностью с естественным разумом, исходя из чего такой поступок либо запрещен, либо предписан создателем естества, Богом».

Его методология имела огромное значение, обращение к здравому смыслу предполагало тот вид рационального мышления, который его современники считали научным методом выработки положений, регулирующих политическую систему государства, его законодательство и законы, регулирующие международные отношения. Система Гроция не была обусловлена теологическими предпосылками, однако это не означает, что он не руководствовался религиозными соображениями. Он представлял собою продукт гибкого и терпимого христианского гуманизма, традиционного для его родины. Комментируя успех тоталитаризма в двадцатом веке, известный Кембриджский историк Герберт Баттерфилд взял на себя смелость заявить в своей работе *Свобода в современном мире*:

«Поскольку христианство не может отказаться от основополагающего принципа свободы — права поклоняться истинному Богу даже вопреки требованиям большинства в данном обществе, — то, в результате наблюдения за развитием мира, напрашивается вывод, что ни одно обоснование свободы и индивидуализма не устоит, кроме религиозного».¹⁵⁸

Протестантизм и капитализм

До сих пор ведутся великие дискуссии о том, действительно ли протестантизм, особенно Кальвинизм, сыграл решающую роль в зарождении и развитии современного капитализма. В отличие от предыдущих десятилетий, дискуссии наших дней имеют менее острый характер, и уже обозначились контуры научных выводов. Poleмика началась полвека назад, когда великий немецкий социолог Макс Вебер опубликовал свое эссе *Протестантская этика и дух капитализма* (1904—1905). Вебер назвал сутью капитализма рациональную организацию добровольного труда. Он утверждал, что дух капитализма взрастила религиозная этика Кальвинизма. Рассудительность, бережливость, распорядительность, разумная и правильная жизнь, высокая нравственность, представление о призвании, земное воздаяние как проявление благодати, социальные ограничения, а также личная дисциплина — все эти понятия связаны с кальвинистским «мирским» аскетизмом. Эти ценности способствовали возникновению прекрасно организованного капиталистического экономического уклада. Аргументы Вебера были направлены против материалистического детерминизма и акцентировали роль духовных процессов в развитии экономики. Р.Г. Тони в своей работе *Религия и становление капитализма* (1926) поддержал главную мысль Вебера, однако расширил его доводы и признал решающую роль всего протестантизма и социально-экономических и политических обстоятельств. Вебер вовсе не утверждал, что Кальвинизм является единственной причиной возникновения капитализма, однако многие из его менее искушенных сторонников и критиков сражались именно вокруг этого вопроса. В результате были проведены обширные исследования и совершена серьезная переоценка, и перед нами предстала гораздо более сложная картина.

Капитализм явно опередил Реформацию на несколько столетий. Отдельные элементы капитализма сохранились в восточной части Римской Империи и перекочевали на Запад во времена Средневековья. Торговля между Востоком и Западом не была заблокирована полностью, и с двенадцатого века в городах заметно бурное развитие коммерческого капитализма. Великие итальянские банковские дома эпохи Возрождения удивительно успешно и на высоком уровне применяли финансовые методы финансового и промышленного капитализма. Двойная бухгалтерия уходит своими корнями во времена Средневековья. В период Реформации большинство крупных банкирских семейств оставались католиками. Крупнейшие финансовые центры, такие как Генуя, Венеция, Лион и Антверпен, находились в католических странах. Иезуиты семнадцатого века поощряли «экономические добродетели» бережливости и правильной жизни наравне с кальвинистами и пуританами.

Сами реформаторы выступали против методов свободного капитализма. Лютер обращался к «природе» и Святому Писанию для определения норм экономической деятельности. Он полагал сельскую жизнь более естественной и здоровой для человека, чем занятия промышленностью и торговлей. Будучи сыном сравнительно мелкого, но крайне успешного горного предпринимателя, он был враждебно настроен к таким крупнейшим капитали-

¹⁵⁸ Герберт Баттерфилд, *Свобода в современном мире* (Торонто, 1952), стр. 8. (Herbert Butterfield, *Liberty in the Modern World*.)

стам как Фуггеры, которые создавали монополии, вытесняли мелких предпринимателей и при помощи своих денег влияли на политику. Лютер защищал теорию о ценности труда и выступал за политику справедливых цен и самодостаточную национальную экономику. Он видел пользу в мирских благах и недолюбливал радикальные секты, упразднившие частную собственность. Тем не менее, Лютер придерживался традиционной теологии, осуждавшей ростовщичество или кредит под высокие проценты, применяя против капиталистов ветхозаветную заповедь «не принимать серебра в рост» от нуждающегося брата. Свою позицию он закрепил в «Краткой проповеди против ростовщичества» (Little Sermon Against Usury) (1519), «Большой проповеди против ростовщичества» (Large Sermon Against Usury) (1520) и «Увещании к пасторам проповедовать против ростовщичества» (Admonition to Pastors to Preach Against Usury) (1540), однако Лютер не питал больших надежд на то, что рост процентного капитализма будет остановлен. На основании 5-ой главы Евангелия от Матфея Лютер заявил, что Христос различал три вида передачи мирских благ ближнему. Высшей формой является отпущение долга человеку, уже одолжившему у тебя. Вторая форма — это даяние ближнему, пребывающему в нужде. Низшей формой является одалживание. Лютер оставлял государственному закону право определять обстоятельства, оправдывающие добавочные 4, 5 или 6 процентов, однако был уверен, что высокий процент свидетельствует о жадности.

Женева находилась на перекрестке европейских путей и исстари была торговым центром. Буржуазное воспитание и юридическое образование сделали Кальвина менее средневековым и консервативным, чем Лютер. Он был в курсе деловой жизни города. Отвечая в 1545 году на вопросы Клода де Социна о ростовщичестве, он нарушил некоторые традиционные церковные ограничения в отношении ростовщичества, однако столь тщательно уравновесил свою позицию всевозможными оговорками, что трудно утверждать, будто он «развязал руки» экономическому капитализму. Напротив, он воевал с алчностью и корыстолюбием, самообогащением и эксплуатацией, критиковал различные спекулятивные операции.

Кальвин, конечно же, не считал материальный успех признаком Божия предопределения ко спасению. Такое искажение присутствует в Кальвинизме семнадцатого века, и озабоченность материальными благами развилась только с угасанием подлинно духовного чувства. Естественно можно сослаться на таких богатых протестантских финансистов семнадцатого века как де Ге, д'Эруорт, Рамбуйе и де Уитт (de Geer, d'Herworth, Rambouillet & de Witt), которые давали политические ссуды не только протестантским монархам — королю Дании Кристиану IV и королю Швеции Густаву Адольфу, но и французскому кардиналу Ришелье, а также австрийским и испанским Габсбургам. Однако эти капиталисты были «холодными» кальвинистами и не проявляли ни малейших признаков религиозного аскетизма, будучи королями финансовых рынков Антверпена и Льежа. Католицизм времен Контрреформации зачастую отправлял из городов-государств буржуа с антиклерикальными республиканскими взглядами в ссылки. Католические правители Южных Нидерландов, Испании и Италии (за исключением республиканской Венеции) стесняли и даже изгоняли местных прогрессивных купцов и банкиров, за исключением отдельных придворных фаворитов, снискавших особые привилегии и монополии, и ставили способных людей в затруднительное положение, которое еще сильнее мотивировало их к достижению экономического успеха и безопасности.

Было бы ошибочно отождествлять Кальвинизм семнадцатого века лишь с исключительно богатыми финансистами, сразу привлекающими к себе внимание, ибо Кальвинизм был обращен прежде всего к «маленьким людям», т.е. торговцам и ремесленникам. Кальвинизм проповедовал здравомыслие, организованность и духовную твердость, привлекавшие их более, чем идеи радикальных сект и расплывчатые либеральные учения нидерландского теолога Якова Арминия, который выступал против учения о строгом предопределении и утверждал, что спасение доступно для всех. Г.Т. Бакл был ближе к истине, чем обычно, когда писал: «Кальвинизм — это учение бедных, арминиянство — для богатых... Кальвинизм был народным вероисповеданием в республиках Швейцарии, Северной Америки и Голландии...»¹⁵⁹ Хотя бы в Нидерландах семнадцатого века правящие классы предпочитали либеральную теологию. Гипотеза Вебера-Тони о взаимосвязи между протестантизмом и капитализмом едва ли выглядит правдоподобным глобальным объяснением, если принимать во внимание все обстоятельства. И все же проникновением в трудовые сословия философии, представляющей труд не рабским игром, а источником достоинства, протестантизм и особенно кальвинизм способствовали образованию прослойки успешных и надежных людей, представляющих основу капиталистического общества.

Наследие гуманизма

Поэт Т.С. Элиот назвал культуру «воплощением религии» или «живой религией»¹⁶⁰. Теолог Пауль Тиллих написал в своей книге *Протестантская эпоха (The Protestant Era)*: «Религия является содержанием культуры, а

¹⁵⁹ Г.Т. Бакл, *История цивилизации в Англии*, 4-ое изд. (Лондон, 1864), том 1, стр. 775-776. (H.T. Buckle, *History of Civilization in England*.)

¹⁶⁰ Т.С. Элиот, *Заметки, определяющие культуру* (Лондон, 1948), стр. 15, 33, 67-82. (T.S. Eliot, *Notes Towards the Definition of Culture*.)

культура — формой религии». ¹⁶¹ Он был убежден, что ни одно культурное явление не может скрыть свои религиозные корни. Если это утверждение истинно, то эпоха взаимодействия Возрождения и Реформации наверняка раскроет их внутреннее культурное родство. Хотя Реформация была значительно радикальнее Возрождения, эти два движения имели тесные культурные связи.

ОБРАЗОВАНИЕ

Одной из таких связей была глубокая забота гуманистов и реформаторов об образовании. Герберт Уэллс однажды заметил: «Цивилизация — это состязание между образованием и гибелью». Гуманисты внесли важный вклад в образование, обновив внимание к классике, введя новые предметы в учебную программу, а также новые методы преподавания. Они конечно же заботились об элитарном образовании и служили интересам аристократических и высших буржуазных кругов. Реформаторы обязаны им своим стремлением к образованию, а также знанием классических языков и литературы, однако они пошли дальше гуманистов, обращая большое внимание на народное образование и всеобщую грамотность, а также особо выделяя учительство как Божие призвание.

Лютер настаивал на обязательном всеобщем образовании как для мальчиков, так и для девочек, которое предоставляло бы особые возможности детям с выдающимися способностями. Он писал, что ради образования молодежи следует не жалеть никаких усилий и затрат. Всех, кто имеет разум, следует обучать чтению, дабы Писание широко читалось и было известно. Образование должно готовить людей к служению в государстве и в церкви, ибо, по словам Меланхтона, «наша главная цель состоит не только в личной пользе, но и в благе всего общества». О том же Кальвин писал в *Наставлениях* 1541 года: «Необходимо готовить последующие поколения, чтобы при наших детях церковь не превратилась в пустыню; мы обязательно должны основать университет для обучения детей и подготовки их к служению в церкви и к управлению государством». В 1536 году жители Женевы поклялись, что будут «содержать школы, в которые все обязаны посылать своих детей». В духе этой традиции Коменский, великий педагог семнадцатого века, увещевал: «Пусть не будет исключен никто, если только Бог не лишил его разума и смысла». В 1560 году Джон Нокс и его соратники составили *The First Book of Discipline*, представившую национальную систему образования. Не случайно, всеобщая грамотность была впервые достигнута в Шотландии и некоторых протестантских землях Германии.

Реформаторы единодушно превозносили призвание учителя как служение любви к людям. В 1530 году Лютер писал: «Если бы мне пришлось оставить проповедь и прочие мои обязанности, то всем другим занятиям я предпочел бы труд школьного учителя. Я знаю, что кроме служения нет занятия более полезного, важного и лучшего; и я не уверен, которое из этих двух выше». Меланхтон увещевал учителей «принимать школьное призвание в таком же духе, как вы приняли бы служение Богу в церкви». Теодор Беза был убежден, что, работая профессором греческого языка, он исполнял не менее великое служение по утверждению веры, чем на кафедре.

Лютер, полагавший возрождение образования в период Ренессанса непосредственным предвестием Реформации, настаивал на широком распространении латыни, греческого и еврейского языков. «Будем помнить, — писал он, —

...что мы не сохраним Евангелие без языков. Языки — это ножны, в которых хранится Слово Божие... Потому очевидно, что Евангелие погибнет там, где не хранятся языки... Распространение языков является нашим очевидным долгом, если Бог уже сберег их для мира посредством возрождения учености».

Он проявил инициативу, изменив программу Виттенбергского университета и заменив Аристотеля и схоластическую философию Августином, Святым Писанием и классической литературой. «Я убежден, — писал он, — что чистая теология даже не выживет без знания литературы». Изучение поэзии и риторики готовит людей как нельзя лучше к «пониманию священной истины и умелому и радостному обращению с нею». Меланхтон был главным инициатором создания новых гимназий и средних школ с гуманистическими программами в Нюрнберге и других местах. Он полагал хорошее обучение грамоте необходимым условием для наставления в вере.

Кальвин в юности был французским гуманистом и навсегда сохранил любовь к литературе. В особенности он восхищался Цицероном, и его сочинения пестрят цитатами из классиков. Кроме того, он верил, что многому может научить классические трактаты о науке и практических искусствах. Он осуществлял то, о чем проповедовал; так, при основании Женевской академии он составил программу, включавшую древние языки и гуманитарные дисциплины. Кальвинисты основали новые университеты в Единбурге, Лейдене, Амстердаме, Гронингене, Утрехте, Франикере, Ниме, Монтобане, Сомюре и Седане (Franker, Nimes, Montauban, Saumur & Sedan). Они реформировали университеты, уже существовавшие в кальвинистских землях, например, в Гейдельберге, и основали Эммануил-колледж в Кембридже. Для реформаторов высшее образование было *negotium cum deo*, т.е. актив-

¹⁶¹ Пол Тиллих, *Протестантская эпоха* (Чикаго, 1938), стр. 57. (Paul Tillich, *The Protestant Era*.)

ным взаимодействием с Богом. Высокая культура также была «сферой, где действует вера».

Иоганн Штурм, основатель евангелической гимназии в Страсбурге, ставшей образцом для всех средних школ в Европе, взял себе девиз: «Мудрое и красноречивое благочестие», который свидетельствует о его убеждении, что вера и литературная культура должны идти вместе. Там и в других школах, основанных реформаторами, протестантская серьезность соединилась с гуманистскими идеалами, породив образовательную систему, которую Европа по праву гордится.

Студенты новых иезуитских школ изучали послания и *Тускуланские беседы* Цицерона, *Эклоги* Теренция или *Виргилия*, *Скорбные элегии* Овидия, *Саллюстия* и *Поэтическое искусство* Горация. К 1551 году иезуиты имели училища в Риме, Болонье, Флоренции, Ферраре и Венеции, а также во многих частях Северной Европы. Однако со временем изучение классики и в католических, и в протестантских школах превратилось в муштру. Техническое совершенство достигалось в ущерб непосредственности. Преподавалась «надежная классика», полезная для нравственного назидания, однако этому педагогическому гуманизму недоставало жизни и подвижности, свойственных Поджио, Филельво и Аретино (Poggio, Filelfo & Aretino).

«В наши дни никто не станет изучать того, что не приносит деньги. Весь мир стремится к торговле и занятиям, которые требуют поменьше усилий и приносят побольше прибыли, без всякой заботы о своих ближних или добром и честном имени. Изучение искусств и наук оставляется ради простейших ремесел... Все умнейшие головы, которым Бог даровал способность к благородному образованию, обременены торговлей».

Ближе к концу века малоизвестный французский гуманист Луи Ле Рой (Louis Le Roy) находил молодежь совершенно неспособной принимать образование: «Бедные студенты, умеренно обогатясь литературными познаниями, посвящают себя доходным искусствам ради того, чтобы заработать себе на жизнь. Богатые стремятся к удовольствиям и ищут легкого, поверхностного образования, а не его мучительных глубин». К концу семнадцатого века университеты утратили лидирующее положение и воскресили свое превосходство только в девятнадцатом веке.

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

«Миром должны править учителя, мудрецы и писатели, — провозгласил Лютер в одной из своих *Застольных бесед*. — Если Бог в Своем гневе убрал бы из этого мира всех образованных людей, кем бы стали оставшиеся люди, если не зверьми». К счастью, руководители Реформации были благосклонны к литературе. Золотые идеалы Возрождения вероятно потонули бы, навсегда исчезнув из поля нашего зрения, если бы возобладали мнения некоторых антиинтеллектуальных сект или культурный атавизм прагматиков.

Италия. В шестнадцатом веке Аполлон переселился на север, родина Возрождения стенала под игом испанской оккупации, мелочной тирании и репрессий Контрреформации, а итальянская литература пришла в упадок. Испания контролировала Милан и Неаполь. В Риме Юлий III был последним папой эпохи Возрождения, после него пришла Инквизиция, пресекая свободную мысль и творчество. Герцог Флорентийский Козимо I установил репрессивный режим. Элеанор Толедский установил в Палаццо Веччио (Palazzo Vecchio) испанский этикет. Во Флоренции, Ферраре, Болонье и Риме было создано большое число академий, насаждавших элегантный цicerоновский стиль речи и хорошие манеры, бывшие отличительной особенностью придворной жизни периода упадка.

К середине столетия умерло большинство лучших интеллектуалов Италии. Гуманист-эразмит Кардинал Садолео скончался в 1547 году. В 1552 году умерли Лаззаро Буонамичи и Ромоло Амазео (Lazzaro Buonamici & Romolo Amaseo), ведущие последователи Цицерона в Падуе и Болонье. Немногочисленные наследники Петрарки были весьма посредственными писателями. От жаркого дыхания Инквизиции усохла эротическая поэзия. Риторика как дисциплина опустилась до состояния банального жонглирования словами. Пьетро Бембо (умер в 1547 году) был продолжателем платонической традиции во Флорентийской академии, однако ни он, ни его поколение не внесли ничего оригинального или достойного внимания. После смерти логика Марко Антонио Зимара (Marco Antonio Zimara) в 1532 году Падуйскому университету не удалось дать миру ни одного заметного философа аристотелевского направления. Шестнадцатый век был назван в Италии *saeculum victorianum* в честь флорентийца Веттори или Виктория (Vettori or Victorius), именитого, но скучного мыслителя, отредактировавшего бесчисленное количество греческих и латинских текстов, написавшего комментарии к произведениям Аристотеля и опубликовавшего тридцать восемь книг *Viriae lectiones*. Классические штудии переместились с веранд в ученые кабинеты.

Историография в Италии пришла в упадок вслед за изучением классики. Итальянцы, более разобщенные, чем прежде, находились под иностранным правлением и уже не питали надежд на то, что исторический анализ хоть как-то послужит их политическим вождям, которые очевидно не обладали ни способностью, ни возможностью воспользоваться его уроками. После Джиччиардини (Guicciardini) и до следующего столетия в Италии не

появилось ни одной всеобщей истории. В конце шестнадцатого века флорентийский историк Сципион Аммирато (Scipione Ammirato) написал свою официозную *Историю Флоренции*, изобилующую фактами и историческими подробностями и дающую скорее большое количество фактов, чем понимание исторических процессов.

Ближе к концу века в Венеции наблюдался кратковременный расцвет историографии, напоминавший дни гражданского гуманизма и патриотизма в Бруновской Флоренции. Николо Контарини, позднее ставший дожем, написал прекрасную историю Венеции, честно отражающую недостатки эпохи и предлагающую вниманию широкую панораму событий. Паоло Парута (Paolo Paruta), позднее ставший официальным историком Венеции и послом в Ватикане, написал серию диалогов в похвалу гражданской жизни. Паоло Сарпи (Paolo Sarpi), автор истории Тридентского собора, тоже принадлежал к этой плеяде венецианских историков. Тот факт, что Венеции удалось восстановить свою независимость, пробуждал гражданское достоинство, а восторг по поводу Лепантинской победы возродил в республике былой энтузиазм, иссякший в других частях Италии. Венецианский гражданский гуманизм, как и возрождение искусства, наступил поздно и блистал осенними красками.

Империя. Пока Италия переживала последствия политических неурядиц и репрессий Контрреформации, государства северной Европы развивались в направлении более тесной национальной сплоченности и большей независимости культурных традиций. На протяжении полувека после Аугсбургского мира (1555) было потрачено много усилий на теологическую борьбу и составление вероисповеданий. Два десятилетия после заключения мира протестантизм в Империи продолжал распространяться. В Германии евангелическая вера почти стала общенациональным исповеданием. Если бы это произошло полностью, то религиозно-идеологические предпосылки конфликта были бы устранены. Однако столь простой развязке препятствовали три тенденции: распространение воинствующего Кальвинизма, внутренние разногласия в Лютеранстве и успех Контрреформации в Империи.

Аугсбургский мир обеспечил взаимную терпимость между католиками и лютеранами, но целенаправленно исключил уступки кальвинистам. Кальвинизм не остановило такое пренебрежение, и он широко распространился среди докторов теологии в Гейдельберге. Кальвинизм покорило сердце курфюрста Палатината Фридриха III, который при этом продолжал протестовать против Аугсбургского вероисповедания. В 1540 году Меланхтон опубликовал новую редакцию Аугсбургского вероисповедания (*Confessio augustana variata*), в котором переписал некоторые фрагменты, стараясь сделать их более приемлемыми для прочих протестантов. Например, в 10-ом артикуле он сформулировал положение о Св. Причастии таким образом, чтобы допустить спиритуалистическое толкование кальвинистов. После смерти Меланхтона Фридрих III опубликовал Гейдельбергский катехизис, который стал базовым текстом для всех кальвинистических или реформатских церквей Европы и Америки.

На протяжении десятилетий после смерти Лютера основанное им движение раздирали внутренние разногласия и догматические споры, угрожая расколом и последующим бесплодием. Отчасти такая ситуация была вызвана политическим соперничеством. Шмалькальденская война, в результате которой эрнестинская (западная) Саксония уступила альбертинской (восточной) Саксонии право участия в выборах императора, посеяла в обеих Саксониях семена раздора; кроме того, между Гессеном и Саксониями существовала постоянная борьба за лидерство в евангелическом мире. Однако, само внимание к истинности веры, т.е. к правильной формулировке догматов, поспешное осуждение иных мнений и профессиональная склонность к образованию школ и фракций порождали гораздо больше нетерпимости и напряженности, чем политика.

Руководящая роль в Лютеранстве вполне естественным образом перешла к Филиппу Меланхтону, блестящему мыслителю, к которому Лютер всегда испытывал глубокую симпатию. В силу своего богатого гуманистского прошлого, личного миролюбия и стремления различать доброе в идеях других, Меланхтон постепенно уклонился от четких доктринальных позиций Лютера в некоторых принципиальных вопросах. Например, он был склонен допускать участие человеческой воли в принятии благодати Божией (синергия). Он и его последователи, прозванные филиппистами, подвергались критике со стороны гнесиолутеран (дословно — истинных или собственно лютеран) во главе с очень консервативным и воинственным стражем ортодоксальности Маттиасом Флацием Иллириком (1520—1575).

Доктринальная полемика привела к появлению огромного числа памфлетов, догматических томов, отчетов конференций и синодов, критики и апологий. Обострилась необходимость доктринального единства и мира внутри Лютеранства. Иаков Андреэ, профессор из Тюбингена, при поддержке умеренных лютеранских теологов и князей начал работу над доктринальной формулировкой, приемлемой для всех лютеран. Результатом его усилий стала Формула согласия (1577), ставшая основным Вероисповеданием абсолютного большинства лютеранских княжеств и королевств. 25 июня 1580, ровно через пятьдесят лет после представления Сейму Империи Аугсбургского вероисповедания, была опубликована *Книга согласия*, объединившая три экуменических Символа веры и собственно лютеранские Вероисповедания.

К 1570 году примерно семь десятых всего населения Империи были евангелическими верующими. Два непосредственных преемника Карла V — Фердинанд I (1558—1564) и Максимилиан II (1564—1576) не смогли подавить протестантизм. Однако внутренняя борьба в течение века ослабила евангелическое движение, и инициа-

тива была перехвачена католической Контрреформацией.

Даже в 1540-е годы отдельные иезуиты вели работу внутри Империи. Петр Канизий (1511—1597) составил народный катехизис в противовес Лютеровскому и основал прекрасные иезуитские школы. Начиная с 1549 года иезуиты работали во владениях Габсбургов, в Баварии и архиепископских землях вдоль Рейна. Народ привлекало их подлинное благочестие, волнующие религиозные церемонии, процессии, паломничества и внушительная архитектура. В Римском Collegium Germanicum германские священники обучались в иезуитском духе. Особенно ревностным в вопросе возвращения германцев к католической вере был папа Григорий XIII (1572—1585). Он послал в Империю способных нунциев, а в 1573 году основал Congregatio Germanica, постоянный комитет кардиналов для работы по «германскому вопросу».

Эти усилия имели удивительные результаты, отрезвляющие для евангелического движения. К 1600 году в Католицизм были надежно возвращены Бавария, Баден-Баден, Штирия, Каринтия и Карньола (Carniola). На юге католической вновь стала подавляющая часть ранее многочисленного евангелического населения Бамберга, Вюрцбурга и Зальцбурга. В Католицизм были возвращены даже отдельные стратегические для церкви земли на севере: Эйфель, Фульда, Мюнстер, Падерборн и Кёльн. Борьба за Кёльн имела решающее значение, потому что это был ключевой город для овладения Вестфалией и Нижним Рейном. По мере укрепления Католицизма, вероятность религиозной войны между одинаково сильными врагами превратилась в реальную угрозу.

Теологическая полемика и борьба за церковное превосходство поглощали в тот период много внимания и энергии, ограничивая интеллектуальное и художественное творчество германцев. Небольшое число одаренных людей появилось в других областях творчества: силезский поэт Мартин Опиц (Martin Opitz), аугсбургский архитектор Элиас Голь (Elias Holl), тюбингенский последователь Аристотеля Якоб Шегк (Jakob Schegk), саксонский музыкант Генрих Шюц (Heinrich Schuz). В религии наблюдался застой творческой мысли, и теолог Иоганн Валентин (Johann Valentin) своим исключительным положением обязан преимущественно отсутствию конкуренции. Популярные духовные писания — назидательная литература, собрания проповедей и гимнов — стали важной частью литературы протестантской Европы.

В литературе подлинного успеха достиг исторический жанр. В ходе Лейпцигских дебатов Лютер использовал исторические прецеденты для защиты от нападок Экка, назвав историю «матерью истины». В свои последние годы он читал разнообразные исторические произведения и даже написал предисловие к истории династии Сфорца историка Галеатия Капеллы (Galeatius Capella). Меланхтон написал предисловие к хронике Кариона (Carion), переписав значительную часть самой хроники. Спиритуалист Себастьян Франк (Sebastian Franck) написал историю мира, которая своей оригинальностью, независимостью суждений и культурой мысли может успешно состязаться с хроникой Меланхтона. Наиболее внушительным был труд Иоганна Филиппсона (Johannes Philippson) или, как его называли, Шлейдена (Sleidanus) в честь города Шлейден (Schleiden) в Рейнских землях (Rhineland). В 1555 году Шлейден опубликовал свои *Комментарии к состоянию религии и правлению Карла V (Commentaries on the State of Religion and the Reign of Charles V)*, стремясь писать их объективно и беспристрастно, что он сам позаботился объяснить:

«Обо всех этих событиях я повествую прямо, просто и правдиво, как все и происходило. Я не прибегаю к красочной риторике и не пишу из ненависти или симпатии к кому-либо... Я сохраняю свой собственный стиль и использую только собственные слова, чтобы моя речь всегда была справедливой и беспристрастной, и привожу все события в надлежащем порядке, одно за другим».

Выдающимся историческим произведением была *Баварская хроника* Иоганна Авентина (Johannes Aventinus) (умер в 1534 году), обращавшаяся к истокам гуманистической традиции. Историография периода Реформации следовала гуманистическому предположению, что история, наравне с философией, несет в себе практический смысл и учит посредством своих примеров. Протестантские историки разделяли мнение гуманистов о Средневековье как о темных веках и всегда видели в истории десницу Божию, карающую или награждающую. Исторические методы, возникшие в период Возрождения и Реформации, включая периодизацию, сохранились вплоть до начала периода Нового времени и частично — до наших дней.

Франция. Во второй половине шестнадцатого века французская литература продолжала процветать, несмотря на то, что ни король Генрих II, ни его преемники отнюдь не покровительствовали литературе, подобно Франциску I. Религиозные войны привлекали их внимание, однако в эти десятилетия появились несколько выдающихся литераторов. Сам Кальвин был искусным французским стилистом, а его *Наставление* оказало существенное позитивное воздействие на французский язык и литературу.

Подражание классическим образцам и влияние итальянского Возрождения по-прежнему ощущалось во французской литературе. Писатели, входившие в группу, известную как Плеяда, совершенствовали французский язык и одновременно были убеждены, что образцовое литературное совершенство достигается через вниматель-

ное изучение и воспроизведение стиля классических авторов, например Цицерона и Вергилия. Теорию Плеяды развил Жоашен дю Белле в своем трактате *Защита и прославление французского языка* (1549). Дю Белле (1522—1560) черпал вдохновение как у Платона, так и у Христа, будучи приверженцем идеи нежной и утонченной любви. Изысканный поэт Понтюс де Тиар изучил сочинения Марсилио Фичино и увлекся его неоплатоническими идеями любви. Наиболее известный представитель этой группы Пьер де Ронсар (1524—1585) познакомился с Дю Белле в Туреньской гостинице и стал его преданным другом. В противоположность Фичино, Ронсар был сластолюбивым, чувственным и даже развратным человеком. Свою теорию поэтического безумия он заимствовал у Платона. Ронсар называл Францию «матерью искусства».

Следует отметить, что во Франции шестнадцатого века развивался рационализм и скептицизм бок о бок с католической ортодоксальностью и кальвинистическим фидеизмом. Отчасти это была реакция на религиозное противостояние. Настоящим интеллектуальным ударом стала аверроистическая доктрина Франческо Вимерчати (Francesco Vimercati), ломбардийского последователя падуйских неаристотеликов, который впоследствии стал врачом Франциска I и, несмотря на протесты церкви, получил кафедру философии. Между 1550 и 1556 годом он опубликовал свои комментарии на Аристотеля, в которых представил аверроистическую доктрину единого вечного разума и отстаивал вечность вселенной, детерминизм и неизблемость законов природы. Его оппонентами стал Жантьен Эрве (Gentien Hervet) и другие, а его наиболее публикуемым критиком был Питер Рамус или Пьер Ла Раме (Peter Ramus — Pierre La Ramie), предпринявший крупномасштабное наступление против самого Аристотеля.

Питер Рамус (1515—1572) был писателем необычайной одаренности таланта и силы. О направлении его мысли свидетельствует тезис, взятый им при защите степени магистра искусств в Париже в 1536 году: «Все доктрины Аристотеля ложны». На протяжении всей своей жизни он оставался яростным противником учения Аристотеля. Борьба с аристотелизмом была нелегкой задачей, ибо эта философия преобладала в университетах Европы, включая Виттенбергский, куда она вернулась под покровительством Меланхтона. В 1543 году Рамус опубликовал свои две крупнейшие работы *Aristotelicae animadversiones* и *Dialecticae institutiones*, написанные в прекрасном гуманистском стиле. Пражский университет осудил его работы, и через некоторое время Франциск I назначил комиссию для разбора полемики между Рамусом и его главным критиком Антониом Горейским (of Gogea). Комиссия осудила Рамуса за «поспешность, высокомерие и дерзость», а король утвердил приговор. Рамус оспаривал официально признанную непогрешимость логики Аристотеля, отдавая предпочтение риторике, обогащенной сочетанием логики с искусствами изложения и аргументации. На континенте взгляды Рамуса критиковались в большинстве университетов, однако они имели значительное влияние в Англии и американских колониях. После восхождения на престол Генриха II, благодаря протекции кардинала Лотарингского, Рамус получил должность «королевского лектора» в Наваррском университете. В 1562 году он оставил Католическую церковь и стал кальвинистом. Десять лет спустя он поплатился за свое инакомыслие и отступничество, став одной из жертв Варфоломеевской ночи.

Величайшим литератором той эпохи, а по словам некоторых, и всех времен, был утонченный светский интеллектual Мишель де Монтень (1533—1592). Монтень был отпрыском богатой семьи из Бордо и воспитывался у искусных наставников и преподавателей. Семь лет он учился в Гиенском (Guyenne) университете, затем потратил два года на логику и диалектику в Бордо, а прежде чем включиться в общественную жизнь в качестве советника и члена парламента, изучал право. В возрасте тридцати восьми лет он удалился в фамильный замок Монтеней, где с 1571 по 1580 год писал свои *Опыты*. Полтора года он путешествовал по Эльзасу, Швейцарии, Баварии, Венеции и Риму, фиксируя события в своем *Дневнике*. Его провинциальная жизнь напоминала *via solitaria*, созерцательную жизнь вдали от базарных площадей, воспетую Петраркой, Садолето и другими гуманистами. Украшенный собранием классиков и компанией друзей-интеллектуалов, его светский образ жизни предвосхитил салоны восемнадцатого века. В мудрости и очаровании его сочинений сияет мимолетное качество, которое вероятно подразумевал Мэттью Арнолд, говоря о «печальном сиянии души».

Опыты представляют собой продолжительные изощренные рассуждения Монтеня, его воспоминания и опыт, приобретенный в жизни или полученный косвенно посредством чтения. Хотя главным героем книги является он сам, в ней отражены слабости и достоинства всего человечества. Очень рациональный, Монтень ясно осознавал ограниченность разума в разрешении великих жизненных вопросов. Задумываясь о разнообразии обычаев, этических и эстетических стандартов, обнаруженных в культурах Азии, Африки и Нового Света, он пришел к выводу об относительности подобных вещей и обусловленности культурой конкретного народа. Его скептицизм навлек на него обвинения в Пирроновом скептицизме. «Я вообще заметил, — насмешливо комментировал он, — что, встретившись с какой-либо проблемой, люди скорее готовы тратить свое время на поиски оправданий причины, чем на поиски истины... в этом отношении все столь неопределенно». Будучи молодым аристократом, он обнаружил, что неграмотным крестьянам и рыбакам часто свойственна практическая мудрость, которую в книгах не обнаружить. Человечные, остроумные, лаконичные и часто мудрые наблюдения Монтеня о состоянии челове-

чества ставят его в один ряд с лучшими гуманистами. Многие его мысли по поводу образования позднее имели серьезные последствия, а проницательность относительно ограниченности человеческого разума и порочности человечества выделяют его из числа многих горячих и наивных людей Возрождения. В этом отношении *Мысли* отмечают конец эпохи Возрождения.

Испания. Во время правления Филиппа II Испания переживала золотой век своей культуры. Второе дыхание обрел томизм, а литература свидетельствует о продолжении эразмической традиции. Широкой популярностью пользовались Лопе де Вега и Педро Кальдерон де ла Барка. Но именно несравненный Мигель де Сервантес (1547—1616), автор классического *Дон Кихота*, больше других послужил новому триумфу испанской литературы. Бессмертными стали имена Веласкеса и Эль Греко.

Расцвет испанской культуры стал интереснейшим феноменом, так как пришелся на период абсолютистских тенденций и инквизиторских репрессий. Вероятно, слава империи была источником вдохновения, так что впервые за свою историю испанцы ощутили культурное превосходство над остальными европейцами. В испанском искусстве и литературе развились сильные отечественные традиции, а испанские интеллектуалы заслужили новое уважение, проявляя большую предрасположенность к этическим, государственным и религиозным вопросам, чем к науке и философии. В следующем веке это величие постепенно пришло в упадок.

Англия. С полной уверенностью можно утверждать, что истинный Ренессанс в Англии начался при Елизавете. Более ранние культурные подъемы при Генрихе VII и Генрихе VIII, дни Латимера, Гроцина, Линакра, Коле, Мора и Эразма меркнут в сравнении с расцветом национального гения времен правления Елизаветы. Первая фаза была необходима для второй, и в обеих фазах итальянское влияние имело решающее значение. Его главными носителями были англичане, сами посетившие Италию, такие как граф Сюррей (Surrey) и сэр Томас Уайтт. Поэт и критик Елизаветинской поры Ричард Паттенгем (Richard Puttenham) писал: «Побывав в Италии, они познали благозвучную и благородную итальянскую поэзию и весьма усовершенствовали свое грубое домашнее воспитание». Итальянцы, прибывшие в Англию, такие как Полидор Вергилий привезли с собой лучшие литературные произведения Возрождения, а также изысканные манеры.

Новые усовершенствованные школы распространили образование среди большего числа англичан. В 1531 году сэр Томас Элиот в труде *Книга под названием «Придворный»* (*The Book Named the Governour*) соединил книжные устремления Вивеса и Эразма с представлением о «джентльмене» в духе Кастильона. Он настаивал на ренессансных принципах образования, латыни как живом языке, убеждал, что детям «придворных», или слуг общества, необходимы наставники, а также преподавание музыки, искусств и физического воспитания. Целью образования является распространение знаний, полученных от древних и употребляемых во благо обществу. В этой гуманитарной традиции величайшим английским педагогом Роджером Ашамом (1515—1568) написан *Школьный учитель* (*Schoolmaster*), опубликованный спустя два года после его смерти. Это был лучший английский трактат о классическом образовании, в котором подчеркивалась необходимость мягкости в обучении самых юных и воспитания «твердых», а не «живых умов». Ашам утверждал, что посредством обучения человек заочно и надежно приобретает за один год такой объем знаний, который обычно требует двадцать лет личного опыта. Образовательные теории и учебные программы, рекомендуемые таким выдающимся гуманистом Возрождения как Хуан Луис Вивес, были взяты на вооружение школами даже самых отдаленных северных областей. Распространение гуманизма из придворных кругов в более широкие слои населения подготовило путь светскому культурному обновлению при Елизавете. Существует связь между различными культурными процессами, которые достигли кульминации в конце века и получили окончательное развитие через десятилетия после смерти Елизаветы.

Морские похождения подданных Елизаветы, военно-морская победа над мощнейшей католической державой, укрепление национального духа и культурный всплеск в области литературы и искусств — взаимосвязь всех этих процессов с трудом поддается описанию, однако оживление и подъем очевидны во всех сферах жизни Англии, в том числе и в литературе. Непреходящие гениальные сочинения универсальны по своей сути и не ограничиваются национальными рамками. Тем не менее, именно Елизавета как символ британского величия, и героические деяния англичан ради интересов Англии возбуждали умы людей и приводили в движение перья писателей. Деятельный век побуждает людей мыслить эпическими категориями. Подобно тому как Возрождение подтолкнуло Бруни, Макиавелли и Гвиччардини к написанию великих хроник и повествований об итальянских событиях, те же гордость и патриотизм подвигли историков эпохи Тюдоров запечатлеть величие Британии в событиях прошлого, ныне представляющих славными.

Определенное ощущение судьбы, более глубокое, чем простой шовинизм и бахвальство, послужило возникновению этого нового исторического самосознания. Нравственно-педагогическая новелла Джона Лили *Эвфуэс и его Англия* (1580) при всей напыщенности и искусственности, которые сделали ее предметом многочисленных насмешек, способствовала появлению новой английской мистики и протестантской мифологии. Благочестивый Лили воспевал Англию как новый Израиль и избранный Богом народ, которому суждено нести Евангелие и исполнять Его волю. Директор Вестминстерской Школы Уильям Кемден опубликовал свою *Британию*, древнюю

географию всех графств Англии, призванную «воссоздать Британию в древности и древность в Британии». Этот жанр Возрождения, известный благодаря *Иллюстрированной Италии* Бьондо и *Иллюстрированной Германии* Цельтиса, помогал народу вновь открывать собственное наследие. Летопись правления Елизаветы, написанная Кемденом после ее смерти, свидетельствует, что он был больше чем просто хроникером. Другой исследователь древности Джон Стоу был столь страстным исследователем, что «подорвал свое здоровье, забросил дела и израсходовал все свои деньги», занимаясь исследованиями, так что в преклонном возрасте получил от короля Якова I разрешение просить подавания у церквей. Его благодетели давно забыты, зато имя Стоу известно до сих пор благодаря его *Обзору Лондона (Survey of London)*, ранней истории английской столицы. *Описание Британии* Уильяма Харрисона (William Harrison, *Description of Britain*) является наиболее выдающимся повествованием о елизаветинской Англии. Рафаэлю Холиншеду посчастливилось послужить Шекспиру своими *Хрониками*, содержащими имена, причудливо связанные с елизаветинским периодом.

История увлекла один из величайших умов эпохи. *История Генриха VII* Фрэнсиса Бэкона отличается подлинным литературным качеством и приобрела значительную известность. Однако наиболее выдающимся произведением того времени была несравненная *Всемирная история* сэра Уолтера Рэли, написанная за долгие годы тюремного заточения. Его предисловие проливает свет на исторические взгляды того времени. Слушая через тюремное окно мальчишек, споривших о недавних происшествиях, он задумался о том, насколько труднее иметь уверенность в событиях вековой давности. Распространенное мнение о цикличности истории, практическое соединение истории с философией, актуальность исторических уроков в повседневной жизни и современности — все это типичные представления эпохи Возрождения, заимствованные непосредственно из классических исторических теорий. Тот факт, что появление исторических произведений Шекспира (Король Джон, Ричард II, Ричард III, Генрих IV, Генрих V) датируется периодом между 1592 и 1600 годами, дает основание предполагать, что избранная им историческая тематика объясняется не только личными пристрастиями Шекспира, но также глубоким патриотизмом и интересом к династической истории Англии того периода.

Классические и итальянские образцы способствовали развитию *belles lettres*. Росло число различных переводов, некоторые из которых обрели долгую славу, как например, Чапменовская версия Гомеровской *Илиады*, перевод Харрингтона *Orlando furioso* Ариосто и переложение Фейрфаксом *Избавления Иерусалима* Тассо. Однако теперь классические формы наполнялись национальным гением. На смену религиозной поэзии пришла светская литература — ставшие популярными сонеты, лирика, оды, народные баллады и мадригалы. Изящный трактат сэра Филиппа Сидни *В защиту поэзии (Sir Philip Sidney, In Defense of Poesie)* отстаивал власть поэтического воображения над серыми и прозаичными ограничениями, наложенными на человека природой. По его словам, природа «отнюдь не столь красочна на земле, как ее изображают поэты, не так прекрасны ее реки, деревья не так плодovitы, цветы не так душисты, а равно и все прочее, что делает и без того любимую землю еще милей. Мир состоит из бронзы, а золотым его представляют поэты». Сидни представил замечательное подтверждение славы елизаветинской литературы. Его собственным шедевром стала *Аркадия*, представлявшая некоторое смешение средневековых и классических обстоятельств в пасторали о любви и рыцарстве и установившая высокий для того века стандарт. В своих сонетах он выразил собственные любовные переживания и способствовал популяризации сравнительно легкой итальянской поэтической формы. Творчество Сидни стало значительным для своего времени выражением нового идеала протестантского рыцарства. В последующие века олицетворением елизаветинской придворной культуры стали Релей и Эссекс, однако протестантские джентльмены времен Сидни видели культурного героя эпохи именно в нем.

Елизаветинские литераторы наравне с государственными мужами были озабочены преимущественно окружающей их реальностью. Воображаемый золотой век едва ли имел романтическую окраску. Литературные историки обычно датируют появление елизаветинской литературы изданием в 1579 году пасторали Эдмунда Спенсера *Календарь пастуха*. Спенсер получил образование в Кембриджском университете, пользовался покровительством графа Лестера, а в 1580 году отправился в Ирландию в должности секретаря вице-короля. Он прожил почти двадцать лет в окрестностях Корка, пока в 1598 году ирландские повстанцы под предводительством Тирона не сожгли его дом, вынудив его бежать в Англию. Приходясь другом сэру Уолтеру Релею, мюнстерскому деятелю, Спенсер пристально следил за событиями елизаветинской поры, несмотря на свое уединение в Ирландии. Его *Королева фей* является прекрасной поэмой того времени и свидетельствует о влиянии Тассо и Ариосто. Спенсер изображает времена, в которые рыцарство не было бездействующим сословием, и, населив свой мир такими рыцарями и леди, уносит читателя на ритмичных волнах поэзии в край эстетического удовольствия. Однако неверно толковать его поэтическую архаичность только в романтическом аспекте, ибо его легенды и рыцарская символика стали носителями духа нового времени в политике и религии. *Королева фей* действительно является шедевром, а Спенсер — в силу его преданности протестантской этике и его литературного значения — достойным представителем своего времени.

Немногие представители того времени сочетали в себе качества типичного джентльмена Возрождения, ели-

заветинского политика и делового человека, литературного гения и серьезного философа, как это удалось Фрэнсису Бэкону. В момент смерти Елизаветы этому придворному исполнилось всего сорок два года. Соперничество с серьезным правоведом сэром Эдвардом Коком, опала и суд за взяточничество произошли при Якове I, сам же он сформировался в елизаветинские времена, при ней опубликовал свои знаменитые *Эссе* (1597) и во многих отношениях был типичным представителем бесстыдного, агрессивного и богохульного круга, который составляли государственные мужи елизаветинской эпохи. Его мысли имели продолжительное влияние на общество и науку. Нравственные эссе Бэкона отражают практическую политическую мудрость, собранную путем трезвого наблюдения за елизаветинской политикой. Его мысли тяжеловесны, однако они содержат практический смысл, выражены кратко и легко клишируются. Подобно *Пословицам* Эразма, эссе Бэкона росли в числе — от десяти в первом издании до пятидесяти восьми в издании 1625 года. В преклонном возрасте он выразил свою гордость прошлым Англии, написав *Историю Генриха VII*, живое и талантливое повествование с описанием монарха.

Слава Фрэнсиса Бэкона всегда будет основана на его философских трактатах, которые внесли великий, хотя опосредованный вклад в возникновение современного научного метода. Еще студентом в Кембридже он осознал ошибочность и неэффективность методов, применявшихся в различных науках. Отдавая дань уважения Аристотелю как выдающемуся мыслителю, он резко выступал против засилья его философии. «Знания, которыми теперь обладает мир, — писал он, — особенно в отношении природы, не ведут к делам определенным и великим». На протяжении всей своей жизни Бэкон писал трактаты, некоторые из них, например *О развитии познания* (*On the Advancement of Learning*), обладают непреходящей ценностью. Его главная работа по естественной философии *Novum organum* (1620) написана латынью, языком ученых.

Философская критика Бэкона сводилась большей частью к тому, что люди чрезмерно заняты «развлечением, которое называют Истиной», и уделяют мало внимания практике. Он классифицировал «идолов», т.е. виды заблуждения или общие категории ошибок, в которые разуму свойственно впадать. Бэкон утверждал, что существует четыре ошибочных пути изучения природы. Первый вид заблуждения он определил как *племенных идолов*, обыкновенных для всего человечества. Ими может быть, например, склонность предполагать более сложный порядок вещей в природе, чем существующий в реальности, склонность к предвзятости суждений, готовность формулировать правило на основании нескольких событий и конкретизировать абстрактные мысленные конструкции. Ко второй, т.е. категории *пещерных идолов* относится умственная и физическая избирательность, например, склонность предпочитать древнее в ущерб современному или наоборот, тенденция преувеличения сходств или различий и т.д. К третьему классу, т.е. к категории *базарных идолов* относится подавление разума простыми словами. К четвертому классу принадлежат *театральные идолы*, то есть ошибочные стереотипы мышления, обусловленные традиционной идеологией или ложными способами демонстрации. Всем этим методам Бэкон противопоставил свой новый метод.

Наука по Бэкону в действительности представляет собой естественную философию, предметом изучения которой являются Бог, природа и человек, из которых для ученого наибольший интерес представляет природа. Он был твердо убежден в физическом характере законов природы; «формы», которые являются предметом изучения естественного философа, — это не абстрактные идеи, а высшие универсальные физические свойства. *Prima philosophia*, или высшая философия, стремится продемонстрировать единство природы, соединив в единую систему общие принципы различных наук. Эта философия подразделяется на три уровня, — опыт, или естественную историю, физику и метафизику. Новый метод был назван *индукцией*, которая стала нитью, ведущей разум через огромный лабиринт природы. При помощи естественной истории, т.е. опыта, путем наблюдения ученый собирает факты. Объясняя природу, человек должен следовать естественной и экспериментальной истории, переходя посредством индукции от частных наблюдений к общему принципу, надлежащим образом исключая, отвергая и устраняя ошибочные данные. Бэкон так и не применил свой метод на практике, не совершил собственных открытий, а потому не стал автором основного экспериментального метода современной науки. Тем не менее, его интеллектуальные достижения послужили вдохновению научной мысли и свидетельствовали о растущем интересе к природе.

Подлинный гений той драматической эпохи получил идеальное выражение в драматургии елизаветинской поры. Кристофер Марло начал писать в бурные годы, предшествующие Армаде. Марло вел разгульную, порочную жизнь, и в 1592 году был зарезан в таверне при ссоре, будучи всего двадцати восьми лет от роду. Его драмы отличаются такой же необузданностью и *terribilita* итальянского Возрождения, изображением сумасбродных страстей и жутких поступков. Его пьеса *Тамерлан Великий* (1589) повествует об азиатском властителе, поработанном гордыней и искушающем судьбу, неистовствуя против людей и Бога. В *Мальтийском еврее* (1589) он описал Макиавелли, смеющегося над религией как над «детской игрушкой» и утверждающего, что «нет греха, кроме невежества». *Доктор Фауст* (1588) является его наиболее известной пьесой, основанной на средневековой легенде о рейнском докторе, который продал свою душу дьяволу в обмен на знание и власть, которую оно дает. Все герои Марло, как елизаветинские авантюристы, выглядят более колоритными, чем это возможно в жизни.

У Марло были подобные ему, хотя менее талантливые современники. Из числа последних внимания заслуживает памфлетист, новеллист и драматург Роберт Грин (1560?—1592), живший немного дольше Марло, но не менее беспорядочно. Покинув Кембридж, он скитался по Италии и Испании и попал под влияние итальянского искусства. Эта беспокойная душа жила, как ей вздумается; Грин бросил жену и следовал принципу: «что выгодно, то уже неплохо». Свои пьесы он писал поспешно и не смог даже приблизиться к изяществу Марло. При этом он рискнул назвать молодого Уильяма Шекспира «дерзкой вороной, вырядившейся в наши перья», т. е. заурядным актером, осмелившимся взяться за профессию драматурга.

Шекспир приехал в Лондон, когда ранние пьесы Марло только начали ставиться. Он был падшим в его глазах сыном купца из Стратфорда, Шекспир женился на Анне Хатауэй (Anne Hathaway), бывшей на восемь лет старше его, когда ему было всего девятнадцать. Бедность и обвинение в охоте на господской земле побудили его уехать из Стратфорда и попытать счастья в Лондоне, где он в возрасте двадцати двух лет стал актером. Вхождение Шекспира в ряды драматургов было как нельзя более удачно. Начал он с комедий. Его первая пьеса *Бесплодные усилия любви* была сочетавшей возвышенный стиль и многословие сатирой на педантизм. *Комедия ошибок* была версией забавной, но лишенной глубокой мысли и ярких персонажей латинской пьесы. В пьесе *Сон в летнюю ночь* он изобразил сказочную страну эльфов и неуклюжих гномов. Популярность Шекспира росла, и наконец, сама королева Елизавета начала с удовольствием слушать его пьесы. Говорят, что *Виндзорские проказницы* были написаны им для развлечения королевы, пожелавшей видеть влюбленного Фальстафа.

После преждевременных смертей многих ведущих драматургов, с 1592 года и до конца века подмостки были буквально предоставлены в распоряжение Шекспира, и его пьесы этих лет вторили патристическому энтузиазму англичан. С 1601 по 1608 годы новая пессимистическая нота зазвучала в его «мрачных комедиях», таких как *Мера за меру*, *Конец — делу венец*, а также его трагедиях *Гамлет*, *Отелло*, *Король Лир*, *Макбет* и *Тимон Афинский*. В последние восемь лет он несколько смягчил свои пьесы, сгладив жесткий, трагический элемент и добавив долю терпимости и романтичности, соединив их в своих последних произведениях с разочарованием и ощущением бессмысленности в *Зимней сказке* и *Буре*.

Шекспир был мировым гением и превзошел всех прочих драматургов глубиной проникновения, новаторством, колоритностью своих персонажей, гибкостью и очарованием. Он стал кульминацией и итогом не только елизаветинского пробуждения, но и всего Возрождения. Главные темы ренессансного гуманизма обрели у Шекспира непревзойденное выражение. Взгляните, к примеру, какое великолепное поэтическое отражение обрели в монологе Гамлета (2-й акт, 2-я сцена) все споры Возрождения о достоинстве и ничтожестве человека:

«Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! Поступками как близок к ангелам! Почти равен богам разумением! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха? Мужчины не занимают меня, и женщины тоже, как ни оспаривают это ваши улыбки».

Шекспир гениален, однако его гений всегда был управляем. Он мог выпивать с умнейшими в Лондоне остряками в таверне «Русалка», однако приобрел землю под Стратфордом, где провел в покое и достатке свои последние годы. Там он и умер в 1616 году пятидесяти двух лет от роду. Даже Бен Джонсон, пьесы которого *Вольпоне*, или *Лиса* (1605), *Эписин*, или *молчаливая женщина* (1609), *Алхимик* (1610) и *Варфоломеевская ярмарка* (1614) отличаются высочайшей правильностью, не может равняться с Шекспиром в его сочувствии ко всему человечеству.

ИЗЯЩНЫЕ ИСКУССТВА

Реформация и Контрреформация бесспорно оказали влияние на изящные искусства, которые, в отличие от литературы, были более зависимы. В протестантских землях на севере изобразительное искусство переживало качественный и количественный упадок, несмотря на продолжающийся расцвет музыки. Католические земли пострадали первыми от строгостей Контрреформации, однако со временем маньеризм трансформировался в высокое барокко, стиль, выражавший новый религиозный энтузиазм католического возрождения.

Архитектура и искусство в протестантской Европе. Вернувшись из поездки в Кёльн, Лютер высказался лишь о плохой акустике огромного местного собора. Его поездка в Италию была поспешной и гораздо более краткой, чем поездка Эразма. И, подобно Эразму, он мог вернуться на север, не выразив ни малейших эмоций относительно чудес итальянского искусства. Однако Лютер отдал должное искусности мастеров и ремесленников и не возражал против религиозного искусства в церквях, если оно рассматривается как украшение и не становится предметом идолопоклонства. Когда Лютер узнал о разрушении радикалами религиозных статуй и витражей в Виттенберге в то время, когда реформатор укрывался в Вартбургском замке, он поспешил вернуться, чтобы остановить их. Этот инцидент выявляет опасность, которую представляет для религиозного искусства пуританская

составляющая протестантизма. Эта тенденция ярко проявилась в Цвингли, который был убежден, что художественное изображение Христа и святых само по себе является идолопоклонством, и подтолкнул население Цюриха к иконоборческому «очищению храма», в результате которого Великий Кафедральный собор лишили фресок и побелили. Кальвин был более терпим к церковному искусству, хотя предпочитал простоту. Анабаптисты не говорили ничего положительного и конструктивного относительно искусства.

Реформация в целом оказывала воздействие на архитектуру и искусство тремя путями. Во-первых, отношение реформаторов к искусству, особенно церковному, определяло его судьбу. Во-вторых, искусство отображало их религиозное учение. В-третьих, социальные, политические и военные события, носившие религиозный характер, влияли на благополучие самих мастеров и их искусства. Протестанты не имели потребности в новом архитектурном стиле, поскольку унаследовали гораздо больше чем требовалось церквей и часовен в столицах и провинциальных городах. По причине отказа от почитания святых и, особенно в кальвинистских землях, отказа от скульптурных образов, искусство ваяния резко пришло в упадок, уцелев только в католической Баварии и Австрии благодаря принесенному иезуитами итальянскому влиянию.

В первые годы Реформации художники еще процветали, однако они не оставили после себя нового поколения равных себе мастеров. Нюрнбергский гений Альбрехт Дюрер (1471—1528) стал верным последователем Лютера. Учение Лютера освободило его «от великого страха», после чего он жил и умер «добрым лютеранином». Обращение художника отразилось в его искусстве как тематически, так и стилистически. Будучи католиком, Дюрер, как никто другой из художников, являл северу ренессансный дух языческой древности. После своего обращения в Лютеранство, он практически оставил изображение светских сюжетов, за исключением научных иллюстраций, записок путешественников и портретов (Меланхтона и других), и почти совершенно отказался от «декоративного стиля», уделяя больше внимания религиозной тематике. Лирические и мистические элементы уступили место духовному мужеству в изображении Апостолов, евангелистов и страданий Христовых. Его стиль трансформировался от ослепительного великолепия и свободы к сдержанной, но удивительно выразительной простоте.¹⁶²

Ханс Бальдунг Грин умер в 1545 году. Ханс Хольбейн Младший, известный своими портретами Эразма, реформаторов и английских монархов, умер в Лондоне в 1543 году. Лукас Кранах, виттенбергский аптекарь, написавший множество портретов и групповых композиций и алтарных росписей для евангелических церквей, умер в 1553 году, не оставив равных себе преемников.

Архитектура и искусство в католической Европе. Дилетанты от всемирной истории предложили грандиозные объяснения культурных различий между севером и югом. Следуя их логике, холодная и суровая северная Европа олицетворяет мужское начало. Именно там процветает философия и теологическая наука, порождения практического ума. Южная Европа, теплая и нежная, символизирует женское начало. Подобные теории, сколь простые, столь же величественные, всегда находят себе приверженцев, но, к сожалению, они не учитывают того факта, что философия процветала в Афинах, Флоренции и Риме, а великие мастера живописи ван Дейк и Рембрандт — родом из Фламандии. Более прозаические факторы, а именно — церковное покровительство, теология, взаимодействие государства и церкви, иностранное владычество, репрессии Инквизиции, личная решимость и преданность, традиции, экономическое положение — все это дает более правдоподобные объяснения различий между католической и протестантской Европой. В случае с искусством эти различия весьма реальны и удивительны.

Политические и военные несчастья Италии оказали подавляющее влияние на Возрождение. Мастера оказались рабами местных и зарубежных деспотов, а не гражданами свободных государств. Такое отличие не было повсеместным явлением, ибо в свои лучшие времена Леонардо да Винчи служил семейству Сфорца, а Тициан, Веронезе и Тинторетто в то время процветали в республиканской Венеции. Тем не менее, политическое унижение Италии и Контрреформация привнесли в искусство и архитектуру очень важные перемены. Незамедлительным следствием холодной строгости и стыдливости Контрреформации стала порча лучших произведений Возрождения. В ватиканских апартаментах Борджиа нагота была одета. Папский двор нанял «художников задниц», чтобы прикрыть несколько обнаженных фигур в *Страшном суде* Микеланджело на стене Сикстинской капеллы. Скульптор Амманати (Ammanati), изваявший прекрасные обнаженные фигуры на фонтане Нептуна во Флоренции, публично покался в своем неблагоразумии.

Высокое Возрождение в искусстве, которое может быть отнесено к периоду между 1500 годом и смертью Рафаэля в 1520 году, сменило время беспокойств и неустойчивости, когда искусство обрело новый характер, свидетельствующий о разочаровании и неопределенности тех дней. Переход от классических стандартов и уравновешенности, присущих живописи Возрождения, к новому этапу заметен в поздних произведениях трех великих мастеров шестнадцатого века — Микеланджело, Тициана и Тинторетто. Все они утратили сдержанность периода

¹⁶² Эрвин Пановский, *Жизнь и творчество Альбрехта Дюрера* (Princeton, 1955), стр. 199. (Erwin Panofsky, *The Life and Art of Albrecht Dürer*.)

безопасности и свободнее выплеснули чувства в некоторых своих работах. Молодое поколение последовало их примеру, выражая глубокие и зачастую отталкивающие чувства грубым и откровенным образом. Стиль, возникший в последующие годы, называется маньеризмом.

Термин *маньеризм* неуклюж, однако именно такой и была эта эпоха, ибо мастера шестнадцатого века жили в переходный период между Возрождением и барокко. Они отчасти сохраняли элементы прежнего стиля, а отчасти направлялись к новому. Термин *маньеризм* указывает на эклектичность нового искусства, поскольку считается, что молодые художники работали, следуя *манере* позднего Микеланджело и Тициана. Идеи величайшего из историков искусства Джорджо Вазари (Giorgio Vasari), по всей видимости, превозносят эклектику. В своей незаменимой работе *Жизнь выдающихся художников, скульпторов и архитекторов* (1550) он щедро возносит хвалу столь различным художникам, что наводит на мысль о многозначности термина *belle maniere*. Однако маньеризм имеет и другое значение, а именно — чрезмерную необычность; работы многих художников отличаются искусственностью, претенциозностью. Гиганты этой эпохи — Микеланджело (1475—1564), архитектор Андреа Палладио (1518—1580), Тициан (около 1477—1576) и Тинторетто (1518—1598) — продолжили лучшие традиции Возрождения, видоизменяя их в собственные стили. Менее выдающиеся художники отличались эклектичностью и эмоциональной несдержанностью.

Отходя от стремления к правдоподобию в изображении природы, Пармиджанино (1503—1540) пытался выразить внутреннее эстетическое видение красоты, память о которой, как ему казалось, сохранилась в нем со времен, когда люди были еще соединены с божеством. Результатом был сознательно яркий и вычурный стиль. Например, в своей *Madonna del Collo Longo*, написанной около 1535 года, он изобразил мадонну с лебединой шей и изогнутым, змееподобным телом. Младенец Иисус имел длинные конечности и лежал на коленях Марии в неустойчивом положении. Странные фигуры изображены на фоне экспрессивных драпировок. Это был полный уход от естественного, классического, пристойного идеализма Рафаэля и Леонардо да Винчи. *Снятие с креста и Иосиф в Египте* Понтормо (1494—1557), *Моисей, защищающий дочерей Иофора* Иль Россо Фьорентино (Il Rosso Fiorentino), *Портрет юноши* Бронзино (1503—1572) — все эти работы обнаруживают причудливость, неопределенность, претенциозность и странное личное видение, которые собирательно названы маньеризмом.

Художественным стилем, наиболее характерно отразившим религиозное пробуждение Католической церкви, стало барокко. Барокко было порождением самого Рима. Когда после первых лет репрессий Контрреформации было все более очевидно, что Католицизм не сумеет вернуть половину Европы, безвозвратно завоеванную Протестантизмом, папство решило увековечить славу Католицизма в тех землях, где народ остался непоколебим. Папа Сикст V (1585—1590) сумел подчинить папские земли строгому контролю, претворив в жизнь указы Тридентского Собора и украсив Рим как гордую столицу возрожденного Католицизма. Он увеличил размеры Ватикана, построил Ватиканскую библиотеку и, наконец, завершил строительство собора Св. Петра. Возведение этой величественной церкви было начато в 1506 году по проекту Браманте. В 1547 году Микеланджело перенял руководство строительством, изменил проект здания и к моменту своей смерти окончил барабан купола собора. А затем, при Сиксте V, Джакомо делла Порта достроил купол. Примечательно, что массивные колоннады вокруг великолепной площади, балдахин и большая часть интерьера церкви являются творениями Джованни Бернини (1590—1680), великого мастера барокко.

Существует веский аргумент в пользу того, что стиль барокко создан универсальным гением Микеланджело, так как в его творениях можно обнаружить почти все элементы барокко, в том числе склонность к крупным формам. Художники и архитекторы барокко воплощали огромные замыслы, размеры их зданий и аркад зависели от максимально возможного объема средств. Классические формы производили впечатление солидности, стабильности, симметрии и законченности, а барокко провозглашает движение. Греческая колонна совершенна сама по себе, а концепция барокко гласит, что отдельная часть строения не может быть самодостаточной, но все должно быть взаимосвязано. Колонны приобрели извилистость и образовывали овальные своды. Разнонаправленные тенденции обуздывались жестким общим равновесием. Порядок преобладает над буйством. Все поверхности блистают яркими красками, изгибами линий и разнообразием форм. Художники барокко предпочитали библейские мотивы и классические аллегии с большим количеством человеческих фигур. Славные сцены телесного вознесения на небеса Христа или Девы Марии идеально сочетались с высокими потолками и сводами зданий барокко. Темы зачастую были обусловлены особыми акцентами контрреформационной теологии: усение богородицы, Мария царица небесная, процессия на праздник Тела Христова, правящий понтифик с ключами Петра в руках.

Прототипом церковей барокко была Иль Джезу, главная церковь иезуитов в Риме. Микеланджело предложил свой проект церкви, и возможно, что архитекторы действительно возводили ее после его смерти по его рекомендациям или даже по самому проекту. Джакомо Виньола (1507—1573) руководил строительством церкви, состоящей из туннелевидного нефа, скромного купола над центральной частью и ряда небольших капелл вместо обычных боковых приделов. Освещение через овальные отверстия и лучи света, струящиеся из-под свода, стали характерной чертой стиля барокко. Джакомо делла Порта (1541—1604) спроектировал фасад, ставший в после-

дующие века образцом для строительства церквей по всей католической Европе. Эскориал, великий дворец-монастырь короля Испании Филиппа II, и Лувр в Париже являются двумя архитектурными монументами, возведенными в этот период.

Среди многочисленных творений величайшего в Европе бароккального скульптора Джованни Бернини два особенно ярко демонстрируют влияние Католической Реформации на искусство. Первое — скульптура Бернини *Экстаз Св. Терезы*. Испанская приверженница мистицизма изображена в виде молодой женщины, теряющей сознание, когда стрела Божией любви пронзает ее грудь. Только Эль Греко (около 1548—1614) с его вытянутыми фигурами и яркими красками разделял такое понимание религиозного рвения, присущего испанскому благочестию. Другой работой Бернини является балдахин для престола Св. Петра в его соборе. Деревянный стул, некогда якобы принадлежавший самому Св. Петру, заключен под массивным балдахином, который, в свою очередь, поддерживают в воздухе четыре великих учителя Церкви, предположительно поддерживавших при жизни первенство папы. Спинку стула украшает изображение Христа, вручающего Св. Петру ключи Царства Божия. Над нею находится путти¹⁶³, несущийся по воздуху с папской тиарой и ключами от Царствия. На самом верху в виде голубя парит Святой Дух. Целиком произведение производит впечатление триумфа, присущего возрожденному Католицизму эпохи Контрреформации.¹⁶⁴

Музыка. Шестнадцатый век называют золотым веком музыки. Мастера фламандской школы, такие как Жан д'Окегхем (Jean d'Okeghem) (умер в 1495 году) и Якоб Обрехт (Jacob Obrecht) (умер в 1505 году), создали полифонию, введя технику повторения, когда голоса начинают не одновременно, а один за другим. Техника повторения сделала возможными гибкие и сложные полифонические рисунки. Музыка ученика Окенгема, талантливого композитора по имени Жоскен Дес През (Josquin Des Prez) (умер в 1521 году), подчеркивала выразительность аккомпанируемого текста благодаря сочетанию благозвучной симметрии и контрастов.

Двумя крупнейшими музыкальными центрами в Италии шестнадцатого века были Рим и Венеция. Наиболее известным музыкантом столетия, вероятно, был Джованни да Палестрина (около 1525—1594). Он пользовался всеми достижениями фламандских композиторов, и его стиль является образцом фламандской полифонической техники. Его музыка увековечила самые возвышенные импульсы Католической Реформации. Более сорока лет он служил в различных церквях Рима и стал композитором папского хора. Тридентский Собор объявил его сочинения официальным образцом для всех церковных композиторов. В Венеции фламандский музыкант Адриан Виллаэрт (Adrian Willaert) (около 1480—1562) стал хормейстером собора Св. Марка. Величайший венецианский композитор Джованни Габриэли (Giovanni Gabrieli) (1557—1612) создал уникальный концертный стиль, предполагающий наличие двух хоров и отдельные партии для вокалистов и инструментов в композиции. Он оказал влияние на таких выдающихся немецких композиторов как Якоб Ганди (Jacob Handi) (1550—1571) и Генрих Шюц (Heinrich Schütz) (1585—1672).

Величайшим музыкальным изобретением шестнадцатого века была опера. Вообще, техника полифонической музыки, призванная служить музыкальным истолкованием визуальных драматических сцен спектаклей, — переплетение сольных, хоровых и инструментальных партий — появилась в шестнадцатом веке. Рождение оперы соединило пристрастие итальянцев к визуальному искусству и любовь к музыке. С 1580 по 1589 год в доме графа Джованни дей Барди (Giovanni dei Bardi), богатого просвещенного аристократа, собиралась группа флорентийцев. Членами этой группы были Винченцо Галилей, лютнист, отец знаменитого астронома Галилео, поэт Оттавио Ринуччини (Ottavio Rinuccini) и музыканты Якопо Пери и Джулио Каччини (Jacopo Peri & Giulio Caccini). Изучая греческую драматургию, они пришли к выводу, что древние тексты представлялись публике посредством декламации, и были убеждены, что воздействие драматической поэзии можно усилить при помощи музыки. Первой оперой было произведение Пери *Дафнис* (Peri, *Dafne*) (1597). Его версия драматической поэмы Ринуччини *Эвридика* была исполнена в 1600 году на свадебном торжестве Марии де Медичи и короля Франции Генриха IV. Великий оперный композитор Клаудио Монтеверди (1567—1643) написал *Орфея* в 1607 году в Мантуя всего десятилетием позже *Дафниса*. Оперные театры исполняют это произведение и поныне.

Католические земли Империи, дворы Баварии и Австрии признавали музыкальное лидерство Рима. Композитор баварского двора Орланд де Ласс (Orlandus de Lassus) (около 1532—1594) из Фландрии, вероятно, был наиболее многогранным мастером своего времени. Его две тысячи произведений включают в себя светскую и духовную музыку почти всех видов: мадригалы, каноны, мотеты, мессы и магнификаты. Он был совершенно свободен от национальных предрассудков и использовал практически любые тексты: от сонетов Петрарки до стихов Ганса Захеса (Hans Sachs). Музыка — это межконфессиональный и международный язык. Лютер глубоко восхищался сочинениями швейцарского католика, композитора Мюнхенского двора Виттелсбахов (the Wittelsbach)

¹⁶³ Путти (*итал.* putti, мн. ч. от putto, букв. — младенец), изображения маленьких мальчиков (иногда крылатых), совмещающих в себе черты античных эротов и христианских ангелов. — *Прим. ред.*

¹⁶⁴ См. Джон Айвз Сеуолл, *История западного искусства*, изд. испр. и доп. (Нью-Йорк, 1961), стр. 665-677 о маньеризме шестнадцатого века; стр. 678-687 об истоках искусства барокко. (John Ives Sewall, *A History of Western Art*.)

Людвига Сенфла (Ludwig Senfl) (около 1492—1555), и даже написал ему письмо. Лютер называл музыку благороднейшим из искусств. Однажды он написал:

«Мне не нравятся те, кто презирает музыку, как это делают все фанатики, потому что музыка — это талант и дар Божий, а не человеческий. Она прогоняет дьявола и приносит людям радость, заставляет позабыть гнев, распушенность, гордость и прочие пороки. Я ставлю музыку сразу за теологией и воздаю ей высочайшую хвалу. Мы видим, что Давид и прочие святые излагали свои благочестивые мысли посредством ритма, рифмы и музыки, ибо в мирные времена правит музыка».¹⁶⁵

Лютер сам был талантливым музыкантом и написал, по меньшей мере, восемь оригинальных гимнов, наиболее известным из которых, конечно же, является «Твердыня наша — вечный Бог». Он также составил первую часть немецкой мессы. Кроме того, он написал духовные тексты на популярные германские народные мотивы. Общинное пение стало важной частью богослужения евангелической церкви. Лютеранский хорал, или общинный гимн, выражает веру и молитвы всех членов церкви. Музыка в поклонении вышла за пределы исключительного права только поющего священника или хора. В 1524 году вышел в свет первый сборник лютеранских гимнов. Невозможно рассматривать великие гимны Пауля Герхарда (1607—1676) и грандиозные творения Иоганна Себастьяна Баха (1685—1750) вне основанной Лютером евангелической музыкальной традиции. Среди величайших музыкантов евангелической традиции особого внимания заслуживают соратник Лютера Иоганн Вальтер, Леонард Лехнер, Ганс Лео Хасслер и Михель Преторий (Johann Walter, Leonhard Lechner, Hans Leo Hassler & Michael Praetorius).

Как мы отметили, Цвингли тоже любил музыку и вполне преуспел в этом отношении. Новое восприятие музыки Возрождения он усвоил, предположительно, у таких гуманистов, как Конрад Целтис; у гуманистов он перенял и глубокую неудовлетворенность церковной музыкальной практикой. Официально провозглашенный Цвингли радикальный принцип приемлемости только той литургической практики, которая заимствована из Писания, стал одной из особенностей Реформатской церкви. Побелка церковных стен в Цюрихе сопровождалась также ликвидацией органа. Однако спустя годы после смерти Цвингли музыка вернулась даже в Кафедральный собор; было введено общинное пение, был даже установлен орган. В Цюрихе музыка продолжала процветать наравне с изобразительным искусством, по меньшей мере, в светских кругах.

Кальвин отдавал предпочтение пению псалмов, а в 1562 году с одобрения Кальвина было опубликовано первое полное французское издание Псалтири. Французский поэт Маро (Marot) перевел около полтора псалмов и облек переводы остальных в стихотворную форму, а Теодор Беза завершил издание. В этом популярном песеннике стихотворные псалмы положены на мотивы популярных французских *chansons*. Он пользовался таким успехом, что был переведен на двадцать языков. Один из лучших кальвинистских композиторов Клод Гудимель (Claude Goudimel) (1505—1572) несколько раз издавал ноты для Псалтири.

Реформация и наука

Американский историк человеческой мысли Карл Беккер (Carl Becker) однажды заметил, что мы, современные люди, неизбежно думаем обо всем в исторических и научных категориях. Научная революция, сделавшая свои первые шаги в семнадцатом веке, одержала абсолютную победу благодаря явному преобладанию над природой, и практически сделалась для западного мышления критерием истины. И взаимоотношения между Реформацией и наукой представляют собою интереснейшую историческую проблему. Почему современная наука и технологии стали социально значимой силой на западе, а не в других культурах? Почему в христианских странах, а не, скажем, в мусульманских? И почему все это так тесно связано с развитием Реформации?

Роль Протестантизма в становлении современной науки по-прежнему дискутируется современными историками. Французский протестантский историк девятнадцатого века Альфонс де Кандоль (Alphonse de Candole) заметил, что из девяносто двух иностранных членов, избранных в Парижскую Академию Наук с ее основания в 1666 году по 1866 год, протестантами были семьдесят один член, католиками — шестнадцать, а остальные пять — иудеями или без определенной религиозной принадлежности. Сравнив эту статистику с количеством европейских католиков (107 миллионов) и протестантов (68 миллионов) за пределами Франции, Кандоль сделал вывод, что достаточно выдающихся для избрания в Академию протестантов было в шесть раз больше, чем католиков. Статистика Лондонского Королевского Общества (основанного в 1662 году) по двум датам в девятнадцатом веке подтверждает его вывод, что протестанты опережают католиков по числу выдающихся европейских ученых. Дру-

¹⁶⁵ Эвальд Плесс, *Что говорит Лютер* (Сент-Луис, 1959), том 2, стр. 980. (Ewald Plass, *What Luther Says*.)

гие исследования обнаруживают в Англии семнадцатого века взаимосвязь между Пуританством и наукой. Никто не может опровергнуть преобладание протестантов среди ученых после 1640 года. Лютеране, англикане и преимущественно кальвинисты совершили больше научных открытий, чем католики, и оказались более гибкими, применяя эти открытия в жизни. Более того, более суровые кальвинисты внесли пропорционально больший вклад в науку, чем англикане, а после умершего в 1630 году Иоганна Кеплера и вплоть до девятнадцатого века лютеране не дали миру ни одного ученого мирового масштаба, за исключением Лейбница и Линна.

Эти обстоятельства, в отношении которых между историками существует значительная доля согласия, породили множество спекуляций о связи религии и развития современной науки. Была ли это лишь неспособность разобщенных протестантов, в отличие от католиков, сдерживать развитие науки? Прав ли был социолог Макс Вебер, предположив в 1905 году, что Кальвинизму присущ эмпиризм, являющийся обязательным элементом научного метода? Или же эти факторы не имели никакого отношения, либо, в лучшем случае, имели косвенное отношение к религии? Связана ли ситуация после 1640 года с проблемой *истоков* современной науки, ведь научный прогресс начался именно после 1640 года, когда были реально завершены труды Галилея, Харвея и Декарта? Конечно же, невозможно рассмотреть здесь все аргументы или даже достаточное количество фактов. Однако имеет смысл помнить об этих важных вопросах во время нашего беглого обзора развития науки после Реформации.

Причинами непропорционально большого числа протестантских ученых, как минимум после 1640 года, некоторые историки называют: (1) определенное созвучие между ранней протестантской этикой и научным подходом в критическом отношении к вопросам авторитетности и духовного индивидуализма, (2) определенная общность между абстрактными элементами протестантской теологии и современными научными теориями, например антииерархичность концепции священства всех верующих и идея о человеке как микрокосме в великом макрокосме, и (3) применение науки поздними кальвинистами, особенно английскими пуританами, для достижения своих религиозных целей, поскольку они считали своим долгом изучение природы, а научные исследования полагали добродетелью, полезной человечеству, и даже считали, наравне с материальным процветанием, успехи в науке признаком избранности человека ко спасению.

Лютера зачастую называют Коперником теологии, а Коперника — Лютером астрономии. Отождествление религиозной реформы и научной революции очень старо. Томас Спрат (Thomas Sprat), англиканский священнослужитель и один из первых членов Королевского Общества, свидетельствовал о

«...согласии между современным устройством Королевского Общества и нашей церковью в ее начале. Обе организации одинаковым образом понимают слово Реформация — одна использует его в религии, а другая относит к философии... Обе избрали одинаковый способ ее реализации: каждая пренебрегает испорченными образцами и за советом обращается к совершенному оригиналу, одна — к Святому Писанию, а другая — к великой силе творения. Обе несправедливо обвиняются врагами в одинаковых преступлениях — забвении древних традиций и склонности к новизне. Обе в равной степени учитывают возможные ошибки своих предшественников, однако сохраняют достаточную меру уважения к ним. Обе следуют великой заповеди Апостола все испытывать. Такая гармония существует в их интересах и характерах».¹⁶⁶

Сам Лютер был убежден, что мир видит зарю нового дня, в котором не только будет реформирована религия, но также изменится отношение к природе. Он критиковал схоластическую философию, неоплатоническую космологию (хотя в своих комментариях на Книгу Бытие он использовал понимание человека как микрокосма) и книжность гуманистов. Все они оказались неспособны серьезно отнестись к природе и ценить ее так же глубоко, как учения о сотворении и о воплощении ради оправдания. В одной из своих *Застольных бесед* он поделился своим пониманием и между прочим сделал выпад в адрес Эразма:

«Мы находимся на заре новой эры, потому что начали восстанавливать познание внешнего мира, утраченное нами при грехопадении Адама. Теперь мы внимательно рассматриваем творение, а не так, как при папстве. Эразм равнодушен, его не интересует, как из завязи развивается плод. Но, по благодати Божией, мы уже видим в хрупком цветке чуда благости и силы Господней. В Его творениях мы видим силу Его слова. Он сказал, и стало. Смотрите, какая сила проявляется в косточке персика. Она твердая и жесткая, а окружающая ее завязь нежна и мягка, но когда настает время, косточка раскрывается, чтобы выпустить молодое растение, которое Бог призвал к жизни. Эразм все это пропускает, ничего не замечая, смотря на предметы внешнего мира, как баран на новые ворота».

Этот библейский натурализм Лютера имеет общую природу с «готическим» натурализмом Св. Франциска, который признается важным идеологическим фактором в возникновении францисканской физики тринадцатого и

¹⁶⁶ Томас Спрат, *История Лондонского Королевского Общества по сбору природных сведений* (Лондон, 1667), стр. 371 (указана как 363 из-за опечатки). (Thomas Sprat, *The History of the Royal Society of London.*)

четырнадцатого веков.

Реформационная теология усугубила определенные центристские взгляды на природу, присущие иудео-христианскому (и «еретическому» мусульманскому) западу, и способствовала появлению предпосылок, необходимых для естествознания на его начальном этапе. Догмат о сотворении Богом вселенной из ничего (*creatio ex nihilo*, понимание, относящееся к раввинистическим комментариям времен Маккавеев) подчеркивает качественную пропасть между Богом и творением. Живые существа не являются продолжением или эманациями личности Бога, а потому чужды Его божественной природы и подлежат изучению без всяких табу. Божие повеление «владычествовать» над всеми живыми существами утверждает превосходство человека над природой. Исследователь вдохновляется мыслью о том, что «разумный Бог» является автором как законов природы, так и человеческого разума. Западное мышление, воспитанное на юридических идеях римского и канонического права, а также на законах экзегетики и герменевтики, легко вникает в законы естествознания. Когда экспериментальная практика была соединена с рациональным объяснением, предпочтительно выраженным математическим языком (здесь важную роль сыграло эллинистическое наследие), то соединились составляющие, необходимые для рождения науки. Научное мышление, описанное философом Альфредом Нортум Уайтхедом (Alfred North Whitehead) как страстное стремление «применить логику к упрямым фактам», многим обязано этому культурному наследию, которое Реформация реанимировала в религиозной сфере.

Лютер и Кальвин под «философией» понимали совокупность человеческих наук. Они были убеждены, что естественный мир является предметом исследования разума и покоряется его пытливой силе. Святое Писание является для человека носителем слова Божия, а не учебником естествознания. Главные реформаторы не были библейскими буквалистами, и очевидный конфликт между словом Божиим и естествознанием они обычно разрешали на основании «теории двойной истины», посредством концепции плюрализма мнений, т. е. двух разных уровней знания, божественного и естественного. При этом они считали законным опровержение научных теорий цитатами из Писания.

Лютер был вполне открыт для подлинно научных достижений эпохи и выражал свой восторг механическими изобретениями тех дней. Германия была гостеприимна к наукам. Георг Агрикола исследовал технологии добычи руды и металлургию вплоть до 1555 года. Математик и географ Себастьян Мюнстер в Германии выдвинул свою *Космографию* (1544). Жерар Кремер (Меркатор) (Gerard Kremer [Mercator]) из Рюппельмонда (Ruppelmonde) во Фландрии, известный своей большой картой мира, опубликованной в 1539 году, поступил на службу к Юлих-Клеве и сделал Дуйсбург настоящим центром географических исследований. Лютер по меньшей мере однажды упомянул об открытии Нового Света и писал в 1522 году, что «недавно было открыто большое число островов и земель, которым эта (Божия) благодать не открывалась в течение полутора тысяч лет». Лютер критиковал невежество астрологов, но был вполне готов принять заключение астрономов, что Луна является малейшим и низшим из светил. Он предположил, что, называя солнце и луну «великими светилами», Писание просто принимает обыденный взгляд человека на вещи. Если бы Кальвин последовал тем же путем, то предотвратил бы конфликт вокруг гелиоцентрической теории Коперника. Однако конфликт имел место во второй половине шестнадцатого века и стал известен как скандальное дело Галилея.

В 1543 году были изданы две наиболее важные книги современности, *О строении человеческого тела* фламандского анатома Везалия и *Об обращении небесных сфер* польского астронома Николая Коперника. На основе собственных вскрытий трупов Везалий выявил ошибки Галена, считавшегося со второго века от Р. Х. величайшим авторитетом в анатомии. Это смелое начало было продолжено в семнадцатом веке важными успехами физиологии, основанными на дальнейших исследованиях и лабораторных экспериментах. В 1628 году книга Уильяма Харви *О движении сердца и крови* (William Harvey, *On the Movement of the Heart and Blood*), основанная на лабораторной работе, включавшей вскрытие живых животных, засвидетельствовала о постоянной циркуляции крови в артериях и венах. Итальянский ученый Марчелло Мальпиджи (Marcello Malpighi) воспользовался преимуществом изобретенного микроскопа и подтвердил в 1661 году теорию Харвея, обнаружив систему капилляров, соединяющих артерии и вены. Голландец Антон ван Левенгук открыл при помощи микроскопа бактерии, кровяные шарики и сперматозоиды. Наука стала поистине международным делом. Пока одни ученые исследовали через микроскоп бесконечно малое, другие изучали великую вселенную наверху, через некоторое время при помощи телескопа.

Гелиоцентрическая теория Коперника была наиболее сенсационной и перспективной гипотезой, поскольку радикально переворачивала освященный веками космический порядок. Как заметил Ницше, со времен Коперника человек неотвратимо утрачивает положение центра вселенной. Выводы теории Коперника противоречили положениям, дорогим сердцу как реформаторов, так и гуманистов. Более того, теория Коперника оспаривала авторитет александрийского астронома второго века Птолемея, изобразившего космос геоцентричным. Согласно Птолемею, центром вселенной является земля, окруженная многими прозрачными хрустальными сферами, каждая из которых несет на себе одно из светящихся небесных тел, вращающихся вокруг земли. Ближайшей к земле была Луна,

затем Меркурий, Венера, Солнце, остальные планеты и, наконец, внешняя сфера, несущая неподвижные звезды, величественно окружающие Землю, подобно украшенному драгоценностями занавесу. Космос Аристотеля был еще проще космоса Птолемея, потому что он даже не пытался математически объяснить разницу в яркости свечения планет и их размеров в ближайших и наиболее удаленных от земли точках при их вращении, по его предположению, вокруг нее. Престиж и авторитет Аристотеля были столь велики, особенно в университетах, что любая теория, оспаривающая его космологию, неизбежно встречала жесточайшее противодействие.

Коперник родился в Польше в германо-польской купеческой семье, но его дядя был высокопоставленным церковнослужителем и образованным человеком. Коперник учился в итальянских университетах, где повстречался с платоником Новарой и другими, подвергавшими сомнению греческие измерения земной широты и математическую точность наблюдений Птолемея. Возвратясь на север, Коперник продолжал изучать небеса и осознал, что вращение планет вокруг Солнца, вместо Земли, значительно упрощает математические вычисления, оправдывающие их наблюдаемое движение. Теоретический подход, а также доверие древним пифагорейцам побудили его выдвинуть гипотезу о том, что центром вселенной является Солнце, вокруг которого вращаются неподвижные звезды и планеты, а среди них и Земля. Гелиоцентрическая теория позволила ему устранить некоторые циклы и эпициклы, введенные с целью поддержания модели Птолемея.

В своем вступительном посвящении папе Павлу III Коперник написал, что среди «наиболее выдающихся и образованных людей», проявивших интерес к его работе, были лютеране. Вероятно, Коперник закончил рукопись своей главной работы уже в 1530 году. Среди его друзей ходил манускрипт *Commentariolus*, написанный Коперником в первом десятилетии века и содержащий краткое изложение его идей. Осенью 1539 года протестант Меланхтон по имени Георг Ретиций (Georg Reticus), Виттенбергский профессор математики, совершил поездку в Фромборк, где Коперник служил каноником в кафедральном соборе, чтобы проконсультироваться у великого астронома. Он пришел к убеждению, что Коперник прав, и опубликовал доклад о теории астронома, который, по словам Меланхтона, «остановил Солнце и привел в движение Землю». Ретицию было поручено опубликовать великий труд. Лютеранский теолог Озиандер написал доброжелательное, хотя осторожное, предисловие, а теолог Каспар Крюцигер (Caspar Cruciger) и математик Эразм Рейнгольд (Erasmus Reinhold), коллеги Лютера, открыто выступили в защиту его теории. Рейнгольд даже опубликовал основанные на ней астрономические таблицы.

Сам Лютер лишь однажды пренебрежительно высказался в одной из своих беспорядочных *Застольных бесед*. Кто-то упомянул о некоем новом «астрологе», который пытается доказать, что движется Земля, а не Солнце и Луна, и утверждает, что верящий в обратное напоминает человека, который плывет в лодке и думает, будто он стоит на месте, а движутся берег и деревья. В наши дни, ответил Лютер, всякий, желающий быть умным, не довольствуется мнениями других, а непременно представляет свое собственное, «подобно этому человеку, который пытается перевернуть всю астрологию вверх дном. Но даже если в замешательство приведена астрология, — лично я доверяю Святому Писанию, ведь Иисус Навин приказал солнцу остановиться на месте, а не земле». Больше Лютер не возвращался к этому вопросу и, разумеется, не предпринял никаких репрессивных действий. Меланхтон, конечно же, защищал точку зрения Аристотеля и употреблял против Коперника аргументы из Писания. Кальвин, очевидно, не был знаком с теорией Коперника, и единственное негативное замечание, часто ему приписываемое, является ложным.

На протяжении первых пятидесяти лет после 1543 года противостояние теории было достаточно сильно. Однако после Кеплера и Галилея ни один сведущий человек не мог по-прежнему поддерживать «здравомысленные» наблюдения о восходящем солнце, и противиться новой теории могли только упорные мракобесы. Но все же новая теория требовала столь радикального пересмотра представлений, что медлительность в этом вопросе вполне понятна. Тихо Браге (1546—1601), ведущий специалист по определению местоположения и движения небесных тел в десятилетия, последовавшие после смерти Коперника, не принимал его систему целиком. Его ассистент и преемник Иоганн Кеплер (1571—1630) принял и усовершенствовал ее, доказав, что орбиты планет имеют эллипсоидную форму. Его восхищала таинственная гармония математических форм, а обнаруженная им взаимосвязь между математикой и наблюдаемыми астрономическими феноменами доставляла ему не только радость, но также весьма помогала в тщательном составлении гороскопов для императора.

Галилео Галилей (1564—1642) сконструировал в 1609 году телескоп и разглядел, что Луна вовсе не является шаром, а покрыта кратерами, долинами и горами, Солнце имеет пятна, планеты объемны, а у Юпитера есть спутники. Он был убежден, что звезды находятся на неисчислимо далеком расстоянии от Земли. Галилей разработал концепцию инерции, согласно которой предметы находятся в покое или участвуют в общем движении и приходят в самостоятельное движение только под воздействием внешней силы. Он развивал методы исследования, созданные францисканцами в четырнадцатом веке. Разногласия Галилея с инквизицией, его последующее отречение и домашний арест были вызваны академическим консерватизмом и личной враждебностью католических теологов к его взглядам.

Незаменимым языком науки, особенно астрономии и физики, которые долгое время затмевали прочие дис-

циплины, была математика. Шестнадцатый и начало семнадцатого века были отмечены серьезными успехами в этой области. Николо Тартаглия (Niccolo Tartaglia) (1500—1537) решил первое кубическое уравнение и применил коэффициенты, значительно опередив, таким образом, индусов и мусульман в их достижениях. Другой итальянский математик Джироламо Чардано (Girolamo Cardano) (1501—1576) разработал теорию чисел и алгебраический синтез. Симон Стевен (Simon Stevin) из Брюге способствовал появлению десятичной системы. Шотландец Джон Нейпьер (John Napier) (1550—1617) открыл в 1614 году логарифмы. Видный французский философ Рене Декарт (1596—1650) способствовал появлению в будущем координатной геометрии. Этим успехам сопутствовало появление теории вероятности Паскаля и разработка дифференциального и интегрального исчисления одновременно Ньютоном в Англии и Лейбницем в Германии. Точность и сложность количественных измерений, достижимых благодаря такому прогрессу, является незаменимым элементом современного научного развития.

В этот период были сделаны и другие крупные физические и химические открытия. Врач королевы Елизаветы Уильям Гилберт (William Gilbert) (1540—1603) описал в своей книге *О магните, магнитных телах и Земле, как великом магните* теорию магнетизма и электричества, основанную на его личных лабораторных экспериментах. Он обусловил вращение Земли ее магнетизмом. Своей оригинальностью гордился заблуждавшийся швейцарский доктор Парацельс (1493—1541). «Ибо как Авиценна был лучшим врачом среди арабов, — хвалился он, — Гален среди жителей Пергама, а Марсилиус среди итальянцев, так и наисчастливейшая Германия избрала меня своим несравненным целителем!» Он проводил эксперименты с жертвами несчастий в шахтах и испытывал лечение новыми лекарствами, средствами «науки», называемой астрохимией. Его величайшим вкладом, вероятно, являются демонстративные нападки на прежние авторитеты, как например, когда он осмелился сжечь книгу Галена во дворе Базельского университета. Фламандский доктор Жан Батист ван Эльмон (Jean Baptiste van Helmont), несмотря на свои предрассудки и педантизм, преуспел в медицинской химии больше Парацельса. Он изобрел термин «газ», открыл двуокись углерода и произвел основополагающие наблюдения за свойствами и поведением газов. Швейцарский биолог Конрад Геснер (1515—1565) внес вклад в систематическое изучение и классификацию растений и животных. Германский ботаник Леонард Фухс (Leonard Fuchs) (1501—1566) составил словарь ботанических терминов и собрал интересную коллекцию гравюр на ту же тему. По мере приближения семнадцатого века и оформления возрастающего объема знаний в новые научные теории, на сцену вышли такие гении как Евангелиста Торричелли, Кристиан Уйгенс, Отто фон Герике (Evangelista Torricelli, Christian Huygens, Otto von Guericke) и несравненный сэр Исаак Ньютон (1642—1727). Стремительно росла вера в способность человека покорить природу. Вполне понятен восторг Александра Поупа, в восемнадцатом веке рассуждавшего о красоте системы Ньютона:

Природа и ее законы лежали скрытыми во тьме,
Но Бог сказал: «Да будет Ньютон», — и светом стало все.

Была ли Реформация важна для становления современной науки? Вполне очевидно, что конфликт теологии и науки, порождавший подавление науки, едва ли имел место, да и сама оппозиция науке едва ли была возможна. Академический консерватизм, вероятно, составлял не меньшее препятствие, чем религиозный фанатизм. Укрепление религиозного плюрализма и теологических реформ постепенно привело к большей степени терпимости также по отношению к новым, неконформистским научным взглядам. Движущей силой в исследовании природы этими учеными было религиозное стремление людей открывать и восхвалять творение рук Божиих. По выражению Кеплера, они «помышляли вслед за Богом Его мыслями». Уже значительно позже Прусская Академия наук все же провозгласила своей целью «распространение Евангелия посредством наук». Английский пневматик Роберт Бойль (Robert Boyle) (1627—1691), экспериментально исследовавший вес воздуха и сформулировавший закон о том, что давление газа прямо пропорционально его плотности, заявил в своем завещании, что желает своим коллегам из Королевского общества

«...наилучшего успеха в их похвальных попытках выявить истинную природу деяний Божиих, и [молится] чтобы они и все остальные исследователи физических истин от всего сердца заботились в своих достижениях о славе Творца природы и благе всего человечества».¹⁶⁷

Вполне очевидно, что до 1640 года среди выдающихся ученых большинство были католиками, некоторые лютеранами и англиканами, и лишь немногие кальвинистами. Ни одному вероисповеданию не принадлежит первенство в зарождении науки. Еще не существовало в жизни отдельной «протестантской этики». Конечно же, мож-

¹⁶⁷ Он даже опубликовал книгу под названием *Превосходство теологии в сравнении с естествознанием* (Лондон, 1674). (The Excellence of Theology, Compared with Natural Philosophy.)

но утверждать, что эмпирический подход к науке позднее, в семнадцатом веке, был порожден пуританским аскетизмом, однако при этом очевидно присутствие и других факторов. Интерес к изобретениям и практическим открытиям был вызван преимущественно экономической необходимостью — активной морской торговлей в Нидерландах и Англии, горными разработками в Империи, войнами и повсеместными болезнями. Экономический и политический регресс Южной Европы относительно с Северной и Западной Европой и Великобританией привел также к сокращению ее роли в науке.

Должное внимание не было уделено одному из последствий Реформации, повлиявших на подъем науки. В отличие от жаркой религиозной полемики, изучение природы представлялось безопасным и неполемичным, своеобразной нейтральной зоной, в которой люди могли забыть о своих теологических разногласиях. Предлагая знание, которое удовлетворяет интеллектуальные и эмоциональные запросы и выглядит определенным, надежным и бесспорным, наука предлагала с одной стороны удаление от догматизма, а с другой — от скептицизма. Едва ли можно обвинять людей семнадцатого века в их неспособности предвидеть споры, вызванные теорией Дарвина двести лет спустя, и кто из очарованных Ньютоновской физикой ученых восемнадцатого или девятнадцатого века мог предвосхитить Эйнштейна? Декарт признался в своем *Рассуждении о методе*, что гуманитарным дисциплинам предпочитает математику, потому что первые так и не сделали никаких выводов. Паскаль думал похожим образом и, как следствие, более предпочитал Архимеда. Томас Спрат написал в своей увлекательной *Истории Лондонского Королевского общества* об удовлетворении, доставляемом научными исследованиями, в которых «философские умы объединяются при помощи механических рук». Он писал, что естествознание является лучшим для изучения предметом, если желаешь свободно дышать воздухом. Политика и теология исключаются из обсуждения, потому что только природа может служить мирным, лишенным вражды развлечением. «Если бы к науке обратилось больше англичан, — писал Спрат, — то они бы перестали быть такими жестокими и догматичными, став более точными». Таким образом, пуритане действительно внесли особый, хотя и негативный вклад в научный прогресс. Наука, вероятно, стала порождением нового религиозного мышления, а не его родителем. Наука оказалась менее полемична, чем предполагалось, и в итоге не стала адекватной заменой религиозной веры, что создало еще одну проблему для современного человечества.